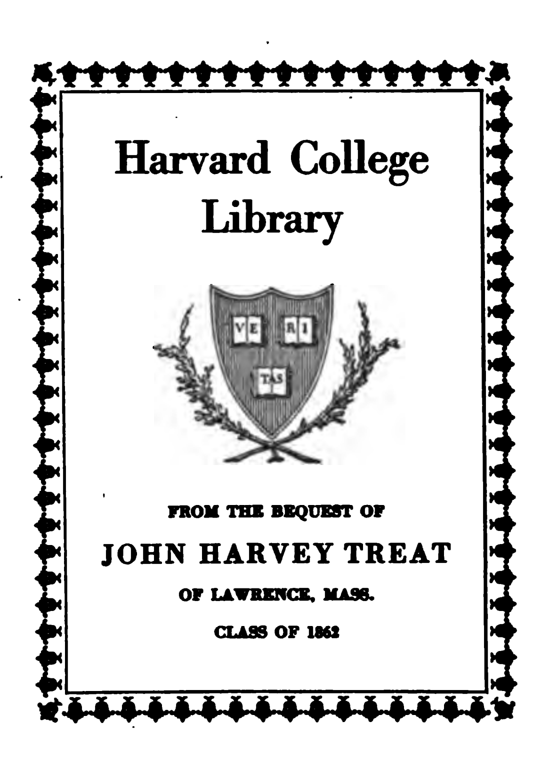
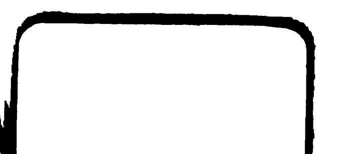
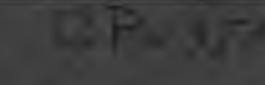
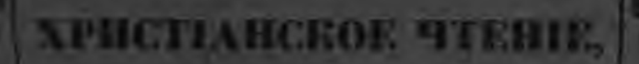

Harvard College
Library
VE
RI
TAS
FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

НА 1835 ГОДЪ

Часть третія

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1839.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу.
Ефес. 2, 20.

НА 1833 ГОДЪ
Часть третія.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И К°.
1839.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Мая 10 дня 1839 года.

Цензоръ, ***Академіи Баккалавръ, Соборный Іеромонахъ Евсевій.***

I.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕФРЕМА СИРІАНИНА

О блаженствахъ 20 главъ.

1. Блаженъ, кто ненавидитъ и презираетъ плотскую жизнь вѣка сего, и единственно печется о жизни своей въ Богѣ.

2. Блаженъ, кто съ ненавистью и презрѣніемъ смотритъ на гнусный грѣхъ, а любитъ единаго Бога, благаго и человѣколюбиваго.

3. Блаженъ, кто всегдашнею чистотою мыслей своихъ еще на землѣ уподобляется небесному Ангелу и подражаетъ Серафимамъ.

4. Блаженъ, кто непороченъ предъ Богомъ, святъ и чистъ отъ всѣхъ сквернъ, порочныхъ помысловъ и дѣлъ.

5. Блаженъ, кто о Господѣ всецѣло отрѣшился отъ всѣхъ дѣлъ суетной жизни сей.

6. Блаженъ, кто всегда представляетъ въ умѣ своемъ будущій страшный день, и спѣшитъ уврачевать раны души своей слезами.

7. Блаженъ, кто весь, подобно облаку, проникается слезами и непрерывно угашаетъ въ себѣ пламень злыхъ страстей.

8. Блаженъ, кто ходитъ путемъ заповѣдей Господнихъ, и всегда съ чистымъ расположеніемъ сердца находитъ себѣ пристанище въ вѣрѣ и любви.

9. Блаженъ, кто успѣваетъ въ благихъ нравахъ подвижнической жизни, и надѣется получить отъ Бога царство небесное.

10. Блаженъ, кто помнитъ страшную заповѣдь о праздномъ словѣ, и тщательно блюдетъ свои уста, чтобы не нарушить оной.

11. Блаженъ тотъ, чья душа орошается слезами по Богѣ, какъ новосажденное древо водою.

12. Блаженъ, кто насаждаетъ благія

сѣмена въ душѣ своей—добродѣтель и жизнь Святыхъ.

13. Блаженъ, кто насаждаетъ и напаяетъ свои растенія слезами и молитвами, дабы онѣ принесли плоды, пріятные Господу.

14. Блаженъ, кто какбы огнемъ пламенѣя любовію къ Господу, попаляетъ ею всякой нечистый помыслъ и всякую скверну души своей.

15. Блаженъ, кто добровольно содѣлывается землею тучною и плодоносною, приносящею доброе сѣмя во сто, тридцать и шестьдесятъ кратъ.

16. Блаженъ, кто по своему желанію содѣлался добрымъ сѣменемъ на полѣ,— сѣменемъ, которое посѣялъ Господь на полѣ своемъ.

17. Блаженъ, кто нашелъ драгоцѣнную небесную жемчужину, и продавши все земное имущество свое, купилъ оную.

18. Блаженъ, кто обрѣлъ сокровище сокрытое на полѣ, съ радостію продалъ все и стяжалъ оное.

19. Блаженъ, кто всегда помнитъ день

исхода своего, и старается съ готовностію и безъ страха встрѣтить оный.

20. Блаженъ тотъ, кто пріобрѣлъ дерзновеніе въ тѣ ужасныя и скорбныя минуты, когда разлучается душа съ тѣломъ. Тогда приходятъ Ангелы, дабы взять душу, и отдѣливъ ее отъ тѣла, поставить предъ престоломъ безсмертнаго и страшнаго Судіи. Великъ страхъ, братія, въ сей часъ смерти, когда разлучается душа отъ тѣла съ трепетомъ и мучительною скорбію. Въ сей часъ разлуки душѣ представляются всѣ ея дѣла, содѣянныя во время дней и ночей, добрыя и худыя. Ангелы нудятъ душу оставить тѣло, но она, видя дѣла свои, боится выдти изъ онаго. Душа грѣшника со страхомъ отрѣшается отъ тѣла, съ трепетомъ отходитъ, дабы предстать престолу безсмертнаго Судіи. Когда ей необходимо бываетъ отдѣлиться отъ тѣла, тогда она, взирая на свои дѣла,—объятая страхомъ говоритъ имъ: пустите, мнѣ нужно выдти изъ тѣла;—но грѣхи единогласно отвѣчаютъ душѣ: мы твое произведеніе, съ тобою пойдемъ и къ Богу.

Возлюбленные мои братія! возненавидимъ суету настоящей жизни, будемъ любить единаго Христа, Святаго, Искупителя душъ нашихъ. Братія! время кончины нашей намъ неизвѣстно; никто не знаетъ ни дня ни часа своего переселенія. Можетъ быть въ то время, какъ мы безпечно странствуемъ по землѣ и предаемся шумнымъ ея удовольствіямъ, вдругъ придетъ душѣ ужасное повелѣніе оставить тѣло,—и такимъ образомъ переселится грѣшникъ въ день и часъ, имъ неожидаемый, и его душа, обремененная грѣхами, не получитъ прощенія.

Посему умоляю васъ, возлюбленные, будьте свободны, не отдавайтесь въ рабство сей суетной, скоропреходящей жизни. Въ ней повсюду соблазны и смертныя сѣти. Вознесемся душею превыше ихъ. Злой духъ всегда скрытно разставляетъ сѣти сіи для души нашей, чтобы соблазнивъ ее, подвергнуть вѣчному наказанію. Возлюбленные! мы ходимъ среди соблазновъ: будемъ внимательны къ самимъ себѣ, дабы не впасть въ сѣ-

ти смертныя. Онѣ наполнены пріятностями,—но да не увлечется ими душа наша. Сіи пріятности состоятъ въ заботливости о земныхъ вещахъ, стяжаніяхъ, злыхъ мысляхъ и дѣлахъ. Братъ! не прельщайся пріятностію сихъ сѣтей, не увлекайся злыми мыслями. Если онѣ открыли входъ въ твою душу и услаждаютъ ее собою къ ея погибели; то уже и составляютъ для ней сѣть,—если молитва, слезы, воздержаніе и бдѣніе не изгоняютъ ихъ. Бодрствуй непрестанно, отрѣшись отъ всего земнаго, чтобъ избѣгнуть сихъ сѣтей, грѣховныхъ помысловъ и дѣлъ. Не позволяй ни на одну минуту худой мысли занять твое размышленіе, остерегайся, чтобъ она не осталась въ душѣ твоей. Прибѣгай всегда къ Богу въ молитвѣ, постѣ и слезахъ, дабы Онъ избавилъ тебя отъ всѣхъ сѣтей, соблазновъ и страстей. Не думай, что ты еще долго будешь жить на землѣ, и не обольщайся порочными мыслями и дѣлами. Кто знаетъ, можетъ быть, вдругъ пріидетъ повелѣніе отъ Господа, застанетъ тебя во грѣхахъ, и ты не

будешь болѣе имѣть времени раскаяться въ нихъ, а посему и получить прощеніе! Что же скажешь смерти въ часъ твоего пересселенія? Божіе повелѣніе не дастъ тебѣ и одной минуты времени остаться на землѣ. Сколько людей обѣщали себѣ долгую жизнь, но—внезапно постигла ихъ смерть! Она постигаетъ грѣшнаго богача, когда онъ назначалъ себѣ долгія лѣта и спокойную жизнь на землѣ, занимался счетомъ доходовъ и процентовъ и разлагалъ впередъ на многіе годы число богатства своего: — но вдругъ пришла смерть, и въ одно мгновеніе уничтожила всѣ расчеты, развѣяла богатство и заботы суетной жизни. Смерть постигаетъ и мужа праведнаго, который молитвою и постомъ собиралъ благое богатство неба, всегда имѣлъ ее предъ глазами, и потому безъ страха ожидалъ ея пришествія и своего разлученія съ тѣломъ. Ожидай и ты, возлюбленный, смерти, какъ мужъ разумный и духовный; ожидай оную всегда, каждый день,—ожидай разлученія съ тѣломъ и явленія предъ престоломъ Го-

сподникъ. Какъ мудрый мужъ, приготовляй всегда свѣтильникъ твой, ежечасно наблюдая за нимъ со слезами и молитвами. Попекись о семъ, доколѣ пребываешь въ безопасности. Придетъ время невѣрія, нерадѣнія, безпечности, жестокости, и ты среди такихъ смятеній не въ состояніи будешь размыслить о лучшемъ для тебя. Смотрите, возлюбленные, какъ всякое зло процвѣтаетъ, пороки со дня на день растутъ, развратъ увеличивается. Это предвѣщаетъ смятеніе и великую скорбь, имѣющую распространиться во всѣ концы земли. А все то ежедневно растетъ и процвѣтаетъ за наши грѣхи; наша безпечность причиною того, что зло умножается на землѣ. Посему будемъ бодрствовать, Боголюбезные подвижники, чтобы всегда одерживать верхъ надъ неутомимымъ врагомъ и научиться способу, вести съ нимъ духовную брань. Сей способъ состоитъ въ отчужденіи отъ всего земнаго. Возлюбленный! помни всегда смерть, и никогда не согрѣшишь; отрѣшись отъ земнаго, и во время войны не потерпишь

пораженія; отвращайся земнаго, презирай временное и возможешь, какъ отличный ратоборецъ, получить пальму побѣды. Когда земные предметы увлекають насъ къ себѣ—долу, и страсти во время сраженія помрачають очи сердца; тогда злой врагъ побѣждаетъ насъ: ибо мы преданы землѣ, пресыщаемся ею, и заботясь о земномъ, раболѣпствуемъ страстямъ. Возлюбленные! всѣ мы нынѣ любимъ земное, нашъ умъ погрязъ въ земномъ по причинѣ нашей безпечности. День уже склонился къ вечеру, время протекло, а мы по невѣрію нашему думаемъ, что еще лишь утро нашей жизни. Царство набесное при дверяхъ, а мы вовсе не хотимъ замѣчать послѣднихъ знаменій и чудесъ, которыя предрекъ Господь. Уже были глады, были землетрясенія, ужасы, брани, движенія народовъ, а мы о всемъ этомъ спокойно разсказываемъ другъ другу, какъ бы о какомъ нибудь сновидѣніи; мы ни-мало не трогаемся, когда и другіе говорятъ намъ о семъ, и когда сами собственными глазами это видимъ. Избранные собираются

прежде времени скорбей, чтобы не видѣть великихъ смятеній и бѣдствій, грядущихъ на неправедный міръ. Время жатвы приближилось; класы созрѣли; сей вѣкъ достигъ своего предѣла; Ангелы берутъ серпы, и ожидаютъ только мановенія. Убоимся, возлюбленные,—уже единонадесятый часъ дня, а путь нашъ еще весьма далекъ. Постараемся скорѣе идти по пути сему, будемъ бодрствовать, воздерживаться отъ сна, какъ бы мы не имѣли и нужды въ немъ. Мы не знаемъ, въ который часъ пріидетъ Господь всей земли; посему сбросимъ съ себя бремя попеченій земныхъ: ибо Господь сказалъ намъ, чтобы мы нисколько не заботились о землѣ. Онъ заповѣдалъ намъ одну взаимную любовь другъ къ другу:—но мы изгнали ее, и любви уже болѣе нѣтъ на землѣ; одинъ грѣхъ повсюду, одна несправедливость царствуетъ между людьми. Каждый сильно желаетъ земнаго, къ небесному питаетъ презрѣніе, о будущемъ никто не думаетъ. Хочешь ли быть достойнымъ неба? Разлюби и оставь съ презрѣніемъ блага

земныя, подвизайся какъ совершенный, ищи царства небеснаго. Не думай и не говори, брате мой, что подвижническая жизнь чрезвычайно трудна, а я слабъ и немощенъ, и не могу подвизаться. Выслушай, возлюбленный, полезный и благой совѣтъ, напечатлѣй въ твоей памяти слова мои. Если ты хочешь отправиться въ отдаленную страну, въ чуждое отечество; ужели думаешь кончить свой путь въ одно мгновеніе? нѣтъ, ты неиначе придешь туда, какъ подвигаясь впередъ мало помалу, минувъ многія пристанища, употребивъ много времени и труда. Такъ и царства небеснаго и райскаго наслажденія нейначе можно достигнуть, какъ постомъ, воздержаніемъ и бодрствованіемъ. Ибо, воздержаніе, слезы, молитва, бодрствованіе и любовь суть средства къ достиженію онаго. Не страшись начать благой путь, ведущій къ жизни. Пожелай только идти симъ путемъ—и уже найдешь въ себѣ готовность шествовать по оному,—самый путь уравняется предъ твоими стопами, и ты съ радостію и веселіемъ пойдешь

по нему. Шествіе сіе ежедневно будетъ укрѣплять силы души твоей, и ты на семъ пути ведущемъ къ небу, не встрѣтишь никакого преткновенія: поелику самъ Господь есть путь жизни для тѣхъ, которые желаютъ шествовать къ Отцу свѣтовъ.

Христе Спасителю мой! Ты содѣлался для меня путемъ жизни, ведущимъ къ Отцу. Сей только путь есть путь радости; конецъ его—царство небесное. Ты, Господи Іисусе, Сыне Божій, содѣлался для меня путемъ жизни и освѣщеніемъ; и я съ полнымъ желаніемъ почерпнулъ дары изъ Твоего источника. Твоя благодать содѣлалась въ сердцѣ раба Твоего свѣтомъ и радостію, сладчайшею меда и сота въ устахъ раба Твоего. Твоя благодать содѣлалась въ душѣ раба Твоего сокровищемъ; она обогатила бѣдность, изгнала убожество и нечистоту. Твоя благодать есть для меня прибѣжище и сила, величіе и слава, пища на цѣлую жизнь. Какъ умолчать рабу Твоему, Господи, о великой сладости Твоей любви и благодати?—Я отверзъ недостойныя

уста свои; но какимъ образомъ языкъ мой восхвалитъ по достоинству Подателя сихъ благъ?—Но опять какъ я дерзну остановить волны благодати, текущія въ сердцѣ грѣшника, исполненныя сладостію обильныхъ даровъ? И такъ, пою хвалу Господу небесъ, который обогатилъ небесными дарами раба своего; величаю благодать Твою, Христе Спасителю! Прославленіе ея прославитъ меня самаго. Не престанетъ языкъ мой исповѣдывать благодать Твою, Господи! Арфа моя неумолкно будетъ воспѣвать духовныя пѣсни. Любовь Твоя влечетъ меня къ Тебѣ, Спасителю, слава жизни моей! Благодать Твоя, услаждая душу мою, заставляетъ ее слѣдовать за Тобою. Да содѣлается сердце мое для Тебя землею благою, пріемлющею доброе сѣмя, и благодать Твоя да окропитъ оное росою жизни вѣчной; да пожнетъ она благіе снопы на землѣ сердца моего: сокрушеніе, поклоненіе, и освященіе— что всегда угодно Тебѣ. Обрати душу мою вмѣстѣ съ обрѣтенною овцею ко двору райскихъ сладостей. Да обрящет-

ся душа моя въ ономъ свѣтѣ. Ты поднялъ на рамена свои найденную Тобою погибшую овцу; привлеки же Твоею рукою и недостойную душу мою, и приведи ее къ всесвятому и безсмертному Отцу Твоему, чтобы и я со всѣми Святыми Твоими взывалъ въ райскомъ восторгѣ: Слава безсмертному Отцу, поклоненіе Тому, который даровалъ небесные дары ничтожному человѣку, дабы онъ принесъ драхму славы вѣчному Царю всяческихъ. Аминь.

II.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ О ЛАКТАНЦІИ.

Лукій Целій Лактанцій Фирміанъ, Христіанскій писатель четвертаго вѣка, родился въ Африкѣ. Еще въ молодыхъ лѣтахъ сдѣлавшись изъ язычника Христіаниномъ (*), онъ вступилъ въ школу *Арнобія*, знаменитаго тогда наставника въ краснорѣчіи (**), и при пособіи отличныхъ дарованій такъ воспользовался его уроками, что превзошелъ своего учителя. За красоту, чистоту и обиліе слова Лактанцій, по свидѣтельству Іеронима (***), наименованъ *Цицерономъ Христіанскимъ*. Въ послѣдствіи будучи вызванъ въ Никомидію для занятія публичной каѳедры краснорѣчія, Латинскій Риторъ не могъ найти между Гре-

(*) Lact. div. instit. VII. 27.

(**) Hieron. catal. Script. Eccles. 79.

(***) Hieron. catal. Script. Eccles. 180.

ками внимательныхъ слушателей и потому счелъ полезнѣйшимъ дѣломъ—заняться сочиненіями. Подъ старость Лактанцій вызванъ былъ въ Галлію, ко Двору Константина Великаго, который поручилъ ему образованіе своего сына *Криспа.* Симъ почти и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о жизни Лактанція. Нельзя однако не упомянуть о томъ, что наставникъ Кесаря жилъ въ большой бѣдности (*). Тронутый до глубины души несчастною кончиною своего воспитанника, онъ сдѣлался столько равнодушенъ ко всему внѣшнему, что ни въ чемъ не находилъ для себя нужды: однѣ размышленія составляли потребность для его духа.

Лактанцій болѣе извѣстенъ какъ писатель. Изъ сочиненій его самое лучшее и самое обширное: *Божественныя наставленія* (семь книгъ), написанныя въ защищеніе Христіанской Вѣры. Писатель предположилъ раскрыть въ семъ сочиненіи недостатки языческой религіи, обличить суемудріе защитниковъ

(*) Hieron. ibid.

ся и опровергнуть всѣ возраженія противъ истины Евангельскаго ученія. Читая оное, хотя можно было бы иногда пожелать болѣе основательности и критики, нежели краснорѣчія, и болѣе свѣдѣній въ Священномъ Писаніи и Христіанскомъ ученіи, нежели въ языческихъ древностяхъ и Философіи; нельзя однако не чувствовать уваженія къ благочестію и сердечной увѣренности въ истинѣ, одушевлявшимъ сочинителя.

Менѣе значительны сочиненія Лактанція: *о гнѣвѣ и милосердіи Божіемъ*, и *о Божіемъ зиждительствѣ* (de opificio Dei). Оба писаны особенно противъ Эпикурейцевъ, отвергавшихъ Промыслъ Божій.

Помѣщаемая вслѣдъ за симъ, въ переводѣ на Россійскій языкъ, книга *о гоненіи* (какъ называетъ ее Блаженный Іеронимъ) или *о смертяхъ гонителей* (какъ наименовалъ ее Валюзій, первый ея издатель) написана Лактанціемъ послѣ гоненія, начавшагося при Діоклитіанѣ въ 303, и кончившагося въ 313 году по Р. Х., когда Ликиній и Констан-

тинъ Великій, по смерти Максимина, сдѣлались обладателями Римской Имперіи. Цѣлію сочинителя было доказать, что всѣ Императоры, вооружавшіеся на Христіанъ, кончили жизнь бѣдственнымъ образомъ. Упомянувъ кратко о гоненіяхъ, бывшихъ при Неронѣ, Домиціанѣ, Декіи, Валеріанѣ и Авреліанѣ, Лактанцій особенно распространяется въ описаніи гоненія, воздвигнутаго Діоклитіаномъ. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ которыя входитъ повѣствователь, и въ силѣ языка, съ каковою онъ изображаетъ безразсудство и жестокость гонителей Христіанъ, иногда слишкомъ явно вы-казывается негодованіе современнаго наблюдателя происшествій; но мысль, что гнѣвъ Божій всегда караетъ враговъ Христовыхъ, постоянно управлявшая перомъ Лактанція, достойна Христіанскаго историка, долженствующаго быть проповѣдникомъ дивныхъ судебъ Божіихъ, совершившихся при устроеніи на землѣ Христовой Церкви.

Донатъ, для котораго Лактанцій написалъ сію книгу, былъ извѣстный въ

его время исповѣдникъ. Онъ девять разъ подвергаемъ былъ различнымъ истязаніямъ за имя Христово; провелъ болѣе шести лѣтъ въ темницѣ, и получилъ освобожденіе изъ оной не прежде, какъ уже въ концѣ царствованія Галерія Максиміана.

ныя души подъ небесными ударами и въ заслуженныхъ мукахъ, хотя поздно, но тяжко и достойно наказанные. Богъ медлилъ наказать ихъ для того токмо, чтобъ явить надъ ними великіе и дивные примѣры, изъ которыхъ бы научились потомки, что Богъ единъ есть, и что Онъ поражаетъ и праведно наказуетъ смертію гордыхъ, нечестивыхъ и гонителей. О таковой кончинѣ ихъ я рѣшился свидѣтельствовать, дабы сосланные въ дальнее заточеніе или наши потомки вѣдали, какъ Всевышній являлъ силу и величіе свое въ погубленіи и истребленіи враговъ имени своего. На сей конецъ я счелъ не безполезнымъ изложить, начиная съ основанія Церкви, кто были виновниками гоненій, и какими казнями карала ихъ строгость Судіи небеснаго.

2. Въ послѣднія времена (*) Тиверія Кесаря, какъ читаемъ въ Писаніи, Гос-

(*) Сіи слова должно разумѣть о лѣтахъ жизни Тиверія: ему было слишкомъ 69 лѣтъ, когда Іисусъ Христосъ былъ распятъ. Послѣ сего великаго событія онъ прожилъ только 8 лѣтъ.

подь нашъ Іисусъ Христосъ распятъ былъ Іудеями 22 Марта, во время Консульства двухъ Геминовъ. Воскресши въ третій день, Онъ собралъ своихъ учениковъ, которыхъ разсѣялъ страхъ, поразившій ихъ при взятіи Его; и проведши съ ними 40 дней, открылъ сердца ихъ, изъяснилъ имъ Писанія, которыя до сего времени были для нихъ темны и невразумительны, посвятилъ ихъ въ ихъ служеніе, далъ имъ наставленіе проповѣдывать вѣру и ученіе Его, и постановилъ правила касательно торжественнаго Новозавѣтнаго благоустройства. Когда все сіе было кончено, бурное облако объяло Его, и сокрывъ отъ взора людей, вознесло на Небо (*). Послѣ сего ученики, которыхъ тогда было одиннадцать, взявъ, на мѣсто предателя Іуды, Матѳія и Павла, разсѣялись по всей землѣ для проповѣданія Евангелія, какъ повелѣлъ имъ Учитель ихъ Господь, и

(*) Священное Писаніе не упоминаетъ о бурѣ: это, очевидно, цвѣтки Лактанціева витійства. См. Дѣян. 1, 9.

въ продолженіе 25 лѣтъ, до царствованія Нерона, положили основанія Церкви во всѣхъ областяхъ и городахъ. Во время владычества Нерона Петръ пришелъ въ Римъ (*). Силою самаго Бога, по данной ему власти, онъ произвелъ нѣкоторыя чудеса, обратилъ оными многихъ къ правдѣ, и основалъ Богу вѣрный и твердый Храмъ. Когда донесли о семъ Нерону, и онъ замѣтилъ, что не только въ Римѣ, но и повсюду весьма многіе отпадаютъ ежедневно отъ служенія идоламъ, и, оставляя древнюю религію, переходятъ къ новой; то сей окаянный и злой тираннъ устремился на разрушеніе небеснаго Храма и истребленіе правды, и—первый гонитель рабовъ Божіихъ, Петра распялъ на крестѣ и Павла умертвилъ (**). Но онъ не избѣгъ наказанія. Богъ призрѣлъ на угнѣтен-

(*) Слѣдственно, замѣчаетъ Целларій, Св. Петръ прибылъ въ Римъ не на второмъ году царствованія Клавдіева, какъ говоритъ Бароній, и не 25 лѣтъ управлялъ Римскою Церковію.

(**) Апостолу Павлу отсѣкли главу: Римскаго гражданина не позволялось распинать на крестѣ.

ный народъ свой. Неистовый мучитель, низверженный съ высоты власти, низринутый съ самой возвышенной степени ея, внезапно исчезъ съ лица земли, такъ что и мѣста погребенія сего злаго чудовища не видно на ней (*). Посему нѣкоторые мечтатели вѣрятъ, что онъ перенесенъ (**) и сохраняется живымъ (***), потому что Сивилла говоритъ, что «изгнанникъ—матероубійца возвратится съ

(*) По сказанію Светонія, почитатели Нерона долгое время усыпали цвѣтами могилу его. Но еслибъ хотя слабые слѣды чего нибудь подобнаго оставались во времена Лактанція, онъ не могъ бы написать сего: современники обличилибъ его во лжи.

(**) По мнѣнію Коммодіана, въ адъ, откуда онъ при кончинѣ міра возвратится на землю; по другимъ—на предѣлы земли, т. е. Римской Имперіи.

(***) По сказанію Светонія, въ Римской Имперіи долго по смерти Нерона вѣрили, что онъ еще живъ, и что опять явится неожиданно. По сей причинѣ дѣйствительно являлось много лже-Нероновъ: первый, по словамъ Тацита, во времена Отона и Вителлія, — вся Ахаія и малая Азія пришли въ движеніе отъ сей молвы; другой—извѣстный Теренцій Максимъ, при Ти-

предѣловъ (*),» и кто былъ гонителемъ первымъ, тотъ будетъ гонителемъ послѣднимъ и предтечею Антихриста; и будто какъ два пророка (т. е. Енохъ и Илія) взяты живые, и въ послѣднія времена, предъ начатіемъ славнаго и вѣчнаго Царствія Христова, возвратятся на землю, такъ и Неронъ явится, чтобы быть предшественникомъ и предтечею діавола, который придетъ для опустошенія земли и истребленія человѣческаго рода (**).

тѣ; третій при Дометіанѣ, спустя 20 лѣтъ по смерти Нерона.

(*) Добавляютъ: *земли.*

(**) Мнѣніе, что Неронъ возвратится на землю, продолжалось въ народѣ до четвертаго вѣка. Думали, что онъ при кончинѣ міра опять явится и сдѣлается Антихристомъ, или будетъ свирѣпствовать на западѣ, тогда какъ Антихристъ будетъ опустошать Восточную Римскую Имперію. — Блаженный Августинъ говоритъ: нѣкоторые думаютъ, будто Неронъ воскреснетъ и будетъ Антихристомъ; другіе напротивъ полагаютъ, будто онъ не умеръ, а только сокрытъ, чтобы всѣ вѣрили, что онъ умеръ,—будто онъ въ неизвѣстности находится,

3. Спустя нѣсколько лѣтъ (т. е. 13-ть по смерти Нерона) являлся другой, не менѣе злой тиранъ (*), который хотя властвовалъ ненавистно, однако весьма долго угнеталъ выи своихъ подданныхъ и безопасно царствовалъ (**), пока не поднялъ своихъ нечестивыхъ рукъ на Господа. Когда же по наущенію демоновъ онъ устремился на преслѣдованіе праведнаго народа (***); тогда преданный въ руки враговъ понесъ наказаніе, которое не ограничилось тѣмъ, что онъ умерщвленъ былъ въ своемъ домѣ (****), но и память имени его была изглажена. Ибо не смотря на то, что онъ построилъ много великолѣпныхъ зданій,

---

пока въ свое время не явится опять и не возсядетъ на престолѣ своемъ.

(*) Дометіанъ.

(**) 15 лѣтъ.

(***) Нельзя съ точностію опредѣлять годъ, въ который началось гоненіе. Съ наибольшею вѣроятностію начало онаго помѣщаютъ между 91 и 95 годами Христіанскаго лѣтосчисленія.

(****) По свидѣтельству Светонія, въ собственной спальнѣ, на 45 году своей жизни.

украсилъ капитолій и воздвигъ другіе памятники, Сенатъ такъ преслѣдовалъ имя его, что не оставилъ слѣдовъ ни изображеній, ни надписей его, и клеймилъ даже мертваго самыми строгими опредѣленіями, на всегдашній позоръ. Когда такимъ образомъ все, сдѣланное симъ тиранномъ объявлено было недѣйствительнымъ, Церковь не только возстановлена была въ прежнее состояніе, но и возсіяла гораздо величественнѣе и славнѣе. Въ послѣдующія затѣмъ времена, въ которыя многіе добрые Государи держали въ рукахъ своихъ кормило Имперіи Римской, Церковь Христова, не испытавъ никакихъ нападеній отъ враговъ (*), распростерла свои руки на Во-

(*) Сіе мѣсто несовсѣмъ согласно съ исторіею: были гоненія на Христіанъ въ царствованіе Траяна, Марка Аврелія и Севера. Нѣкоторые думаютъ, будто Лактанцій не упоминаетъ о сихъ гоненіяхъ потому, что онъ предположилъ себѣ цѣлію доказать, что всѣ гонители Христіанства умерли насильственною смертію, а посему и умолчалъ о тѣхъ Императорахъ-гонителяхъ, которые умерли смертію естественною. Чтобы не предполагать такой неискренности въ семъ писателѣ, лучше

стокъ и Западъ, такъ что не было ни одного столь отдаленнаго угла земли, въ который бы не проникла Религія Божія, ни одного наконецъ народа столь дикаго, котораго бы принятіе служенія Богу не смягчило на дѣла правды.—Но и сей долговременный миръ въ послѣдствіи былъ прерванъ.

4. Ибо по прошествіи весьма многихъ лѣтъ (*) явилось для угнетенія Церкви гнусное чудовище—Декій (кто, кромѣ злодѣя, будетъ преслѣдовать правду?), и какъ будто желая показать, что онъ для того именно и возшелъ на оную царственную высоту, тотчасъ началъ свирѣпствовать противъ Бога, — дабы тотчасъ же и погибнуть. Ибо едва успѣлъ онъ отправиться въ походъ противъ

думать, что Лактанцій обращалъ свое вниманіе особенно на то, прямо ли съ злымъ намѣреніемъ тотъ или другой Императоръ преслѣдовалъ Христіанъ, или только по слабости и ослѣпленію допускалъ гоненіе, заботясь притомъ о благоденствіи своихъ подданныхъ, такъ что нельзя еще почитать его худымъ Государемъ.

(*) Болѣе 150.

Карповъ (*) (которые тогда заняли Дакію и Мезію), какъ немедленно окруженный варварами, погибъ съ большею частію своего войска (**), такъ что и погребенія не удостоился, но босой и нагой,—участь заслуженная врагомъ Божіимъ,—лежалъ поверженный на снѣденіе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ.

5. Спустя немного времени (***) и Валеріанъ, объятый подобнымъ неистовствомъ, дерзнулъ поднять на Бога свои нечестивыя руки и, хотя въ короткое время (****), однако много пролилъ праведной крови. Но Богъ поразилъ его новымъ и необычайнымъ наказаніемъ, дабы потомство знало, что враги Божіи неминуемо получатъ мзду, достойную ихъ злодѣйствъ. Будучи плѣненъ Перса-

(*) Народъ по отношенію къ Риму Задунайскій, жившій между Певцинами и Бастернами. Ptolem. III, 5.

(**) Аврелій Викторъ говоритъ, что Децій зашелъ въ болота, и тамъ погибъ со всѣмъ войскомъ

(***) Семь лѣтъ.

(****) Въ продолженіе одного года.

ми, онъ лишился не только верховной власти, которою надмѣнно пользовался, но и свободы, которую самъ отнималъ у другихъ и кончилъ жизнь свою въ поноснѣйшемъ рабствѣ. Ибо Царь Персидскій Сапоръ, взявшій его въ плѣнъ, всякой разъ, какъ надобно было ему возсѣсть или на колесницу или на коня, приказывалъ Римлянину наклоняться и подставлять спину, и ступивъ на оную своею ногою, съ насмѣшливою улыбкою говорилъ: «Вотъ это настоящее торжество, а не то, что Римляне малюютъ на своихъ картинахъ и стѣнахъ.» — Въ такомъ тріумфѣ, котораго онъ весьма достоинъ былъ, Валеріанъ прожилъ довольно долгое время, какъ будто для того, чтобы Римское имя долѣе было въ презрѣніи и посмѣяніи у варваровъ. Сіе наказаніе его еще болѣе усугублялось тѣмъ, что сынъ его, хотя былъ Императоромъ (*), однакоже не нахо-

(*) Галліенъ старшій. Еще въ 251 году по Р. Х. онъ сдѣлался соправителемъ отца своего; а послѣ того, какъ сей послѣдній попалъ въ плѣнъ,

дилъ возможности отмстить за плѣнъ и позорное рабство, даже и не просилъ о возвращеніи его. Когда же Валеріанъ въ такомъ позорѣ окончилъ срамную жизнь свою: то варвары сняли съ него кожу, окрасили и положили въ храмѣ боговъ своихъ, въ память славнаго тріумфа, и чтобы она посламъ нашимъ служила напоминаніемъ, что Римляне не должны слишкомъ полагаться на свои силы, видя у боговъ ихъ кожу, снятую съ плѣннаго Римскаго Государя. Когда Богъ такими казнями поражалъ оскорбителей Церкви: то можноли было думать, что и послѣ сего осмѣлится кто нибудь не только сдѣлать, но и помыслить что либо противъ величія единаго Бога, управляющаго всѣмъ и содержащаго все?

6. Авреліанъ, отъ природы не разсудительный и опрометчивый, хотя помнилъ плѣнъ Валеріана, однако забылъ злодѣяніе его и казнь, и своими жестокостями возбудилъ гнѣвъ Божій. Но ему

Галліенъ нѣсколько лѣтъ управлялъ Имперіею одинъ.

не удалось исполнить своихъ замысловъ: смерть постигла его, когда только начиналось его свирѣпство. Еще не успѣли дойти до отдаленнѣйшихъ областей Имперіи кровавые его указы, — и уже въ Кенофруріи (что во Ѳракіи) самъ плавалъ въ крови своей, умерщвленный друзьями, по ложному какому-то подозрѣнію. Такіе разительные примѣры долженствовали бы укротить послѣдующихъ тиранновъ: но сіи не только не устрашились, но еще дерзостнѣе и самонадѣяннѣе воспротивились Богу.

7. Діоклитіанъ, выдумщикъ злодѣйствъ и всего худаго хитрый изобрѣтатель, низвращая все, и отъ Бога не могъ воздержать рукъ своихъ. Онъ разорилъ Имперію и любостяжаніемъ и боязливостію. Онъ троихъ сдѣлалъ соучастниками своей власти, раздѣлилъ Римскую Имперію на четыре части и умножилъ войско, потому что каждый изъ четырехъ правителей старался имѣть воиновъ больше, нежели сколько имѣли прежніе Государи, когда они управляли Имперіею. Отъ сего сдѣлалось болѣе по-

лучающихъ подати, нежели дающихъ, такъ что наконецъ отъ непомѣрныхъ налоговъ истощились силы поселянъ, поля опустѣли и нивы превратились въ лѣса. И для распространенія повсюду ужасовъ, области раздѣлены были на небольшіе округи; каждая страна, каждый почти городъ наполненъ былъ множествомъ правителей и еще большимъ числомъ подчиненныхъ имъ чиновниковъ. Къ сему должно присовокупить толпы сборщиковъ, надзирателей, намѣстниковъ Префектовыхъ, у которыхъ дѣлъ гражданскихъ было немного, а осужденій, изгнаній и конфискацій—множество. Дѣланы были безчисленные поборы и оклады всякими вещами, не частые только, но непрерывные, которые, при различныхъ притѣснительныхъ взысканіяхъ, были совершенно нестерпимы. Не менѣе несносны были тягости и отъ содержанія войскъ. По какому-то ненасытному любостяжанію, Діоклитіанъ отнюдь не хотѣлъ, чтобы его сокровища уменьшались, и потому всѣ суммы, какъ сбираемыя посредствомъ необычайныхъ

налоговъ, такъ и приносимыя въ даръ, онъ копилъ, чтобъ его казна всегда была цѣла и неприкосновенна. Онъ же, когда своими утѣсненіями произвелъ во всемъ непомѣрную дороговизну, вздумалъ издать законъ, которымъ назначались цѣны товарамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что отъ страха ни чего не стали продавать, и дороговизна еще болѣе увеличилась, пока наконецъ самая необходимость не отмѣнила закона, стоившаго многимъ жизни. Къ сему присоединилась какая-то безконечная охота строить и такая же тягость для провинцій, долженствовавшихъ доставлять работниковъ, художниковъ, и всѣ снаряды нужные при строеніи. Здѣсь базилики, циркъ; тамъ монетный дворъ, оружейная фабрика; здѣсь домъ женѣ, тамъ дочери. Большая часть города вдругъ опустѣла. Всѣ съ женами и дѣтьми выѣзжали, какъ будто бы городъ взятъ былъ непріятелемъ. И когда всѣ сіи зданія, разорительныя для провинцій, были кончены,—«не такъ,» говорилъ, «сдѣлано; надобно передѣлать!» Надле-

жало разбирать и снова строить, можетъ быть, для того, чтобы опять вскорѣ разрушить. Такъ всегда онъ безумствовалъ, стараясь сдѣлать Никомидію вторымъ Римомъ. Я уже не говорю о томъ, сколько людей погибло за помѣстья и имѣнія; этотъ грабежъ сдѣлался обыкновеннымъ; такъ-то привыкли къ угнѣтеніямъ! Но въ Діоклитіанѣ та была особенность, что бывало, если увидитъ гдѣ нибудь поле лучше воздѣланное, или домъ покрасивѣе,—то уже и уготовлялъ владѣльцу преступленіе и смертную казнь, какъ будто не могъ похищать чужой собственности, не проливая крови.

8. Что сказать о братѣ его Максиміанѣ Геркуліѣ (*)? Онъ во всемъ походилъ на Діоклитіана. Ибо они не могли бы быть столь тѣсными друзьями, если бы не имѣли одинаковаго характера, сходныхъ мыслей, одной воли, тѣхъ же правилъ. Тѣмъ лишь различались они между собою, что въ младшемъ было болѣе, а въ старшемъ менѣе любостяжа-

(*) Максиміанъ названъ братомъ Діоклитіана, потому что соучаствовалъ ему въ правленіи.

тельности; но зато въ послѣднемъ больше было трусости, и больше смѣлости на зло, чѣмъ на добро. Послику въ управленіи Максиміана находилось самое средоточіе Имперіи—Италія, и ему подвластны были богатѣйшія провинціи, каковы Африка и Испанія: то онъ не такъ старательно берегъ свои сокровища, потому что въ рукахъ его были обильные источники оныхъ. Притомъ въ случаѣ нужды, не было недостатка въ богатыхъ Сенаторахъ: подославши къ нимъ ложныхъ доносчиковъ, всегда можно было обвинить ихъ въ искательствѣ престола, такъ что у Сената непрестанно были исторгаемы очи (*). Кровожадная казна преизобиловала сокровищами, преступно собранными. Къ сему присоединялась въ семъ губительномъ человѣкѣ ненавистная и мерзкая страсть къ растлѣнію нравовъ, къ насилованію дочерей первѣйшихъ граждань. Ибо гдѣ онъ ни проѣзжалъ, всю-

(*) То есть, знатнѣйшіе Сенаторы умерщвляемы были.

ду дѣвицы были отторгаемы отъ родителей, и тутъ же немедленно!... Въ томъ только онъ и полагалъ свое блаженство, въ томъ только и поставлялъ благоденствіе своего царства, чтобы ни въ чемъ не отказывать своей скотской похоти и сладострастію.

9. О Констанціи (Хлорѣ) я не говорю: онъ не походилъ на прочихъ, и достоинъ былъ одинъ управлять Имперіею. Что касается до другаго Максиміана (*), котораго Діоклитіанъ сдѣлалъ своимъ зятемъ; то онъ былъ злѣе не только тѣхъ двухъ Государей, нашихъ современниковъ, но и всѣхъ, какіе когда либо бывали. Въ этомъ свирѣпомъ звѣрѣ была природная жестокость и лютость, чуждая Римской крови. Впрочемъ дивиться нечему: мать его жила за Дунаемъ, и при вторженіи Карповъ убѣжала оттуда на сію сторону рѣки, въ новую Дакію. И тѣло его соотвѣтствовало его характеру: ростъ высокій, тѣло тучное,

(*) Максиміана Галерія, называемаго также Максимиліаномъ.

расползшееся и раздувшееся до ужасной величины. Наконецъ, и слова и движенія и взглядъ его поселяли во всякаго страхъ. Самъ тесть чрезвычайно боялся его, чему причиною было слѣдующее обстоятельство. Персидскій царь Нарсей, побуждаемый примѣромъ дѣда своего Сапора, собравши большое войско, готовился сдѣлать нападеніе на восточныя области Имперіи. Діоклитіанъ, трусливый и малодушный при всякомъ безпокойномъ случаѣ, а притомъ опасавшійся такой же участи, какая постигла Валеріана, не отважился идти на встрѣчу непріятелю; посему послалъ противъ него чрезъ Арменію Максиміана, а самъ остался на Востокѣ и занимался гаданіями о томъ, чѣмъ кончится война. Максиміанъ посредствомъ воинскихъ хитростей умѣлъ безъ большаго труда разбить варваровъ, у которыхъ есть обычай выходить на войну со всею своею прислугою, и которые по сей причинѣ сами себя затрудняютъ своимъ многолюдствомъ и обозами. Нарсей обращенъ былъ въ бѣгство, а побѣдитель, возвратясь съ богатою

добычею, себѣ принесъ гордость, а Діоклитіану—страхъ. Ибо послѣ сей побѣды онъ возгордился до того, что уже не довольствовался титуломъ Кесаря. Однажды, увидѣвъ сей титулъ въ письмѣ, присланномъ къ нему, онъ наморщилъ чело, и вскричалъ страшнымъ голосомъ: «долго ли быть мнѣ Кесаремъ?»—Съ сего времени онъ началъ вести себя самымъ надмѣннымъ образомъ: требовалъ даже, чтобъ и думали и говорили, что онъ, какъ второй Ромулъ, родился отъ Марса, и такимъ образомъ лучше захотѣлъ опозорить мать свою Ромулу, только бы самому прослыть сыномъ бога. Но о его подвигахъ я буду говорить послѣ, слѣдуя порядку времени. Ибо его свирѣпство и гордость достигли высочайшей степени послѣ того уже, какъ онъ принялъ титулъ Императора, и когда тесть его отказался отъ престола. Что касается до Діоклеса (такъ Діоклитіанъ именовался до вступленія на престолъ), то онъ разоривши Имперію такимъ своимъ управленіемъ и такими сообщниками, хотя за свои злодѣйства достоинъ

былъ всякаго наказанія, однако дотолѣ царствовалъ чрезвычайно благополучно, пока не обагрилъ рукъ своихъ въ крови праведниковъ. Я разскажу, что его побудило преслѣдовать Христіанъ.

10. Во время пребыванія своего въ восточныхъ провинціяхъ, Діоклитіанъ, по своей боязливости любившій гадать о будущемъ, приносилъ животныхъ въ жертву богамъ и въ ихъ печеняхъ искалъ событій будущихъ. Случилось, что нѣкоторые изъ его свиты, познавшіе Господа и находившіеся тогда при жертвоприношеніи, положили на челѣ своемъ безсмертное знаменіе (Креста). Демоны тотчасъ разбѣжались, и дѣло разстроилось. Гадатели трепетали, не находя на внутренностяхъ обычныхъ законовъ, и подъ предлогомъ, что обрядъ не такъ совершенъ, какъ надлежало, закалали новыхъ животныхъ; но и новыя жертвы ничего не показывали. Наконецъ Тагисъ, начальникъ гадателей, неизвѣстно, на подозрѣніи ли основываясь, или дѣйствительно замѣтивъ что нибудь, объявилъ Императору, что жертвы не даютъ

отвѣта потому, что при семъ священномъ обрядѣ присутствуютъ люди нечистые (profani). Діоклитіанъ, разсвирѣпѣвъ отъ гнѣва, повелѣлъ всѣмъ, не только бывшимъ при жертвоприношеніи, но и остававшимся во дворцѣ, приносить жертву и наказывать ударами всякаго, кто бы осмѣлился отказаться. Къ военачальникамъ посланы были указы, которыми повелѣвалось принуждать и воиновъ къ нечестивому жертвоприношенію; кто не послушается, того исключать изъ службы. На сей разъ гнѣвъ его и неистовство тѣмъ и ограничились, и онъ ничего больше не сдѣлалъ противъ закона и Религіи Божіей. Спустя нѣсколько времени онъ прибылъ въ Виѳинію, чтобы тамъ провесть зиму; туда же пріѣхалъ и пламенѣющій злобою Максиміанъ Кесарь, дабы поощрить пустаго старика къ дальнѣйшему преслѣдованію Христіанъ, коему сей сдѣлалъ уже начало. Причиною такого свирѣпства было, какъ я узналъ, слѣдующее обстоятельство.

11. Мать Максиміана была ревност-

ною чтительницею горныхъ боговъ. Какъ суевѣрная женщина, она почти ежедневно приносила имъ въ жертву туки, и дѣлала угощенія поселянамъ. Христіане не хотѣли участвовать въ оныхъ, и тогда какъ она пиршествовала съ язычниками, пребывали въ постѣ и молитвахъ. Отъ сего родилась въ ней ненависть къ Христіанамъ, и она-то своими женскими жалобами вооружила противъ нихъ сына своего, не менѣе суевѣрнаго. Такимъ образомъ цѣлую зиму продолжалось между ними (*) совѣщаніе, къ которому никого не допускали, а потому всѣ полагали, что они разсуждаютъ о какомъ нибудь весьма важномъ государственномъ дѣлѣ. Старикъ долго противился свирѣпству Максиміана, представляя ему, что гибельно возмущать спокойствіе Имперіи и проливать кровь столь многихъ подданныхъ, что Христіане обыкновенно умираютъ съ охотою, и довольно запретить ихъ Религію при дворѣ и въ войскѣ. Поелику же онъ не могъ образумить упорнаго че-

(*) Между Діоклитіаномъ и Максиміаномъ.

ловѣка; то рѣшился посовѣтоваться съ своими друзьями. Ибо Діоклитіанъ имѣлъ то злое свойство: когда хотѣлъ сдѣлать что нибудь хорошее, то дѣлалъ оное безъ постороннихъ совѣтовъ, чтобъ его одного за то хвалили; а когда замышлялъ что нибудь худое, то зная, что его будутъ порицать за сіе, приглашалъ къ себѣ на совѣщаніе друзей своихъ, чтобъ вина во всемъ, что онъ сдѣлаетъ худаго, падала на нихъ. И такъ приглашено было на совѣтъ нѣсколько чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ; спрашивали ихъ по порядку, начиная съ высшихъ. Нѣкоторые по собственной ненависти къ Христіанамъ подали голосъ, что надлежитъ истребить людей, враждебныхъ богамъ и противниковъ общественной религіи; другіе, бывшіе иныхъ мыслей, зная напередъ желаніе сего человѣка (Максиміана), или по страху или по ласкательству соглашались на то же мнѣніе. Впрочемъ и мнѣніе Совѣта не склонило еще Императора; ему хотѣлось особенно посовѣтоваться съ богами, и потому онъ послалъ гадателя къ А-

поллону Милетскому. Сей далъ отвѣтъ, какого надобно было ожидать отъ врага Божественной Религіи. И такъ наконецъ Діоклитіанъ долженъ былъ отступиться отъ своего мнѣнія; и не могши противиться друзьямъ, Кесарю, Аполлону, успѣлъ пе крайней мѣрѣ сохранить умѣренность: велѣлъ производить дѣло безъ пролитія крови, между тѣмъ какъ Кесарю хотѣлось, чтобъ приказано было сожигать всякаго, кто бы отказался принесть богамъ жертву.

12. Выбираютъ день удобный и счастливый для исполненія своего предпріятія. Выборъ падаетъ на праздникъ бога предѣловъ, бывшій 23 Февраля, какъ бы въ означеніе того, что они рѣшились положить предѣлъ Христіанской Религіи. «Оный день (*) былъ началомъ смерти, и началомъ золъ,» которыя постигли и ихъ самихъ и Имперію. Лишь на-

(*) Лактанцій, въ намѣреніи живѣе выразить бѣдствія сего дня, употребилъ выраженіе изъ Виргиліевой Энеиды, IV, 169:

Ille dies primus lethi, primusque malorum Causa fuit.

ступилъ сей день (оба старика были тогда Консулами въ осьмой и седьмой разъ (*),—прежде нежели разсвѣло еще, внезапно прибылъ къ Церкви Префектъ съ вождями, трибунами и полицейскими чиновниками. Выломавъ двери, они ищутъ изображенія Бога (**). Найденныя книги сожигаютъ, все отдаютъ на расхищеніе. Грабятъ, мятутся, бѣгаютъ туда и сюда. Между тѣмъ Діоклитіанъ и Галерій, наблюдая все сіе съ балкона (ибо Церковь стояла на возвышенномъ мѣстѣ, и ее можно было видѣть изъ дворца), долго между собою спорили о томъ, не подложить ли лучше огня. Мнѣніе Діоклитіана одержало верхъ: онъ опасался, чтобы пожаръ не усилился, и не выгорѣла какая нибудь часть города; ибо Церковь со всѣхъ сторонъ окружена была множествомъ огромныхъ зданій. И такъ пришли, въ боевомъ порядкѣ,

---

(*) Діоклитіанъ въ осьмый, а Максиміанъ въ седьмой разъ. Это было въ 303 году по Р. Х.

(**) Язычники думали, что и Христіане такъ же, какъ они, имѣютъ идоловъ, безъ чего по ихъ мнѣнію и храмъ не могъ существовать.

Преторіанцы съ сѣкирами и иными орудіями, сдѣлали нападеніе на Церковь со всѣхъ сторонъ, и сіе высокое зданіе въ нѣсколько часовъ сравняли съ землею.

13. Въ слѣдующій послѣ сего день изданъ указъ, которымъ повелѣвалось: лишать честей, достоинствъ, и предавать пыткамъ всѣхъ исповѣдниковъ нашей Вѣры, не различая ни состоянія, ни званія; принимать всѣ доносы на нихъ, а отъ нихъ самихъ не принимать никакихъ жалобъ ни на притѣсненія, ни на безчестіе, ни на хищничество; словомъ, изданъ указъ, лишавшій Христіанъ всякой свободы и голоса. Нѣкто, если не похвально, то по крайней мѣрѣ отважно поступилъ съ симъ указомъ; онъ изорвалъ его, сказавъ въ насмѣшку: это объявленіе о побѣдахъ надъ Готѳами и Сарматами (*)! Сей человѣкъ тотчасъ схваченъ, и послѣ пытки при допросѣ, бывъ осужденъ на сожженіе медленнымъ

(*) Сей ироніи смыслъ такой: лучше бы усмирить Готѳовъ и Сарматовъ — враговъ Имперіи, нежели возставать на невинныхъ и безоружныхъ Христіанъ.

огнемъ, съ удивительною твердостію перенесъ сіе мученіе до послѣдняго издыханія.

14. Но Кесарь (Галерій), не удовольствовавшись симъ указомъ, старался расположить Діоклитіана, чтобъ онъ иначе дѣйствовалъ (противъ Христіанъ). Чтобы побудить его къ предпріятію жесточайшаго гоненія, онъ велѣлъ своимъ слугамъ тайно зажечь Императорскій дворецъ. Въ скоромъ времени часть онаго обращена была въ пепелъ, и всю вину сложили на Христіанъ, какъ на враговъ общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ дворцомъ какъ бы пылало и самое имя Христіанъ отъ ненавистной клеветы: «будто они вмѣстѣ съ евнухами злоумышляли на жизнь Правителей, и будто оба Императора едва не были заживо сожжены въ собственномъ своемъ дворцѣ.» Діоклитіанъ, сколь ни показывалъ себя осторожнымъ и проницательнымъ, не могъ примѣтить здѣсь хитрости; но воспламенившись гнѣвомъ, немедленно подвергъ истязанію всѣхъ своихъ слугъ. Онъ самъ

сѣлъ на судилище и мучилъ невинныхъ огнемъ; тоже дѣлали всѣ судьи, а также и всѣ бывшіе тогда при дворѣ сановники, по данной имъ на то власти. Они старались одинъ предъ другимъ, какъ бы скорѣе открыть что нибудь о причинѣ пожара; но ничего не могли узнать о ней, поелику никто не истязывалъ слугъ Кесаря. Галерій самъ былъ здѣсь, усиливалъ пытки, и не допускалъ охладѣть гнѣву безразсуднаго старика. Черезъ пятнадцать дней онъ произвелъ другой пожаръ, который хотя скорѣе усмотрѣли, однако виновника онаго также не открыли. Тогда Галерій среди зимы, наскоро приготовивъ отъѣздъ свой, поспѣшно уѣхалъ изъ города, жалуясь, что онъ въ тотъ же день долженъ бѣжать, дабы не сгорѣть живому.

15. Послѣ сего неистовство Императора (*) не ограничивалось уже одними слугами, но обратилось и на всѣхъ. И прежде всего принудилъ онъ дочь свою Валерію и супругу Приску принести жертву идоламъ, и тѣмъ осквернить

(*) Діоклитіана.

себя (*). Потомъ умертвилъ евнуховъ, пользовавшихся до того великою властію, которые прежде управляли дворомъ и имъ самимъ. Въ слѣдъ за симъ были захвачены Пресвитеры и другіе служители Церкви, со всѣми ихъ домашними, и безъ всякаго изслѣдованія и сознанія осуждены и преданы на смерть. Людей всякаго рода и возраста вели на сожженіе. Поелику таковыхъ было весьма много; то сожигали не по одному, но цѣлыми толпами: а слугъ съ привязанными къ шеѣ камнями бросали въ воду. Но и въ другихъ классахъ народа гоненіе тяготѣло не съ меньшею жестокостію. Разсѣянные по всѣмъ храмамъ, судьи принуждали всѣхъ безъ исключенія воскурять жертвы идоламъ. Темницы были исполнены узниками. Изобрѣтали неслыханныя доселѣ мученія, и изъ опасенія, чтобы кому либо (**) не оказано было правосудія, повсюду

(*) Полагаютъ, что Валерія и Приска или исповѣдывали Христіанскую Вѣру, или благопріятствовали Христіанамъ.

(**) Изъ Христіанъ.

какъ въ тайныхъ мѣстахъ, въ которыхъ производились допросы, такъ и въ судилищахъ поставлены были жертвенники (идольскіе), дабы истцы и отвѣтчики сперва приносили жертву, а потомъ уже объясняли дѣла свои. Такимъ образомъ и къ судьямъ должно было приступать, какъ къ самимъ богамъ. Писали даже къ Максиміану и Констанцію, чтобы и они также поступали съ Христіанами; но ихъ мысли касательно сего предмета не вовсе соотвѣтствовали ожиданіямъ. Правда престарѣлый Максиміанъ (Геркулій), человѣкъ несликомъ способный къ состраданію, это предписаніе привелъ въ исполненіе по Италіи. Что же касается до Констанція; то онъ дабы не показаться противникомъ верховной власти, велѣлъ разрушить нѣкоторые молитвенные домы Христіанскіе, т. е. зданія, которыя могли быть возстановлены со временемъ; но истинный храмъ Божій, который въ человѣкахъ, оставилъ неприкосновеннымъ.

16. Такимъ образомъ гоненіе удручало всю землю (изключая только Гал-

лію (*), и отъ востока до запада терзали ее три жесточайшіе звѣря (**). «Если бы «у меня было сто языковъ и сто устъ; «если бы я имѣлъ желѣзный голосъ: то »и тогда не могъ бы выразить всѣ роды «злодѣйствъ, исчислить всѣ названія каз«ней (**), которыми судьи въ провинці«яхъ терзали невинныхъ и кроткихъ по«слѣдователей Вѣры Христовой.» Но нужно ли разсказывать объ этомъ, тебѣ любезный Донатъ, — тебѣ, который болѣе другихъ испыталъ сію опасную бурю гоненія? Ибо когда ты впалъ въ руки прежде Флакцинія Префекта, страшнаго душегубца; потомъ намѣстника Гіерокла, который возбудилъ и присовѣтовалъ сіе гоненіе, и наконецъ его преемника Присцелліана: то всѣмъ ты показалъ примѣръ непоколебимаго мужества. Девять разъ ты предаваемъ былъ различнымъ пыткамъ и мученіямъ, и девять разъ побѣждалъ врага слав-

(*) Которою управлялъ Констанцій.

(**) Діоклитіанъ, Максиміанъ Геркулій и Галерій Максиміанъ.

(***) Виргил. Экл. VI. 624.

нымъ исповѣданіемъ Вѣры. Въ девяти битвахъ ты поражалъ діавола съ его сообщниками; девять побѣдъ торжествовалъ надъ міромъ съ его ужасами. Какое угодное было зрѣлище для Бога, когда Онъ видѣлъ тебя такимъ побѣдителемъ, котораго колесницу влекли не бѣлые кони или огромные слоны, но — что важнѣе — сами побѣдители! Истинное торжество въ томъ и состоитъ, когда владычествуютъ надъ обладающими. Дѣйствительно ты побѣдилъ и покорилъ ихъ своею добродѣтелію, когда, презрѣвъ постыдное повелѣніе, твердою вѣрою и мужествомъ низложилъ всѣ прещенія и всѣ угрозы власти тирановъ. Ни бичи, ни скребницы, ни огонь, ни желѣзо, ни другіе роды мученій не были сильны противъ тебя. Твоей вѣры, твоей преданности Богу не могла исторгнуть у тебя никакая власть. Тотъ и есть ученикъ Божій, тотъ и есть воинъ Христовъ, кого никакой врагъ не преодолѣваетъ, никакой волкъ не похититъ изъ двора небеснаго, кого никакая сѣть не завлечетъ, никакая

скорбь не побѣдитъ, никакое мученіе не сокрушитъ. Наконецъ послѣ сихъ девяти преславныхъ побѣдъ, одержанныхъ тобою надъ діаволомъ, онъ не отваживался болѣе состязаться съ тобою, дознавъ опытомъ, что нельзя побѣдить тебя. И когда готовъ уже былъ для тебя побѣдный вѣнецъ, врагъ престалъ болѣе вызывать тебя на брань, дабы ты тотчасъ же не воспріялъ онаго. Впрочемъ, хотя ты теперь не получилъ еще сего вѣнца, однако онъ всецѣло блюдется для тебя за твои добродѣтели и заслуги въ Царствіи Господнемъ.—Но обратимся къ нашей исторіи.

17. По совершеніи сихъ злодѣяній Діоклитіанъ, котораго счастіе теперь начало уже оставлять, поспѣшилъ въ Римъ, дабы тамъ торжествовать двадцатилѣтіе, имѣвшее совершиться 20 Ноября. Но при сихъ торжествахъ ему несносна была свобода Римскаго народа. Отъ нетерпѣнія и скорби душевной онъ поспѣшно уѣхалъ изъ города не задолго до перваго числа Генваря, въ которое ему въ девятый разъ предположено бы-

зо поднести Консульское достоинство. Онъ не могъ подождать 13 дней, желая лучше въ Равеннѣ, чѣмъ въ Римѣ, праздновать торжество своего вступленія въ Консульство; и не смотря на сильный холодъ и непрестанные дожди, отправился въ путь, отъ чего получилъ себѣ хотя легкую, но упорную болѣзнь, по которой во все продолженіе пути большею частію должно было нести его на носилкахъ. Проведши такъ лѣто, онъ по окрестности берега Истрійскаго (Дунайскаго) достигъ наконецъ Никомидіи; а между тѣмъ болѣзнь уже весьма усилилась. Но хотя онъ сильно страдалъ отъ ней; однако приказалъ нести себя, чтобы по случаю истеченія года послѣ двадцатилѣтія посѣтить построенный имъ циркъ. Послѣ сего здоровье его такъ разстроилось, что велѣно было молить всѣхъ боговъ объ его жизни, какъ вдругъ 13 дня Декабря Императорскій дворецъ наполнился сѣтованіемъ, скорбію и плачемъ; а судіи трепетали и безмолвствовали. Въ цѣломъ городѣ говорили, что Императоръ не только умеръ, но уже

и погребенъ; только утромъ слѣдующаго дня неожиданно пронесся слухъ, что онъ еще живъ,—и на лицахъ придворныхъ и судей просіяла радость. Были впрочемъ люди, которые думали, что смерть его скрываютъ до прибытія Кесаря (Галерія)—изъ опасенія, дабы войско не произвело какого нибудь возмущенія. Такое подозрѣніе столь было велико, что никто не вѣрилъ тому, будто Императоръ живъ, доколѣ онъ самъ перваго числа Марта не показался народу; но здѣсь едва узнали его:—столько онъ измѣнился отъ болѣзни, продолжавшейся почти цѣлый годъ. 13 Декабря онъ впалъ въ нѣкоторый обморокъ, отъ котораго хотя скоро оправился, но не совсѣмъ; ибо помѣшался въ умѣ, такъ что въ извѣстные часы забывался, въ другіе приходилъ въ себя.

18. Спустя нѣсколько дней послѣ сего пріѣхалъ и Кесарь (Галерій); впрочемъ не за тѣмъ, чтобы пожелать здоровья своему тестю, но чтобы заставить его отказаться отъ престола. Недавно онъ уже препирался объ этомъ съ преста-

рѣлымъ Максиміаномъ и угрожалъ ему междоусобною войною. Приступивъ теперь къ Діоклитіану, онъ сначала старался преклонить его кротостію и ласками: говорилъ ему, что онъ уже старъ и слабъ силами, и потому неспособенъ управлять Имперіею; что послѣ трудовъ ему нуженъ покой. Вмѣстѣ съ симъ представлялъ примѣръ Нервы, который уступилъ Траяну власть надъ Имперіею. Но Діоклитіанъ отвѣчалъ, что для него неприлично съ высоты такой славы низойти въ неизвѣстность частной жизни; что онъ не совсѣмъ можетъ быть безопасенъ отъ враговъ, которыхъ, вѣроятно, много нажилъ во время столь долгаго царствованія; что Нерва, царствовавъ одинъ только годъ, потому отказался отъ правленія Имперіею и возвратился къ частной жизни, въ которой состарѣлся, что по старости ли или по непривычкѣ не могъ сносить бремени и заботъ, неразлучныхъ съ столь важнымъ званіемъ; что если ему хочется Императорскаго титула, то нѣтъ

никакого препятствія, всѣмъ (*) именоваться Августами (**). Но Галерій, обладавшій уже въ умѣ своемъ всею вселенною, видя, что кромѣ имени ему или никакой не будетъ, или мало будетъ отъ того прибыли, отвѣчалъ, что распоряженіе Діоклитіана, дабы въ Имперіи были два главные правителя (***), купно обладающіе верховною властію, и два меньшіе (****) ихъ помощники, должно удерживать свою силу навсегда; что между двумя равными удобно можетъ сохраняться согласіе, а между четверыми—никакъ, и что ежели Діоклитіанъ не хочетъ уступить ему своей власти, то онъ самъ позаботится о себѣ, дабы не быть болѣе меньшимъ и послѣднимъ; что уже пятнадцать лѣтъ протекло, какъ онъ, бывъ сосланъ въ Иллирію и на берега Дуная, боролся съ дикими народами, между тѣмъ какъ другіе во всей

(*) Четыремъ Правителямъ.

(**) Титулъ Императора и Августа былъ одинъ и тотъ же.

(***) Два Августа—Императора.

(****) Два Кесаря.

нѣгѣ властвовали въ обширнѣйшихъ и болѣе мирныхъ областяхъ.—Выслушавъ сіе, слабый старецъ, который между тѣмъ письмомъ престарѣлаго Максиміана (*) извѣщенъ былъ обо всемъ, что теперь Галерій говорилъ, и узнавъ, что онъ умножилъ свое войско, сказалъ со слезами на глазахъ:

Діоклитіанъ. Пусть будетъ такъ, если это тебѣ угодно. Теперь осталось только съ общаго совѣта всѣхъ (**) избрать Кесарей.

Галерій. Какая нужда въ совѣтѣ, когда то, что мы сдѣлаемъ, непремѣнно будетъ принято двумя другими?

Діоклитіанъ. И подлинно; ибо надобно наименовать Кесарями ихъ сыновей. (У Максиміана былъ сынъ Максентій, зять сего самаго Максиміана (***), человѣкъ коварнаго и злаго сердца, притомъ столько гордый и дерзкій, что не оказывалъ должнаго почтенія ни отцу ни тестю, а потому и былъ ненавидимъ

(*) Геркулія.
(**) Четырехъ правителей.
(***) Галерія.

обоими. Констанцій также имѣлъ сына Константина—юношу истинно добродѣтельнаго и совершенно достойнаго высокой степени (*), отличавшагося величественнымъ и красивымъ станомъ тѣлеснымъ, ревностію къ воинскимъ занятіямъ, непорочностію нравовъ и особенною тонкостію въ обращеніи,—такими качествами, по которымъ онъ сколько пользовался любовію воиновъ, столькоже и благорасположеніемъ гражданъ. Онъ тогда находился здѣсь, и Діоклитіанъ уже сдѣлалъ его трибуномъ перваго чина).

Діоклитіанъ. И такъ что же намъ опредѣлить?

Галерій. Первый (**) недостоинъ. Ибо если онъ теперь, будучи еще частнымъ человѣкомъ, презираетъ меня; то что онъ сдѣлаетъ тогда, когда будетъ Кесаремъ?

Діоклитіанъ. Но другой (***) у всѣхъ въ любви, и такъ будетъ управлять

(*) Кесарской.

(**) Максентій.

(***) Константинъ.

подданными, что по царственнымъ способностямъ и кротости предпочтутъ его отцу.

Галерій. Посему я не буду имѣть возможности дѣлать, что хотѣлъ бы. Но надобно наименовать Кесарями такихъ людей, которые были бы въ моей власти, которые бы боялись меня и ничего не могли дѣлать безъ моего позволенія.

Діоклитіанъ. Такъ кого же сдѣлать?

Галерій. Севера.

Діоклитіанъ. Этого плясуна, негодяя, пьяницу, который ночь превращаетъ въ день и день въ ночь?

Галерій. Напротивъ, онъ достоинъ сего; ибо со всею вѣрностію управлялъ воинами и я уже послалъ его къ Максиміану, чтобы онъ принялъ отъ него порфиру.

Діоклитіанъ. Пусть такъ! А другаго кого назначишь?

Галерій. (указывая на Даію, полудикаго юношу, которому онъ недавно велѣлъ называться по своему имени Максиминомъ; такъ какъ и ему самому Ді-

оклитіанъ отчасти измѣнилъ имя (*), желая дать доброе о немъ предзнаменованіе; поелику Максиміанъ (**) съ совершенною искренностію былъ преданъ Діоклитіану) Вотъ его!

Діоклитіанъ. А кто онъ такой?

Галерій. Мой родственникъ.

Діоклитіанъ (вздыхая). Ты предлагаешь мнѣ людей вовсе недостойныхъ того, чтобы имъ можно было ввѣрить защиту Имперіи.

Галерій. Я знаю ихъ.

Діоклитіанъ. Мы увидимъ это, когда примешь на себя верховную власть. Я довольно долго трудился и пекся о томъ, чтобы въ мое правленіе Имперія была спокойна и счастлива. Если же впредь случится, что противное, то не я буду причиною того.

19. Когда они въ этомъ между собою согласились, то перваго Мая торжественно было приступлено къ дѣлу. Взоры всѣхъ обращены были на Констан-

(*) Галерій прежде назывался Арментаріемъ, а по другимъ Дазою.

(**) Геркулій.

тина. Никто не имѣлъ нималѣйшаго сомнѣнія. Воины, бывшіе здѣсь, и старшины, которыхъ на сей случай избрали и вызвали изъ легіоновъ, изъявляли свою радость, свои желанія и обѣты, всѣ вообще имѣя въ мысляхъ его одного. Въ разстояніи около 3000 шаговъ отъ города находилась гора, на вершинѣ коей самъ Максиміанъ (*) принялъ нѣкогда порфиру: тамъ поставлена была колонна съ изображеніемъ Юпитера. Приходятъ туда; призываютъ въ собраніе и солдатъ. Обращаясь къ нимъ, старецъ со слезами на глазахъ сказалъ: я слабъ, послѣ столь многихъ трудовъ имѣю нужду въ покоѣ, посему предаю Имперію людямъ болѣе мощнымъ, и назначаю другихъ Кесарей. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что будетъ далѣе. Вдругъ онъ провозглашаетъ Кесарями Севера и Максимина. Все собраніе пришло въ изумленіе. Константинъ стоялъ напереди; и всѣ спрашивали другъ друга, не перемѣнено ли ему имя? Но вотъ Максиміанъ, въ виду всѣхъ при-

(*) Галерій.

сутствовавшихъ оттолкнувъ Константина, простеръ руку назадъ и вывелъ оттуда Даію. Снявъ съ него частное платье, онъ тотчасъ представилъ его собранію. Всѣ съ удивленіемъ спрашивали, кто онъ и откуда? Впрочемъ никто не осмѣливался возражать противъ его избранія: столько всѣ поражены были сею неожиданною новостію! Діоклитіанъ возложилъ на него свою порфиру, снявши оную съ себя, и самъ опять сталъ Діоклесомъ (*). Послѣ сего сошли съ горы; и старый Императоръ въ колесницѣ выѣхалъ вонъ изъ города и удалился на свою родину (**).—Между тѣмъ Даія, недавно еще взятый отъ стадъ изъ лѣсовъ, бывъ сдѣланъ вскорѣ щитоносцемъ, потомъ протекторомъ, трибуномъ, и наконецъ Кесаремъ, получилъ Востокъ только для того, чтобы попирать и терзать его. Онъ совершенно не былъ знакомъ ни съ

(*) Діоклитіанъ до вступленія на престолъ именовался Діоклесомъ; сложивши съ себя Императорскій санъ, онъ опять принялъ прежнее имя.

(**) Въ Салоны — мѣстечко, находившееся въ Далматіи.

наукою воинскою, ни съ наукою народоправленія; хотя и былъ уже пастыремъ—не скотовъ, а воиновъ.

20. Максиміанъ, по удаленіи отъ престола престарѣлыхъ Императоровъ, получивъ свободу дѣлать все по своему произволу, себя одного считалъ уже обладателемъ цѣлаго свѣта. Ибо Констанція, хотя ему собственно надлежало бы имѣть первенство предъ Максиміаномъ, сей послѣдній презиралъ, поелику онъ отъ природы имѣлъ кроткія свойства и притомъ былъ постоянно боленъ. Максиміанъ надѣялся, что такой немощный соперникъ скоро умретъ, а ежели не умретъ, то для него казалось дѣломъ нетруднымъ и силою лишить его престола. Въ самомъ дѣлѣ, что бы могъ сдѣлать Констанцій, если бы три его противника стали принуждать его отказаться отъ престола? — Издавна Галерій былъ въ дружбѣ съ Лициніемъ, съ которымъ тѣсно сблизился еще при самомъ началѣ своего воинскаго поприща, и совѣтами коего пользовался во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Но Кесаремъ онъ не хо-

тѣлъ его сдѣлать, желая наименовать его въ послѣдствіи—не сыномъ, а братомъ и Августомъ, вмѣсто Констанція. Тогда,—онъ думалъ—получивъ въ свои руки верховную власть и поцарствовавъ самовластно надъ цѣлымъ свѣтомъ, совершить торжество двадцатилѣтія; потомъ, поставивъ Кесаремъ сына своего (который тогда былъ девяти лѣтъ), — самому сложить съ себя порфиру. Такимъ образомъ, когда верховная власть находилась бы въ рукахъ Ликинія и Севера, и когда Максиміанъ и Кандидіанъ (*) были бы Кесарями, онъ надѣялся, огражденный такою непреоборимою преградою, безопасно и спокойно провести свою старость. Но Богъ, котораго онъ прогнѣвалъ своими злодѣяніями, разрушилъ всѣ его планы.

(*) Кандидіанъ былъ сынъ Галерія.

IV.

О ПРЕВОСХОДСТВѢ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

Чтобы увѣриться въ превосходствѣ Свящ. Писанія предъ всякимъ произведеніемъ пера человѣческаго, довольно вспомнить, что сіе Писаніе Богодухновенно. Таковымъ признавали его Іисусъ Христосъ и Апостолы. Іисусъ Христосъ не только всегда ссылался на оное, какъ на Божественное, но и явно усвояетъ ему важность Божественную, называя его непреложнымъ; такъ что скорѣе прейдетъ небо и земля, нежели одна іота или одна черта изъ Писанія, доколѣ все въ немъ не исполнится (Мат. 5, 18). Апостолы также свидѣтельствуютъ, что Писаніе происходитъ отъ Св. Духа, внушено Богомъ (2 Петр. 1, 21. 1 Тим. 3, 16). Но поелику Іисусъ Христосъ есть

истинный Богъ, Апостолы суть посланники Божіи; то нужно быть совершенно безразсуднымъ,—не говорю уже нечестивымъ,—чтобы сомнѣваться въ истинѣ того, что они утверждаютъ. Они рѣшительно говорятъ, что Св. Писаніе Богодухновенно; посему необходимо должно признавать оное таковымъ. Но дабы содѣлать еще болѣе ощутительною Божественность нашихъ Священныхъ книгъ, мы намѣрены сравнить ихъ съ сочиненіями свѣтскими, написанными рукою человѣческою. И почему же не сдѣлать намъ сего сравненія, когда самъ Богъ, дабы мы лучше почувствовали нашу слабость, не возгнушался сравнивать свои мысли съ нашими и увѣрять насъ чрезъ своего Пророка, что Его мысли безпредѣльно выше помышленій нашихъ (Иса. 55, 9)? Итакъ сравнимъ теперь нашихъ Священнымъ Бытописателей съ историками свѣтскими.

Послушайте ихъ, — сихъ историковъ свѣтскихъ: о прошедшемъ они повѣствуютъ такъ, какъ могутъ сами знать о немъ, основываясь на однихъ преданіе

яхъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ; настоящее часто искажаютъ, представляя событія онаго не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ происходили, или производя оныя не отъ истинныхъ причинъ; наконецъ о будущемъ или вовсе ничего не говорятъ, поелику знать оное можетъ одинъ Богъ, или только гадаютъ о немъ, дѣлая различныя, притомъ весьма неосновательныя, свои предположенія.

Какъ отличны отъ нихъ наши Бытописатели Священные! Они объемлютъ однимъ взглядомъ прошедшее, настоящее и будущее; они говорятъ о всемъ съ одинаковою достовѣрностію и истиною. Когда сіи Бытописатели повидимому занимаются только изложеніемъ исторіи Патріарховъ, преемства царей народа Божія, или описаніемъ какого либо событія, достойнаго памяти; и тогда, если внимательно разсмотрѣть образъ ихъ повѣствованія, легко можно усмотрѣть, что они имѣютъ въ виду не только сказаніе о прошедшемъ, но и возвѣщеніе событій будущихъ, имѣющихъ случиться по истеченіи вѣковъ. Въ дока-

зательство сей истины приведемъ хотя одинъ изъ множества примѣровъ. Такъ, исторія Іосифа есть не только исторія сего Патріарха, но вмѣстѣ и исторія Іисуса Христа, явившагося въ мірѣ по прошествіи около семнадцати столѣтій послѣ Іосифа.

Обнажите исторіи лучшихъ писателей, содѣлавшихся такъ сказать народными, отъ всего неподлежащаго вліянію страстей, исключите напримѣръ изъ нихъ, что такіе-то Государи царствовали въ такихъ-то странахъ, что такія-то битвы произведены такими-то полководцами, — что извѣстныя царства пали и на мѣстѣ ихъ возникли такія-то другія: сколь твердое основаніе найдете вы для всего прочаго, повѣствуемаго въ сихъ исторіяхъ? И какихъ жалкихъ погрѣшностей не дѣлаютъ весьма часто свѣтскіе историки, когда рѣшаются изъяснять причины событій, предпріятія и домогательства лицъ, выводимыхъ ими на зрѣлище? Главная цѣль ихъ сочиненій всегда состоитъ въ томъ, чтобы нравиться читателямъ. Посему

самые искусные выбираютъ и располагаютъ происшествія такъ, какъ живописецъ свои краски, и составляютъ изъ нихъ такія картины, которыя соединяютъ въ себѣ сужденія, болѣе сообразныя съ понятіями, предразсудками и страстями вѣка, въ которомъ пишутъ, и народа, для котораго пишутъ, — такія картины, коихъ цвѣты, искусно расположенные, пріятно иногда дѣйствуютъ на *чувство* зрѣнія, и которыя имѣли бы достоинство, если бы соотвѣтствовали своему предмету. Но какъ онѣ далеки отъ того! ибо весьма часто сіи историки, увлеченные ложными понятіями своего вѣка и народа,—не говорю уже о ихъ собственныхъ предразсудкахъ,—хвалятъ то, что надлежало бы порицать, и порицаютъ то, что надлежало бы хвалить.—Они часто представляютъ худое добрымъ, а доброе худымъ; достойное презрѣнія удивительнымъ, а заслуживающее уваженіе презрительнымъ; они представляютъ ложнымъ и неимовѣрнымъ истинное, а то, что предъ очами Бога ложно,—несомнѣннымъ: словомъ, въ ихъ

исторіяхъ вездѣ видѣнъ человѣкъ съ своею слабостію и недальновидностію, съ своими страстями, предразсудками, заблужденіями, и даже весьма часто съ своею несправедливостію и злобою.

Но вы не найдете ничего подобнаго у нашихъ Священныхъ Бытописателей; все у нихъ справедливо и основательно, все истинно, все божественно. Между тѣмъ какъ свѣтскіе историки, единственно занятые землею и тѣмъ, что на ней происходитъ, представляютъ намъ однѣ дѣтскія игры—игры жестокія, въ которыхъ дѣти терзаютъ другъ друга за вещи ничтожныя; наши Бытописатели Священные, совершенно занятые Богомъ, къ Нему все и относятъ; вездѣ въ ихъ исторіяхъ Богъ является всюду дѣйствующимъ, приводящимъ все въ порядокъ, все направляющимъ къ опредѣленной цѣли и къ исполненію своихъ намѣреній. Если, напримѣръ, весь народъ единодушно стекается къ своему вождю, дабы идти противъ непріятеля; то они замѣчаютъ, что Богъ тронулъ сердце сего народа; если какой либо великій вое-

начальникъ одерживаетъ рѣшительныя побѣды надъ врагами своего отечества то они указываютъ на десницу Божію, говоря, что все это дѣлаетъ Богъ Силъ, спасая страну оружіемъ сего полководца.—Свободные отъ всѣхъ предразсудковъ и страстей, Священные наши Бытописатели не имѣютъ другаго правила для своихъ сужденій, кромѣ закона Божія, и съ симъ-то правиломъ они соображаютъ свои похвалы или порицанія. Самое лучшее титло, какое только можно дать лицамъ историческимъ, по ихъ мнѣнію, есть титло праведнаго. Изображая жизнь Государей, сіи Бытописатели прославляютъ ихъ не за то, что они произвели такія дѣла, которыя міръ признаетъ великими, но единственно за то, что исполнили *правое предъ Господемъ* (2 Цар. 15, 5). И если они хвалятъ Давида болѣе всѣхъ прочихъ, то это потому, что Давидъ былъ *мужъ по сердцу Божію* (Дѣян. 13, 22). Нѣтъ у нихъ размышленій внушенныхъ честолюбіемъ, желаніемъ обратить на себя вниманіе читателей: они говорятъ о вещахъ съ

безпримѣрною простотою. Но въ самой сей простотѣ есть нѣчто божественное, трогающее, проницающее душу,—болѣе привлекательное, нежели все самое лучшее въ произведеніяхъ человѣческихъ. Напримѣръ, можетъ ли быть простѣе и вмѣстѣ божественнѣе того образа рѣчи, какой употребляютъ Апостолы, повѣствуя о смерти своего Учителя? Смерть сія, которой виновниками были Іудеи, есть, безъ всякаго сомнѣнія, величайшее и ужаснѣйшее изъ всѣхъ злодѣяній; но изображая оную, Апостолы говорятъ просто о сихъ Іудеяхъ: *они же возглашаху глаголюще, распни, распни Его!* .... *и распяша Его* (Лук. 23, 21. 33). Люди, которые преданы самимъ себѣ и которымъ не предопредѣлено быь небеснымъ орудіемъ—истолкователями воли Божіей, никогда бы не описали событія столь близкаго къ ихъ сердцу съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ, съ такою простотою.

Другое достопримѣчательное различіе между свѣтскими и Священными Писателями состоитъ въ томъ, что въ пи-

сателяхъ свѣтскихъ событія самыя обыкновенныя, самыя естественныя и правдоподобныя по себѣ, часто мало заслуживаютъ вѣроятія; ибо весьма сомнительно, чтобы писатель въ извѣстномъ случаѣ говорилъ непогрѣшительно,—или потому, что онъ не могъ знать истины, или потому, что имѣлъ причины исказить оную. Напротивъ наши Писатели Священные повѣствуютъ о происшествіяхъ самыхъ чрезвычайныхъ съ такимъ выраженіемъ истины, которое не допускаетъ никакого сомнѣнія. Такъ, когда историкъ свѣтскій изображаетъ наприм. черными красками преступленія извѣстныхъ лицъ; то, хотя нѣтъ ничего ни столь общаго между людьми, ни столь вѣроятнаго по себѣ, какъ преступленія и злодѣянія, но часто впрочемъ случается, что страстное состояніе сего историка, обнаруживающееся въ его образѣ выраженія, или другое какое-либо подобное обстоятельство заставляетъ усомниться въ истинѣ его повѣствованія. Когда напротивъ Моисей, повѣствуя о чудесахъ, сотворенныхъ

для посрамленія жестоковыйной гордости нечестиваго Фараона, говорить, что всѣ воды Египетскія превращены были въ кровь, всѣ первенцы въ одно мгновеніе поражены смертію и Чермное море посредѣ своихъ водъ открыло удобный путь для Израильтянъ; или когда Апостолы свидѣтельствуютъ, что ихъ Божественный Учитель превратилъ воду въ вино, исцѣлялъ всѣ недуги однимъ словомъ, воскрешалъ мертвыхъ и Самъ наконецъ воскресъ: тогда, сколь ни чудесны всѣ сіи событія, какъ ни кажутся онѣ неимовѣрными съ перваго взгляда, но если будешь со вниманіемъ читать божественное повѣствованіе о нихъ, то и при малѣйшемъ здравомысліи и безпристрастіи невольно скажешь: не таковы бываютъ вымыслы!

Приступимъ теперь къ сравненію нашихъ Священныхъ книгъ съ произведеніями мудрецовъ свѣтскихъ.—Мы разумѣемъ здѣсь тѣхъ мудрецовъ, которые, все извлекая изъ собственнаго ума и сердца, или заимствуя изъ сочиненій другихъ подобныхъ имъ мудрецовъ, ничего

не почерпають изъ книгъ священнаго Писанія. Что найдемъ мы въ ихъ сочиненіяхъ? Не ищите въ нихъ нималѣйшаго познанія о будущемъ: сіе познаніе не принадлежитъ человѣку.—Нужно быть просвѣщеннымъ свыше, подобно Пророкамъ, чтобы о событіяхъ будущихъ повѣствовать съ такою увѣренностію, какъ бы онѣ уже прошли, нужно быть просвѣщеннымъ свыше, подобно Исаіи, дабы подобно ему, дважды назвать Кира по имени за 100 слишкомъ лѣтъ до его рожденія и предсказать возстановленіе Іерусалима и Храма, тогда какъ никто не думалъ еще разрушать оныхъ; нужно быть просвѣщеннымъ свыше, подобно Даніилу, дабы задолго прежде событія начертать, какъ начерталъ онъ, всю послѣдовательность исторіи государствъ въ продолженіи многихъ столѣтій.

Что еще представляютъ намъ самыя знаменитыя произведенія мудрецовъ вѣка сего?—Слова искусно набранныя и красивые обороты. Но что кроется подъ сею привлекательною наружностію? — глубокое невѣдѣніе всего, самаго важнаго

для счастія человѣческаго, суетныя умствованія, догадки, сомнѣнія, неопредѣленности, погрѣшности. Есть правда и довольно истинъ; но онѣ относятся только къ предметамъ сего міра и жизни настоящей; есть довольно утѣшеній въ бѣдствіяхъ жизни, но онѣ какъ-то холодны; есть довольно уроковъ о добродѣтели, но они были бы полезны тогда, когда бы учители имѣли болѣе довѣренности, и особенно, если бы они не искажали почти всѣхъ, проповѣдуемыхъ ими, добродѣтелей, то простирая оныя до излишества, то основывая на укоризненномъ началѣ личной выгоды или высокомѣрія. Вотъ все, что заключается въ книгахъ сихъ людей, которыхъ мудростію міръ столько тщеславится! — Столько-то скудна мудрость человѣческая, когда она руководствуесся своимъ собственнымъ свѣтомъ, или лучше, своею темнотою!

Напротивъ наши Свящ. книги, по словамъ Св. Златоуста, составляютъ неистощимый источникъ богатствъ. Откройте оныя: вы найдете въ нихъ то,

чего всѣ земные мудрецы не постигали; вы изъ нихъ узнаете, что Богъ сотворилъ изъ ничего небо и землю; узнаете, что Онъ сотворилъ человѣка по своему образу и подобію, что смерть вошла въ міръ грѣхомъ, а самый грѣхъ завистію діавола; вы въ нихъ увидите, что духъ нашъ по оставленіи тѣла переселяется въ вѣчность и возвращается къ Богу, который намъ даровалъ его, дабы отдать Ему отчетъ въ содѣянныхъ имъ добродѣтеляхъ или порокахъ;—увидите, что не смотря на проклятіе, которымъ поражена земля въ слѣдствіе грѣха, Богъ не отвергъ насъ, и—мы, если только любимъ Его, будемъ вѣчно блаженны. И какихъ высокихъ истинъ не увидите въ нихъ? Ибо сіи Божественныя книги заключаютъ въ себѣ все необходимое для достиженія блаженства. Наши Свящ. писатели не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ писателями свѣтскими: почти все достоинство послѣднихъ обыкновенно зависитъ отъ порядка и расположенія словъ въ ихъ сочиненіяхъ и отъ образа представленія вещей; между тѣмъ

какъ мудрость писателей Священныхъ независима отъ всякаго внѣшняго краснорѣчія, отъ всѣхъ подобныхъ украшеній. Внушаемая ими мудрость стоитъ сама собою; она держится собственною силою и отъ себя самой заимствуетъ все свое достоинство.

Впрочемъ изъ сего не должно заключать, чтобы въ Св. Писаніи не было такихъ мѣстъ, которыми, — если даже судить о нихъ по правиламъ человѣческимъ, — наши Свящ. писатели безпредѣльно превышаютъ все, самое высокое и прекрасное въ произведеніяхъ писателей свѣтскихъ: мы только говоримъ, что существенный характеръ Св. Писанія состоитъ въ простотѣ, соединенной съ силою. Оно не беретъ власти надъ сердцами посредствомъ выраженій обдуманныхъ, — не пользуется плавнымъ теченіемъ рѣчи, прикрывающимъ мнѣнія суетныя и сомнительныя; отвергая все сіе, оно живо трогаетъ всякаго человѣка, предпочитающаго содержаніе словамъ, и если иногда исполняетъ насъ страхомъ, то сіе дѣлаетъ въ намѣреніи

управить насъ въ обитель вѣчнаго покоя. Нѣтъ въ немъ суетныхъ умствованій, нѣтъ догадокъ, сомнѣній и неопредѣленности; нѣтъ растянутаго пустословія, которымъ такъ часто наполняются произведенія человѣческія.—Предметы Божественные изложены въ Писаніи кратко и безъ украшеній, говоритъ Лактанцій. Такъ и должно быть, присовокупляетъ онъ же: ибо неприлично Богу, говоря людямъ, доказывать истину словъ своихъ, какъ будто бы мы не обязаны Ему вѣрить безъ доказательствъ. Посему Св. Духъ говоритъ въ Писаніи такъ, какъ должно говороть Верховному Судіи вселенной, которому свойственно не доказывать и препираться, но произносить судъ свой на все и возвѣщать истину. Онъ говоритъ въ Писаніи, какъ никогда и никакой человѣкъ не говорилъ; Онъ говоритъ и поучаетъ такъ, какъ говорилъ и поучалъ нѣкогда Іисусъ Христосъ на землѣ,—со всею властію и достоинствомъ Бога (Мат. 7, 29).

Сколько истинъ, и притомъ сколько возвышенныхъ, Онъ внушаетъ намъ въ

Св. Писаніи! Здѣсь представляются и угрозы, и обѣтованія, и выраженія любви, и примѣры для подражанія и образцы молитвъ: представляются угрозы, дабы предохранить насъ отъ нечестія предсказаніемъ той ужасной участи, которой мы подвергнемся, если будемъ дѣлать злое;—обѣтованія, дабы возбудить насъ къ добродѣтели изображеніемъ вѣчныхъ наградъ, уготованныхъ намъ на небѣ, если мы пребудемъ вѣрными Богу;—выраженія любви, дабы смягчить наши сердца и тронуть оныя описаніемъ того, что сдѣлалъ для насъ Господь;—примѣры для подражанія, дабы они руководили насъ на стезю, ведущую къ истинному блаженству;—наконецъ представляются образцы молитвъ, дабы чрезъ оные доставить намъ возможность—и здѣсь еще предвкушать сіе блаженство возношеніемъ нашихъ сердецъ къ Богу нашему.

Священное Писаніе есть неизсякаемый источникъ, изъ котораго Христіанинъ можетъ почерпать безчисленныя средства быть счастливымъ; и заключаетъ въ себѣ такія сокровища, съ которыми

никакъ не могутъ сравниться всѣ блага земныя, Св. Златоустъ безпрестанно говорилъ о семъ своей паствѣ: онъ былъ неистощимъ въ отношеніи къ сему предмету. Припомните, говорилъ онъ своимъ слушателямъ, что *елика предначисана быша*, по выраженію Апостола Павла, *въ наше наказаніе преднаписашася, да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы* (Рим. 15, 4). Вотъ чего хочетъ достигнуть Богъ посредствомъ сего божественнаго Писанія! Онъ хочетъ укрѣпить и поддержать насъ въ борьбѣ со внутренними и внѣшними врагами нашими. Во время сей борьбы мы имѣемъ нужду во всякомъ утѣшеніи Божественнаго Писанія для подкрѣпленія нашего терпѣнія и для поддержанія нашей надежды, посредствомъ терпѣливаго перенесенія всѣхъ несчастій. Сіи двѣ добродѣтели—надежда и терпѣніе, столь необходимыя въ сей жизни, раждаются одна отъ другой и между тѣмъ имѣютъ одинъ общій источникъ въ Свящ. Писаніи.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Св. Учи-

тель, приведши слѣдующія слова Апостола: *всяко Писаніе Богодухновенно и полезно есть ко ученію, къ обличенію, къ исправленію и къ наказанію, еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16. 17), присоединяетъ: что Богодухновенное Писаніе полезно, кто можетъ въ томъ сомнѣваться? Дѣйствительно, оно полезно для всего того, о чемъ говоритъ Апостолъ. Такъ, если мы не знаемъ чего либо необходимаго для истиннаго нашего счастія, то Писаніе открываетъ намъ оное; нужно ли намъ опровергнуть заблужденія, — изъ Писанія заимствуемъ для сего вѣрныя средства и доказательства; нужно ли исправить, обличить, преклонить, утѣшить, наполнить пустоту души,—тоже Писаніе вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ симъ потребностямъ. Оно, по словамъ помянутаго Отца, укрѣпляетъ добрые нравы, украшаетъ душу всѣми добродѣтелями, возноситъ наши мысли къ Небу, даетъ намъ чувствовать благодѣянія Божіи, внушаетъ отвращеніе къ

пороку и презрѣніе къ чувственнымъ наслажденіямъ настоящей жизни; обращаетъ наши желанія къ благамъ вѣчнымъ и побуждаетъ насъ пещись о снисканіи оныхъ, подаетъ намъ силы къ радостному перенесенію скорбей, неразлучныхъ съ исполненіемъ добродѣтели; оно научаетъ насъ, что Богъ всегда готовъ помогать всѣмъ, къ Нему прибѣгающимъ; представляетъ намъ и непобѣдимое мужество праведниковъ, и безконечную благость Божію къ людямъ, и безпредѣльныя блага, которыми награждаетъ Богъ за ихъ подвиги и добродѣтели; оно выводитъ насъ изъ грѣховнаго усыпленія, предлагая намъ въ Святыхъ мужахъ образцы для подражанія, и примѣромъ ихъ заставляетъ безостановочною и твердою стопою проходить то поприще, которое совершили они съ толикою славою.

Но кромѣ сихъ назидательныхъ примѣровъ, которые оставили намъ мужи прославленные святостію, Писаніе представляетъ намъ еще и другіе, неменѣе полезные, если только мы будемъ умѣть

цми пользоваться. Мы видимъ въ Писаніи праведниковъ падающими и грѣшниковъ, очистившихся искреннимъ покаяніемъ, помилованными. *Для* чего сіи примѣры?—*для* того, чтобы праведники не превозносились, а грѣшники не предавались отчаянію. Сими примѣрами оно съ одной стороны смиряетъ насъ, взывая въ наше предостереженіе: *кто думаетъ, что онъ* твердо *стоитъ*, *берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10, 12); а съ другой—ободряетъ, говоря устами Іереміи: *еда падаяй не востаетъ? или отвращаяйся* отъ праваго пути *не обратится* на оный? (Іер. 8, 4).

Такимъ-то образомъ всегда говоритъ Богъ въ Писаніи нашему сердцу; вездѣ въ немъ является Онъ Отцемъ нѣжнымъ, но въ то же время Богомъ, знающимъ всѣ наши тайны и всю нашу немощь; вездѣ въ Писаніи Онъ даетъ намъ чувствовать ту истину, которую столь сильно выразилъ Апостолъ Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *живо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее*

даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судительно помышленіямъ же и мыслямъ сердечнымъ (Евр. 4, 12). Вотъ куда проникаетъ Слово Божіе, содержащееся въ нашихъ Свящ. книгахъ! И что дѣлаетъ сіе живое Слово въ изгибахъ души и духа? что дѣлаетъ оно въ сихъ членахъ и внутренностяхъ?—Подобно мечу обоюду острому, оно отсѣкаетъ тамъ съ обѣихъ сторонъ все, что только находитъ излишнимъ и нечестивымъ: отсѣкаетъ съ одной стороны—когда ослѣпляетъ и напыщаетъ насъ счастіе, а съ другой—когда несчастіе насъ сражаетъ и приводитъ въ уныніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если все намъ благопріятствуетъ, и мы въ упоеніи радостію готовы всякой призракъ счастія считать твердою для себя опорою и защитою; то священное Писаніе въ примѣрѣ Давида предлагаетъ намъ дѣйствительное побужденіе убѣгать отъ сего зла, столь опаснаго и столь близкаго къ высокомѣрію.—*Я*, говоритъ Св. Царь, *сказалъ было во благоденствіи моемъ: не*

поколеблюсь во вѣкъ! Но вотъ *Ты, Господи, сокрылъ лице Твое,—и я смутился!* (Пс. 29, 7. 8).

Скорбь ли овладѣла нашею душею?—то же Писаніе въ ободреніе наше представляетъ намъ праведника, котораго душа, по его признанію, отреклась было отъ утѣшенія; но лишь только онъ вспомнилъ о Богѣ, тотчасъ и возвеселился такою радостію, отъ которой не могъ и говорить (Пс. 76, 3. 4. 2). Въ самыхъ сильныхъ страданіяхъ нашихъ божественное Писаніе подкрѣпляетъ и утѣшаетъ насъ, возбуждая въ сердцѣ нашемъ то усладительное чувство, которое выразилъ Давидъ, говоря во время своего унынія самому себѣ: *что унываешь, душа моя, что смущаешься! Уповай на Бога, Спасителя моего!* (Пс. 41, 12).

Пусть бѣдность будетъ нашимъ удѣломъ, пусть кромѣ неудобствъ и безпокойствъ житейскихъ, наша скудость составляетъ съ обиліемъ, пышностію и тщеславіемъ презирающаго насъ богача, противоположность тѣмъ болѣе оскор

бительную, чѣмъ болѣе она дѣлаетъ для насъ чувствительнымъ наше униженіе: Божественное Писаніе подаетъ намъ въ семъ случаѣ надежное утѣшеніе, указывая и на десницу Божію, готовую помогать намъ, и на тщету сихъ скорогибнущихъ сокровищъ, о потерѣ коихъ мы столько сокрушаемся. *Возверзи на Господа печаль твою,* говоритъ оно, *и той тя препитаетъ* (Пс. 54, 35). *Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучши ихъ есте?* (Матѳ. 6, 26). *Не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, или егда умножится слава дому его: яко внегда умрети ему, не возметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его* (Пс. 48, 17).

Но меня тѣснятъ, преслѣдуютъ, лишаютъ всякой помощи и защиты; я сдѣлался предметомъ злорѣчія и жертвою самаго ужаснаго вѣроломства; я оставленъ, презрѣнъ, отверженъ тѣми даже, отъ которыхъ всего менѣе ожидалъ сего. Въ сихъ крайностяхъ опять

Писаніе спѣшитъ ко мнѣ на помощь. Оно не только внушаетъ мнѣ для моего утѣшенія, что сіи явленія, какъ весьма обыкновенныя между людьми, не должны приводить меня въ уныніе: но—что еще важнѣе—оно подаетъ мнѣ средство удобно перенести бремя толикихъ несчастій. Сіе средство есть то самое, какое въ подобномъ случаѣ употреблялъ Давидъ. *Воставше на мя свидѣтеле неправедніи*, говоритъ онъ, *яже не вѣдяхъ, вопрошаху мя; воздаша ми лукавая возблагая:* вотъ несчастіе!—*Азъ же*, продолжаетъ Пророкъ, *внегда они стужаху ми, облачахся во вретище, и смиряхъ постомъ душу мою, и молитва моя обращалась въ груди моей:* вотъ и врачевство противъ сего несчастія! (Пс. 34, 11. 12. 13). *Искренніе мои*, говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, *и друзья мои, видя язву мою, отступили, вдали стоятъ ближніе мои; ищущіе же души моей ставятъ сѣть, и желающіе мнѣ зла говорятъ о погибели, и о коварствахъ помышляютъ всякой день:* вотъ несчастіе! Но вотъ и сред-

ство избавиться отъ него: *А я,* прибавляетъ Давидъ, *какъ глухой, не слышу, и какъ нѣмой, который не открываетъ устъ своихъ; я какъ человѣкъ, который не слышитъ, или не имѣетъ въ устахъ своихъ оправданія* (Псал. 37, 12—15). Св. Царь заключаетъ сіи свои разглагольствія увѣреніемъ, что среди всѣхъ таковыхъ несчастій онъ возлагалъ все свое упованіе на Бога и обрекъ себя— въ удовлетвореніе за грѣхи—на перенесеніе всѣхъ ударовъ Божественнаго Правосудія (ст. 18. 19).

Но мы никогда бы не окончили размышленій о своемъ предметѣ, если бы не намѣрены были ничего опустить. Посему ограничимся замѣчаніемъ, что нѣтъ ни одного состоянія въ жизни, котораго бы не касалось Священное Писаніе и для котораго бы не предлагало назидательныхъ уроковъ. Оно для всѣхъ людей, въ какомъ бы кто состояніи ни находился, представляетъ всѣ добродѣтели въ столь прекрасныхъ и привлекательныхъ чертахъ, что наше сердце, если

только оно не ожесточилось, невольно, такъ сказать, располагается къ нимъ.

Какъ безжизненны произведенія человѣческія и какъ онѣ пусты въ сравненіи съ Св. Писаніемъ! Правда, въ немъ нѣтъ и намека на тѣ высокія знанія, коими люди столько превозносятся. Св. Духъ, по внушенію котораго наши Священныя книги написаны, сказавъ, что Богъ есть Творецъ міра и всего въ немъ видимаго, симъ и ограничился. Онъ ни мало не объяснилъ намъ ни устройства и внѣшняго вида вселенной, ни того, какимъ образомъ земля, солнце, луна и прочія небесныя свѣтила поддерживаются и плаваютъ въ пространствѣ, и т. п. Это значитъ, что Богъ, какъ о томъ говоритъ премудрый Екклезіастъ, предоставилъ всѣ вещи на сужденіе людей, дабы вразумить ихъ, что дѣла Его недовѣдомы, и что имъ не возможно постигнуть оныя (Еккл. 1, 13. 8, 17). Но Духъ Святый сдѣлалъ еще болѣе; Онъ не только умолчалъ въ Писаніи о сихъ предметахъ, но еще допустилъ, чтобъ Священные писатели, повѣствуя объ оныхъ, у-

потребили несовершенный языкъ своего времени;—дозволилъ имъ, чтобъ они, соображаясь съ понятіями народа, представляли напримѣръ небо подобнымъ твердому своду, а землю равниною, утвержденною на столбахъ. Для чего это?—для того, чтобы мы знали о трехъ весьма важныхъ вещахъ: во первыхъ, что сія знанія, которыхъ такъ усердно ищутъ люди, не важны предъ лицемъ Бога; во вторыхъ, что неточное сужденіе о сихъ предметахъ не можетъ осквернить души нашей, и слѣдовательно не можетъ содѣлать насъ недостойными въ очахъ Божіихъ; наконецъ въ третьихъ, что всѣ знанія земныя, вмѣстѣ взятыя, не стоятъ и малѣйшей добродѣтели.

Превосходство и Божественность Св. Писанія доказываются даже нѣкоторою въ иныхъ мѣстахъ темнотою онаго. Должно согласиться, что въ нашихъ Священныхъ книгахъ есть истины, несовершенно для насъ понятныя; но мы не будемъ сему удивляться, когда припомнимъ, какъ несходны съ настоящимъ по-

ложеніемъ вещей нравы, обычаи, чувства, наклонности и образъ выраженія тѣхъ народовъ и временъ, которыхъ исторія содержится въ Св. Писаніи, и тѣхъ Писателей, которые излагали оную. Присоедините къ нему и возвышенность предметовъ, о которыхъ говорится въ Писаніи, и самую природу Того, кто внушалъ истины, въ немъ содержащіяся. Удивительно ли, что тамъ, гдѣ говоритъ Богъ, недостаточно иногда человѣческаго разумѣнія? Какъ часто дитя не понимаетъ вполнѣ того, что говоритъ ему человѣкъ совершеннолѣтній? Но если сіе можетъ случиться тогда, когда говоритъ человѣкъ человѣку; то должно ли удивляться тому, что для насъ не всегда понятенъ Божественный языкъ Священнаго Писанія? Чего мы доселѣ не поняли и теперь еще не разумѣемъ, то можемъ узнать послѣ, если будемъ тщательнѣе вникать въ Писаніе и молиться, *да дастъ* намъ *Господь разумъ* постигнуть истины, въ немъ заключающіяся;—что теперь непонятно для насъ въ Священныхъ книгахъ, то со-

вершенно объяснится въ другой жизни: тогда всѣ увидятъ истину Слова Божія,— праведные для вѣчныхъ радостей, а нечестивые для вѣчнаго мученія.

Но мы скажемъ еще болѣе,—мы утверждаемъ, что священный мракъ, покрывающій нѣкоторыя мѣста Св. Писанія, представляетъ намъ одно изъ самыхъ разительныхъ доказательствъ премудрости и благости Божіей. Почему такъ? Если бы все было понятно въ Священныхъ книгахъ, то мы не для всѣхъ бы несовершенствъ своихъ находили въ немъ врачеваніе. Съ явленіемъ въ мірѣ грѣха духъ нашъ одержимъ двумя главными недугами, которые можно считать источникомъ всѣхъ прочихъ: невѣжествомъ и гордостію. Яснымъ и удобопонятнымъ Писаніе разсѣваетъ тьму нашего разума, открывая намъ намѣренія Божіи касательно насъ: вотъ врачевство для нашего невѣжества! Но если бы все было ясно въ Св. Писаніи и ничто не превышало нашихъ понятій; то ослѣпленные нашими познаніями, мы кончили бы тѣмъ, что приписали бы

оныя самимъ себѣ, а не Богу; и наша гордость повергла бы насъ еще въ большую погибель, нежели невѣжество. И такъ очевидно, что спасительный мракъ, которымъ иногда Св. Духъ прикрываетъ нѣчто въ божественномъ Писаніи, по истинѣ есть благодѣяніе Его благости; потому что, дая намъ чувствовать чрезъ то ограниченность и слабость нашего ума, Онъ спасаетъ насъ отъ пропасти, въ которую бы въ противномъ случаѣ неминуемо низринула насъ наша гордость.

Посему восхвалимъ благость Божію, которая толикообразно бесѣдуетъ съ нами и наставляетъ насъ въ Св. Писаніи. Будемъ всегда взирать на Богодухновенныя книги, которыхъ достоинство безпредѣльно превышаетъ всѣ произведенія человѣческія, какъ на совершеннѣйшій даръ Божій, какъ на правило нашей жизни, источникъ всякаго святаго утѣшенія, основаніе всѣхъ надеждъ нашихъ. Если же нечестивые въ нашихъ глазахъ будутъ глумиться надъ ними, или когда люди легкомысленные съ неуваженіемъ будутъ говорить о тѣхъ,

которыхъ Богъ избралъ орудіемъ для ихъ начертанія: то мы оплачемъ сіе ихъ ослѣпленіе, паче же всего да возгнушаемся симъ нечестіемъ и будемъ блюсти себя отъ онаго, какъ отъ смертоносной заразы.

V.

О ЧТЕНІИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ.

Показавъ достоинство Св. Писанія (*), теперь прилично сказать нѣчто о чтеніи онаго. Предметъ сей очень важенъ и достоинъ всего нашего вниманія.

Мы думаемъ, что никакой здравомыслящій человѣкъ не будетъ сомнѣваться въ томъ, что чтеніе Св. Писанія весьма полезно и душеспасительно. Ибо если наши Священныя книги написаны, какъ то извѣстно, по внушенію Духа Божія (2 Тим. 3, 16); если онѣ содержатъ въ себѣ столько наставленій и средствъ для уврачеванія души, столько дѣйствительныхъ утѣшеній въ бѣдствіяхъ жизни, столько уроковъ благочестія, доказательствъ истины святой нашей Вѣры: то необходимо слѣдуетъ,

(*) См. предъидущ. статью.

что сіи божественныя книги могутъ служить для читающаго источникомъ свѣта и жизни, и что чтеніе оныхъ составляетъ для души истинно благочестивой занятіе самое пріятное, самое полезное и спасительное. «Когда я читаю Св. Писаніе, говоритъ Блаж. Августинъ, то мнѣ представляется Богъ ходящимъ еще въ раю» т. е. когда мы читаемъ оное съ истиннымъ, благочестивымъ расположеніемъ духа, то Самъ Богъ разглагольствуетъ въ немъ съ нами, какъ Онъ разглагольствовалъ нѣкогда въ раю съ невиннымъ человѣкомъ; и сколько благодѣяній изливаетъ Онъ на насъ въ сихъ блаженныхъ разглагольствіяхъ! Въ нихъ Самъ Онъ поучаетъ насъ, обличаетъ, исправляетъ, утѣшаетъ; въ нихъ Онъ показываетъ намъ истинныя наши обязанности, и располагаетъ насъ чтить и вѣрно исполнять оныя; въ сихъ божественныхъ разглагольствіяхъ Богъ укрѣпляетъ нашу вѣру, утверждаетъ надежду и сердца наши исполняетъ святою любовію. «Евангеліе, говоритъ помянутый Учитель Церкви, есть тоже,

что уста Іисуса Христа; и хотя Іисусъ Христосъ теперь на небѣ, но Онъ не престаетъ еще посредствомъ Евангелія бесѣдовать съ нами на землѣ.» Впрочемъ Онъ не только бесѣдуетъ съ нами въ Евангеліи, но и присущъ намъ бываетъ чрезъ оное. Ибо когда мы читаемъ Евангеліе, то не только слышимъ слова Христовы, но видимъ и ощущаемъ Его дѣла, чудеса и всѣ благодѣянія, которыя Онъ излилъ нѣкогда на приближавшихся къ Нему съ вѣрою, и доселѣ изливаетъ на насъ, если мы по своей вѣрѣ бываемъ оныхъ достойны.

Такіе-то спасительные плоды доставляетъ чтеніе Священнаго Писанія душамъ благочестивымъ! Посему древніе Пастыри Церковные со всею, свойственною имъ, благочестивою ревностію увѣщавали къ сему чтенію Христіанъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію. Такъ напримѣръ, Златоустъ сильно огорчался тѣмъ, что его слушатели не имѣли достаточнаго познанія истинъ, въ Писаніи содержащихся. Отъ сего-то происходитъ, говорилъ онъ имъ, и множество ересей,

и развращеніе нравовъ, и разсѣяніе, и привязанность къ вещамъ ничтожнымъ.

Впрочемъ, хотя чтеніе Св. Писанія весьма полезно и душеспасительно, однако не должно думать, будто неумѣющіе, или почему либо немогущіе читать сего Писанія, не могутъ получить спасенія. Для сего необходимо вѣдѣніе истинъ въ Писаніи содержащихся и сердечная вѣра въ оныя; а вѣдѣніе и вѣра, какъ извѣстно, не чрезъ чтеніе только пріобрѣтаются, но бываютъ и *отъ слуха* (Рим. 10, 17). Посему-то много было, а можетъ быть и теперь довольно есть такихъ простолюдимовъ, которые вѣдаютъ книги не учившись, которые не читая, но только слушая Писаніе, лучше знаютъ вѣру Христіанскую и живутъ добродѣтельнѣе, нежели тѣ, кои *всегда учащеся, николиже* могутъ *въ разумъ истины пріити* (2 Тим. 3, 7). Блаженный Ириней, почти современный Апостоламъ Учитель Церкви, свидѣтельствуетъ, что въ его время между народами варварскими было много вѣрующихъ, весьма совершенныхъ и богатыхъ *во всякомъ сло-*

въ и разумѣ (1 Кор. 1, 5), хотя они никогда не читали Св. Писанія; (потому конечно, что оно было имъ неизвѣстно). Откуда же они почерпнули спасительное вѣдѣніе истинъ Христіанскихъ? Безъ сомнѣнія изъ живаго слова своихъ Пастырей, которые сообщаютъ пасомымъ тѣ же наставленія, какія мы извлекаемъ изъ Писанія, читая оное.

Послѣ сего можно ли сомнѣваться, чтобы вѣрующіе, по различнымъ причинамъ лишенные возможности читать Св. Писаніе, не могли содѣлаться совершенными Христіанами и получить спасеніе? Слушать пастырей, которые ежедневно чтутъ, и изъясняютъ Писаніе мірянамъ, соображаясь съ ихъ нуждами и состояніемъ, значитъ читать самое Писаніе. Пастырей можно назвать живымъ Писаніемъ.

Съ другой стороны, чтеніе Писанія, будучи весьма полезно и спасительно само въ себѣ, можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ и вреднымъ, когда читающіе не имѣютъ приличнаго расположенія духа. Такъ учатъ Отцы, болѣе всего за-

нимавшіеся предохраненіемъ вѣрующихъ отъ опасности, которой подвергаетъ ихъ злоупотребленіе Св. Писанія. Если сіи ревностные Пастыри говорили, какъ то мы уже и видѣли, что незнаніе Св. Писанія есть источникъ заблужденій, потому что оно допускаетъ укореняться въ нашихъ сердцахъ коварнымъ мнѣніямъ лжеучителей, обольщающихъ насъ Словомъ Божіимъ: то они также внушали и ту истину, что ереси и плевелы ученія, которыя, подобно сѣтямъ, опутываютъ души и ввергаютъ ихъ въ пропасть, происходятъ отъ того же Писанія, столь совершеннаго въ себѣ: «многіе, худо понявши оное, безразсудно дерзаютъ провозглашать несомнѣннымъ тотъ худой смыслъ, который они усвояютъ Писанію;»—это собственныя слова Божественнаго Августина. «Божественное слово, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, спасительно для истинно разумѣющихъ оное; но оно опасно для тѣхъ, которые желаютъ исказить его сообразно съ развращенными склонностями своего сердца, между тѣмъ,

какъ надлежало пользоваться онымъ для исправленія сего сердца. Весьма великое и притомъ весьма общее развращеніе людей состоитъ въ томъ, что они, бывъ обязаны жить по волѣ Божіей, хотятъ, чтобы Богъ поступалъ по ихъ произволу, и не желая сами исправиться, хотятъ, чтобы Онъ сдѣлался снисходительнымъ къ ихъ порокамъ: они признаютъ справедливымъ не то, что угодно Богу, но что имъ нравится (*). Чтоже изъ сего выходитъ?—то, что читающіе Свящ. Писаніе съ такимъ худымъ расположеніемъ духа принуждены бываютъ, какъ говоритъ помянутый Отецъ въ другомъ мѣстѣ, худо понимать оное, и сіе служитъ наказаніемъ за ихъ грѣхъ (**). Изъ сего видно, что Св. Писанія, какъ и всякой другой священной вещи, нельзя осквернять ненаказанно, и что читающіе оное съ такимъ худымъ расположеніемъ оскверняютъ его самымъ недостойнымъ образомъ.

Какія же долженъ имѣть расположенія читающій Св. Писаніе, дабы чтеніе

(*) Толк. на 14 ст. 8 Псалма.

(**) Толк. на 48 Псаломъ.

онаго было полезно для него?—Если мы хотимъ читать Св. Писаніе съ пользою, то должны читать оное со смиреніемъ, сердечною простотою, съ вѣрою, и не желая пріобрѣсть посредствомъ сего чтенія славу людей ученыхъ.

1. Должно читать Св. Писаніе со смиреніемъ, т. е. при чтеніи онаго должно прежде всего съ кротостію слѣдовать ученію Церкви и остерегаться желанія летѣть, какъ говорится, на собственныхъ крыльяхъ; ибо не въ своемъ умѣ, но въ ученіи Церкви, которая, по слову Апостола, есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), мы должны искать вѣрнаго изъясненія таинствъ, коими исполнено Писаніе. Горе тому, кто разумѣетъ оное иначе, нежели Церковь! Такой человѣкъ, усвоивъ ложный смыслъ Писанію, превратитъ *истину Божію во лжу* (Рим. 1, 25). Но съ особеннымъ стараніемъ должно остерегаться того, чтобы не судить о семъ божественномъ Писаніи такъ, какъ мы обыкновенно судимъ о произведеніяхъ человѣческихъ: дѣло Божіе не можетъ и не должно под-

лежать нашимъ приговорамъ! Мы должны читать Священное Писаніе не для взыскательнаго сужденія о слогѣ и составѣ рѣчи; но для безропотнаго подчиненія нашего ума и сердца всему тому, что оно внушаетъ намъ.

Блаженный Августинъ приводитъ самаго себя въ примѣръ опасности, какой можемъ подвергнуться, если будемъ читать Писаніе съ инаковымъ расположеніемъ духа. Онъ въ третьей книгѣ своей исповѣди признается, что, когда къ чтенію онаго побуждала его одна любознательность, то онъ находилъ въ немъ однѣ токмо непостижимыя таинства; «по высокомѣрію моего сердца, присоединяетъ Августинъ, я не могъ приспособиться къ простотѣ божественнаго Писанія; почему и духъ мой не нашелъ въ немъ ничего доступнаго. То справедливо, что сіе Писаніе растетъ, такъ сказать, съ малыми; но я возгнушался отнести себя къ числу ихъ, и — напыщенный гордостію, считалъ себя великимъ.» Но до чего довело его сіе ослѣпленіе? «Мною овладѣли, продолжаетъ по-

мянутый Отецъ, люди чувственные и болтливые, которыхъ гордость простиралась до сумасшествія и которыхъ всѣ слова были навѣтами сатаны.» Это были Манихеи. Блаженный Августинъ въ продолженіи девяти лѣтъ оставался въ заблужденіяхъ сей отвратительной секты.

Такимъ-то образомъ гордeливые читатели Св. Писанія впадаютъ въ жалкія заблужденія. Счастливы они, если по крайней мѣрѣ по истеченіи многихъ лѣтъ обращаются къ свѣту, подобно Блаженному Августину! Но сіи обращенія къ истинѣ рѣдки, и удобнѣе грѣшника извлечь изъ бездны порока, нежели довести гордый и самолюбивый духъ до смиреннаго признанія своихъ заблужденій.

2. Должно читать Св. Писаніе съ простотою, т. е. мы должны читать оное съ единственнымъ, или по крайней мѣрѣ главнымъ намѣреніемъ—питать и умножать имъ наше благочестіе. Посему во время чтенія намъ должно всегда имѣть предначисаннымъ предъ очами своими Бога и довольствоваться тѣмъ свѣтомъ,

какой будетъ угодно Ему сообщить намъ. Наша любознательность часто останавливаетъ насъ въ чтеніи Св. Писанія, когда мы хотимъ понять то, что надлежало бы опустить со всею простотою духа, какъ предметъ для слабаго разума нашего непостижимый.

«Читая различныя наши Писанія, говоритъ Блаженный Августинъ, мы должны обращать вниманіе на дѣянія въ нихъ изложенныя, на событія предсказанныя, образъ жизни намъ предписанный: души благочестивыя, простыя и богобоязненныя искали въ сихъ Священныхъ книгахъ воли Божіей.»

3. Должно читать Св. Писаніе съ вѣрою, т. е. должно считать несомнѣннымъ, что все содержащееся въ семъ Писаніи, какъ происшедшее отъ Бога, есть необходимо истинно, необходимо свято, необходимо безукоризненно. *Законъ Господень*, говоритъ Давидъ, *непороченъ, обращаяй души: свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы* (Пс. 18, 9), т. е. тѣхъ, которые охотно преклоняются подъ иго вѣры.—И въ дру-

гомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *словеса Господня, словеса чиста, сребро разжено, очищено седмерицею* (Пс. 11, 7). Итакъ когда случается намъ, читая сіи божественныя слова, находить въ нихъ нѣчто непонятное и какъ будто несообразное, то наша вѣра должна внушить намъ, что сіе непонятное и несообразное не таково дѣйствительно само въ себѣ,—но только кажется намъ такимъ потому, что мы худо видимъ; ибо въ семъ случаѣ мы подобны бываемъ тѣмъ больнымъ, коихъ мутное зрѣніе видитъ тѣни и пятна въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ оныхъ. Итакъ вмѣсто того, чтобы порицать непостижимое для насъ въ Писаніи, потому что мы онаго не понимаемъ, постараемся лучше уврачевать самихъ себя и будемъ всегда помнить сіи слова Св. Василія: «дабы читать божественное Писаніе безъ вреда, для сего должно умѣть пользоваться удобопонятнымъ и не соблазняться тѣмъ, что выше нашего разумѣнія.»

4. Не должно читать Св. Писанія съ

тѣмъ намѣреніемъ, чтобы получить чрезъ это славу людей ученыхъ: ибо въ противномъ случаѣ мы будемъ питать нашу гордость Словомъ Самаго Бога. «Это значило бы, говоритъ Св. Григорій, превращать въ ядъ сію священную и спасительную пищу нашихъ душъ.» Гордость, по замѣчанію мудраго наблюдателя дѣлъ житейскихъ, сокрушаетъ и приводитъ въ запустѣніе прекрасно устроенные домы (Сир. 21, 5); по сему можно сказать, что самое твердое, повидимому, благочестіе бѣдственно падаетъ, когда однажды любовь къ суетной славѣ овладѣетъ сердцемъ человѣка благочестиваго. Ибо *начало гордыни человѣку отступленіе отъ Господа* есть (10, 14).

Какое же слѣдствіе выведемъ изъ того, что доселѣ сказали?—Когда будемъ читать, или что все тоже, слушать Писаніе; то должны читать и слушать оное *не аки слово человѣческо, но, якоже есть воистину, Слово Божіе* (1 Сол. 2, 13); притомъ должны дѣлать это всегда съ чистымъ, святымъ расположеніемъ сердца. Кто приступаетъ къ чтенію

или слушанію Писанія съ инаковымъ, грѣховнымъ расположеніемъ, тотъ оскверняетъ святыню, бываетъ виновенъ противъ Слова Божія, и привлекаетъ на себя судъ: *Слово* Господа и Спасителя нашего—*то судитъ ему въ послѣдній день!* (Іоан. 12, 48).

VI.

НЕ ГРѢШИ: ГОСПОДЬ ТЕБЯ ВИДИТЪ!

Одни безпечные родители, имѣвшіе малолѣтнаго сына, вовсе не заботились о немъ; а потому дитя лишилось счастія получить отъ нихъ доброе воспитаніе. Впрочемъ сердечная доброта и ласковость сего бѣднаго малютки расположили къ нему людей постороннихъ, въ числѣ которыхъ былъ Священникъ изъ одного съ нимъ села. Добродѣтельный Священникъ не рѣдко бралъ сего малютку въ домъ свой съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы внушить ему правила благочестивой жизни, провождая которую люди содѣлываются участниками благодати и любви Искупителя какъ въ настоящей, такъ и будущей жизни. Доброе намѣреніе служителя Господня совершенно исполнилось. Малолѣтный ученикъ его, хотя окруженъ былъ шалунами и негодяями, которые всячески старались удержи-

вать его отъ хожденія въ домъ Священника и вовлечь въ свои шалости: однакоже онъ всегда противился имъ, и не только никогда не участвовалъ въ шалостяхъ своихъ сверстниковъ, но даже часто и печалился о ихъ дурныхъ поступкахъ.

Однажды, замѣтивъ это, Священникъ спросилъ его: отъ чего онъ такъ невеселъ? Малютка по скромности молчалъ; но одинъ изъ его товарищей, который былъ смѣлѣе прочихъ, прямо открылъ причину его печали. Послѣ сего Священникъ сказалъ своему питомцу: почему онъ не дружится съ шалунами? Тогда благонравный мальчикъ, взглянувъ на небо со слезами, отвѣчалъ ему: какъ я могу шалить? — Господь меня видитъ! Всякой разъ, Батюшка, — продолжалъ онъ, — какъ только мнѣ захочется сдѣлать какую нибудь шалость, тотчасъ и приходятъ на мысль тѣ слова, которыя такъ часто я отъ васъ слышалъ. «Не грѣши: Господь тебя видитъ!» Сіе изреченіе уже много разъ предохраняло меня отъ шалостей и пороковъ.

Съ пріумноженіемъ лѣтъ умножался страхъ Божій въ семъ благочестивомъ отрокѣ и благодать Господня произращала обильные плоды свои въ его сердцѣ. Научившись богобоязненности съ юныхъ лѣтъ своихъ, онъ пребывалъ и укрѣплялся въ сей высокой Христіанской добродѣтели до глубокой старости, въ продолженіи всей своей жизни. Внимательный къ урокамъ своего наставника, онъ самъ въ послѣдствіи содѣлался учителемъ другихъ не словомъ только, но и дѣломъ, доколѣ наконецъ воззванъ былъ въ царство небесное, гдѣ конечно и получилъ *вѣнецъ живота*, уготованный тѣмъ, кои вѣрны Господу *даже до смерти* (Апок. 2, 10).

О если бы каждый изъ насъ, юный и старый, соблазняемый грѣховными вождѣленіями, всегда мыслилъ и говорилъ самъ себѣ: «Не грѣши: Господь тебя видитъ!» О еслибъ каждый наставникъ, внѣдряя страхъ Божій въ юное сердце своего питомца, чаще внушалъ и повторялъ ему: «Не грѣши: Господь тебя видитъ!»

VII.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО АѲАНАСІЯ АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

О

ДѢВСТВѢ ИЛИ О ПОДВИЖНИЧЕСТВѢ.

1. Начало слова къ дѣвѣ о спасеніи. Прежде всего вѣруй во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго,—и въ Единороднаго Сына Его Іисуса Христа, который изъ сущности Отца есть, во всемъ равносиленъ Отцу, и былъ прежде вѣкъ,—и въ Духа Святаго, который есть во Отцѣ и Сынѣ, отъ Отца намъ посылается и чрезъ Сына сообщается. Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, три Ѵпостаси, едино Божество, едина Сила, едино крещеніе.— Самъ Богъ нашъ, Отецъ всего, въ шесть дней сотворилъ небо и землю и море, и все, что нихъ находится. Самъ Онъ

и небо украсилъ солнцемъ, луною и звѣздами блистающими; и землю основалъ на водахъ, благолѣпно украсивъ оную всякаго рода растеніями и древами. Его велѣніемъ истекли рѣки медоточныя и источники приснотекущіе; Онъ повелѣлъ землѣ, и—она произвела плоть,—сотворилъ всѣхъ звѣрей земныхъ и птицъ небесныхъ по роду ихъ. Повелѣлъ водамъ,—и извели рыбъ и сотворилъ китовъ великихъ. Въ заключеніе же всего сотворилъ человѣка и все отдалъ ему на службу. Ибо Господь Богъ сказалъ Сыну своему: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.—И созда Господь Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и введе его въ рай сладости.—И наложи Господь Богъ изступленіе на Адама, и успе: и взя едино отъ ребръ его, и исполни плотію вмѣсто его. И созда Господь Богъ ребро, еже взя, въ жену, и приведе ю ко Адаму. И рече Адамъ: се нынѣ плоть отъ плоти моея и кость отъ костей моихъ: сія наречется жена, яко отъ мужа своего взята бысть сія. Сего ради о-*

ставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два въ плоть едину (Быт. гл. 1 и 2).

2. Внимай, раба Христова (внимайте и всѣ желающіе спастися и слушающіе слова устъ моихъ): да услышишь Богодухновенные глаголы. По словамъ Блаженнаго Павла, *тайна велика* есть то, что всякъ прилѣпляющійся къ женѣ, бываетъ съ нею едино тѣло (Еф. 5, 31. 32). Такъ точно и всякій мужъ или жена, прилѣпляющіеся ко Господу, становятся *единъ духъ* съ Нимъ (1 Кор. 6, 17). Ибо если прилѣпляющіеся къ міру оставляютъ отца и матерь и соединяются съ человѣками смертными: то дѣва цѣломудренная не паче ли обязана оставить все земное и прилѣпиться къ единому Господу. Объ истинѣ сказаннаго мною свидѣтельствуетъ самъ Апостолъ, говоря: *непосягшая печется о Господнихъ, да будетъ свята тѣломъ и духомъ: а посягшая печется о мірскихъ, како угодити мужу, и раздѣлися* (1 Кор. 7, 33. 34). И такъ гово-

рю я: всякая дѣва или вдовица цѣломудрая, если печется о мірскомъ, то сіе попеченіе бываетъ ей вмѣсто мужа; заботится ли она о богатствѣ или о другихъ вещахъ,—сія забота оскверняетъ ея душу. Ибо какъ чрезъ мужа оскверняется тѣло; такъ и мірскіе образы оскверняютъ душу и тѣло цѣломудренной—и она уже не бываетъ свята по тѣлу и по духу: а та, которая печется о дѣлѣ Божіемъ, имѣетъ женихомъ своимъ Христа. Соединенная съ мужемъ смертнымъ творитъ волю мужа своего, какъ сказано: *жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ* (1 Кор. 7, 4); и еще: *якоже Церковь повинуется Господу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ* (Ефес. 5, 24). Ибо отъ мірскихъ вещей, если пожелаемъ, мы можемъ заключать и о небесныхъ. Жена же, соединяющаяся съ небеснымъ женихомъ, творитъ волю Жениха своего.

3. Воля же Христова состоитъ въ томъ, чтобы прилѣпляющійся къ Нему совершенно ни къ чему не имѣлъ пристрастія, что принадлежитъ вѣку се-

му, и нимало бы не пекся о земномъ, а только несъ бы крестъ Распятаго за него, и день и ночь имѣлъ бы попеченіе и заботу о томъ, дабы прославлять Его неумолкными пѣснями и славословіями, имѣть просвѣщенное око ума, знать волю Его и творить оную, имѣть простое сердце и умъ чистый; быть милосердымъ подражая Его милосердію— быть кроткимъ, тихимъ и терпѣливымъ, никому не воздавать зломъ за зло, терпѣливо сносить множество оскорбленій, такъ какъ и Самъ Онъ, будучи поносимъ Іудеями, терпѣлъ; терпѣть удары и мученія, ибо и Онъ сіе претерпѣлъ; будучи заушенъ отъ раба Архіереева, онъ ничего не сдѣлалъ ему, а только сказалъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что Мя біеши* (Іоан. 18, 23).—Тотъ, который повелѣлъ землѣ поглотить Даѳана и Авирона живыхъ, не могъ ли повелѣть оной поглотить живаго и сего человѣка, простершаго свою руку и дерзнувшаго бить Создателя своего? Но Онъ претерпѣлъ, *намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ*

Его (1 Пет. 2, 21). Между тѣмъ ты, человѣкъ, не терпишь обидъ отъ подобнаго тебѣ человѣка. Подражай Господу твоему. Если Онъ, будучи Богъ, перенесъ для тебя заушеніе отъ человѣка грѣшника; то почему ты негодуешь на то, что подобный тебѣ человѣкъ злословитъ тебя, и стараешься отмстить ему? О безмѣрная глупость и великое безуміе! Симъ-то мы и уготовляемъ себѣ мученіе, и сами для себя воспламеняемъ огнь за то, что, будучи существами разумными, уподобляемся безсловеснымъ животнымъ. Господь съ великимъ смиренномудріемъ пришелъ въ міръ сей, и будучи богатъ, для насъ обнищалъ, дабы мы обогатились Его нищетою; Онъ, будучи Богъ, содѣлался для насъ человѣкомъ и родился отъ Богородицы Маріи, дабы освободить насъ отъ власти діавола.

4. Посему желающій спастись *буй да бываетъ въ вѣцѣ семъ, яко да премудръ будетъ* предъ Богомъ (1 Кор. 3, 18). Ибо люди называютъ мудрыми тѣхъ, кои умѣютъ что-нибудь давать и при-

нимать, покупать и продавать, ухищряться въ житейскихъ занятіяхъ, выманивать имущество у ближняго, обманывать, давать въ ростъ и одинъ оболъ удвоивать: но Богъ таковыхъ называетъ глупыми, невѣждами и грѣшниками. Ибо вотъ что самъ Онъ сказалъ чрезъ Пророка Іеремію: *народъ сей*, говоритъ Онъ, *сынове буіи суть и безумни; мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Іер. 4, 22); и блаженный Павелъ говоритъ: *премудрость міра сего буйство у Бога есть; аще кто хощетъ мудръ быти, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ*; и еще: *братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. 3, 18. 14, 20). Богъ хощетъ, чтобы мы были глупы по отношенію къ земному, а по отношенію къ небесному мудры. Самъ противникъ нашъ діаволъ мудръ на зло, посему и намъ надлежитъ благоразумно нападать на него, дабы побѣдить злохитрые его ковы. И Спаситель говоритъ въ Евангеліи: *будите мудри, яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мат. 10, 16).

Здѣсь мудрымъ называетъ Онъ того, кто умѣетъ исполнять волю Божію и соблюдать заповѣди Его.

5. Смиреніе есть великое средство ко спасенію: сатана сверженъ съ небесъ не за блудъ, или прелюбодѣяніе, или хищеніе, но гордость низринула его въ преисподнѣйшія части бездны. Онъ возмнилъ: *взыду и поставлю престолъ мой предъ Богомъ, и буду подобенъ Вышнему* (Иса. 14, 13. 14); и за слова сіи низверженъ,—огнь вѣчный содѣлался наслѣдіемъ его. Итакъ въ діаволѣ гордость, а во Христѣ смиреніе. Ибо самъ Господь говоритъ: *иже аще хощетъ въ васъ быти вящшій, да будетъ всѣмъ слуга* (Мат. 20, 26). Богъ есть Богъ смиренныхъ.

6. Пламенною любовію возлюбимъ постъ; ибо постъ есть великая твердыня, равно какъ и молитва и милостыня, поелику они избавляютъ человѣка отъ смерти. Какъ Адамъ за яденіе и преслушаніе изгнанъ изъ рая: такъ тотъ, кто желаетъ паки войти въ рай, входитъ въ оный постомъ и послушаніемъ.

Сею-то добродѣтелію, дѣва, украшай тѣло свое,—и угодна будешь небесному Жениху. Ибо тѣ, которыя прилѣпляются къ міру и украшаютъ тѣла свои мастями, ароматами, благовоніемъ, драгоцѣнными одеждами и златомъ, дабы понравиться человѣкамъ, не могутъ угодить Богу. Христосъ отъ тебя ничего не требуетъ, кромѣ сердца чистаго, и тѣла неоскверненнаго, изнуряемаго постомъ. Если же нѣкоторые придутъ и скажутъ тебѣ: не постись часто, дабы не ослабѣть тебѣ; то не вѣрь имъ и не слушай ихъ, ибо таковыхъ подсылаетъ врагъ. Вспомни Писаніе! Когда три отрока и Даніилъ съ другими отроками были взяты въ плѣнъ Навуходоносоромъ Царемъ Вавилонскимъ, — и Царь повелѣлъ имъ ѣсть отъ трапезы своей и пить отъ вина своего: тогда Даніилъ и три отрока сами не захотѣли пресыщаться Царскою трапезою, но сказали евнуху, который приставленъ былъ къ нимъ: *дай намъ отъ сѣмянъ земныхъ, да ядимъ*. Когда же евнухъ сказалъ имъ: *боюся азъ Царя, за-*

повѣдавшаго о пищи вашей и питіи вашемъ, да не когда увидитъ лица ваша унылa, паче отроковъ сверстниковъ вашихъ, питающихся Царскою трапезою, и осудитъ меня; тогда они отвѣчали: *искуси отроки твоя до десяти дней,* и потомъ дай намъ требуемое. Послѣ сего онъ позволилъ имъ ѣсть сѣмена и пить воду, и ввелъ ихъ предъ Царя: *и явишася лица блага паче отроковъ ядущихъ отъ трапезы Царевы* (Дан. 1, 8—15).

7. Смотри, что дѣлаетъ постъ: онъ врачуетъ болѣзни, изсушаетъ кровоточивые потоки, изгоняетъ демоновъ, прогоняетъ злые помыслы, просвѣщаетъ умъ, дѣлаетъ сердце чистымъ, освящаетъ тѣло и поставляетъ человѣка предъ престоломъ Божіимъ. Не думай, что я сіе говорю безъ основанія: въ Евангеліи ты можешь найти свидѣтельство о семъ самаго Спасителя. Когда ученики вопрошали Его: Господи, покажи намъ, какимъ образомъ можно изгонять духовъ нечистыхъ? Тогда Господь сказалъ имъ: *сей родъ не изходитъ, токмо молит-*

вою и постомъ (Матѳ. 17, 21). И такъ если всякой мучимый духомъ злымъ разсудитъ и воспользуется симъ врачевствомъ, т. е. постомъ, то лукавый духъ, страшась поста, тотчасъ со стенаніемъ удалится отъ него. Ибо демоны находятъ для себя увеселеніе только на пиршествахъ, въ пьянствѣ и тѣлесной праздности. Велика сила поста и великія чрезъ него совершаются дѣянія. Ибо почему люди производятъ великія чудеса? почему чрезъ нихъ совершаются знаменія? почему Богъ чрезъ нихъ больнымъ даруетъ исцѣленія? почему, какъ не по причинѣ ихъ подвижничества, смиренія и благаго образа жизни? Постъ есть жизнь Ангеловъ, и кто пребываетъ въ ономъ, тотъ причисляется къ чину Ангеловъ. Но не подумай, возлюбленная, что постъ состоитъ только въ тѣлесномъ воздержаніи. Тотъ не постится должнымъ образомъ, кто воздерживается только отъ брашенъ: истинный постъ бываетъ тогда, когда человѣкъ воздерживается отъ всякаго злаго дѣла. Если ты постишься—и не воздерживаешься отъ

словесъ лукавыхъ, или отъ гнѣва, или лжи, или клятвы, или говоришь что нибудь на ближняго своего; если, говорю, все сіе исходитъ изъ устъ постящагося: то постъ ему ничего не пользуетъ, но напротивъ губитъ весь трудъ его. И такъ когда ты, раба Христова (и всѣ желающіе спастися), будешь поститься, то очисти себя отъ сребролюбія, потому что кто любитъ сребро, тотъ не можетъ любить Бога: *корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. 6, 10).

8. Тщательно избѣгай тщеславія и надменности. Если тебѣ придетъ на мысль, что ты, успѣвши въ добродѣтели, содѣлалась великою и славною: то не вѣрь сему. Ибо это врагъ тебя опутываетъ и внушаетъ тщеславіе. И такъ удаляйся самохвальныхъ помысловъ. Если же тебѣ представится мысль, что ты можешь спастися и не изнуряя себя столь тяжкими трудами: то не слушай оной. Ибо это врагъ возбуждаетъ тебя къ безпечности и нерадѣнію, дабы отвлечь отъ добродѣтельной твоей жизни. Много есть и другихъ козней вражіихъ противъ ра-

бовъ Божіихъ. Онъ иногда подущаетъ людей придти и хвалить рабовъ Божіихъ, дабы возгордить сердца ихъ. Посему ты не принимай похвалъ человѣческихъ. Если кто тебѣ скажетъ: ты блаженна; то отвѣчай ему: когда изыду изъ тѣла сего совершенною, тогда буду блаженна; а теперь я не увѣрена въ своемъ блаженствѣ, ибо мы—человѣки подобно вѣтру бываемъ непостоянны. Врагъ часто будетъ внушать тебѣ презрѣніе къ тѣмъ, кои ядятъ, но ты не вѣрь ему, поелику онъ врагъ. Почитай себя меньшею изъ всѣхъ, дабы тебѣ прежде многихъ войти въ царствіе небесное, и быть возвеличенною предъ Богомъ. Иногда врагъ внушаетъ и великое подвижничество, дабы чрезъ сіе содѣлать тѣло немощнымъ и безполезнымъ. И такъ ты наблюдай въ постѣ умѣренность. Постись весь годъ, безъ всякой нужды; но проведши девять часовъ дня въ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ, потомъ вкуси хлѣба съ плодами приправленными елеемъ. Ибо все неодушевленное чисто.

9. Впрочемъ ты, дѣва, поступай такъ,

чтобъ никто не зналъ о твоемъ подвижничествѣ даже изъ самыхъ близкихъ твоихъ родственниковъ. Но если ты что дѣлаешь, дѣлай втайнѣ: — *и Отецъ твой* небесный, *видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Мат. 6, 4). Если же откроешь жизнь свою, то отъ сего родится въ тебѣ тщеславіе, и ты потерпишь вредъ. Впрочемъ если найдешь душу, которая согласна съ твоею и такъ же работаетъ Богу, какъ и ты; то сей только открой за тайну. Здѣсь не будетъ тщеславія; ибо ты скажешь о своихъ духовныхъ подвигахъ для того, чтобы спасти другую душу: ты получишь великую награду, если чрезъ тебя какая либо душа спасется. Тѣмъ, которые желаютъ слушать, говори полезное. Если же кто слушаетъ только, а не творитъ, такому ничего не говори: ибо и Господь сказалъ: *не дадите святая псомъ: ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями* (Мат. 7, 6). Ибо псами и свиніями Христосъ называетъ здѣсь тѣхъ, которые ведутъ безчестную жизнь; а подъ драгоцѣннымъ бисеромъ разумѣется сло-

во Божіе, которое дается только достойнымъ.

10. О, блаженна та душа, которая слушаетъ слова, написанныя въ книгѣ сей, и исполняетъ оныя. Увѣряю всякаго человѣка, слушающаго и исполняющаго сіи глаголы, что имя его напишется въ книгѣ живота, и онъ поставленъ будетъ въ третьемъ чинѣ Ангеловъ. И такъ, ежели ты молишься, или поешь, или читаешь: то находись въ отдаленности отъ другихъ, дабы кромѣ тебя никто не могъ слышать сего. Если же имѣешь при себѣ одну или двухъ дѣвъ, согласныхъ съ тобою (Христосъ говоритъ: *идѣже два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мат. 18, 20); то оставь женское чувство, и пріими дерзновеніе и мужество. Ибо въ Царствіи Небесномъ нѣсть мужескій полъ, ни женскій, но всѣ жены угодившія Богу вступаютъ въ чинъ мужей. Забудь юношескія украшенія, дабы получить честь доброй вдовицы; ибо Св. Павелъ говоритъ: *вдовицы чти, сущыя истинныя вдовицы. А сущая истинная вдовица и уединена, уповаетъ*

на Бога и пребываетъ въ молитвахъ и моленіихъ день и нощь: питающаяся же пространно, жива умерла. Вдовица же да причитается не менши лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена, аще странныя пріятъ, аще чада воспитала есть, аще Святыхъ нозѣ умы, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть. Юныхъ же вдовицъ отрицайся, егда бо разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ: имущыя грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася (1 Тим. 5, 3. 5—12).

11. Если ты не дѣлаешь для себя украшеній юношескихъ, то будутъ называть тебя не юною, но старицею, и какъ старица будешь получать честь. Одежды твои не должны быть изъ драгоцѣнной матеріи: верхняя твоя одежда да будетъ черною, некрашенною, но естественнаго цвѣта; головное покрывало—такого же цвѣта безъ бахрамы; рукава должны быть шерстяныя, покрывающія руки даже, до перстовъ; власы главы—подрѣзаны кругомъ; головная по-

вязка шерстяная, куколь и надшейная одежда безъ бахрамы. Если встрѣтишься съ мужчиною, покрой лице твое, опусти внизъ и не обращай его къ человѣку, но только къ Богу. Когда ты станешь на молитву, то надѣвай на ноги сандаліи. Самый образъ одѣванія долженъ быть степененъ. Не раздѣвайся до наготы: пусть одежда покрываетъ плоть твою день и ночь, да не увидитъ другая женщина тѣла твоего обнаженнымъ, развѣ только по необходимости; даже и сама не разсматривай своей тѣлесной наготы. Ибо съ того времени, какъ ты рѣшилась быть чистою предъ Богомъ, тѣло твое содѣлалось освященнымъ и есть храмъ Божій; посему никто не долженъ раскрывать сей храмъ Божій. Будучи здорова, не ходи въ баню безъ всякой нужды, и не погружай всего тѣла твоего въ воду, потому что ты свята Господу Богу. Не оскверняй плоти своея ничѣмъ мірскимъ, а умывай только лице твое и еще руки и ноги. Когда будешь мыть лице, то не мой обѣими руками, не натирай ланитъ лица твоего, и не

употребляй для сего ни травы, ни селитры ниже чего либо подобнаго; ибо сіе дѣлаютъ тѣ, кои прилѣплены къ міру, а ты мойся чистою водою.

12. Не намащай тѣла своего мастію многоцѣнною и одеждъ своихъ драгоцѣнными ароматами. Если тѣло твое ослабѣетъ, то употреби для желудка не много вина; если же, отъ чего сохрани Богъ, впадешь въ болѣзнь, то пекись сама о себѣ, и не подавай людямъ случая говорить, будто сія болѣзнь приключилась тебѣ отъ подвижнической жизни. Но прежде, нежели кто скажетъ тебѣ сіе, ты заботься сама о себѣ до тѣхъ поръ, пока освободишься отъ болѣзни, и будешь слѣдовать прежнему правилу. Все время жизни своея проводи въ постахъ, молитвахъ и милостыняхъ. Блаженъ, кто слушаетъ сіе и исполняетъ. Ни ночью ни днемъ да не удаляется отъ устъ твоихъ слово Божіе. Да будетъ всегдашнимъ занятіемъ твоимъ — упражненіе въ Св. Писаніи. Имѣй псалтирь и учи псалмы. Восходящее солнце да видитъ въ рукахъ твоихъ книгу, и по

третьемъ часѣ посѣщай священныя собранія, потому что въ сей часъ составленъ крестъ изъ двухъ древъ. Равнымъ образомъ въ шестомъ часу совершай молитвы съ псалмами, плачемъ и прошеніемъ: ибо въ сей часъ Сынъ Божій повѣшенъ былъ на крестѣ. Въ девятомъ часу въ пѣніяхъ и славословіи со слезами исповѣдуя грѣхи свои, умоляй Бога: ибо въ сей часъ Господь, вися на крестѣ, предалъ духъ свой. Послѣ собранія девятаго часа вкуси хлѣба; предъ трапезою своею благодари Бога такимъ образомъ: «благословенъ Богъ, милующій и питающій насъ отъ нашей юности, и дающій пищу всякой плоти, — исполни радостію и веселіемъ сердца наши, дабы мы всегда, имѣя всякое довольство, богаты были для всякаго дѣла благаго, во Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Тебѣ подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе, со Св. Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.»

13. Когда ты сядешь за столъ и начнешь раздроблять хлѣбъ, то ознаменовавши оный три раза знаменіемъ кре-

ста, благодари такимъ образомъ: «Благодаримъ Тебя, Отче нашъ, за святое воскресеніе Твое; ибо *Ты* явилъ оное намъ чрезъ Отрока Твоего Іисуса: и какъ хлѣбъ сей, лежащій на трапезѣ, нѣкогда состоявшій въ раздѣльныхъ зернахъ, будучи совокупленъ, сдѣлался едино: такъ да соберется церковь Твоя отъ конецъ земли въ Царствіе Твое, потому что Твоя есть сила и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.» Сію молитву ты должна читать тогда, когда раздробляешь хлѣбъ, намѣреваясь вкушать оный; когда же положишь его на столъ и хочешь сѣсть за трапезу, тогда прочти всю молитву: *Отче нашъ*. А послѣ обѣда и вставши изъ за стола читаемъ написанную выше молитву «благословенъ Богъ.»—Если же съ тобою находятся двѣ или три дѣвы, то и онѣ пусть благодарятъ за предложенный хлѣбъ и вмѣстѣ молятся. Если же случится во время стола оглашенная, то она не должна молиться съ вѣрными, и ты не садись съ нею ѣсть хлѣбъ твой; равно безъ нужды не садись вкушать пищу съ женами нерадивыми и любя-

щими смѣяться. Ты свята Господу Богу твоему, а посему и пища твоя и питіе освящены; ибо освящаются молитвами и священными словами. Дѣвы благочестивыя и Боголюбивыя да ядятъ вмѣстѣ съ тобою. Не вечеряй съ женами гордыми, ниже дружись съ женою высокомѣрною: ибо Божественное Писаніе говоритъ: *касаяйся смолѣ, очернится, и пріобщаяйся гордому точенъ ему будетъ* (Сир. 13, 1). Когда съ тобою сидитъ за столомъ жена богатая и ты увидишь бѣдную, то пригласи ее къ пищѣ и не стыдись сего предъ богатою. Не люби славы человѣческой болѣе славы Божіей. Ибо Богъ есть также Богъ и бѣдныхъ и презираемыхъ.

14. Блаженна душа, соблюдающая сіи наставленія. Не хорошо обращаться молодой дѣвѣ съ подобною себѣ; въ противномъ случаѣ онѣ не сдѣлаютъ ничего добраго: ибо одна другой не слушаетъ, одна другую презираетъ; но весьма полезно молодой дѣвѣ находиться подъ властію старицы: ибо старица не поблажаетъ прихотямъ молодой. Горе дѣвѣ,

не подчиненной никакому правилу: въ семъ случаѣ она подобна неимѣющему кормчаго кораблю, который по сокрушеніи кормила, не имѣя правителя, влечется волнами въ ту и другую сторону дотолѣ, пока не погибнетъ разбившись о камень. Въ такомъ же состояніи находится дѣва безъ руководителя, внушающаго ей страхъ. Блаженна та дѣва, которая подчинена правиламъ; въ семъ отношеніи она подобна плодоносному винограду, растущему въ вертоградѣ. Дѣлатель онаго, пришедши къ нему, очищаетъ вѣтви его, напаяетъ его, и исторгаетъ растущія около него безполезныя травы; а виноградъ, имѣя пекущагося о немъ, приноситъ благовременно прекрасный плодъ свой. И такъ сохраняй сіе, возсылай хвалу Богу, находясь за трапезою, и да будетъ освящена пища и питіе твое. Когда же встаешь изъ за стола, опять благодари Бога, трижды повторяя сіе: «щедръ и милостивъ Господь: пищу даде боящимся Его; слава Отцу и Сыну и Св. Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.» — Послѣ

сего славословія продолжай молиться такъ: «Богъ вседержитель и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Имя, высшее всякаго имени! благодаримъ и хвалимъ Тебя, что ты удостоилъ насъ насладиться своими благами, тѣлесною пищею;— молимъ и взываемъ къ Тебѣ, Господи, даруй намъ и небесную пищу; даруй намъ боятися страшнаго и честнаго имени Твоего и не преступать заповѣдей Твоихъ; законъ Твой и оправданія Твоя вложи въ сердца наши, освяти нашъ духъ, душу и тѣло чрезъ возлюбленнаго Твоего Сына Іисуса Христа и Господа нашего, съ Которымъ Тебѣ подобаетъ слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.»

15. Весьма многіе изъ мірскихъ людей бываютъ несмысленны и подобно безсловеснымъ животнымъ пріемлютъ пищу. Они, вставая утромъ, ищутъ, кого бы обмануть, кого бы утѣснить, дабы наполнить гнусное чрево свое. Такіе люди не умѣютъ прославлять Бога за трапезою; о нихъ Божественный Павелъ сказалъ: сіи суть *враги креста Христова,*

имже кончина погибель, — имже Богъ чрево,—и слова въ студѣ ихъ, — иже земная мудрствуетъ; а наше житіе на небесѣхъ есть (Фил. 3, 18—20). Таковые хуже звѣрей и скотовъ: ибо скоты и звѣри знаютъ сотворшаго ихъ Бога и благословляютъ Его; люди же сіи, руками Его сотворенные и носящіе въ себѣ образъ Его, не знаютъ Творца своего; и хотя устами своими исповѣдуютъ Его, но дѣлами отвергаютъ. *Ты вѣруеши, яко есть Богъ, добрѣ твориши: и бѣси вѣруютъ, и трепещутъ:* но *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 19. 20). Ибо какая польза для человѣка въ томъ, что онъ признаетъ бытіе Божіе, а злыми дѣлами своими отвергаетъ Его? Какъ онъ исповѣдуетъ, что имѣетъ Владыку, когда не служитъ Ему? Ибо для того онъ и слушаетъ слово Господа своего, чтобы служить Ему. Рабы знаютъ купившихъ ихъ, и воздаютъ имъ почтеніе: и мы должны почитать Господа своего не только словами, но и дѣлами; ибо самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ Евангеліи своемъ сказалъ: *не всякъ глаго-*

ляй ми, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ (Матѳ. 7, 21); и еще: *не пріемли имене Господа Бога твоего всуе* (Исх. 20, 7); и въ другомъ мѣстѣ заповѣдалъ такъ: *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. 2, 19). Желаешь ли знать, что звѣри и скоты знаютъ Бога и благословляютъ Его? Послушай Св. Духа, заповѣдующаго имъ въ пѣсняхъ: *благословите звѣріе и вси скоти Господа* (Дан. 3, 81). Если бы они не благословляли Его, то Духъ Св. не предписалъ бы сего имъ. И не только звѣри и скоты хвалятъ Бога, но и вся видимая нами тварь непрестанно славословитъ Его.

16. Такимъ образомъ и ты, раба Божія, встаешь ли или сидишь, занимаешься ли чѣмъ, или принимаешь пищу, отходишь ли ко сну, или пробуждаешься, непрестанно воспѣвай устами пѣснь Богу. Блаженны внимающіе словамъ симъ. А когда наступитъ двѣнадцатый часъ, то должно умножить и усугубить хваленіе вмѣстѣ съ дѣвами, единомысленны-

ми съ тобою. Если же не имѣешь при себѣ единомысленной съ тобою, то одна должна совершить сіе въ присутствіи Божіемъ. Весьма полезно проливать слезы предъ Богомъ. Помни двѣнадцатый часъ. Ибо въ оный Господь нашъ сошелъ во адъ; адъ, увидѣвъ Его, вострепеталъ и въ ужасѣ сказалъ: кто есть сей, сошедшій съ великою силою и властію? Кто есть сей, сокрушившій мѣдныя врата адовы и вереи желѣзныя сломившій? Кто есть сей, который низшелъ съ Неба и распятъ, и котораго смерть моя не могла удержать. Кто есть сей, разрѣшившій отъ узъ плѣнниковъ моихъ? Кто есть сей, смертію своею умертвившій мою смерть?

17. Посему мы должны въ оный часъ обращать вниманіе на себя самихъ, и со слезами ночью призывать Господа; ибо слезы составляютъ великую и превосходную добродѣтель: слезами омываются весьма тяжкіе грѣхи и беззаконія. О семъ свидѣтельствуетъ Св. Евангеліе. Когда Спаситель преданъ былъ Іудеямъ, то Петръ трижды съ клятвою отрекся

Его прежде нежели пропѣлъ пѣтухъ; но какъ скоро Господь обратившись воззрѣлъ на Петра, тотчасъ *помяну Петръ глаголъ Іисусовъ реченный ему: прежде даже петелъ не возгласитъ, трикраты отвержешися мене, и изшедъ вонъ плакася горько* (Мат. 26, 75). Видишь, какое врачество въ слезахъ; смотри, какое беззаконіе изгладили онѣ! Что ужаснѣе того грѣха, что Петръ трижды съ клятвою отвергся своего Господа? И между тѣмъ онъ омылъ сіе, столь великое беззаконіе слезами. Видишь, какую силу имѣютъ слезы! Сіе написано для нашего назиданія, дабы мы, подражая сему, содѣлались наслѣдниками жизни вѣчной. Немногіе имѣютъ даръ слезъ, но только тѣ, которые умъ устремляютъ горѣ, которые забываютъ земное, не пекутся о своей плоти, которые совершенно не знаютъ, существуетъ ли міръ, которые умертвили уды, яже на земли: симъ только дается слезный плачъ. Ибо они, имѣя чистый умъ и проницательное око разумѣнія, еще находясь на землѣ, усматриваютъ казни ада и вѣчныя мученія,

коимъ подвергаются грѣшники, и огнь вѣчный и тьму кромѣшнюю, и плачъ и скрежетъ зубовъ; они видятъ также и небесныя блага, которыя Богъ даровалъ Святымъ, и славу, и вѣнцы, и святыя украшенія, и царскія одѣянія, и свѣтлыя жилища, и неизреченныя утѣхи и жизнь вѣчную. Что еще скажу? чудо большее всѣхъ чудесъ: кто имѣетъ чистый умъ, тотъ и самаго Бога созерцаетъ внутренними своими очами. Видя все сіе, можетъ ли онъ не плакать и не сѣтовать? Онъ плачетъ и рыдаетъ, дабы избавиться отъ вѣчныхъ мученій; плачетъ и съ сокрушеніемъ умоляетъ, дабы удостоиться небесныхъ благъ.

18. Посему Святые возненавидѣли міръ сей, зная, коликія блага они наслѣдуютъ. Итакъ имѣющій успокоеніе въ семъ мірѣ, не долженъ ожидать успокоенія вѣчнаго. Царство небесное недостается въ удѣлъ покоющимся здѣсь, но есть наслѣдіе тѣхъ, которые провели жизнь сію во многихъ печаляхъ и скорбяхъ. Никто изъ наслѣдовавшихъ царствіе не получилъ его даромъ; но всѣ, удостоившіеся

онаго, стяжали его великими трудами и мужественными подвигами. Они мало думаютъ о тѣхъ трудахъ, которые здѣсь имъ должно переносить: ибо, вступивъ туда, забываютъ, по причинѣ дарованнаго имъ великаго и неизреченнаго успокоенія, всѣ труды и скорби, претерпѣнныя ими въ семъ суетномъ мірѣ. Человѣкъ, что ты скажешь на сіе? вотъ предъ тобою лежатъ два пути, жизнь и смерть; иди, куда хочешь. И вотъ огнь и вода; къ чему хочешь, простира́й руку твою. Отъ тебя зависитъ стяжать жизнь, если пожелаешь; и также въ твоей власти наслѣдовать смерть, ежели захочешь. Міръ есть смерть; а правда—жизнь. Міръ отъ правды столь же много различается, сколько смерть отъ жизни. Итакъ, если ты поступаешь согласно съ міромъ: то идешь къ смерти и удаляешься отъ Бога, по свидѣтельству Божественнаго Писанія. Если же шествуешь путемъ правды, то идешь къ жизни и не прикоснется смерть къ тебѣ. Для праведныхъ нѣтъ смерти, но есть только переселеніе, поелику праведникъ пе-

реселяется изъ міра сего въ вѣчное успокоеніе. Святые, подобно выходящему изъ темницы, отходятъ изъ многотрудной жизни сей къ уготованнымъ для нихъ благамъ, *ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9); а грѣшные и здѣсь злостраждутъ, и тамъ ожидаетъ ихъ огнь. Посему они должны сугубо плакать; ибо и здѣсь пребываютъ въ тѣснотѣ, и тамъ не получаютъ свободы. Божественное Писаніе говоритъ: *аможе обратится нечестивый изчезаетъ;* вездѣ для него тѣснота, и тамъ скорби и здѣсь печали. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не имѣлъ заботъ въ сей многотрудной жизни: бѣдный и богатый, рабъ и свободный, грѣшникъ и праведный, всѣ равно обременены заботами въ семъ мірѣ; одна участь для всѣхъ, и для грѣшныхъ и для праведныхъ. Но тамъ не такъ бываетъ, а совсѣмъ другой порядокъ, потому что трудъ праведника въ семъ мірѣ различенъ отъ труда грѣшника. Праведный не съ тою цѣлію трудится

дабы наполнить чрево свое; онъ совершенно не печется о плоти, и не думаетъ, что носитъ плоть; но день и ночь трудится, ища Бога. Много времени проводитъ онъ безъ сна, строго воздерживается отъ пищи и питія; блуждаетъ по пустынямъ, изнуряетъ плоть свою многими страданіями дотолѣ, пока получитъ уготованный ему неувядаемый вѣнецъ. Напротивъ грѣшный трудится и безпокоится не для правды, но для сей бѣдной плоти, для постыдной женщины, то тѣмъ, то другимъ обезпокоиваетъ себя, не довольствуется настоящимъ, въ злости и зависти проводитъ жизнь свою. Впрочемъ таковые безумцы вовсе не примѣчаютъ сего: ибо тлѣнныя вещи и великія заботы міра сего ослѣпили ихъ, и они остаются въ своемъ заблужденіи дотолѣ, пока наконецъ посланъ будетъ къ нимъ неумолимый воинъ, который не уважаетъ лица и не приметъ даровъ; ибо души ихъ насильственно будутъ похищены немилосердыми ангелами, и получатъ то, что опредѣлено имъ отъ Бога. Осуетившись сами, они и труди-

лись въ семъ мірѣ надъ суетнымъ, занимались земнымъ, посему и сами добровольно погибли; живя на землѣ, они не воспоминали о Богѣ, и не старались помнить страхъ Его, посему и Богъ не печется о нихъ: ибо праведенъ Богъ, и праведенъ судъ Его. Когда Онъ пріидетъ судить міръ сей, тогда воздастъ каждому по дѣламъ его. Блаженно то сердце, которое сему вѣритъ!

19. Вставай въ полночь и воспѣвай Господа Бога своего, ибо въ оный часъ Господь нашъ возсталъ изъ мертвыхъ и воспѣлъ Отца; посему и намъ заповѣдано воспѣвать Бога въ часъ сей. Вставши же, сначала прочти слѣдующій стихъ: *полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Пс. 118, 62). Потомъ помолись и начни читать весь 50 псаломъ до конца. Сіи завѣщанія исполняй каждый день, и читай столько Псалмовъ, сколько можешь прочесть стоя; каждый Псаломъ заключай молитвою и колѣнопреклоненіемъ, со слезами исповѣдуя предъ Господомъ грѣхи свои и умоляя Его о прощеніи оныхъ. Послѣ

трехъ Псалмовъ говори: «Аллилуія!» Если же будутъ съ тобою дѣвы, то и онѣ должны пѣть Псалмы, и одна послѣ другой совершайте молитву. Поутру же читайте сей Псаломъ: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утренню: возжада Тебе душа моя* (Пс. 62), а предъ разсвѣтомъ: *Благословите вся дѣла Господня Господа* (Дан. 3, 57); также: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Хвалимъ Тя, благословимъ Тя, кланяемтися*, и проч.

20. Сохранимъ любовь, которая выше всего; ибо въ Писаніи сказано: *Возлюбиши Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею, и всею душею твоею, и ближняго твоего, яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдію весь законъ и Пророцы висятъ.* Богъ есть любовь. Онъ прежде возлюбилъ человѣка и предалъ Самого Себя за насъ, дабы искупить насъ отъ всякаго беззаконія. Итакъ, если самъ Господь умеръ за насъ, то и мы должны полагать души свои за другихъ. Богъ есть любовь, и имѣющій любовь имѣетъ Бога: ибо Онъ самъ

сказалъ: *о семъ разумѣютъ еси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Сколько бы ни трудился человѣкъ, но если онъ не имѣетъ любви къ ближнему, то вотще будетъ трудиться. Итакъ оказывай любовь къ ближнему не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Не удерживай въ сердцѣ своемъ зла, причиненнаго тебѣ другими: иначе молитва твоя не будетъ чиста предъ Богомъ; *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Еф. 4, 26). Имѣй кротость, терпѣніе, великодушіе и младенческую простоту; ибо Господь говоритъ: *аще не обратитеся и будете, яко дѣти, не внидете въ царство небесное* (Мат. 18, 3).

21. Не унывай, когда случится съ тобою какое либо несчастіе; не печалься, когда причиняютъ тебѣ вредъ или обиду; ибо печаль міра сего производитъ смерть: сокрушайся только о грѣхахъ своихъ, и ни о чемъ другомъ не скорби. Никому не отвѣчай съ гнѣвомъ; ибо рабъ Господень не долженъ раздражаться. Да не исходитъ изъ устъ твоихъ про,

клятіе, ниже обида, ниже злословіе: ибо уста твои освящены хвалебными Богу пѣснями и славословіями. Неприлично тебѣ показываться другимъ безъ великой нужды: сколько можно, люби уединеніе. Не забывай рабовъ Божіихъ и не изглаждай ихъ изъ сердца своего. Если святый мужъ внидетъ въ домъ твой, то ты прими его какъ сына Божія; ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мат. 10, 40). Если же придетъ къ тебѣ мужъ праведный, со страхомъ и трепетомъ встрѣть его и поклонись къ ногамъ его до земли; ибо ты не ему будешь кланяться, но Богу, пославшему его;—потомъ возми воды и умой ноги его, и со всякимъ благоговѣніемъ слушай слова его. Не полагайся много на свое цѣломудріе, дабы не пасть, но опасайся сего: ибо доколѣ ты будешь бояться, дотолѣ не подвергнешься паденію. Для воздержной весьма полезно въ уединеніи вкушать хлѣбъ свой; если же ты сидишь за трапезою съ дѣвами, то вкушай съ ними все предлагаемое: ибо когда ты не

будешь ѣсть, то они будутъ думать, что ты осуждаешь ихъ (не объявляй о своемъ подвижничествѣ); даже если онѣ и вино пьютъ, а ты не употребляешь, то для нихъ должна выпить не много. Если же съ тобою находятся старицы, и будутъ принуждать тебя выпить болѣе, ты не слушай ихъ, и скажи имъ: «вы провели юность вашу въ великомъ воздержаніи, а я еще не достигла и первой степени вашей». Касательно страннопріимства и милостыни не нужно полагать правилъ, но располагайся въ семъ по своей волѣ. Въ церкви соблюдай молчаніе, ничего не говори, но только внимай чтенію. Если тебѣ придетъ на мысль что нибудь сдѣлать, не рѣшайся на то безъ разсужденія, дабы не посмѣялся надъ тобою врагъ твой; но все предпринимай съ совѣта старшихъ. Во время пѣнія и молитвы, не позволяй посторонним мыслямъ входить въ сердце твое. Умоляю тебя, возлюбленная, внимай и повинуйся наставленіямъ, изложеннымъ въ сей книгѣ; разсматривай написанное не только внѣшними очами,

но и внутренними; изслѣдуй со вниманіемъ каждую заповѣдь и исполняй оныя: ибо если ты соблюдешь сіе, то удостоишься царскаго чертога. Не помышляй въ сердцѣ своемъ: какъ могу я исполнить сіе?—да не устрашаетъ тебя мысль сія; но со всякимъ великодушіемъ сохраняй сіи заповѣди, и тогда твоимъ помощникомъ будетъ Богъ; ибо боящимся Бога заповѣди Его тяжки не суть. Никогда не долженъ оскудѣвать елей въ лампадѣ твоей, дабы не погасла она прежде пришествія Жениха: ты не знаешь, когда придетъ Онъ,—въ первый сонъ, или поутру. Посему всегда будь готова встрѣтить Его съ мудрыми дѣвами, имѣя въ своей лампадѣ елей, т. е. благія дѣла. Всегда помни изходъ свой; каждодневно имѣй предъ глазами смерть; помни, предъ кѣмъ должна ты предстать.

22. Тягостно подвижничество, обременительно воздержаніе; но нѣтъ ничего вожделѣннѣе небеснаго Жениха. За здѣшніе малые труды мы получимъ на небѣ вѣчную жизнь; ибо Св. Павелъ говоритъ: *недостойны страсти нынѣшня-*

го времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ (Рим. 8, 18). Спасительно убѣгать толпы народной и находиться въ уединеніи.

Велика добродѣтель воздержанія, достославна чистота, достохвально дѣвство. — О дѣвство — богатство необъятное! о дѣвство — вѣнецъ неувядаемый! о дѣвство — храмъ Божій и жилище Св. Духа! о дѣвство — драгоцѣнная жемчужина! ты многимъ неизвѣстно, а только малое число людей обрѣтаетъ тебя. О воздержаніе, любезное Богу и Святыми восхваляемое! — о воздержаніе! многіе гнушаются тобою, но достойные познаютъ тебя; о воздержаніе! ты избѣгаешь смерти и ада и переходишь къ безсмертію; о воздержаніе — радость Пророковъ и Апостоловъ похвала! — о воздержаніе! ты составляешь жизнь Ангеловъ и вѣнецъ Святыхъ мужей. Блаженъ человѣкъ, который соблюдаетъ тебя; блаженъ, кто съ терпѣніемъ укрѣпляется въ тебѣ: пострадавъ мало, онъ великую получитъ отъ тебя радость. Блаженъ человѣкъ, который сохраняетъ постъ во все вре-

мя сей жизни: онъ будетъ обитать въ горнемъ Іерусалимѣ, соединится со святыми Ангелами и получитъ успокоеніе со святыми Пророками и Апостолами.

23. Сіе я написалъ тебѣ, возлюбленная сестра, славословящая Христа, для укрѣпленія и пользы души твоей: не уклоняйся отъ сихъ словъ ни вправо, ни влѣво; ибо кто, услышавъ сіи наставленія, станетъ презирать оныя, тотъ подвергнется великому осужденію. Тебѣ же, честнѣйшая сестра, владѣющая сею книгою, да поможетъ Богъ сохранить сіе, симъ заниматься, просвѣтивши твой разумъ, очистивши умъ, озаривши очи разумѣнія, дабы получить неувядаемый вѣнецъ, который уготовалъ Богъ любящимъ Его, чрезъ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

VIII.

ЛУКІЯ ЦЕЛІЯ ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА

КНИГА

О СМЕРТИ ГОНИТЕЛЕЙ ХРИСТОВОЙ ЦЕРКВИ.

(Гл. 21—35).

21. Достигши верховной власти, Галерій думалъ только о томъ, какъ бы причинить болѣе вреда вселенной, которую онъ теперь покорилъ себѣ.—У Персовъ было въ обычаѣ, рабски повиноваться царямъ своимъ, и цари сего народа располагали своими подданными, какъ рабами. Сей обычай, послѣ побѣды надъ Персами, зложелательный человѣкъ хотѣлъ ввести и въ Римскую Имперію, и съ сего времени выхвалялъ оный предъ всѣми безъ всякаго стыда. Поелику же онъ не могъ предписать того открытымъ

закономъ, то дѣйствовалъ такъ, что Самовольно мало по малу лишалъ свободы своихъ подданныхъ. Сперва онъ уничтожалъ почетныя званія. Послѣ сего началъ подвергать пыткамъ не только Декуріоновъ (*), но и самыхъ градоправителей, мужей наиболѣе знаменитыхъ и отличенныхъ предъ другими; притомъ подвергалъ ихъ онымъ по причинамъ маловажнымъ и частнымъ. Кого можно было подъ какимъ либо благовиднымъ

(*) Декуріономъ назывался начальникъ надъ 10 Силенціаріями (наблюдателями тишины). Силенціаріи, коихъ при дворцѣ Императора было 30 человѣкъ, обязаны были стоять предъ кабинетомъ Императора, когда онъ держалъ совѣтъ, принималъ иностранныхъ посланниковъ, вообще наблюдать за тишиною и порядкомъ, какъ во дворцѣ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда Императоръ или Императрица выѣзжали или выходили куда либо. Они употребляемы были также въ качествѣ Адъютантовъ для посылокъ въ разныя мѣста. Въ колоніяхъ и вольныхъ городахъ были Декуріоны, которые часто, смотря по состоянію, избираемы были въ Сенаторы, завѣдывали казенными запасами, циркомъ и зрѣлищами. Начальнику области никакъ не позволялось наказывать ихъ. Онъ могъ только взять ихъ подъ стражу и доносить объ нихъ Императору. См. Годофр., Валуц., Вагнер. въ примѣч. на Марцелл. 20. 4.

предлогомъ осудить на смерть, того обрекали на крестъ; если же не находили сего предлога, то заключали въ оковы. Женъ благороднаго и знатнаго происхожденія тиранъ повелѣвалъ похищать въ свой гаремъ. Кого надлежало наказать ударами, того отводили въ особенное публичное мѣсто, гдѣ нарочно для сего поставлены были четыре столпа, къ коимъ прежде никогда не привязывали даже самыхъ рабовъ. А что сказать объ его забавахъ и увеселеніяхъ? Онъ имѣлъ у себя медвѣдей, по жестокости и великому росту совершенно ему подобныхъ, которыхъ онъ самъ тщательно выбиралъ во все время своего правленія. Всякой разъ, когда хотѣлъ позабавиться, онъ приказывалъ котораго нибудь изъ нихъ привести къ себѣ, называя его по имени. Симъ медвѣдямъ бросалъ онъ людей не на съѣденіе, но болѣе для того, чтобы они терзали сихъ послѣднихъ мало по малу; и когда кровожадныя животныя разрывали члены несчастныхъ, смѣялся тому съ особеннымъ удовольствіемъ. Галерій даже рѣдко садился за ужинъ, не

обагривъ себя въ продолженіе дня человѣческою кровію. Обыкновенною казнію для людей незнатныхъ былъ огонь; и сію-то казнь сначала употреблялъ онъ противъ Христіанъ, впрочемъ такъ, что осужденные прежде долженствовали терпѣть пытки, а потомъ уже сожигаемы были медленнымъ огнемъ. Для сего сначала связывали ихъ, потомъ подкладывали имъ подъ ноги небольшой огонь и держали ихъ въ такомъ положеніи дотолѣ, пока кожа на пяткахъ, бывъ стянута жаромъ, не отставала отъ костей. Послѣ сего каждый членъ прижигали тлѣющимися факелами, которые нарочно для сего зажигали и опять потушали, такъ что не оставалось на тѣлѣ ни одного мѣстечка цѣлаго. И между тѣмъ, дабы сильное воспаленіе гортани не ускорило смерти страдальцевъ, опрыскивали лица ихъ холодною водою, и промачивали ею уста и ротъ. Это дѣлали уже тогда, какъ огонь, попаливъ въ продолженіе большей части дня всю кожу, проникалъ до самыхъ внутренностей. Обгорѣлые такимъ образомъ трупы дожигали

еще на кострѣ, а оставшіяся кости, стерши въ порошокъ, бросали въ рѣку или въ море.

22. Что придумалъ Галерій для мученія Христіанъ, то по привычкѣ онъ простиралъ и на всѣхъ своихъ подданныхъ. У него не было легкихъ наказаній, онъ не зналъ ни острововъ, ни тюремъ, ни рудниковъ; но огонь, крестъ, свирѣпые звѣри,—вотъ какія были казни, которыя онъ ежедневно употреблялъ даже за самые незначительные проступки. Слугъ и придворныхъ чиновниковъ онъ исправлялъ копьемъ. Что касалось до людей важныхъ, государственныхъ, то онъ смертную казнь и усѣченіе мечемъ считалъ для нихъ какъ бы благодѣяніемъ, и удостоивалъ сей казни весьма немногихъ, развѣ только тѣхъ, которые ради прежнихъ заслугъ своихъ просили себѣ легкой смерти. Въ сравненіе съ сими жестокостями можно уже почесть малостію то, что судебное краснорѣчіе было воспрещено, званіе адвокатовъ уничтожено, законовѣдцы или сосланы въ ссылку, или умерщвлены Науки при-

знаны занятіемъ зловреднымъ, и тѣхъ, которые любили оныя, почитали за враговъ и людей опасныхъ, и всячески ихъ преслѣдовали. Законы были забыты: ихъ мѣсто заступило совершенное своеволіе, которымъ руководствовались и самые судьи. Начальниками въ области посылаемы были люди военные, неполучившіе никакого образованія, безъ свѣдущихъ помощниковъ (*).

23. Но что было виною явнаго бѣдствія и всеобщаго плача: это цензъ (**), назначенный вдругъ по всѣмъ областямъ и городамъ. Цѣновщики (***) рѣкою разлились повсюду, и все привели въ волненіе. Вездѣ представлялись ужасныя зрѣлища какъ бы непріятельскаго нашествія и плѣна. Вымѣряли по участкамъ поля, перещитывали виноградные кусты и деревья, замѣчали животныхъ всякаго

(*) Правовѣдцевъ, которые служили бы имъ въ качествѣ совѣтниковъ.

(**) Опись именъ гражданъ, ихъ фамилій, имущества, и оцѣнка онаго.

(***) Которые описывали имущество, и сообразно съ онымъ распредѣляли подати.

рода и переписывали людей поголовно. Городскіе и деревенскіе жители сгоняемы были вмѣстѣ; площади были покрыты кучами семействъ. Каждый долженъ былъ являться сюда съ дѣтьми и съ рабами; повсюду раздавались удары бичей и другихъ мучительскихъ орудій. Дѣтей подвергали тяжкому наказанію предъ очами ихъ родителей; вѣрныхъ слугъ терзали при ихъ господахъ (*); женъ— при мужьяхъ. Если же симъ способомъ ничего не вывѣдывали, то мучили ихъ по одиначкѣ; и когда они наконецъ изнемогали отъ страданій, вносили въ списокъ и то, чего у нихъ не было. Не принимали въ извиненіе ни возраста, ни болѣзни. Заставляли приносить больныхъ и слабыхъ; сами опредѣляли возрастъ каждаго и молодымъ прибавляли годовъ, а у старыхъ убавляли. Все было исполнено плача и стенанія. Что предшественники Галерія по праву войны дѣлали съ побѣжденными, то онъ осмѣлился сдѣлать въ отношеніи къ Римля-

(*) Что Римскими законами воспрещалось, исключая немногихъ случаевъ.

намъ и Римскимъ подданнымъ; поелику его предки нѣкогда подвержены были цензу, который Траянъ, какъ побѣдитель Даковъ, наложилъ на нихъ въ наказаніе за то, что они непрестанно противъ него бунтовали. Должно было платить поголовную подать, и самую жизнь какъ бы искупать мздою. Впрочемъ и цѣновщикамъ однимъ и тѣмъ же не довѣряли, но часто посылали новыхъ въ той надеждѣ, не найдутъ ли они чего либо большаго. Такимъ образомъ тягость ценза отчасу болѣе увеличивалась; поелику новые послы, хотя и ничего особеннаго не находили, однако прибавляли самовольно, что хотѣли, дабы показать, что они не напрасно были посылаемы. Уменьшалось ли число животныхъ или умирали люди: подати равно требовались и за мертвыхъ, такъ что ни жить, ни умереть нельзя было даромъ. Оставались одни только нищіе, съ которыхъ нечего было брать: ибо бѣдность и злополучіе дѣлали ихъ безопасными отъ всѣхъ притѣсненій. Но добрый человѣкъ сжалился надъ ними, захотѣлъ избавить ихъ отъ

бѣдности. Галерій велѣлъ собрать ихъ, и, посадивъ на малыя ладьи, затопить въ морѣ. Вотъ какъ человѣкъ сострадательный заботился о томъ, чтобы въ его правленіе не было людей бѣдныхъ! Такимъ образомъ, изъ одного опасенія, чтобы кто либо, подъ предлогомъ бѣдности, не ускользнулъ отъ ценза, онъ погубилъ множество людей бѣдныхъ, вопреки всѣмъ правамъ человѣчества!..

24. Но судъ Божій уже близокъ былъ къ Галерію. Наступило время, когда дѣла его начали колебаться и приходить въ разстройство. Еще онъ не принималъ своихъ мѣръ къ низверженію и погибели Констанція, занимаясь тѣми дѣлами, которыя выше мною описаны, а только ожидалъ его смерти. Впрочемъ онъ не думалъ, чтобы она такъ скоро послѣдовала.—Констанцій, сдѣлавшись теперь опасно боленъ, письменно просилъ Галерія прислать къ нему сына его Константина для свиданія, и уже давно тщетно ожидалъ его. Галерій же ничего столько не опасался, какъ сего отъѣзда Константинова. Онъ уже неоднократно разставлялъ

тайныя сѣти противъ сего юноши: ибо открыто не смѣлъ ничего предпринять, опасаясь чрезъ то вооружить противъ себя гражданъ, и навлечь на себя ненависть воиновъ, чего особенно страшился. Однажды, подъ предлогомъ маневровъ и увеселеній, онъ хотѣлъ было затравить его звѣрями, но тщетно: десница Божія спасла сего человѣка и исторгла его изъ рукъ врага, когда онъ былъ уже на краю погибели. Наконецъ видя, что всѣ покушенія погубить его остаются безуспѣшными, Галерій въ одинъ вечеръ, когда было довольно уже поздно, далъ ему отпускъ за собственною печатью, приказавъ однако дожидаться слѣдующаго утра для полученія дальнѣйшихъ повелѣній, и потомъ уже отправиться въ путь. Вѣроятно, онъ искалъ какого либо случая снова задержать Константина, или хотѣлъ напередъ отправить письмо къ Северу, чтобы сей какъ нибудь остановилъ его у себя. Но Константинъ, догадавшись о семъ его намѣреніи, поспѣшилъ выѣхать изъ города, когда Императоръ послѣ

ужина легъ спать, и счастливо избѣгъ опасности по тому, что на многихъ станцiяхъ велѣлъ убить всѣхъ почтовыхъ лошадей. На другой день, съ намѣренiемъ пробывъ въ постелѣ до полудня, Императоръ приказалъ позвать къ себѣ Константина. Ему сказали, что Константинъ тотчасъ послѣ ужина отправился въ путь. Тогда Галерiй пришелъ въ сильное негодованiе и ярость, требовалъ почтовыхъ лошадей, чтобы тотчасъ его преслѣдовать. Но когда ему донесли, что всѣ лошади побиты, то онъ едва могъ удержаться отъ слезъ. Между тѣмъ Константинъ, продолжая путь свой со всевозможною скоростiю, засталъ отца своего уже въ самомъ крайнемъ положенiи. Впрочемъ Констанцiй успѣлъ еще представить его войску и вручилъ ему Имперiю; послѣ чего спокойно скончался на своемъ ложѣ, какъ желалъ сего нѣкогда.—По принятiи правленiя Константинъ Императоръ прежде всего поспѣшилъ возвратить Христiанамъ свободу Вѣры и Богослуженiя. И это воз-

становленіе святой Религіи было первымъ его учрежденіемъ.

25. Чрезъ нѣсколько времени къ лютому звѣрю принесли увѣнчанный лаврами портретъ Константина. Долго думалъ Галерій, принять ли оный. Наконецъ рѣшился было сожечь и портретъ, и того, кто принесъ оный; но былъ удержанъ отъ сего неистоваго поступка друзьями своими, которые представили ему опасность, что всѣ воины, если бы противъ ихъ воли сдѣлали Кесарями людей неизвѣстныхъ, примутъ Константина, и съ величайшею охотою перейдутъ къ нему, какъ только онъ появится съ оружіемъ въ рукахъ. Посему, хотя и весьма неохотно, Галерій принялъ сей портретъ, и чтобы показать, будто онъ по собственному расположенію допустилъ Константина къ участію въ правленіи, послалъ къ нему порфиру. Теперь всѣ планы его разрушились, и онъ не могъ уже сверхъ числа наименовать другаго (*), кого было хотѣлъ. По крайней мѣрѣ вздумалъ упо-

(*) Императоромъ.

требить слѣдующую увертку: Севера, какъ старшаго лѣтами, онъ повелѣлъ наименовать Августомъ, а Константина— не Императоромъ (хотя онъ уже имѣлъ такое достоинство), но Кесаремъ, вмѣстѣ съ Максиминомъ: такимъ образомъ со втораго мѣста низвелъ было его на четвертое.

26. Казалось, дѣла пришли уже нѣкоторымъ образомъ въ порядокъ, какъ вдругъ принесли Галерію другую страшную вѣсть, что зять его Максентій сдѣланъ въ Римѣ Императоромъ. Причина такого переворота была слѣдующая. Предположивъ учрежденіемъ ценза поглотить шаръ земной, Галерій дошелъ до такого безумія, что не хотѣлъ изъять отъ сего хищничества самыхъ граждань Рима. Уже назначены были и цензоры, которые должны были отправиться въ Римъ и переписать жителей онаго; а между тѣмъ въ тоже почти время Преторіанская стража была уменьшена. Посему небольшое число воиновъ, оставшихся въ Римѣ въ лагеряхъ, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ,

умертвили нѣкоторыхъ коммиссаровъ, и конечно не безъ согласія народа, который былъ раздраженъ Галеріемъ, облекли въ порфиру Максентія. Галерій, получивъ сію вѣсть, хотя и пораженъ былъ нѣсколько нечаянностію, но не потерялъ совершенно духа. Онъ съ одной стороны ненавидѣлъ сего человѣка, а съ другой и не могъ сдѣлать троихъ Кесарей. (*) Довольно для него казалось, если и однажды сдѣлано то, чего онъ не хотѣлъ (**). Посему призвалъ Севера и склонивъ его къ принятію Имперіи (***), послалъ его съ войскомъ Максиміана (****) для низложенія Максентія, и послалъ именно въ Римъ, гдѣ воины сіи прежде многократно принимаемы были жителями съ величайшимъ радушіемъ, и потому хотѣли бы не только сохранить сей городъ въ цѣлости, но и сами навсегда въ немъ остаться. —

(*) Въ слѣдствіе узаконенія Діоклитіана.

(**) Константинъ наименованъ Императоромъ, противъ его воли.

(***) Западной Имперіи, именно Италіи.

(****) Геркулія

Между тѣмъ Максентій, сознавая всю важность своего проступка, помышлялъ о средствахъ и способахъ, какъ бы отвратить отъ себя угрожавшую ему опасность. Хотя казалось ему дѣломъ возможнымъ, что воины отца его по праву наслѣдства перейдутъ на его сторону; впрочемъ представлялъ себѣ и то, что его тесть Максиміанъ (*), опасаясь такого ихъ поступка, легко могъ оставить Севера въ Имперіи, а самъ съ своимъ войскомъ идти для его низверженія. Посему Максентій послалъ порфиру отцу своему (который, сложивъ съ себя Императорскую власть, жилъ теперь въ Кампаніи) и вторично наименовалъ его Августомъ. Максиміанъ, жадный до новостей и сложившій порфиру противъ воли, охотно принялъ оную. Между тѣмъ Северъ шелъ, и приближался уже съ своимъ войскомъ къ стѣнамъ города. Но воины, захватившй свои знамена, вдругъ оставляютъ его и переходятъ на сторону того, противъ кого они шли. Что оставалось теперь по-

(*) Галерій.

кинутому, кромѣ бѣгства? Притомъ Максиміанъ, уже принявшій снова Императорскую власть, шелъ къ нему на встрѣчу: посему Северъ при его приближеніи бѣжалъ въ Равенну, и такъ заперся съ немногими воинами. Но увидѣвъ, что его хотятъ выдать Максиміану, рѣшился лучше добровольно предаться ему, и возвратилъ порфиру тому, отъ кого получилъ оную. Впрочемъ симъ поступкомъ онъ ничего не выслужилъ себѣ, кромѣ легкой смерти. Ему открыли жилы, и такимъ образомъ заставили его спокойно умереть. Съ сего времени Галерій началъ преслѣдовать своихъ (*).

27. Геркулій, зная свирѣпое свойство Галерія, представлялъ себѣ, какимъ гнѣвомъ онъ воспламенится при извѣстіи о смерти Севера. Онъ полагалъ навѣрное, что Галерій пойдетъ противу него съ своимъ войскомъ, да можетъ быть соединится еще съ Максиминомъ: въ такомъ случаѣ Геркулій не имѣлъ бы никакой возможности противустать сое-

(*) т. е. своего зятя и отца его.

диненнымъ силамъ. Посему онъ укрѣпилъ городъ, и, когда начались уже непріятельскія дѣйствія, устроивъ все съ особеннымъ тщаніемъ, отправился въ Галлію, чтобы преклонить на свою сторону Константина, отдавъ ему руку младшей своей дочери. Между тѣмъ Галерій, собравъ свои войска, вступилъ въ Италію и приблизился къ городу (*), намѣреваясь уничтожить Сенатъ и истребить народъ. Но онъ нашелъ городъ запертымъ и укрѣпленнымъ. Ворваться въ него силою не было никакой надежды; осада была невозможна, а для блокады недоставало войска. Галерій никогда не видалъ Рима, и представлялъ его себѣ не много большимъ тѣхъ городовъ, которые онъ доселѣ видѣлъ. Теперь нѣкоторые легіоны, считая гнуснымъ преступленіемъ то, что тесть долженъ воевать съ зятемъ и Римскіе воины должны осаждать Римъ, схвативъ свои знамена, отказались отъ повиновенія. И остальные воины начали уже колебаться. Это смирило гордость Галерія: съ раб-

(*) Риму.

скимъ уничиженіемъ, страшась судьбы Севера, онъ бросился къ ногамъ своихъ воиновъ и умолялъ ихъ, чтобы они не предали его врагу. Наконецъ многими обѣщаніями ему удалось смягчить ихъ сердца. Послѣ сего онъ предпринялъ обратный путь, и такъ поспѣшно предался бѣгству, что его весьма легко можно было бы схватить въ ономъ, если бы кто, хотя съ малымъ числомъ, погнался за нимъ. Страшась сего, онъ далъ позволеніе своимъ воинамъ расходиться по окрестнымъ мѣстамъ, сколько возможно далѣе, и все похищать или опустошать, дабы, если бы кто вздумалъ преслѣдовать его, нигдѣ не нашелъ для себя продовольствія. Такимъ образомъ та часть Италіи, по которой проходило это губительное полчище, была совершенно опустошена; воины все грабили, безчестили женъ, позорили дѣвъ; мучили отцовъ и мужей, принуждая ихъ выдавать имъ своихъ женъ, дочерей и имущество; гнали цѣлыя стада крупнаго и мелкаго скота, какъ бы изъ земли непріятельской. Исполнивъ все ужасомъ

и скорбію, Галерій наконецъ возвратился къ мѣсту своего постояннаго пребыванія,—тотъ Галерій, который нѣкогда былъ Императоромъ Римскимъ, а теперь сталъ опустошителемъ Италіи. Впрочемъ онъ еще тогда, какъ принялъ титулъ Императора, объявилъ себя врагомъ Римлянъ, и хотѣлъ перемѣнить самое имя Римской Имперіи, чтобы она впредь называлась не Римскою, но Дакійскою.

28. Послѣ его бѣгства другой Максиміанъ, возвратившійся снова изъ Галліи, началъ править Имперіею вмѣстѣ съ сыномъ. Только послѣднему болѣе оказывали повиновенія, нежели первому, какъ потому, что его власть началась прежде и была обширнѣе, такъ и потому, что онъ же возвратилъ престолъ и отцу своему. Старику весьма было прискорбно, что онъ не могъ свободно дѣйствовать, какъ бы хотѣлъ; а потому и завидовалъ своему сыну съ ребяческою ревностію. Уже онъ замышлялъ изгнать молодаго соправителя, чтобы вступить въ прежнія права свои. И это казалось

ему удобнымъ потому болѣе, что воины, оставившіе Севера, прежде ему служили. Посему онъ собралъ народъ и войска подъ тѣмъ предлогомъ, будто хочетъ объясниться съ ними касательно настоящаго бѣдственнаго положенія Имперіи. Поговоривъ довольно о семъ предметѣ, онъ протянулъ руки къ своему сыну, и сказавъ: «вотъ виновникъ золъ и бѣдствій, которыя терпитъ Имперія,» сорвалъ съ его плечь порфиру. Лишенный сей одежды, Максентій тотчасъ выбѣжалъ изъ трибунала и принятъ былъ воинами. Ихъ негодованіе и шумъ такъ устрашили вѣроломнаго старика, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Рима, какъ другой Супербъ.

29. Отсюда онъ снова возвратился въ Галлію, и, пробывъ тамъ немного времени, отправился потомъ ко врагу своего сына Максиміану (*), подъ тѣмъ видомъ, будто хочетъ лично переговорить съ нимъ о мѣрахъ къ примиренію Имперіи, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы подъ предлогомъ примиренія умерт-

(*) Галерію.

вить его, и присвоить себѣ его власть, тогда какъ былъ изгнанъ своимъ сыномъ. Когда онъ прибылъ къ Максиміану, у него въ сіе время находился Діоклесъ, призваный не давно зятемъ своимъ для того, чтобы (чего послѣдній прежде никогда не дѣлалъ) въ его присутствіи на мѣсто Севера утвердить Императоромъ Ликинія. Посему это случилось въ присутствіи обоихъ. Такимъ образомъ въ одно время было шесть правителей (*). Увидѣвъ препятствія къ исполненію своихъ намѣреній, старый Максиміанъ рѣшился на третье бѣгство, и возвратился въ Галлію съ зловреднымъ замысломъ и кознями. Именно, онъ вознамѣрился коварнымъ образомъ уловить въ свои сѣти Константина, своего зятя и сына зятняго (**); а чтобы удобнѣе

(*) Максиміанъ Геркулій, Максиміанъ Галерій, Максентій, Константинъ, Ликиній и Максиминъ: первые пять были тогда Императорами, а послѣдній еще Кесаремъ.

(**) Константинъ имѣлъ въ супружествѣ за собою младшую дочь Геркулія — Фавсту, между тѣмъ какъ отецъ его Констанцій послѣ развода съ Еленою былъ

обмануть его, сложилъ съ себя Императорскую одежду. Въ это время Франки взялись за оружіе. Максиміанъ убѣждалъ Константина, который чуждъ былъ всякаго подозрѣнія, чтобы онъ не выводилъ съ собою всѣхъ своихъ войскъ, увѣряя, что варвары могутъ быть усмирены и съ малыми силами. Это совѣтовалъ онъ для того, чтобы съ одной стороны для себя самого оставить войско, которымъ бы онъ могъ воспользоваться; а съ другой, чтобы тѣмъ легче можно было низвергнуть зятя своего, по малочисленности его силъ. Юный Императоръ повѣрилъ ему, какъ опытному старцу, и повиновался какъ тестю; а посему отправился въ походъ, оставивъ дома большую часть войскъ своихъ. Максиміанъ, подождавъ нѣсколько дней, пока по его соображенію Константину надлежало уже вступить въ предлы непріятельскіе, вдругъ надѣваетъ на себя порфиру, овладѣваетъ сокровищами, разсыпаетъ оныя, по своему обыкновенію,

женатъ на Өеодорѣ, старшей дочери или падчерицѣ Геркулія.

щедрою рукою, и выдумываетъ на Константина то, что вскорѣ обратилось на него самого (*). Императоръ скоро узнаетъ о случившемся. Съ наивозможною быстротою онъ летитъ съ своимъ войскомъ и нападаетъ на хищника, тогда какъ онъ вовсе не ожидалъ сего, и не успѣлъ достаточно къ тому приготовиться. Воины возвращаются къ своему Императору.—Отселѣ Максиміанъ бросился въ Массилію (**) и заперъ тамъ ворота. Императоръ подошелъ къ городу и, увидѣвъ его на стѣнѣ, началъ разговаривать съ нимъ, но безъ грубости и непріязни. Константинъ спрашивалъ своего тестя, чего ему хотѣлось, чего недоставало, и для чего онъ рѣшился на поступокъ, для него особенно неприличный? Но Максиміанъ осыпалъ его со стѣнъ только ругательствами. Вдругъ сзади его отворяютъ ворота, входятъ туда

(*) Онъ распространилъ ложный слухъ, будто Константинъ разбитъ Франками; вмѣсто того самъ по неожиданномъ возвращеніи своего зятя былъ захваченъ имъ и низвергнутъ.

(**) Марсель.

воины, и бунтовщика-Императора, злобнаго отца и вѣроломнаго тестя, силою приводятъ къ Императору. Здѣсь представляютъ ему преступленія его, снимаютъ съ него порфиру, и послѣ выговоровъ даруютъ ему жизнь.

30. Лишенный такимъ образомъ почести Императора и тестя, и не могши сносить своего уничиженія, Геркулій рѣшился на новыя козни. Бывъ ободренъ ненаказанностію, онъ призываетъ къ себѣ дочь свою Фавсту, и то просьбами, то ласкательствомъ старается убѣдить ее къ измѣнѣ своему мужу: обѣщаетъ ей другаго, достойнѣйшаго супруга; требуетъ, чтобы она оставила незапертыми двери спальни и дала свободу стражѣ. Она даетъ обѣщаніе сдѣлать это, и — тотчасъ открываетъ все своему мужу. Приготовляется сцена, въ которой бы явно можно было обличить злоумышленника. На мѣсто Императора кладутъ одного неважнаго евнуха, обреченнаго на смерть за него. Максиміанъ встаетъ въ глубокую полночь и видитъ, что все ему благопріятствуетъ. Стражей было

немного, и тѣ находились далѣе обыкновеннаго. Онъ сказалъ имъ, что видѣлъ сонъ, который хочетъ пересказать своему зятю. Вооруженный кинжаломъ, входитъ въ спальню, и, обезглавивъ скопца, съ торжествомъ выбѣгаетъ оттуда и объявляетъ о своемъ поступкѣ. Но вдругъ съ другой стороны является Константинъ съ отрядомъ вооруженныхъ воиновъ. Выносятъ изъ спальни трупъ убитаго; уличенный убійца цѣпенѣетъ отъ изумленія, нѣмѣетъ и остается недвижимъ «подобно скалѣ или Марпезіанскому мрамору» (*). Его упрекаютъ въ неблагодарности и злодѣяніи. Наконецъ даютъ ему свободу избрать себѣ родъ смерти, и онъ «на высокой перекладинѣ завязываетъ себѣ петлю для позорной смерти» (**). Такимъ образомъ тотъ великій Римскій Императоръ, который не задолго времени съ великимъ тщеславіемъ торжествовалъ свое двадцатилѣтіе на престолѣ, кончилъ преступную

(*) Вирг. Эн. VI. 471.
(**) Вирг. Эн. XII. 603.

жизнь свою безчестною и поносною смертію.

31. Отъ сего Максиміана Богъ, отмститель Вѣры и своего народа, обратилъ очи свои на другаго (*) виновника нечестиваго гоненія, дабы и надъ нимъ явить силу своего величія. — Уже и онъ помышлялъ о празднованіи двадцатилѣтія; и какъ еще прежде онъ отягощалъ области частыми поборами золота и серебра, то теперь для исполненія своего обѣщанія подъ предлогомъ предстоящаго торжества нанесъ имъ новыя раны. Кто въ состояніи изобразить, какими безчеловѣчными мученіями сопровождались сіи поборы, особенно жизненныхъ потребностей? Находившіеся при сборщикахъ воины, или лучше мучители, привязывались къ каждому: трудно было знать, кого прежде надлежало удовлетворять. Не щадили и неимущихъ: они должны были терпѣть различныя пытки, если не отдавали тотчасъ того, чего у нихъ и не было. Отъ множества повсюду разсѣянныхъ стражей ни-

(*) Галерія.

кто не могъ свободно перенесть дыханія; не было никому покоя ни въ какое время года; часто за одного и того же человѣка препирались самые судьи или ихъ воины; не было ни одного гумна безъ надсмотрщика, ни одного винограданика безъ сторожа, такъ что самимъ трудящимся ничего не оставалось для своего пропитанія. Прискорбно смотрѣть, когда изъ устъ вырываютъ пищу, снисканную трудами; впрочемъ надежда на будущій избытокъ дѣлаетъ для насъ сію скорбь нѣкоторымъ образомъ сносною. Но что сказать объ одеждахъ всякаго рода? Что сказать о золотѣ и серебрѣ? Не всѣ ли сіи вещи пріобрѣтаются продажею плодовъ? Гдѣ же взять ихъ, когда ты, безчеловѣчный тиранъ, отнимаешь всѣ плоды и насильственно похищаешь всѣ земныя произведенія? Каждый такимъ образомъ разоренъ былъ до основанія, такъ что всѣ богатства, какими владѣли люди во время его правленія, собраны были для совершенія одного торжественнаго обѣта, которому не суждено было исполниться.

32. Раздраженный избраніемъ въ Императоры Ликинія, Максиминъ (*) не хотѣлъ наименоваться Кесаремъ, ни занимать третьяго мѣста. Галерій неоднократно посылалъ къ нему пословъ съ просьбою, чтобы онъ покорился ему, и уваживъ его лѣта и сѣдины, сохранилъ ненарушимымъ его распоряженіе. Но тотъ сдѣлался отъ сего только еще дерзновеннѣе; онъ ссылался на право старшинства; утверждалъ, что ему принадлежитъ первенство, поелику онъ ранѣе Ликинія получилъ порфиру; и симъ опровергалъ всѣ его просьбы и требованія. Свирѣпое животное—Галерій досадуетъ и съ злобою выставляетъ на видъ, что онъ возвысилъ Максимина изъ низкаго состоянія на степень Кесаря, для того, дабы сей послѣдній во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовалъ по его волѣ, и между тѣмъ онъ, забывъ сіе благодѣяніе, безстыдно противится его велѣніямъ и просьбамъ. Наконецъ выведенный изъ терпѣнія упорствомъ Максимина, Галерій уничтожаетъ титулъ Кесаря, про-

(*) Даія.

возглашаетъ себя и Ликинія Императорами, а Максентія и Константина сынами Императоровъ. Вскорѣ послѣ сего Максиминъ (*) писалъ къ нему какъ бы за извѣстіе, что онъ по случаю торжества на Марсовомъ полѣ, не давно бывшаго, провозглашенъ отъ войска Императоромъ. Съ скорбію и досадою Галерій принялъ это извѣстіе, впрочемъ далъ повелѣніе, чтобы всѣ четверо (**) именовались Императорами.

33. Уже наступилъ осмнадцатый годъ (***), какъ Богъ поразилъ его (Галерія) неизлѣчимою язвою. На нижней части тѣла образовался злокачественный нарывъ, который мало по малу распространялся далѣе. Врачи дѣлаютъ разрѣзъ, употребляютъ лекарства; но когда затянуло разрѣзъ, открывается но-

(*) Толкователи думаютъ, что имена лицъ въ семъ мѣстѣ перемѣшаны. Выше вмѣсто *Максентій* должно читать *Максиминъ*, а здѣсь вмѣсто *Максиминъ* — *Максентій*.

(**) Ликиній, Максиминъ, Константинъ и Максентій; самъ же былъ пятый.

(***) Правленія Галеріева.

вая рана; вслѣдъ за симъ лопнула жила, и началось кровотеченіе съ опасностію самой жизни. Едва съ крайнимъ усиліемъ успѣли остановить кровь. Употребляютъ новыя врачевства: оканчивается тѣмъ же нарывомъ, который при малѣйшемъ движеніи тѣла опять раскрывается, и кровь льется сильнѣе прежняго. Больной блѣднѣетъ, слабѣетъ въ силахъ, и тогда уже останавливаютъ кровотеченіе. Рана дѣлается неисцѣльною; ракъ объемлетъ ближайшія части тѣла, и чѣмъ болѣе его рѣжутъ, тѣмъ далѣе онъ распространяется. Съ каждымъ пособіемъ болѣзнь только возрастала. «Отступились наконецъ самые искусные «врачи: Хиронъ сынъ Филлириды и Ме«лампъ Амитаонійскій» (*). Со всѣхъ сторонъ созывали извѣстнѣйшихъ врачей, но помощь человѣческая была безполезна. Прибѣгаютъ къ идоламъ, вопрошаютъ Аполлона и Эскулапа; умоляютъ ихъ о помощи. Аполлонъ указуетъ средство; но болѣзнь еще болѣе увеличивается.

(*) Вирг. Георг. III. 549.

Уже гибель (*) была близка, и объяла всѣ нижнія части тѣла. Составы извнѣ гніютъ, и вся задняя часть обращается въ струпъ. Не смотря на то, несчастные врачи, хотя и безъ надежды побѣдить болѣзнь, не перестаютъ еще пытать припарки и другія средства. Когда такимъ образомъ худые соки были отвлечены со-внѣ, болѣзнь обращается внутрь, и объемлетъ внутреннія части: внутри зараждаются черви. Отвратительный запахъ разливается не только по дворцу, но и по всему городу. И не удивительно; поелику отправленіе естественныхъ нуждъ потеряло свой путь и все пришло въ безпорядокъ. Черви пожираютъ страждущаго, и тѣло съ нестерпимою болью гніетъ и разрушается. Ужасный вопль возноситъ онъ къ небесамъ, подобно какъ ревѣтъ волъ, пронзенный стрѣлою (**). Къ больному мѣсту прикладывали испеченное теплое мясо, чтобы теплотою извлечь изъ вну-

(*) т. е. совершенное омертвѣніе и разрушеніе частей.

(**) Вирг. Ен. II. 221.

тренности червей. Когда отнимали оное, рой червей въ невѣроятномъ множествѣ кипѣлъ на немъ, и не смотря на то снова, и еще въ большемъ количествѣ, они зараждались во внутренности гніющихъ ранъ. Всѣ части тѣла наконецъ потеряли свой видъ: верхняя часть до самой раны сохла, и изсохшая до невѣроятной степени кожа впала глубоко между костей. Въ нижней напротивъ необыкновенно пухли ноги, такъ что уподоблялись надутымъ мѣхамъ. И это продолжалось постоянно цѣлый годъ. Смиренный наконецъ толикимъ бѣдствіемъ, Галерій принужденъ былъ исповѣдать Бога. Движимый мучительнымъ чувствомъ непрестанно возобновляющихся скорбей, онъ по временамъ взывалъ, что возставитъ храмъ Богу, и потщится загладить свои преступленія. —Приближаясь къ кончинѣ, онъ оставилъ указъ слѣдующаго содержанія:

34. «Между прочими учрежденіями нашими, клонившимися всегда къ общей пользѣ и благоденствію Имперіи, мы же-

лали прежде сего все устроять и совершать по древнимъ законамъ и общественнымъ уставамъ Римскимъ, и достигнуть того, чтобы и Христіане, уклонившіеся отъ вѣры отцевъ своихъ, возвратились къ здравымъ мыслямъ. Именно сіи Христіане какимъ-то образомъ до такого дошли своеволія, въ такое впали ослѣпленіе, что не только не слѣдовали онымъ древнимъ уставамъ, которые, можетъ быть, ихъ же отцы учредили, но сами, по собственному произволу и прихотямъ, составляли себѣ законы, которые и соблюдали, и въ разныхъ мѣстахъ дѣлали различныя собранія. Наконецъ, когда состоялось наше повелѣніе, чтобы они возвратились къ древнимъ уставамъ, многіе изъ нихъ препобѣждены были пытками, а нѣкоторые страхомъ оныхъ. Но какъ большая часть ихъ упорствовала въ своей рѣшимости, и мы замѣтили, что они ни богамъ не воздавали почтенія и должнаго благоговѣнія, ни Богу Христіанскому не служили приличнымъ образомъ: то мы, взирая на нихъ окомъ кротости и ми-

лосердія, по сродному намъ снисхожденію, по которому обыкновенно стараемся изливать милости свои на всѣхъ вообще нашихъ подданныхъ, положили и симъ послѣднимъ явить наше всегда готовое благоснисхожденіе. Да живутъ отнынѣ Христіане, и да созидаютъ свои храмы, только да не дерзаютъ ни въ чемъ поступать противъ уставовъ. (Другимъ указомъ мы означимъ нашимъ властямъ, за чѣмъ они должны наблюдать.) За такое наше благоснисхожденіе мы поставляемъ имъ въ обязанность молиться своему Богу о нашемъ благоденствіи‘ также какъ и о благосостояніи Имперіи и ихъ собственномъ, дабы Имперія во всѣхъ отношеніяхъ стояла невредимою, и они сами спокойно и безмятежно могги обитать въ своихъ жилищахъ.»

35. Сей указъ обнародованъ былъ въ Никомидіи за день до наступленія Мая, въ осьмое консульство Галерія и второе Максимина. Тогда темницы были отворены; тогда и ты, любезный Донатъ, вмѣстѣ съ прочими исповѣдниками, освободился изъ заключенія, пробывъ въ немъ

цѣлыя шесть лѣтъ. Впрочемъ симъ поступкомъ Галерій не заслужилъ отъ Бога прощенія за свои злодѣянія: ибо спустя нѣсколько дней послѣ сего, когда всѣ члены тѣла его уже омертвѣли, онъ погибъ отъ ужаснѣйшаго воспаленія, поручивъ свою супругу и сына въ покровительство Ликинію. Это сдѣлалось извѣстнымъ въ Никомидіи (*)—того же мѣсяца, тогда какъ съ наступленіемъ слѣдующаго Марта надлежало торжествовать двадцатилѣтіе.

(*) Въ подлинникѣ здѣсь пропускъ.

IX.

СЛОВО (*).

Въ день Святаго, Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго.

Восхвалимъ мужи славны, и отцы наши въ бытіи (Сир. 44, 1).

Нужно ли напоминать вамъ, Слуш., тѣ причины, которыя обязываютъ насъ восхвалять славныхъ святостію отцевъ нашихъ въ бытіи? Толикократно совершая хвалебныя празднества въ честь ихъ, вы конечно знаете, по чему совершаете такія празднества. Вы скажете: мы восхваляемъ славныхъ мужей Церкви по тому, что самъ Господь прославилъ ихъ, и симъ прославленіемъ своимъ внушаетъ намъ, да *восхвалятся преподобніи* Его *во славѣ своей* (Пс. 149, 5). Мы восхваляемъ, скажете вы, славныхъ свя-

(*) Говорено въ 1830 году.

тостію мужей по тому, что самъ Богъ хвалится нами *во Святыхъ Его* (Пс. 150, 1). Мы почитаемъ, скажете вы, святыхъ и славныхъ отцевъ нашихъ въ бытіи по тому, что чтить отца есть *заповѣдь первая въ обѣтованіи* (Еф. 6, 2). Насъ побуждаетъ, присовокупите вы, священная обязанность благодарности вѣчно памятовать праведниковъ, и вѣчно памятовать ихъ *съ похвалами* (Пс. 111, 6. Прит. 10, 7), потому что сіе *святое сѣмя*, было, есть и будетъ, по выраженію Писанія, *стояніе наше* (Иса. 6, 13): изъ него, какъ изъ нѣкоего зерна, вѣчно развивается и возрастаетъ наше благосостояніе, если только мы сами содѣйствуемъ, а не препятствуемъ развитію и возрастанію онаго.

Такъ: сей громъ бранной славы нашей, который раздался теперь отъ предѣловъ отечественныхъ во всѣ концы вселенныя, не есть ли повторительный и усиленный отзывъ тѣхъ побѣдныхъ звуковъ, которые, празднуемый нынѣ Церковію, Св. Князь Невскій распространялъ въ свое время отъ сихъ береговъ Невскихъ

по всѣмъ странамъ извѣстнаго предкамъ нашимъ міра? Настоящая твердыня Царства Русскаго не имѣетъ ли въ основаніи своемъ того оплота, который положенъ мощною десницею, а паче правдою и благочестіемъ великаго подвигами и благовѣріемъ Александра?... Но мы не будемъ теперь раскрывать святыхъ доблестей сего Князя; не будемъ развивать нитей, связующихъ его благія дѣла съ нашею судьбою; не будемъ и убѣждать васъ къ хваленію его,— потому не будемъ, что настоящее торжественное собраніе ваше къ святому гробу его ясно свидѣтельствуетъ о вашемъ къ нему благоговѣніи и святомъ усердіи восхвалять Праведника. Мы предложимъ вамъ въ настоящемъ Словѣ другой предметъ, достойный вашего благочестиваго вниманія, — такой, о которомъ должно размыслить прежде, нежели начнемъ восхвалять празднуемаго Угодника Божія, дабы скудными своими похвалами не укорить его, какъ говоритъ одинъ Св. Учитель. Размыслимъ, Слуш., о томъ, чѣмъ можемъ мы истинно восхвалить Святаго?

Такой вопросъ предполагаетъ уже, что есть люди, которые, по неразумію ли своему, или съ намѣреніемъ, удаляются отъ истиннаго чествованія Святыхъ. Къ сожалѣнію, это справедливо. Ибо можно видѣть, что не малая часть Христіанъ тѣ дни, которые посвящены хвалебному празднованію Святыхъ, посвящаютъ своей укоризненной праздности. Это тѣ, которыхъ теперь нѣтъ среди насъ, которые, подобно званнымъ въ притчѣ на Царскую вечерю, подъ различными предлогами, въ угожденіе плоти своей, отказались на зовъ Церкви отъ духовнаго торжества. Нужно ли говорить о празднованіи ихъ?—Сіи люди не празднуютъ, а упраздняютъ для себя день Святаго! Другіе, можетъ быть многіе изъ насъ самихъ, думаютъ, что они оказываютъ уже достойную честь Святому, когда въ день, ему посвященный, приходятъ въ храмъ святый, приносятъ съ собою извѣстные дары, преклоняются предъ образомъ Святаго, пѣснословятъ Святаго, и — только!..

Похвально, Слуш., посѣщать святый храмъ Святаго. Одинъ праведникъ о томъ только и молилъ Бога, чтобы *жить въ дому Господни вся дни живота* своего (Пс. 26, 4). Но *благословенъ* тотъ, кто приходитъ въ священный храмъ *во имя Господне*, съ намѣреніемъ воздать хвалу Богу и Святому, въ лицѣ коего прославляется Господь. Посѣщающіе церковь Божію по одному только обыкновенію — безъ благоговѣйнаго чувства, или даже для обыкновеннаго время-провожденія — съ грѣховною разсѣянностію, не вносятъ и не износятъ съ собою благословенія. Ибо, какая въ томъ слава Богу и похвала Святому, что они, въ слѣдствіе своего развлеченія и невниманія къ святынѣ, своими нескромными словами и дѣйствіями, обращаютъ святый домъ Божій въ обыкновенное жилище человѣческое, едва ли не въ домъ купли и позорища? Могутъ ли быть угодны Богу такіе посѣтители Его храмовъ, когда и мы огорчаемся посѣщеніемъ безпокойныхъ и невѣжливыхъ людей? Слуш. Господь всѣмъ объявилъ чрезъ

Пророка, что Онъ оскорбляется, если напрасно люди топчать дворы Его (Иса. 1, 12. съ Евр.); посему нѣкогда въ праведномъ гнѣвѣ своемъ Самъ изгналъ вервіемъ изъ храма тѣхъ, кои внесли въ оный вмѣстѣ съ прахомъ нестроенie (Мат. 21, 12). *Имѣяй уши слышати, да слышитъ!*

Похвально приносить дары Святымъ: Апостолъ это одобряетъ. (2 Кор. 8, 4). Но должно замѣтить, что онъ похваляетъ за дароношенie Святымъ такихъ людей, которые *самихъ себе вдаша первѣе Господеви* (ст. 5). Тотъ не благоугождаетъ Богу во Святыхъ, кто, принося въ храмъ нѣкую часть даровъ,—и то не своихъ, а Божiихъ,—дерзновенно отказываетъ Господу въ томъ, что ему самому принадлежитъ, и чего Богъ сильно желаетъ, даже проситъ у него, отечески взывая къ нему: *сыне, даждь Ми твое сердце* (Притч. 23, 26)! Тотъ не благоугождаетъ Ему, кто самую часть сiю приноситъ не отъ полноты усерднаго сердца, а по одному, часто утѣснительному для сердца обыкновенiю,

удѣлять нѣчто отъ избытковъ своихъ и для Церкви. Слушатели! когда сердце человѣка не пламенѣетъ Божественною любовію, когда оно растлѣно грѣхомъ: тогда и свѣща, имъ возжигаемая, помрачается грѣховною тьмою скверны душевной; тогда и ѳиміамъ, который онъ воскуряетъ, напитывается смрадомъ порчи сердечной. Можетъ ли такая жертва быть угодна Богу и Святому Его, когда и для насъ одно представленіе оной уже непріятно?

Похвально покланяться, по примѣру Давида, *храму святому* (Пс. 5, 8), т. е. Святымъ, въ коихъ обитаетъ Господь, какъ въ нерукотворенныхъ храмахъ своихъ (Дѣян. 7, 48. Евр. 3, 6). Но мы знаемъ, что *истинные поклонники* не тѣломъ только покланяются, но вмѣстѣ *духомъ и истиною*. Въ томъ нѣтъ чести Святому, когда наши выи склоняются предъ образомъ его, какъ трости колеблемыя вѣтромъ, а сердце не преклоняется къ исполненію святыхъ уставовъ Божіихъ (Пс. 118, 112). Въ томъ нѣтъ хвалы ему и Богу, когда мы

рукою своею пресѣкая и усѣкая на себѣ знаменіе крестнаго ига Христова, которое всецѣло носилъ Праведникъ, ясно свидѣтельствуемъ, что для насъ непріятно и тягостно не только сіе благое и легкое иго, но даже и знаменіе онаго.... А иные еще, по замѣчанію одного Пастыря Церкви (*), преклоняясь предъ святымъ образомъ, умомъ домашняя мечтаютъ, инъ злая помышляетъ, инъ татьбу, инъ любодѣяніе ..... Мы сказали бы, что такіе поклонники покланяются своимъ мысленнымъ истуканамъ, къ которымъ обращены взоры ихъ ума и сердца, а не Святому, о коемъ они и не помышляютъ; мы сказали бы это, если бы не опасались оскорбить ваше благочестіе.

Похвально пѣснословить праведниковъ, ибо Псалмопѣвецъ въ Божественномъ вдохновеніи своемъ восклицаетъ: *пѣснь всѣмъ преподобнымъ* (Пс. 148. 14)! Но вы конечно знаете, что Христіане, по выраженію Апостола, должны пѣть *духомъ* и *умомъ* въ *сердцахъ* своихъ (1 Кор.

(*) Димитр. Ростов. Част. 2, стр. 114.

14, 15. Еф. 5, 19), когда воспѣваютъ устами. Устная похвала Святому, если человѣкъ не усвояетъ себѣ оной чувствомъ и мыслію, бываетъ простымъ перечисленіемъ достохвальныхъ подвиговъ Святаго, коими не мы его, а онъ самъ себя восхваляетъ. Когда хвалебные звуки, доходя до слуха человѣка, и какбы теряясь въономъ, не отзываются въ его сердцѣ; когда онъ и умомъ не понимаетъ и сердцемъ не чувствуетъ того, что говоритъ и поетъ въ честь Святаго: тогда—повѣрьте — суетно бываетъ такое славословіе. Небо далеко отъ насъ—слабый кликъ человѣка не достигнетъ до него. Одна только мысль, воскриляемая пламенною любовію, можетъ своимъ духовнымъ полетомъ вознестись на оное. И чистая душа Праведника, которая, совлекшись плотской оболочки, все познаетъ мыслію изъ мысли, не услышитъ чувственнаго гласа, когда наша душа молчитъ.

Слушатели! Если мы желаемъ, чтобы наше обрядовое празднованіе имѣло свою цѣну и служило въ похвалу Святому:

то освятимъ оное духовнымъ празднованіемъ, которое состоитъ, по выраженію Богослова (*), въ сокровиществованіи душѣ истинныхъ благъ, въ назидательномъ подражаніи святой жизни Святаго. Последуя примѣру Праведника, мы праведно внидемъ во храмъ, и съ правдою изыдемъ изъ онаго, совершивъ въ немъ Богоугодное служеніе въ честь празднуемаго. Если мы желаемъ, чтобы наше внѣшнее празднованіе было сообразно съ намѣреніемъ Церкви, установившей оное: то соединимъ съ нимъ внутреннее, будемъ подражать восхваляемому Праведнику. Церковь, восхваляя праведныхъ сыновъ своихъ, старается чрезъ это возбудить въ прочихъ чадахъ ревность къ подражанію ихъ святости. Если желаемъ истинно восхвалить празднуемаго Святаго: то, исполняя внѣшнія принадлежности духовнаго празднованія, паче всего будемъ пещись о семъ самомъ празднованіи, паче всего возревнуемъ подражать достохвальной жизни Праведника. Чрезъ это мы воздадимъ ему та-

(*) Слово на Пятдес.

кую похвалу, которую онъ самъ почитаетъ хвалою для себя, и притомъ столь великою, что можетъ похвалиться оною предъ самимъ Іисусомъ Христомъ. *Чему вы научились*, говоритъ намъ одинъ Праведникъ отъ лица всѣхъ, *что приняли, и слышали, и видѣли во мнѣ, сіе исполняйте,—чтобъ быть вамъ чистыми, неповинными, чадами Божіими непорочными, къ похвалѣ моей въ день Христовъ* (Фил. 4, 9. 2, 15. 16). Не нужно объяснять, почему наши добрыя дѣла, содѣянныя по примѣру Праведника, какъ плодъ, произрастшій изъ святаго сѣмени его добродѣтелей, служатъ ему въ похвалу. Но для поощренія нашей ревности въ подражаніи святой жизни его, напомнимъ себѣ, что, когда мы дѣлаемся *похваленіемъ* Праведника предъ Господомъ, тогда и онъ бываетъ предъ Нимъ нашимъ *похваленіемъ*. Такъ говоритъ Апостолъ (2 Кор. 1,14).

Можетъ быть, кто спроситъ: въ чемъ должно подражать празднуемому нынѣ угоднику Божію? Отвѣчать на сей вопросъ легко; ибо чему подражать въ

Праведникѣ, какъ не правдѣ его? — но трудно вполнѣ перечислить плоды оной правды, потому что ихъ очень много.— Благовѣрный Александръ столько сіялъ святостію, что наши предки, удостоившіеся видѣть, чувствовать и оцѣнить оную, справедливо называли его своимъ *солнцемъ*. Святыя доблести сего Великаго Князя были столь блистательны, что своимъ величіемъ изумляли иноплеменниковъ и даже самыхъ враговъ. Онѣ, какъ солнечные лучи для земли, были столь благотворны и спасительны для Отечества, что когда Святое солнце закатилось,—когда Александръ скончался,— то по всей землѣ Русской отозвался одинъ плачевный вопль скорби: *погибаемъ! погибаемъ!..* Святый Невскій, паче вѣнца княжескаго украшался благочестіемъ, набожностію, мужествомъ, великодушіемъ, терпѣніемъ, смиреніемъ, мудростію, правосудіемъ, кротостію, миролюбіемъ, непамятозлобіемъ, снисходительностію, состраданіемъ, благотворительностію, безпредѣльною любовію къ Отечеству и непобѣдимою ревностію къ Вѣрѣ отече-

ственной. Вотъ отличительныя свойства сего Угодника Божія, которыя дѣеписатель его святаго житія умѣлъ и успѣлъ замѣтить для нашей памяти и сохранить для нашего подражанія! Но если для робкаго сердца и немощной плоти съ перваго раза покажется труднымъ подъять иго, слагаемое изъ столь великихъ и многоразличныхъ доблестей Александровыхъ: то будемъ подражать сему Праведнику въ немногомъ и легкомъ,—укоренимъ въ душѣ своей ту истину, которая управляла его душею, и отъ послѣдованія коей зависѣли всѣ его добродѣтели.

Какая же это истина? — *Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ!* Слова сіи, исшедшія изъ устъ его въ рѣшительную минуту испытанія сердца его, при молитвенномъ изліяніи онаго предъ Богомъ, служатъ яснымъ доказательствомъ всегда присущей сердцу его праведности и живой вѣры въ Бога промыслителя и помощника, чуждой самонадѣянности. Плодомъ сей вѣры Александровой было его мужество, великодушіе, смиреніе, тер-

нѣніе.—Полагающійся на свои только силы бываетъ или дерзокъ до буйства, или страшливъ до отчаянія.—Плодомъ праведности Александровой было его благочестіе, правосудіе и вообще ревнованіе о благѣ Вѣры и Отечества. Посему, если желаемъ почтить Угодника Божія своимъ ему подражаніемъ, если желаемъ украситься его добродѣтелями: то будемъ уповать единственно на попечительный промыслъ Божій, не кичась своими силами, въ чемъ бы онѣ ни состояли,—во власти ли нашей, въ умѣ ли, въ богатствѣ ли нашемъ. Самонадѣянность есть явный признакъ Богопротивной гордыни, порывающейся поставить себя въ независимости отъ власти Божіей, а вмѣстѣ съ симъ и обличеніе пагубнаго безразсудства. Ибо уповающій на крѣпость своихъ силъ, которая отъ единаго мановенія Всемогущаго можетъ содѣлаться немощнѣе слабости, отваживается, несмысленный, на утлой ладіѣ преплыть бурное и неизвѣстное море жизни, тогда какъ сія ладія всегда готова сокрушиться надъ бездною отъ

житейскихъ треволненій. Одна только искусная и всемощная десница Небеснаго Кормчаго можетъ управить насъ въ безмятежное пристанище; одинъ только всесильный Богъ, отъ котораго зависятъ и управляются всѣ наши силы, можетъ сохранить насъ отъ золъ, обуревающихъ жизнь нашу. Онъ и сохранитъ насъ, если только мы крѣпко будемъ держаться за Его десницу упованіемъ; хотя иногда, можетъ быть, и искуситъ насъ скорбями для испытанія и усиленія сего упованія нашего.

Впрочемъ грѣшнику, содѣвающему беззаконіе, и не имѣющему седечной рѣшимости жить богоугодно, грѣшно надѣяться на помощь Божію. Такая надежда его будетъ хула на Бога, яко бы Онъ— да не оскорбится слухъ вашъ—яко бы Всесвятый покровительствуетъ нечестію. Довольно для грѣшника милосердія Божія, когда Господь, ожидая его раскаянія, медлитъ еще стереть его съ лица земли. Кто предается волѣ Божіей, тотъ долженъ и дѣйствовать по оной волѣ, долженъ творить правду. При семъ

замѣтьте, Слуш., что истинно праведный исполняетъ всѣ заповѣди Божіи, будучи увѣренъ, что въ законѣ великаго Бога нѣтъ ни одной черты столь маловажной, которую бы безъ преступленія могла преступить столь малая тварь, каковъ человѣкъ;—исполняетъ всѣ заповѣди всегда; въ какомъ бы онъ состояніи ни находился, праведно разсуждая, что отношеніе человѣка къ Богу не должно измѣняться вмѣстѣ съ нашими человѣческими отношеніями;— наконецъ, исполняетъ всѣ заповѣди всегда въ простотѣ своего сердца, по оной любви къ нимъ, не зная лукаваго искуства являть *образъ благочестія* и въ тоже время отвергаться его силы (2 Тим. 3, 5). Упованіе такого праведника, возлагаемое на Бога, никогда *не посрамитъ* (Рим. 5, 5). Онъ при всѣхъ злоключеніяхъ своихъ съ совершеннымъ спокойствіемъ сердца можетъ произнести въ духѣ празднуемаго Праведника сіи слова его: *не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ!*

Слушатели! Се, предъ нами Св. Александръ Невскій. Онъ невидимо внималъ

нашему слову, и теперь ожидаетъ вашего отвѣта на оное. И такъ дадимъ ему священный обѣтъ ревностно подражать, въ честь его и свою, святымъ его добродѣтелямъ, и будемъ молить его, дабы онъ самъ содѣйствовалъ намъ въ исполненіи сего обѣта.

Угодниче Божій! мы усердно желаемъ въ похвалу тебѣ и для собственной славы нашей содѣлаться достойными тебя — нашего Отца и заступника, — желаемъ уподобиться тебѣ. Но ты самъ видишь, что мы какъ дѣти — слабы, и сами собою не можемъ успѣшно слѣдовать по великимъ стопамъ твоимъ. Молимъ убо тебя, укрѣпи насъ съ небеси благодатію, дарованною тебѣ отъ Бога, и на землѣ чаще напоминай намъ о путяхъ своихъ, дабы мы по неразумію своему не совратились съ оныхъ. А для сего, долѣе и долѣе сохраняй своими молитвами драгоцѣнную жизнь Монарха нашего, въ дѣяніяхъ Коего мы зримъ отблескъ твоихъ добродѣтелей. Какъ Илія на Елиссея, низведи сугубый духъ свой на Августѣйшаго Сына Его, соимяннаго

Тебѣ Александра Николаевича. Осѣни симъ духомъ и мужей избранныхъ, ревнующихъ твоимъ доблестямъ подъ твоимъ знаменіемъ. Видя твои добродѣтели въ лицѣ Августѣйшихъ и Ихъ доблихъ сподвижниковъ, мы всѣ глубже укоренимъ въ себѣ память о нихъ, и укрѣпимся болѣе и болѣе въ послѣдованіи святому твоему примѣру. Мы уповаемъ, Угодниче Божій, что ты молитвами своими исполнишь наше усердное моленіе, и не посрамишь нашего праведнаго упованія, которому самъ же насъ поучаешь. Аминь.

X.

ДѢЙСТВІЕ БЛАГОДАТИ ВЪ ОБРАЩЕНІИ НЕВѢРУЮЩАГО.

(Изъ отечественныхъ преданій.)

Сынъ богатаго Русскаго дворянина, съ добрымъ отъ природы сердцемъ, и хорошими понятіями, еще въ дѣтствѣ отданъ былъ на воспитаніе иностранцу. Въ этомъ, конечно, еще нѣтъ ничего худаго; ибо изъ иностранцевъ многіе дѣйствительно бываютъ весьма способны къ воспитанію дѣтей: но худо то, что неблагоразумные родители отдали свое дитя на руки вовсе незнакомому человѣку, не испытавъ напередъ его вѣры и совѣсти. Мальчикъ, получая отъ него понятія о разныхъ наукахъ, объ иностранныхъ земляхъ и ихъ учрежденіяхъ, почти ничего не зналъ объ Отечествѣ, а объ отеческой Вѣрѣ не слыхалъ

отъ наставника ни слова. Пришедши въ юношескій возрастъ, онъ, по совѣту того же наставника и съ нимъ же, отпущенъ былъ въ чужіе краи для дальнѣйшаго усовершенствованія. Тамъ, попавши къ наставникамъ, какіе разплодились на Западѣ въ концѣ прошедшаго столѣтія, дѣйствительно такъ усовершенствовался въ нечестіи и развратѣ, что возвратился если не совершеннымъ безбожникомъ, то по крайней мѣрѣ такимъ невѣромъ, который не допускалъ ничего, что казалось противнымъ его разсудку, или тяжелымъ для его чувственности. Первымъ плодомъ такого премудраго воспитанія было то, что наставленный неблагонамѣреннымъ иностранцемъ юноша, по возвращеніи своемъ въ Россію началъ оказывать презрѣніе ко всему отечественному; а когда родители съ неудовольствіемъ ему замѣтили сіе, то его неуваженіе и неблагодарность простерлись даже и къ нимъ. Неблагоразумные родители послѣ сего вскорѣ и скончались отъ поздняго раскаянія и горести, а недобрый сынъ этому

еще и радъ былъ, сдѣлавшись единственнымъ наслѣдникомъ всего ихъ имущества. Сначала онъ вступилъ было въ службу, ибо въ ней видѣлъ средство къ достиженію почестей: но вскорѣ она показалась ему тяжела, а посему онъ и возвратился въ свои деревни, чтобы тамъ вполнѣ жить по своей волѣ, не зная ни страха Божія ни человѣческаго. Здѣсь онъ между прочимъ особенно любилъ смѣяться надъ Священникомъ, котораго нерѣдко нарочно къ себѣ призывалъ, чтобы завесть съ нимъ споръ о предметахъ Вѣры, и, разумѣется, опровергать то, что сей по долгу и совѣсти старался ему доказывать. Всего же болѣе онъ возставалъ противъ тягостнаго для него ученія Вѣры о вѣчныхъ мукахъ. Священникъ былъ хотя изъ ученыхъ, но не съ великими способностями; и какъ *сынове вѣка мудрѣйши паче сыновъ Свѣта*, то помѣщикъ, напитанный Волтеровскимъ остроуміемъ, и обладавшій превосходнымъ даромъ слова, легко приводилъ его на словахъ въ затрудненіе и замѣшательство, такъ что тотъ наконецъ

рѣшился болѣе не ходить къ нему; а потомъ, бывъ по своимъ дѣламъ въ Епархіальномъ городѣ, донесъ своему Архіерею о такомъ человѣкѣ, который не принимаетъ многихъ существенныхъ догматовъ Вѣры Православной. Попечительный о паствѣ Владыка, не желая оставить заблуждающаго безъ обращенія на путь истинный, посылалъ къ нему другихъ ученыхъ и благочестивыхъ Священниковъ для увѣщанія: но всѣ ихъ усилія въ семъ дѣлѣ были безуспѣшны. Основательные и важные доводы ихъ оставались безъ дѣйствія для человѣка, который блисталъ однимъ только остроуміемъ, и на самыя важныя и необходимыя вещи смотрѣлъ поверхностно. Между тѣмъ желаніе поговорить съ кѣмъ нибудь о Вѣрѣ, сдѣлалось для него привычкою и почти страстію: ибо во всякомъ разговорѣ онъ считалъ себя побѣдителемъ, и потому особенно охотно принималъ къ себѣ Священниковъ, надѣясь надъ каждымъ одержать новую побѣду.

Случилось однажды придти къ нему, не для увѣщанія или спора, а совсѣмъ

по другому дѣлу, одному Священнику изъ сосѣдства, простому и неученому, но умному и доброму. Помѣщикъ охотно его приняль, и введши въ кабинетъ, началъ съ нимъ свой обыкновенный разговоръ.

«Что, Батюшка, не о Вѣрѣ ли поговорить пришелъ? Пожалуй, я очень сему радъ!»

— Нѣтъ, Господинъ почтенный! Гдѣ намъ, людямъ неученымъ и темнымъ, спорить съ вами: я пришелъ совсѣмъ за другимъ, поговорить о своемъ домашнемъ дѣлѣ.—

«Дѣло послѣ, а теперь пока есть время, поговоримъ что нибудь о Вѣрѣ. Вѣдь ты я думаю, какъ и вся твоя братія, давно обрекъ меня на вѣчное мученье!»

— Ахъ, какъ можно говорить такія страшныя слова? Мы надѣемся напротивъ на милость Божію, что она не оставитъ васъ умереть безъ покаянія, и подвергнуться страшному, вѣчному мученію въ геениѣ огненной.—

«А ты таки думаешь, что это вѣчное

мученіе хотя для кого нибудь будетъ непремѣнно?»

— Какъ же? Оно было бы и для всѣхъ насъ, если бы не милость къ намъ Божія, въ Іисусѣ Христѣ оказанная. Но теперь подвергнутся оному только тѣ, кои не вѣрятъ сей милости. —

«Полно, полно! Что за вѣчныя муки? Ихъ совсѣмъ нѣтъ и быть не можетъ! Я имѣю на это множество неоспоримыхъ доказательствъ: только ваша братія или не понимаютъ, или не хотятъ понимать ихъ, и не убѣждаются ими. А право, жаль смотрѣть, какъ многіе лишаютъ сами себя покоя и счастія въ жизни только отъ одной мысли о вѣчномъ мученіи. Они непрестанно боятся за себя и за другихъ, чтобы кто нибудь не подпалъ оному, и по сему же отказываютъ себѣ во многихъ пріятныхъ удовольствіяхъ. Но посмотри на насъ: мы вовсе не думаемъ о семъ мученіи, ибо увѣрены, что это вымыслы страшливыхъ и суевѣрныхъ людей, а по сему и живемъ, какъ видишь, всегда въ полное себѣ удовольствіе, и никакая

страшная мысль о будущемъ насъ не тревожитъ.»

— Ваше при васъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо бы, если бы не было вѣчнаго мученія. Въ такомъ случаѣ и всѣмъ намъ можно бы пожить, какъ кто захочетъ, и всякой, кто только имѣетъ способы, могъ бы пить, ѣсть и веселиться, не думая о будущемъ, и ничего не боясь послѣ смерти. Но—что, если оно есть? Подумали ли вы объ этомъ?—

«Что? Какъ?»

— Я говорю: если вѣчное мученіе есть, то не сдѣлаете ли вы самой важной ошибки и потери? Подумайте: мы, вѣря вѣчному мученію, и сообразно съ сею вѣрою располагая дѣла свои, ничего не потеряемъ если бы наша вѣра и тщетною оказалась, потому что и думая объ ономъ мученіи можемъ быть счастливыми и спокойными, если только будемъ дѣлать добро. Но вы, смѣясь надъ нашею вѣрою, и сами живя по своей волѣ только въ свое удовольствіе, если должны будете нѣкогда удостовѣриться опытомъ въ истинѣ вѣчныхъ мукъ, то

каково вамъ тогда покажется? Подумали ли вы о семъ? —

Господинъ смолчалъ на сіе. Съ первыхъ словъ Священника о возможности вѣчнаго мученія, мысль сія, столь простая сама по себѣ, но доселѣ не представлявшаяся ему, блеснула въ душѣ его какъ страшная молнія, проникнула до сокровеннѣйшихъ изгибовъ, до самыхъ основаній его духа, и потрясла необыкновеннымъ трепетомъ все существо его.

«Что, если въ самомъ дѣлѣ есть вѣчное мученіе?—твердилъ онъ непрестанно въ умѣ своемъ; что, если вѣра въ него не пустое произведеніе страха или легковѣрія, а имѣетъ непреложное основаніе? Кто первый долженъ подвергнуться сему мученію, какъ не тотъ, кто, не думая о немъ, живетъ своевольно и дерзко, забываетъ обязанности къ Богу и человѣкамъ? А я не таковъ ли? Не угождаю ли я только своимъ пожеланіямъ? Сдѣлалъ ли я что нибудь для Бога? Исполнялъ ли какъ должно обязанности къ ближнимъ? Не себя ли искалъ я и въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыми, по видимо-

му, служилъ обществу? Такъ, я величайшій преступникъ; я первый изъ грѣшниковъ; я больше всѣхъ заслуживаю адъ! Не первый ли я долженъ и испытать мученія онаго?»

Такъ мгновенно одна мысль за другою раждались въ душѣ его; одна другую тѣсня, каждая поражала его новымъ ударомъ, и всѣ вмѣстѣ подавляли его можетъ быть никѣмъ еще неиспытанною тяжестію!

Смятенная, встревоженная, сокрушенная такимъ образомъ душа его, можетъ быть, не вынесла бы сего ужаснаго состоянія, если бы Благодать, которая очевидно здѣсь дѣйствовала, поразивъ такимъ ужасомъ душу грѣшника, не предуготовила для ней и врачевства утѣшенія.

Увлекаясь стремительнымъ порывомъ самыхъ мрачныхъ и тяжкихъ мыслей, онъ ничего не видитъ вокругъ себя, весь погрузился въ ужасъ; онъ видитъ себя предъ судилищемъ Бога, котораго и самое бытіе прежде принималъ съ сомнѣніемъ; слышитъ поразительный гласъ

Его, осуждающій грѣшника на вѣчную казнь; не смѣетъ и думать о помилованіи, и, близкій къ совершенному отчаянію, упалъ съ кресла, громко воскликнувъ: горе мнѣ, я погибъ!

Священникъ, который, примѣтивъ внутреннее смятеніе и борьбу души грѣшника,—неожиданное слѣдствіе его простаго слова,—доселѣ молчалъ, давая собственной его совѣсти говорить въ немъ, и благодати дѣйствовать, теперь увидѣлъ, что настало время и ему опять сказать слово.

Безъ ученаго искуства, водимый только чувствомъ вѣры и собственнымъ сердцемъ, и конечно наставляемый тѣмъ же Духомъ благодати, который, неизвѣстно какъ и откуда пронесшись, проникъ и сотрясъ душу невѣра, простеръ къ нему утѣшительное слово о безконечномъ милосердіи Божіемъ, пріемлющемъ всякаго грѣшника, и влилъ въ разтерзанное сердце его первую каплю утѣшенія, которая успокоила бѣднаго, и доставила облегченіе страждущему духу его.

Священникъ и послѣ сего посѣщалъ нѣсколько разъ помѣщика, видя себя орудіемъ Божіей благодати, дѣйствовавшей надъ нимъ, и растворяя горькія для чувственности наставленія Евангельскія сладостію Божественныхъ утѣшеній, врачевалъ его душевныя раны. Господинъ принималъ его, равно какъ и другихъ служителей Божіихъ, уже не для осмѣянія или посрамленія, но съ должнымъ уваженіемъ и полною довѣренностію какъ Ангеловъ мира; и самъ совершенно съ того времени перемѣнился въ духѣ и образѣ жизни. Онъ изъ буйнаго, гордаго и безпокойнаго сдѣлался кроткимъ, смиреннымъ и боязливымъ; вступилъ въ службу Отечеству и служилъ ему вѣрою и правдою; былъ истиннымъ сыномъ Православной Церкви и примѣрнымъ усердіемъ къ Вѣрѣ и благочестію старался загладить прежній свой тяжкій грѣхъ невѣрія и нечестія. И хотя вѣрилъ несомнѣнно бытію вѣчныхъ мукъ, но мысль о нихъ не смущала спокойствія его жизни: ибо, строго блюдя сердце свое отъ всякаго

зла и живя Богобоязненно, онъ находилъ успокоеніе духу въ надеждѣ на безконечныя заслуги Іисуса Христа.

Въ продолженіе своей жизни помянутый помѣщикъ неоднократно разсказывалъ самъ дѣтямъ и ближнимъ своимъ, до какого доходилъ онъ нѣкогда безумія, какъ близокъ былъ къ погибели, и какъ чудно благодать Божія спасла его однимъ простымъ замѣчаніемъ простаго и неученаго человѣка!

XI.

НЕВОЛЬНАЯ МИЛОСТЫНЯ.

Внимательно разсматривая пути жизни своей, всякій Христіанинъ найдетъ на оныхъ болѣе или менѣе замѣтные слѣды Божественнаго Промысла. Но особенно въ тѣхъ случаяхъ обыкла открывать себя сила Божія, гдѣ изнемогаютъ силы человѣческія. Слѣдующій примѣръ послужитъ подтвержденіемъ сей истины. Онъ ни единственный въ своемъ родѣ, ни самый разительный, но тѣмъ не менѣе утѣшителенъ для вѣрующаго.

Одинъ бѣдный крестьянинъ, по имени Ѳома Г... не имѣлъ другихъ способовъ къ содержанію себя, жены и двоихъ дѣтей, кромѣ поденной работы. Но я могу увѣрить,—такъ разсказывалъ его приходскій Священникъ, — что въ

продолженіе сороколѣтней моей жизни въ Христіанскомъ мірѣ, мнѣ не случилось видѣть ни одного человѣка, который бы могъ сравняться съ нимъ въ твердости упованія на Бога. Такъ какъ мои родители жили не вдалекѣ отъ его хижины, то я, въ молодости своей, часто навѣщалъ его. Однажды, когда я былъ у него, онъ съ испытующимъ взоромъ спросилъ меня: «не присылали ль вы чего нибудь ко мнѣ въ прошедшую ночь?» Я отвѣчалъ: «кажется, ничего не присылали; а развѣ ты въ прошедшую ночь получилъ что нибудь?» — «Получилъ, но прошу молчать объ этомъ.» Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, что вечеромъ онъ возвратился домой, не заработавъ въ продолженіе дня ни одной копѣйки; дома не нашелъ ни куска хлѣба; жена и дѣти отъ голода горько плакали, и наконецъ отъ усталости заснули. Съ тоскою въ сердцѣ, онъ вышелъ изъ хижины, побродилъ кругомъ ее, и не придумавъ ничего, чѣмъ бы можно было облегчить свое горестное положеніе, со вздохомъ взглянулъ на небо, перекре-

стился, и—предалъ себя въ волю Божію. Его отлучка изъ хижины продолжалась часа полтора. Возвращаясь въ нее, онъ, при свѣтѣ луны, примѣтилъ въ окно, что на скамейкѣ что-то лежитъ, и подойдя ближе, увидѣлъ, что это хлѣбъ и овощи. Онъ посмотрѣлъ кругомъ, нѣтъ ли кого около его домика, крикнулъ; отвѣта не было. Потомъ онъ вошелъ въ хижину, разбудилъ жену и дѣтей, и утолилъ ихъ голодъ. Болѣе онъ ничего не могъ сказать мнѣ. Я не утерпѣлъ чтобы не сообщить своимъ родителямъ о семъ чудномъ случаѣ; они подивились, но сочли за лучшее молчать о семъ происшествіи. Объ немъ молчалъ бы я и теперь, если бы не встрѣтилось со мною слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ разговора моего съ крестьяниномъ, я удалился изъ своей родины, и возвратился туда уже по прошествіи 12 лѣтъ. Бывши въ одномъ обществѣ, услышалъ я разговоръ о богачѣ, который извѣстенъ былъ своею скупостію, и который тогда былъ уже покойникомъ. Я спросилъ: «какое сдѣлалъ онъ употре-

бленіе изъ своего богатства?» и прибавилъ: «вѣроятно онъ въ продолженіе своей жизни не сдѣлалъ никому одолженія?»—«Не правда»—возразила одна пожилая женщина, которая была у покойнаго ключницею — «онъ сдѣлалъ одно доброе дѣло, но какимъ-то необыкновеннымъ образомъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, онъ въ одно утро приказалъ мнѣ изготовить хлѣба и овощей; потомъ ушелъ со двора по своимъ дѣламъ, какъ обыкновенно прежде водилось. Вечеромъ пришелъ домой въ дурномъ расположеніи духа, и легъ на кровать. Спустя часа два онъ кликнулъ служителя и приказалъ ему отнесть хлѣбъ и овощи къ извѣстному Ѳомѣ Г... Служитель пришелъ въ хижину, когда въ ней всѣ уже спали, и, не считая нужнымъ тревожить ихъ, оставилъ тамъ съѣстной запасъ, не разбудивъ никого. Поутру господинъ нашъ, съ большою досадою, разсказалъ мнѣ и служителю, что ему на канунѣ хотѣлось пригласить къ себѣ на закуску нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомцевъ, но ни одного изъ нихъ не

было дома; что прошедшую ночь онъ спалъ очень безпокойно; трижды сряду пробуждался, и все отъ того, что ему снилось, будто Θома Г. съ своею семьею умираетъ съ голоду; въ послѣднiй разъ грезы такъ были живы, что онъ счелъ это сновидѣнiе необыкновеннымъ, и посему рѣшился послать къ Θомѣ то, что приготовилъ было для своихъ прiятелей. Но, примолвилъ онъ, сдѣланной глупости не поправить; и такъ прошу никому не сказывать объ этомъ. «Госпоина моего, продолжала женщина, давно уже нѣтъ въ живыхъ; кажется, я могла теперь открыть эту тайну. Да, онъ по крайней мѣрѣ однажды сдѣлалъ доброе дѣло, хотя послѣ долго сожалѣлъ о томъ.»

И враномъ заповѣдахъ препитати тя! 3 Цар. 17, 4.

XII.

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Заходитъ солнце. — Черными тучами покрывается звѣздный небосклонъ. Тьма, облегавшая нѣкогда хаосъ, по видимому, силится опять разрушить образованную землю. Тщетно расширяется зеница человѣческаго ока; она не видитъ ни одного изъ тѣхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, которые днемъ такъ ярко блистали на предметахъ: нѣтъ свѣта!

Поклонникъ гордаго разума! Ты, который имъ однимъ думаешь постигнуть основу и связи міозданія, хочешь имъ однимъ объять безпредѣльную и первобытную Причину всего, и, можетъ быть, находишь недостаточными законы бытія существъ! Ты силишься во мракѣ видѣть, безъ свѣта читать труд-

ную книгу природы. И почему ты не прибѣгнешь къ истинному свѣту? Цѣль твоего познанія есть цѣль путешествія Валаамова—низвести проклятіе на народъ Божій. Но и тебѣ, какъ Валааму, посмѣется Живый на небесахъ. Скорѣе презираемое тобою животное увидитъ, кто заграждаетъ путь тебѣ, колеблетъ всѣ твои начала и системы, нежели ты; ибо въ твоемъ глазѣ не отражается свѣтлый лучъ Вѣры, низходящій съ неба отъ Бога!

Заходитъ солнце.—Человѣкъ чувствуетъ себя утружденнымъ занятіями дня. Сколько перемѣнъ испыталъ онъ въ столь малое время! Печаль и радость, надежду и отчаяніе, болѣзнь и бодрость.... онъ подобенъ былъ дитяти, срывающему розу съ колючаго стебля. Наконецъ наступаетъ вечеръ, — и онъ, сбросивши бремя заботъ, отходитъ на покой.

На покой?—странно! Тогда какъ человѣкъ думаетъ, что онъ покоится на безмятежномъ ложѣ, земля около самой себя кружитъ его и съ ложемъ быстрѣе всѣхъ вихрей, несется съ нимъ вкругъ

солнца, можетъ быть, въ двадцать кратъ быстрѣе стрѣлы луковой. А сіе солнце и съ землею движется около другаго солнца.... какая цѣпь движеній! Какъ безпокойно ложе человѣка!—Есть однако же покой, котораго ничто не возмущаетъ. Тамъ, за твердію міра среди неба небесъ стоитъ неподвижный престолъ Вседержителя, который зоветъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, на вѣчный, тихій покой. Блаженъ, кто внялъ гласу Зовущаго и вселился на лонѣ Его.

Заходитъ солнце.—Какъ величественно восходило оно какъ пышно протекало по голубому небу, какъ все цвѣло и радовалось въ природѣ при его шествіи! Гдѣ же теперь сей блескъ и сіе величіе? Все изчезло во мракѣ ночи!

Сынъ персти! Всѣ твои солнцы такъ же зайдутъ: — и счастіе, которому ты приносишь столько куреній и жертвъ, и слава, прельщающая тебя своимъ лавровымъ вѣнцемъ,—и жизнь, обѣщающая тебѣ обширное море удовольствій. Теперь, при закатѣ солнца, младенецъ

спитъ въ просторной для него колыбели; юноша мечтаетъ о золотой своей будущности; старецъ со внуками бесѣдуетъ о прошедшемъ. Наутро свѣтло и прекрасно взойдетъ опять солнце; но наутро, можетъ быть, не будетъ уже ни младенца, ни юноши, ни старца!.. Они почіютъ на долго, на долго, до того вѣчнаго утра, когда одинъ изъ Ангеловъ, посланныхъ Богомъ, своею трубою пробудитъ ихъ изъ мрачнаго гроба на судъ.

Великолѣпное солнце, огненный вѣнецъ твореній четвертаго дня! какъ поучителенъ твой западъ!

XIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ 33 БЕСѢДЫ СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ.

Добродѣтельная жизнь лучше дара чудотворенія.

Вамъ, можетъ быть, хотѣлось бы видѣть такія знаменія, какія творили Апостолы, проповѣдуя Евангеліе?—Хотѣлось бы быть свидѣтелями очищенія прокаженныхъ, изгнанія бѣсовъ, воскресенія мертвыхъ? Но вы самымъ яснымъ образомъ доказываете и свое благородство и свою любовь къ Богу, когда вѣрите Ему, не имѣя отъ него никакихъ залоговъ. И вотъ, почему Богъ не творитъ нынѣ знаменій. Впрочемъ есть и другая тому причина. Если нынѣ, когда не совершаются знаменія, люди, имѣющіе какое нибудь, можетъ быть даже мнимое, превосходство предъ своими собратіями, отличающіеся напримѣръ краснорѣчіемъ или набожностію, тщеславятся, надмеваются и за-

водятъ другъ съ другомъ распри, то гдѣ бы не было раздѣленій, когда бы еще и чудеса совершались? И что сказанное мною—не пустая догадка, въ томъ могутъ увѣрить Коринѳяне (1 Кор. 1, 11), между которыми именно отъ сего возникло множество сектъ.

И такъ ищи не знаменій, но здравія душевнаго. Не домогайся быть свидѣтелемъ воскресенія какого нибудь одного мертвеца, когда знаешь, что нынѣ вся вселенная воскресаетъ. Не желай быть очевидцемъ прозрѣнія какого нибудь слѣпца, когда видишь, что нынѣ всѣ получаютъ прозрѣніе и лучшее и полезнѣйшее; научись смотрѣть на все окомъ здраваго смысла, исправь зрѣніе твое. Еслибъ всѣ мы жили такъ, какъ должно, то язычники удивлялись бы намъ гораздо больше, нежели чудотворцамъ. Ибо знаменія нерѣдко бываютъ подозрительны, иногда почитаютъ ихъ призракомъ, или производятъ отъ злаго духа; хотя такія подозрѣнія и не имѣютъ мѣста касательно нашихъ чудесъ. Напротивъ того, непорочное житіе не бо-

нтся подобной клеветы; добродѣтель заграждаетъ уста всѣхъ порицателей. Итакъ будемъ объ ней пещись: она великое богатство и большое чудо. Она доставляетъ истинную свободу, и даетъ ее ощущать въ самомъ рабствѣ, не освобождая отъ рабства, но содѣлывая живущихъ въ рабскомъ состояніи почтеннѣйшими людей свободныхъ; а это гораздо больше значитъ, нежели дать свободу. Не даетъ она также сокровищъ бѣдному, однако, оставляя его въ бѣдности, содѣлываетъ довольнѣйшимъ всякаго богача. Если же тебѣ хочется и знаменія творить, то освободись отъ грѣховъ,—и твое желаніе исполнится. Ибо, возлюбленный, грѣхъ—великій демонъ! Если изгонишь его изъ себя, то сдѣлаешь гораздо больше того, что дѣлаютъ изгоняющіе тмы демоновъ изъ другихъ. Послушай, что говоритъ Ап. Павелъ,— и онъ добродѣтель предпочитаетъ чудесамъ: *ищите лучшихъ даровъ*, говоритъ онъ, *и я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій* (1 Кор. 12, 31). Когда же сталъ показывать имъ сей путь, то

не упомянулъ ни о воскресеніи мертвыхъ, ни объ очищеніи прокаженныхъ, ни о другомъ чѣмъ либо подобномъ, но вмѣсто всего этого поставилъ любовь. Послушай, что и Христосъ говоритъ: *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются, радуйтеся же, яко имена ваша написана на небесѣхъ* (Лук. 10, 20). И предъ этимъ еще: *Мнози рекутъ Мнѣ во онъ день, не твоимъ ли именемъ бѣсы изгонихомъ, и силы многи сотворихомъ: И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ* (Матѳ. 7, 22. 23). И предъ своимъ распятіемъ, призвавъ учениковъ, Онъ говорилъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте*, не изъ того, если будете изгонять бѣсовъ, но—*аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). И еще: *разумѣютъ вси, яко Ты мя послалъ еси*, не изъ того, если ученики мои будутъ воскрешать мертвыхъ, но—если будутъ *едино* (Іоан. 17, 23).—Знаменія иногда другому доставляли пользу, а тому, кто творилъ ихъ, причиняли вредъ, надмивъ его гордостію или тщеславіемъ. Напротивъ отъ до-

брыхъ дѣлъ нельзя опасаться ничего подобнаго: они полезны и тѣмъ, которые творятъ ихъ, и другимъ многимъ.

Итакъ будемъ творить добрыя дѣла со всѣмъ раченіемъ. Если ты изъ жестокосердаго сдѣлался милосердымъ; то ты изцѣлилъ сухую руку. Если, оставивъ театръ, сталъ ходить въ Церковь; то ты выпрямилъ хромую ногу. Если ты отвратилъ взоръ свой отъ блудницы и чуждой красоты; то ты даровалъ прозрѣніе слѣпымъ очамъ. Если вмѣсто сатанинскихъ пѣсней, ты изучилъ духовныя пѣснопѣнія; то ты, нѣмой, заговорилъ. Вотъ чудеса величайшія! вотъ знаменія необычайныя! Если мы будемъ творить такія знаменія; то и сами содѣлаемся людьми великими и дивными, и всѣхъ порочныхъ привлечемъ къ добродѣтели, и насладимся будущимъ блаженствомъ. Да сподобимся всѣ получить оное, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому принадлежитъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIV.

ЛУКІЯ ЦЕЛІЯ ЛАКТАНЦІЯ ФИРМІАНА

КНИГА

О СМЕРТИ ГОНИТЕЛЕЙ ХРИСТОВОЙ ЦЕРКВИ.

(Гл. 36—52.)

36. Получивъ о семъ (*) извѣстіе, Максиминъ съ величайшею поспѣшностію полетѣлъ съ Востока, дабы занять провинціи Галерія, и воспользовавшись отсутствіемъ Ликинія (**), присвоилъ себѣ все до самаго Халкидонскаго пролива (***). Когда же онъ пришелъ въ Виѳинію, то, желая на первый случай снискать себѣ благорасположеніе народа, къ всеобщей радости уничтожилъ цензъ. Это было причиною раздора между обоими Импе-

(*) О смерти Максиміана Галерія.

(**) Онъ былъ тогда въ Сардисѣ или близъ Сардиса, гдѣ Галерій умеръ.

(***) Нынѣ проливъ Константинопольскій.

раторами, и дѣло доходило почти до войны. Уже стояли они съ своими войсками на двухъ противоположныхъ берегахъ; однако миръ и дружество, на извѣстныхъ условіяхъ, были утверждены между ними: среди самаго пролива враги заключили союзъ, и дали руки другъ другу. Максиминъ остался совершенно безопаснымъ, и показалъ себя здѣсь такимъ же, какимъ онъ былъ въ Сиріи и Египтѣ. Прежде всего онъ уничтожилъ права и льготы, дарованныя Христіанамъ съ общаго согласія (*), подустилъ города прислать къ нему депутатовъ съ прошеніемъ, чтобы онъ воспретилъ Христіанамъ строить храмы внутри ихъ стѣнъ; чрезъ это Максиминъ хотѣлъ показать, будто онъ дѣлаетъ то по принужденію и необходимости, что въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ бы и по собственной волѣ. Снисходя на таковое проше-

(*) Указомъ отъ имени трехъ, тогда бывшихъ Императоровъ: Галерія, Константина и Ликинія Неизвѣстно, утвержденъ ли былъ сей указъ Максиминомъ и Максентіемъ: только Максиминъ всегда былъ врагомъ Христіанъ. См. Купера.

ніе, онъ, вопроки древнему обычаю, въ каждомъ городѣ вновь поставилъ изъ первѣйшихъ гражданъ жрецовъ высшаго разряда, которые обязаны были не только ежедневно приносить жертвы богамъ своимъ, но при помощи прежнихъ жрецовъ всячески наблюдать, чтобы Христіане не могли ни строить своихъ храмовъ, ни совершать своего Богослуженія, публично ли то, или частнымъ образомъ. Симъ жрецамъ дана была власть хватать Христіанъ и силою принуждать ихъ къ служенію идоламъ, или предавать въ руки судей. Но сего было еще мало: въ каждой провинціи Максиминъ поставилъ жрецовъ въ родѣ Первосвященниковъ, которыхъ избиралъ изъ высшихъ сословій. Тѣмъ и другимъ (*) повелѣлъ носить бѣлыя одежды. Впрочемъ онъ хотѣлъ и здѣсь поступать также, какъ давно уже поступалъ въ Восточныхъ провинціяхъ,—именно: чтобы показать себя снисходительнымъ, онъ воспретилъ умерщвлять слугъ Господнихъ, но за то

(*) Т. е. великимъ жрецамъ провинцій и городовъ.

повелѣлъ ихъ увѣчить. Посему исповѣдникамъ вѣры выкалывали глаза, отсѣкали руки, отрубали ноги, отрѣзывали носы и уши.

37. Тогда какъ Максиминъ злоумышлялъ это, вдругъ устрашенъ былъ письмомъ Константина. Посему онъ лицемѣрно перемѣнился; а впрочемъ, если кто попадался ему въ руки, приказывалъ тайно бросать его въ море. Равнымъ образомъ онъ не отступалъ отъ своего обыкновенія—ежедневно приносить жертвы богамъ въ своемъ дворцѣ. Притомъ онъ выдумалъ, чтобы всѣ животныя, назначенныя для его пищи, закалаемы были не поварами, но жрецами при алтаряхъ, и чтобъ совершенно ничего не подавали на его столъ такого, что предварительно не было или употреблено для возливанія, или принесено въ жертву, или опрыскано жертвеннымъ виномъ, — такъ что каждый, кто приглашаемъ былъ къ его столу, выходилъ изъ-за онаго уже нечистымъ и оскверненнымъ. Во всемъ прочемъ

онъ былъ подобенъ своему наставнику (*). Ибо что оставалось еще гдѣ либо послѣ Діоклеса или Максиміана, то все онъ забиралъ себѣ, похищая все безъ всякаго стыда. Посему запирали житницы частныхъ людей, запечатывали кладовыя, а подати забирали впередъ за слѣдующіе годы. Отсюда голодъ, хотя поля приносили обильные плоды; отсюда неслыханная во всемъ дороговизна. Цѣлыя стада крупнаго и мелкаго скота хищнически угоняли съ полей для ежедневныхъ жертвъ чрезъ что придворные служители такъ были избалованы, что пренебрегали обыкновеннымъ содержаніемъ. И самъ Максиминъ расточалъ все безъ разбора и безъ мѣры; ибо всѣхъ тѣлохранителей своихъ, коихъ число было чрезвычайно велико, одѣвалъ въ дорогія одежды и золото. Простыхъ и новонабранныхъ солдатъ украшалъ серебромъ, и варваровъ надѣлялъ всякаго рода подарками. Впрочемъ я не знаю, не должно ли еще было благодарить его за то, что онъ *у живыхъ* отнималъ

(*) Максиміану Галерію.

имущества и дарилъ оныя своимъ любимцамъ, когда кто либо изъ нихъ желалъ чужой собственности,—не должно ли въ семъ случаѣ благодарить его за то, что онъ, по примѣру снисходительныхъ разбойниковъ, грабилъ безъ пролитія крови.

38. Но главный порокъ, въ которомъ Максиминъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, состоялъ въ его сладострастіи, и я не знаю, какъ назвать оное, развѣ слѣпымъ и необузданнымъ: впрочемъ сіи слова не могутъ выразить всей его гнусности. Великость порока превосходитъ всякое описаніе. Евнухи и лазутчики развѣдывали все и повсюду. Гдѣ только усматривалось лице покрасивѣе, отцы и мужья должны были тотчасъ удаляться. Женъ и дѣвъ благороднаго происхожденія обнажали, и осматривали каждый ихъ членъ, дабы не оказалась какая либо часть тѣла недостойною Императорскаго ложа. За сопротивленіе таковой наглости утопляли въ водѣ, какъ будто стыдливость при семъ любодѣѣ была оскорбленіемъ

Величества. Многіе мужья, немогши сносить скорби отъ посрамленія своихъ женъ, коихъ нѣжно любили за ихъ цѣломудріе и вѣрность, умерщвляли сами себя. Не было никакой защиты для невинности противъ сего чудовища: одно чрезвычайное безобразіе ограждало отъ его неистоваго сладострастія. Наконецъ онъ ввелъ даже такое обыкновеніе, чтобъ никто не смѣлъ вступать въ супружество безъ его позволенія, дабы при каждомъ бракѣ онъ могъ первый вкусить... Благородныхъ дѣвъ, имъ обезчещенныхъ, онъ выдавалъ въ замужство за своихъ рабовъ. И придворные подражали примѣру своего Государя, ненаказанно оскверняли ложе своихъ согражданъ. И кто бы сталъ ихъ наказывать? Дѣвъ изъ средняго состоянія похищали они, какую кто хотѣлъ; а знатныхъ, которыхъ нельзя было похитить насильно, требовали какъ должную плату. Отказать никто не смѣлъ; иначе, въ слѣдствіе предписанія самаго Императора, надлежало или погибнуть, или имѣть зятемъ своимъ какого нибудь варвара. Ибо по-

чти всѣ тѣлохранители его набраны были изъ того народа, который во время двадцатилѣтія, бывъ изгнанъ изъ своей земли Готѳами, предался Максиміану (*) къ несчастію рода человѣческаго, чтобы, избѣгнувъ рабства сихъ варваровъ, господствовать надъ Римлянами. Окруженный таковыми тѣлохранителями и стражами, Максиминъ издѣвался надъ Востокомъ.

39. Наконецъ, когда буйство страстей его дошло до того, что онъ считалъ для себя позволительнымъ все, чего бы ни пожелалъ; то не могъ пощадить и Императрицы, которую недавно еще называлъ своею матерію. Валерія по смерти Максиміана рѣшилась перейти къ нему, считая пребываніе въ его областяхъ безопаснѣйшимъ для себя, потому особенно, что онъ имѣлъ жену. Но это безстыдное животное скоро воспылало и къ ней страстію. Еще Валерія не сложила печальныхъ одеждъ, еще не протекло время ея плача, какъ Максиминъ посылаетъ къ ней пословъ съ предло-

(*) Галерію.

женіемъ о бракѣ, обѣщаваясь изгнать отъ себя прежнюю супругу, если только она согласится на сіе предложеніе. Валерія свободно отвѣчала ему, что она только могла отвѣчать: *во первыхъ*, говорила она, въ этомъ траурномъ одѣяніи, когда еще не охладѣлъ прахъ ея мужа, а его отца, ей нельзя и думать о бракѣ; *далѣе* Максиминъ, поступитъ беззаконно, если отвергнетъ отъ себя свою вѣрную супругу: конечно онъ и съ ней также нѣкогда намѣренъ поступить; *наконецъ*, неприлично женѣ такого сана и званія, противъ всякаго обычая и примѣра, посягать за другаго мужа. Когда Максимину донесли о такомъ смѣломъ отвѣтѣ Валеріи, то похоть его превратилась въ гнѣвъ и ярость. Немедленно онъ осуждаетъ ее на изгнаніе, захватываетъ все ея имѣніе, отнимаетъ у ней свиту, и умерщвляетъ въ пыткахъ ея евнуховъ. Ее самую съ матерью посылаетъ въ ссылку, впрочемъ не назначаетъ для ней постояннаго жилища, но съ злобнымъ удовольствіемъ влачитъ ее изъ одного мѣста въ другое. И самыхъ по-

другъ ея осуждаетъ на смерть за мнимое прелюбодѣяніе.

40. Валерія любила, какъ вторую мать свою, одну именитую женщину (*), которая имѣла уже у себя внуковъ отъ младшихъ сыновъ своихъ. Максиминъ подозрѣвая, что по внушенію сей женщины сдѣланъ былъ ему помянутый отказъ, даетъ приказаніе намѣстнику Ератинею, умертвить ее позорною смертію. Той же участи подвергаются двѣ другія, равно благородныя жены, изъ коихъ одна, оставивъ въ Римѣ дочь свою,— дѣву на служеніе Вестѣ, тайно находилась тогда въ искренней связи съ Валеріею; а другая — супруга Сенатора не столь близка была къ Императрицѣ. Но причиною смерти обѣихъ сихъ женъ были отличная ихъ красота и цѣломудріе. Ихъ схватили внезапно, не на судъ, но прямо на убійство; ибо не было даже ни одного обвинителя. Наконецъ находятъ одного Іудеянина, который былъ виновенъ въ разныхъ преступленіяхъ, и обѣщаніемъ ему прощенія побуждаютъ

(*) Вѣроятно жену какого либо Консула.

его къ ложнымъ извѣтамъ на невинныхъ. Правдивый и попечительный судья (*) повелѣваетъ вывести его за городъ подъ прикрытіемъ, чтобы не побили его камнями. Сіе печальное зрѣлище было въ Никсѣ. Іудеянину угрожаютъ пытками, если онъ не скажетъ того, что ему было приказано; а подсудимыхъ ударами палачи заставляютъ молчать. Наконецъ невинныхъ повелѣваютъ вести на смерть. Тогда раздались плачь и рыданіе не только супруга, бывшаго въ сіе время при своей добродѣтельной супругѣ, но и всѣхъ постороннихъ людей, кои собрались посмотрѣть на сіе позорное и неслыханное дѣло. А дабы народъ силою не исхитилъ осужденныхъ изъ рукъ палачей, то впереди шелъ отрядъ легкой пѣхоты въ полномъ воинскомъ вооруженіи, а сзади сопровождали стрѣльцы. Такъ несчастныя посреди вооруженнаго конвоя приведены на мѣсто казни. Долго онѣ пролежали бы здѣсь безъ погребенія, поелику ихъ слуги разбѣжа-

(*) Подобную иронію употребилъ Цицеронъ противъ Верреса.

лись, еслибы друзья изъ состраданія не схоронили ихъ тайно. Между тѣмъ и любодѣй (*) не получилъ обѣщаннаго прощенія: но пригвожденный къ кресту открылъ всю тайну, и до послѣдняго издыханія свидѣтельствовалъ предъ всѣми, которые тогда смотрѣли на него, что тѣ жены умерщвлены невинно.

41. Между тѣмъ Императрица (**), сосланная въ пустыни Сирійскія, извѣстила чрезъ тайныхъ пословъ отца своего Діоклитіана о своемъ несчастіи. Діоклитіанъ немедленно отправляетъ къ Максимину пословъ, и проситъ его возвратить ему дочь его, но тщетно. Нѣсколько разъ возобновляетъ онъ свои просьбы, и все неудачно. Наконецъ посылаетъ одного изъ своихъ родственниковъ, человѣка высокихъ воинскихъ достоинствъ, съ тѣмъ, чтобы убѣдить къ сему Максимина напоминаніемъ о прежнихъ своихъ благодѣяніяхъ, ему

(*) Т. е. тотъ Іудей, который наученъ былъ сказать, что онъ имѣлъ безчестныя связи съ помянутыми двумя женами.

(**) Валерія.

оказанныхъ. Но и сей посолъ по возвращеніи своемъ донесъ, что его просьбы остались недѣйствительны.

42. Въ тоже время, по повелѣнію Константина, статуи старшаго Максиміана (*) были низринуты, и изображенія, въ какихъ онъ былъ когда либо представляемъ, сброшены. Поелику же оба старые Императора (**) обыкновенно представляемы были вмѣстѣ, то и изображенія ихъ вмѣстѣ были сняты. Такимъ образомъ Діоклитіанъ еще при жизни своей долженъ былъ видѣть то, чего не случалось еще ни съ однимъ изъ прежнихъ Императоровъ. Пораженный сею сугубою горестію, онъ не хотѣлъ болѣе жить. Въ жару душевномъ отъ удручавшей его скорби, Діоклитіанъ метался то туда, то сюда, ни спалъ, ни принималъ пищи, вздыхалъ, стеналъ, часто плакалъ, и безпрестанно бросался то на ложе, то на землю. Такимъ образомъ тотъ, который двадцать лѣтъ былъ наисчастливѣйшимъ Императоромъ, низ-

(*) Геркулія.

(**) Діоклитіанъ и Геркулій.

веденный до такого уничиженія, подвергся такимъ оскорбленіямъ, что возненавидѣлъ самую жизнь, и наконецъ умеръ отъ голода и печали (*).

43. Оставался уже одинъ только врагъ Божій (**), коего судьбу и паденіе я теперь намѣренъ описать. Максиминъ питалъ къ Ликинію зависть за то, что сей послѣдній предпочтенъ былъ ему Максиміаномъ; и хотя незадолго предъ симъ заключилъ съ нимъ дружескій союзъ: однако услышавъ о его обрученіи съ сестрою Константиновой, вообразилъ себѣ, что эта родственная связь двухъ Императоровъ составляется противъ него. Посему и самъ тайно отправилъ пословъ въ городъ для заключенія союза и дружбы съ Максентіемъ; написалъ притомъ и дружественное письмо къ нему. Послы приняты благосклонно, дружество утверждено, и портреты того и другаго ставятся вмѣстѣ. Максентій принимаетъ это съ восторгомъ, какъ бы

(*) Въ 312 году по Р. Х.

(**) Максиминъ Даія, который еще управлялъ Востокомъ.

помощь свыше; и въ слѣдствіе сего немедленно объявляетъ Константину войну подъ предлогомъ мщенія за смерть отца. Отсюда родилось подозрѣніе, что старикъ (*) притворно объявилъ себя въ непримиримой враждѣ съ сыномъ, чтобы тѣмъ удобнѣе проложить себѣ путь къ низверженію другихъ, и по низложеніи всѣхъ присвоить себѣ и своему сыну верховную власть надъ всею вселенною. Но это несправедливо. Намѣреніе его состояло въ томъ, чтобы, низложивъ сына и другихъ соперниковъ, самому снова занять престолъ вмѣстѣ съ Діоклитіаномъ.

44. Уже междоусобная война возгорѣлась. И хотя самъ Максентій оставался въ Римѣ, поелику оракулъ предсказалъ ему, что онъ погибнетъ, если выдетъ за городскія ворота; впрочемъ война ведена была чрезъ способныхъ полководцевъ. Максентій имѣлъ болѣе силъ; ибо онъ получилъ войско отъ Севера отца своего, и сверхъ того вызвалъ недавно изъ Мавританіи и Италіи свое собствен-

(*) Максиміанъ Геркулій.

ное. Начались битвы, и воины Максентіевы одерживали верхъ, доколѣ наконецъ Константинъ, ободрившись духомъ и рѣшившись на все, подошелъ со всѣмъ своимъ войскомъ ближе къ городу, и остановился лагеремъ около моста Муліева. Приближался день восшествія Максентія на престолъ, именно 27 число Октября, а съ симъ вмѣстѣ оканчивалось и пятилѣтіе его царствованія. Константинъ во снѣ получилъ внушеніе изобразить на щитахъ своихъ небесное Божіе знаменіе, и послѣ сего вступить въ бой. Онъ исполнилъ сіе повелѣніе, и поставивъ въ превратномъ положеніи букву Х (*) съ облеченіемъ надъ верхнею частію, изобразилъ на щитахъ имя Христово. Огражденное симъ знаменіемъ воинство берется за оружіе. Непріятель выходитъ ему на встрѣчу безъ Императора и переходитъ чрезъ мостъ. Сраженіе начинается съ равнымъ мужествомъ; та и другая сторона бьется отчаянно: «ни тамъ, ни здѣсь не знали отступле-

(*) ☧. Но на монетахъ Константиновыхъ находится знакъ ☧.

нія (*).» Въ то время въ городѣ произошло возмущеніе, осыпаютъ хулами Императора (**), называютъ его бѣглецомъ, который оставляетъ городъ въ минуту очевидной его опасности. Вдругъ весь народъ (ибо Императоръ въ день вступленія своего на престолъ давалъ въ циркѣ зрѣлища) въ одинъ голосъ воскликнулъ: «Константинъ непобѣдимъ!» Пораженный симъ восклицаніемъ, Максентій тотчасъ удаляется отъ народа, и, призвавши къ себѣ нѣкоторыхъ изъ сенаторовъ, повелѣваетъ имъ посмотрѣть въ Сивиллины книги. Въ нихъ находятъ, что «въ сей день непріятель Римлянъ имѣетъ погибнуть.» Обнадеженный симъ предсказаніемъ въ побѣдѣ, онъ поспѣшно выходитъ и вступаетъ въ бой. Вслѣдъ за нимъ разрывается мостъ. При видѣ его сраженіе становится упорнѣе,—и рука Божія превозмогаетъ въ битвѣ. Максентіане приходятъ въ ужасъ и безпорядокъ. Самъ онъ, предавшись бѣгству, спѣшитъ къ разорван-

(*) Вирг. Эн. X. 757.

(**) Максентія.

ному мосту, и, тѣснимый толпою бѣжавшихъ, низвергается въ Тибръ. По окончаніи сей жесточайшей битвы, Императоръ Константинъ принятъ былъ сенатомъ и народомъ Римскимъ съ величайшею радостію. Здѣсь онъ узнаетъ о вѣроломствѣ Максимина, открываетъ его переписку и находитъ статуи и изображенія. Сенатъ опредѣлилъ Константину за его мужество поднести титулъ перваго (*), каковый усвоялъ себѣ Максиминъ. Сей послѣдній, получивъ извѣстіе о побѣдѣ и объ освобожденіи города, принялъ это такъ, какъ бы самъ былъ побѣжденъ. Когда же онъ узналъ объ опредѣленіи сената, то такою воспылалъ злобою, что открыто объявилъ себя врагомъ Константина, и началъ осыпать ругательствами и насмѣшками величайшаго изъ Императоровъ.

45. Приведши все въ городѣ въ порядокъ, Константинъ слѣдующею зимою отправился въ Медіоланъ; туда же прибылъ и Ликиній для бракосочетанія. Максиминъ узнавши, что они заняты брач-

(*) Т. е. между Августами.

нымъ торжествомъ, двинулъ войско свое изъ Сиріи, и, не смотря на величайшую жестокость зимы, самымъ ускореннымъ маршемъ прибылъ въ Виѳинію, но съ силами очень ослабленными. Ибо отъ величайшихъ дождей, снѣговъ, грязей, морозовъ и трудностей былъ потерянъ весь рабочій скотъ, и жалкая гибель онаго по пути предвѣщала уже зрѣлище предстоявшей войны и таковую же гибель самаго войска. Не смотря на сіе, Максиминъ не хотѣлъ остаться въ своихъ предѣлахъ; но, перешедши немедленно проливъ, съ оружіемъ подступилъ ко вратамъ Византіи. Здѣсь на подобные случаи Ликиніемъ былъ оставленъ гарнизонъ. Максиминъ старался сперва обольстить сей гарнизонъ подарками и обѣщаніями, а послѣ устрашить оный силою и приступомъ; но ни сила, ни обѣщанія не помогли. Уже по прошествіи одиннадцати дней, въ продолженіи коихъ успѣли чрезъ посланниковъ и письма извѣстить о всемъ Императора, гарнизонъ сдался, впрочемъ не отъ недостатка вѣрности, а потому, что не по-

лагался на свою малочисленность. Отсюда Максиминъ пошелъ противъ Гераклеи; но и здѣсь, бывъ задержанъ по той же причинѣ, опять потерялъ нѣсколько дней. Между тѣмъ Ликиній, ускоривши путь, съ небольшимъ отрядомъ приблизился къ Адріанополю, тогда какъ Максиминъ, промедливъ нѣсколько при взятіи Перинѳа (*), подвинулся впередъ только на одну станцію въ 18 миль; а далѣе онъ не могъ идти, потому что Ликиній занималъ уже вторую станцію, отстоявшую на столько же миль.—Сей послѣдній, собравши столько войска, сколько можно было собрать онаго вблизи, поспѣшилъ на встрѣчу Максимину болѣе для того, чтобы задержать его, а не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ сразиться съ нимъ, или въ надеждѣ одержать надъ нимъ побѣду. Ибо Максиминъ имѣлъ седмьдесятъ тысячь вооруженнаго войска, а онъ едва собралъ тридцать тысячь, потому что воины были разсѣяны по

(*) Гераклея и Перинѳъ—одинъ и тотъ же городъ во Ѳракіи. Зосимъ въ Кн. 1. гл. 62. κατὰ τὴν Πέρινθον, ἣ νῦν Ἡράκλεια μετωνόμασαι.

разнымъ областямъ, и тѣсныя обстоятельства не позволяли соединить ихъ.

46. По сближеніи войскъ, казалось близкимъ и сраженіе. Тогда Максиминъ далъ обѣтъ Юпитеру—изгладить съ лица земли и совершенно уничтожить имя Христіанъ, если только онъ получитъ побѣду. Въ слѣдующую ночь послѣ того является Ликинію во снѣ Ангелъ Божій, повелѣвая ему немедленно встать и со всѣмъ войскомъ молиться всевышнему Богу, увѣряя его притомъ въ побѣдѣ, если онъ все сіе исполнитъ. Послѣ сихъ словъ Ликинію казалось, будто онъ всталъ, и Ангелъ, вѣщавшій ему, стоялъ подлѣ него, и давалъ ему наставленіе: какъ и какими словами онъ долженъ молиться. Пробудившись, Ликиній тотчасъ потребовалъ писца, и, какъ самъ слышалъ, пересказалъ ему слѣдующія слова: «Всевышній Боже! Тебя просимъ, Святый Боже! Тебя просимъ. Тебѣ предоставляемъ весь судъ; Тебѣ предоставляемъ спасеніе наше; Тебѣ предоставляемъ власть нашу. Тобою мы живемъ, Тобою побѣждаемъ и Тобою благоденствуемъ.

Всевышній, святый Боже! Услышь молитвы наши, къ Тебѣ простираемъ руки наши. Услышь насъ Святый, всевышній Боже!» Сей молитвы приготовляется большое число экземпляровъ и разсылается къ военачальникамъ и трибунамъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ научилъ оной своихъ подчиненныхъ. Воины ободрились: всѣ они вѣрили, что имъ свыше обѣщана побѣда. Императоръ (*) назначилъ днемъ сраженія первое число Мая, которымъ оканчивался осьмый годъ правленія Максимина,—чтобы побѣдить его въ самый день рожденія (**), какъ и Максентій побѣжденъ былъ въ Римѣ.—Но Максиминъ рѣшился предварить оный. Накапунѣ помянутаго дня, рано поутру, онъ построилъ войско въ боевой порядокъ, дабы слѣдующій день—день своего рожденія торжествовать уже побѣдителемъ. Въ лагерѣ Ликинія узнають, что Максиминъ двинулся: воины берутся за

(*) Ликиній.

(**) Здѣсь разумѣется не собственно день рожденія, но день наименованія Кесаремъ. Въ семъ значеніи это слово встрѣчается часто.

оружіе и идутъ ему на встрѣчу. Непріятелей раздѣляла безплодная, пустая долина, называемая Веселою (serenum). Оба войска были уже въ виду одно у другаго. Воины Ликинія, подражая начальникамъ, кладутъ на землю щиты, снимаютъ шлемы, простираютъ руки къ небу, и за Императоромъ повторяютъ молитву. Обреченное на погибель войско слышитъ говоръ молящихся. Сіи послѣдніе, произнесши троекратно молитву, исполненные мужества и силы, надѣваютъ шлемы, поднимаютъ щиты. Императоры сходятся для переговоровъ. Но Максиминъ не хотѣлъ и слышать о мирѣ: ибо презиралъ Ликинія и думалъ, что воины оставятъ его, поелику онъ былъ скупъ на награды, а Максиминъ напротивъ—весьма щедръ. Сей послѣдній войну началъ въ томъ предположеніи, что онъ безъ бою присоединитъ къ своему войско Ликиніево и съ удвоенными силами тотчасъ нападетъ на Константина.

47. И такъ войска сходятся, трубы гремятъ, знамена впереди развѣваются.

Ликиніевы воины съ стремительностію нападаютъ на непріятелей, а сіи въ страхѣ не могутъ ни обнажить мечей, ни пустить стрѣлъ. Максиминъ быстро объѣзжаетъ ряды, стараясь, то просьбами, то обѣщаніями, склонить на свою сторону воиновъ Ликиніевыхъ. Но его нигдѣ не слушаютъ, даже нападаютъ на него, такъ что онъ убѣгаетъ къ своимъ. Ряды его гибли безъ сопротивленія, и— толикое число легіоновъ, такая сила разсѣяна была немногими! Слава, храбрость, прежнія награды: все было всѣми забыто; всѣ шли какъ бы на неизбѣжную смерть, а не на сраженіе: такъ всевышній Богъ предалъ ихъ врагамъ на погибель. Уже безчисленное множество было положено на мѣстѣ. Максиминъ видитъ, что дѣло идетъ иначе, нежели какъ онъ предполагалъ; сбрасываетъ съ себя порфиру, и, въ одеждѣ раба, предается бѣгству, удаляется за проливъ. Что же касается до его войска, то одна половина онаго побита, а другая частію передалась непріятелю, частію обратилась въ бѣгство. Ибо Императоръ сво-

имъ бѣгствомъ ослабилъ въ воинахъ стыдъ предаваться оному. Перваго Маія, т. е. въ двѣ ночи со днемъ, онъ достигъ уже Никомидіи, отстоящей отъ мѣста сраженія на 160 миль, и захвативъ дѣтей, жену и нѣкоторыхъ изъ придворной свиты, устремился на Востокъ. Наконецъ въ Каппадокіи, собравъ бѣжавшихъ и другихъ находившихся на Востокѣ воиновъ, остановился, и тогда снова принялъ свою порфиру.

48. Ликиній, взявъ часть войска и раздѣливъ оную, спустя нѣсколько дней послѣ сраженія пошелъ въ Виѳинію. Пришедши въ Никомидію, онъ принесъ благодареніе Богу, даровавшему ему побѣду, а въ 13 день Іюня (*), въ который Константинъ и онъ самъ въ третій разъ получили Консульское достоинство, повелѣлъ обнародовать слѣдующій указъ о возстановленіи Церкви, данный намѣстнику Никомидіи:

«Мы, Константинъ Императоръ и Ликиній Императоръ, благополучно свидѣвшись въ Медіоланѣ, и разсуждая о

(*) 313 года.

всемъ, относящемся къ благоденствію и спокойствію нашей Имперіи, почли нужнымъ установить между прочимъ преимущественно то, что признали мы полезнымъ для большей части людей, и въ чемъ состоитъ истинное Богопочтеніе; именно, и Христіанамъ и всѣмъ прочимъ позволить свободно исповѣдывать Религію, какую кому угодно, дабы Божество, обитающее на небесахъ, было всегда благосердо и милостиво и къ намъ и ко всѣмъ нашимъ подданнымъ. Въ слѣдствіе сего спасительнаго совѣта, и по здравому разсужденію мы опредѣлили никому въ вѣрѣ не препятствовать, Христіанскую ли онъ исповѣдуетъ Религію, или какую другую, которую самъ для себя считаетъ лучшею, дабы верховное Божество, которому мы воздаемъ свободное почитаніе, не переставало являть намъ обычное свое благоволеніе и милость. Посему да будетъ извѣстно твоей чести, что мы, уничтожая совершенно всѣ ограниченія, которыя въ прежнихъ указахъ къ тебѣ касательно Христіанъ были

изложены, хотимъ, чтобы всякой желающій исповѣдывать Религію Христіанскую, отнынѣ могъ слѣдовать ей безъ малѣйшаго помѣшательства и оскорбленія. Все это столь подробно излагаемъ мы твоей попечительности, дабы ты зналъ о данномъ нами симъ Христіанамъ свободномъ и безусловномъ правѣ исповѣдывать свою Религію. Видя, что мы это позволили Христіанамъ, твоя честь вмѣстѣ съ симъ должна знать, что таже открытая и неограниченная свобода въ Религіи и Богопочтеніи даруется нами разномѣрно и другимъ, для водворенія всеобщаго мира во дни наши, такъ, чтобы въ совершеніи обрядовъ своей Вѣры всякой пользовался полнымъ правомъ; ибо мы отнюдь не хотимъ, чтобы какая либо Религія, или какое либо Богопочтеніе терпѣли отъ насъ униженіе. Сверхъ сего касательно Христіанъ мы заблагоразсудили постановить еще и то, чтобы всѣ тѣ мѣста, въ которыя они прежде обыкновенно собирались (и о которыхъ до сего въ особенномъ на имя твое ука-

зѣ дано было извѣстное предписаніе), отобраны ли онѣ въ казнунашу или кѣмъ либо куплены,—чтобы всѣ онѣ въ прежнемъ видѣ возвращены были Христіанамъ безвозмездно, безъ всякаго требованія платы, безъ малѣйшей отсрочки и отговорки. Равнымъ образомъ и тѣ, которые получили таковыя мѣста въ даръ, должны возвратить ихъ симъ же Христіанамъ немедленно. Но если бы пріобрѣтшіе сіи мѣста куплею или посредствомъ дара захотѣли получить отъ насъ за оныя что либо изъ милости: то они должны обращаться съ прошеніемъ къ Викарію (*), дабы и имъ оказано было пособіе отъ нашихъ щедротъ. Все это въ отношеніи къ Христіанамъ ты долженъ сдѣлать чрезъ свое посредство и въ самоскорѣйшее время.

(*) Викаріи были различныхъ родовъ. Вагнеръ въ примѣчаніи на сіе мѣсто говоритъ: каждый Викарій въ своихъ провинціяхъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи судопроизводство и всѣ дѣла изъ низшихъ судовъ должны были поступать къ нему на окончательное рѣшеніе. Но по степени они были ниже Проконсуловъ.

И поелику извѣстно, что Христiане, кромѣ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они обыкновенно собирались, имѣли еще и другiя, находившiяся во владѣнiи общества ихъ, т. е. церквей, а не частныхъ лицъ; то всѣ таковыя, по силѣ вышеозначеннаго закона, прикажи безъ всякихъ отговорокъ и противорѣчiй отдать тѣмъ же Христiанамъ, т. е. обществу ихъ и церквамъ, подъ тѣми же условiями, какiя упомянуты выше; именно тѣ, кои возвратятъ оныя мѣста безвозмездно, могутъ надѣяться вознагражденiя отъ нашего благоволенiя. Во всемъ этомъ ты долженъ употребить дѣятельнѣйшее свое посредство въ пользу означеннаго общества Христiанъ, дабы какъ можно скорѣе исполнилась воля наша, дабы и въ семъ отношенiи, по обычной намъ милости, могли мы споспѣшествовать спокойствiю общественному. Да будетъ это такъ, чтобы, какъ выше сказано, благость Божiя, которую мы испытали въ столь важныхъ обстоятельствахъ, и впредь никогда не оставляла насъ, спо-

споспешествуя нашимъ предпріятіямъ и благоденствію Государства. Но чтобы содержаніе сего благодѣтельнаго нашего постановленія дошло до свѣдѣнія каждаго; ты долженъ при своемъ объявленіи разослать этотъ указъ повсюду и объявить оный всѣмъ, дабы сіе наше благодѣтельное постановленіе ни отъ кого не могло быть сокрыто.»

По обнародованіи сего указа, *Ликиній* еще устно убѣждалъ, чтобы мѣста Христіанскихъ собраній приведены были въ прежнее состояніе. Такимъ образомъ отъ разрушенія Церкви до ея возстановленія протекло десять лѣтъ и около четырехъ мѣсяцевъ.

49. Когда Ликиній съ войскомъ своимъ преслѣдовалъ тирана, то сей бѣглецъ отступилъ и опять скрылся въ ущеліяхъ горы Тавра. Построивъ здѣсь укрѣпленія и башни, онъ старался заградить путь непріятелямъ; но когда побѣдители разрушили все, то наконецъ бѣжалъ въ Тарсъ. Здѣсь осажденный съ моря и суши, и не надѣясь болѣе нигдѣ

найти для себя убѣжища, въ страхѣ и скорби душевной онъ прибѣгаетъ къ смерти, какъ единственному средству противъ всѣхъ золъ, которыя Богъ насылалъ на главу его. Но прежде пресыщается пищею и упивается виномъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ тѣ, кои въ послѣдній разъ хотятъ симъ насладиться, — и потомъ принимаетъ ядъ. Впрочемъ, поелику желудокъ его былъ слишкомъ отягченъ, то ядъ не подѣйствовалъ вдругъ, а произвелъ медленное и тяжкое разслабленіе, подобное тому, какое бываетъ отъ заразы, такъ что несчастный съ продолженіемъ жизни только долѣе чувствовалъ свои мученія. Наконецъ ядъ началъ свирѣпствовать въ немъ; и когда сожигалъ его внутренности, то страждущій отъ несносной боли впалъ въ сумасшествіе, такъ что въ припадкахъ своего бѣшенства въ продолженіи четырехъ дней хваталъ руками землю и съ жадностію пожиралъ ее. Потомъ отъ многоразличныхъ и ужасныхъ мученій онъ бился головою объ стѣну до того, что глаза его выкатились изъ

своихъ впадинъ. Наконецъ, когда уже лишился зрѣнія, ему представилось, что Богъ съ своими Ангелами въ бѣлыхъ одеждахъ пришелъ судить его. Посему онъ кричалъ подобно тѣмъ, коихъ подвергаютъ пыткамъ, и говорилъ, что не онъ это сдѣлалъ, а другіе; напослѣдокъ, какъ бы вынужденный пытками, сознавался и со слезами молился Христу о помилованіи. Такою-то ужасною смертію среди стенаній, какъ бы сожигаемый въ пламени, Максиминъ изрыгнулъ свою преступную душу!

50. Такимъ образомъ поразилъ Богъ всѣхъ враговъ своего имени, такъ что вовсе не осталось ни племени, ни корня ихъ. Ибо Ликиній, достигши верховной власти, далъ повелѣніе умертвить, сперва Валерію, которую раздраженный Максиминъ, даже послѣ бѣгства своего, когда уже видѣлъ неминуемую свою погибель, не осмѣлился лишить жизни; потомъ приказалъ убить Кандидіана, котораго Галерій прижилъ съ наложницею, а Валерія усыновила, по причинѣ своего неплодства. Но сія женщина, узнавъ, что сей

усыновленный юноша еще живъ, перемѣнила свою одежду, и пристала къ его свитѣ, дабы наблюдать за его участью (*). Поелику же Кандиданъ, прибывъ въ Никомидію и пользуясь, по видимому, должнымъ уваженіемъ, сверхъ всякаго чаянія его былъ умерщвленъ; то она, услышавъ объ его смерти, тотчасъ бѣжала. Ликиній погубилъ также Северіана, уже возрастнаго сына Северова, произнесши надъ нимъ смертный приговоръ за то, будто онъ съ поля битвы последовалъ за бѣжавшимъ Максиминомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по смерти его получить порфиру. Всѣ упомянутыя особы еще прежде боялись Ликинія, какъ злаго человѣка, и потому охотнѣе держались стороны Максимина, исключая только Валерію, которая, не желая уступить

(*) Мѣсто сіе, есть одно изъ темнѣйшихъ. Для поясненія онаго должно предположить, что повелѣніе Ликинія объ умерщвленіи Валеріи и Кандидіана не вдругъ было исполнено; а посему Валерія, пользовавшись сею отсрочкою, отправилась къ Кандидіану, чтобы наблюдать за участью сего юноши.

Ликинію правъ своихъ на все наслѣдство Максиміана, отказала въ томъ и Максимину. Ликиній умертвилъ также старшаго осьмилѣтняго сына Максиминова и седьмилѣтнюю дочь его, назначенную въ замужество Кандидіану. А мать ихъ еще прежде брошена въ рѣку Оронтъ (*), въ которую, по ея приказанію, часто повергаемы были многія добродѣтельныя жены. Такимъ образомъ всѣ нечестивые, по истинному и праведному суду Божію, получили то, что сами другимъ дѣлали.

51. И Валерія, въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ переходя изъ страны въ страну въ видѣ простой женщины, наконецъ узнана въ Солунѣ, схвачена, и вмѣстѣ съ матерію своею осуждена на смерть. Сихъ женъ вели на казнь при великомъ стеченіи зрителей, и при всеобщемъ сожалѣніи о таковой перемѣнѣ ихъ судьбы. Онѣ были обезглавлены, и тѣла ихъ брошены въ море. И такъ цѣломудріе и санъ были причиною ихъ погибели.

(*) Что въ Сиріи, близъ Антіохіи.

52. Все сіе излагалъ *я*, основываясь на свидѣтельствѣ лицъ, достовѣрно знающихъ происшествія. Я предалъ сіи происшествія письмени такъ, какъ онѣ были, дабы съ одной стороны столь важныя дѣла не изгладились изъ памяти, а съ другой—чтобы будущіе историки не изказили истины, умалчивая или о преступленіяхъ описанныхъ людей противъ Бога, или о постигшемъ ихъ судѣ Божіемъ. Мы должны благодарить вѣчную любовь Его за то, что Онъ воззрѣлъ наконецъ на землю, благоволилъ оживить и собрать опустошенное и разсѣянное хищными волками стадо свое, и истребить лютыхъ звѣрей, которые столь долгое время попирали пажити Божественнаго стада, и разрушали его жилища! Гдѣ теперь тѣ пышныя и славныя между язычниками проименованія: *Юпитеровъ* и *Геркулесовъ* (*), которыя сперва надмѣнно приняты были Діокле-

(*) Діоклитіанъ называлъ себя Юпитеровымъ, а Максиміанъ Геркулесовымъ; какъ бы первый происходилъ отъ Юпитера, а послѣдній отъ Геркулеса.

сомъ и Максиміаномъ, а въ послѣдствіи перешли и на ихъ преемниковъ? Господь истребилъ и изгладилъ оныя съ лица земли!

И такъ будемъ съ восторгомъ прославлять торжество Бога; будемъ воспѣвать побѣду Господа, день и нощь будемъ возносить къ Нему молитвенныя славословія, да утвердитъ Онъ во вѣки тотъ миръ, который даровалъ народу своему по прошествіи десяти лѣтъ! А особенно ты, любезный Донатъ,—ты, который достоинъ быть услышаннымъ отъ Бога, умоляй Господа, чтобы Онъ, милостивый и щедрый къ рабамъ своимъ, продолжалъ являть имъ свое милосердіе, чтобы отвращалъ отъ людей своихъ всѣ козни и нападенія діавола, и сохранялъ цвѣтущую церковь свою во всегдашнемъ покоѣ.

XV.

НѢЧТО О КНИГѢ ІОВА.

Изъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія нѣтъ почти ни одной, о которой было бы столько толковъ, сколько о книгѣ Іова. Одни утверждаютъ, что Іовъ есть лице вымышленное, и книгу его причисляютъ къ произведеніямъ священной Поэзіи; другіе, допуская, что Іовъ есть лице историческое, не согласны въ мнѣніяхъ касательно страны, въ которой онъ жилъ, и времени, къ которому должно относить его. Не входя въ подробное разсмотрѣніе сихъ мнѣній, коснемся существеннаго.

Нѣтъ никакого основанія почитать Іова лицемъ вымышленнымъ. Пророкъ Іезекіиль говоритъ о немъ, какъ о лицѣ дѣйствительно существовавшемъ, потому что поставляетъ его рядомъ съ Но-

емъ и Даніиломъ (14, 14). Подобнымъ образомъ выражается объ Іовѣ Святый Апостолъ Іаковъ въ своемъ посланіи (5, 11).

Далѣе, въ началѣ книги Іова излагаются такія подробности, отъ коихъ могъ бы уволить себя сочинитель вымышленной исторіи. Тамъ описаны съ большею опредѣленностію, которою всегда отличаются писанія истинно историческія, всѣ обстоятельства жизни Іова; показаны—число дѣтей его, качество и количество стяжаній, имена и отечества друзей его, и хотя большая часть именъ ихъ могутъ имѣть значеніе иносказательное, однако сіе не препятствуетъ имъ быть именами лицъ дѣйствительныхъ, ибо таковы всѣ собственныя имена Еврейскія и Халдейскія. Наконецъ, въ книгѣ Іова не встрѣчается ничего такого, чтобъ могло служить основаніемъ для отвергающихъ подлинность сей исторіи, а хотябъ представлялись какія недоумѣнія, неблагопріятствующія оной, однако онѣ останутся слабѣе ясныхъ, въ пользу ея, свидѣтельствъ Іезекіиля и Апостола Іакова.

Страна, въ которой жилъ Іовъ называется Хузъ. Она принадлежала къ Идумеѣ, въ которой поселился Исавъ, или Едомъ, по смерти Исаака. Въ Идумеѣ первоначально жили потомки Хора, о коемъ упоминаетъ книга Бытія въ гл. 36, ст. 22. 30. Страна сія именовалась тогда Сеиромъ. Что удѣлъ Хузъ, отечество Іова, составлялъ часть Идумеи, видно изъ плача Іеремеи гл. 4, 21. Сія небольшая область смежна была съ пустою Аравіею.

Многіе полагаютъ, что Іовъ есть одно лице съ Іоававомъ, упоминаемымъ въ книгѣ Бытія (36, 13. 34), сыномъ Зары, сына Рагуилова, внука Исавова (а). Утверждаютъ, что онъ родился въ тотъ самый годъ, въ который Іаковъ переселился въ Египетъ. Сіе мнѣніе утверждается на свидѣтельствѣ прибавленія къ книгѣ Іова, которое читается въ концѣ перевода 70 и Вулгаты. Всѣ согласны въ томъ, что сіе прибавленіе весьма древнее; объ немъ упоминаютъ: Аристей,

(а) Это мнѣніе Еврейскихъ толкователей Св. Писанія.

Филонъ и многіе другіе (б). Кажется и Евсевій не сомнѣвался въ его древности (в). Другіе производятъ Іова отъ Нахора, отца Авраамова (г); нѣкоторые почитаютъ его сыномъ Исава (д); многіе утверждаютъ даже, что онъ имѣлъ въ супружествѣ Дину, дочь Іакова (е). Не останавливаясь на сихъ мнѣніяхъ, подверженныхъ большимъ спорамъ, можно, кажется, найти въ самой книгѣ Іова свидѣтельства о времени, въ которое онъ жилъ, болѣе ясныя и болѣе удовлетворительныя.

Въ книгѣ Іова говорится, что онъ послѣ своихъ искушеній прожилъ 170 лѣтъ (42, 16). Лучшіе толкователи полагаютъ, что испытанія его начались около 50 года его жизни. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ имѣть менѣе 50 лѣтъ, когда начались его испытанія, потому что онъ тогда былъ уже отцемъ деся-

(б) Orig. contra Cels. lib 6. p. 305.

(в) Praepar. Evang. lib. 7. Cap. 8. p. 310. 311.

(г) Аристей у Евсевія praep. Evang. L. 9. c. 25.

(д) Бл. Іеронимъ и др.

(е) Chald. Interpr.

терыхъ дѣтей, рожденныхъ отъ одной матери и притомъ взрослыхъ. Кромѣ сего, Іовъ вездѣ говоритъ о себѣ, какъ о человѣкѣ сильномъ, извѣстномъ, опытномъ и благоразумномъ. Итакъ Іовъ прожилъ болѣе 200 лѣтъ: долголѣтіе, свойственное временамъ Патріархальнымъ Другія соображенія, которыя можно сдѣлать на основаніи его книги, не менѣе важны.

Извѣстно, что идолопоклонство началось почитаніемъ свѣтилъ небесныхъ; изъ бесѣдъ Іова можно заключить, что почитаніе свѣтилъ небесныхъ было единственнымъ родомъ идолопоклонства, извѣстнаго въ его время и въ странѣ его (31, 26. 27); онъ ни о какомъ другомъ идолопоклонствѣ не упоминаетъ. Слѣдственно, книга Іова написана прежде того времени, въ которое введено почитаніе кумировъ, по крайней мѣрѣ прежде, нежели оно проникло въ Идумею. Впрочемъ и поклоненіе кумирамъ относится къ глубокой древности, потому что во времена Іакова оно уже господствовало въ Месопотаміи (Быт. 35, 4), а въ-

роятно и во многихъ другихъ странахъ.

Есть еще доказательство древности книги Іова: сей праведный мужъ, по обычаю, общему древнимъ народамъ, дѣтей своихъ самъ очищаетъ жертвами отъ грѣховъ (1, 5). И жертва, о которой говорится въ книгѣ Іова, замѣчательна: это всесожженіе. До Моисея другія жертвы едва ли и были въ употребленіи.

Въ книгѣ Іова часто упоминается о явленіяхъ Божіихъ. Елифазъ говоритъ о видѣніяхъ и откровеніяхъ нощныхъ, какъ о событіяхъ обыкновенныхъ (4, 13—16). Всякой знаетъ, что такія явленія никогда не были столь часты, какъ во времена Патріархальныя.

Должно присовокупить къ сему, что богатства Іова составляли одни стада, что въ книгѣ его не упоминается ни о лошакахъ, ни о коняхъ: признакъ отдаленной древности (a). Наконецъ, въ ней не говорится ни слова о чудесахъ, содѣ-

(a) У Евреевъ не видно лошаковъ до временъ Давида, а коней до царствованія Соломона.

ланныхъ Моусеемъ въ Египтѣ и въ пустынѣ, хотя Іовъ жилъ не далеко отъ сихъ странъ. Нѣтъ въ ней также намековъ на какое либо событіе, упоминаемое въ Священномъ Писаніи, исключая потопъ и разрушеніе Содома (21, 21. 28, 5). Всѣ сіи обстоятельства даютъ сій характеръ глубочайшей древности.

Обстоятельство, означенное въ концѣ книги Іова, заставляетъ думать, что онъ былъ современникъ Іакову. Тамъ читается, что его друзья подарили ему нѣсколько золотыхъ серегъ и монетъ (*кесита*) (42, 11). Серги употреблялись со временъ Авраама (Быт. 24, 22), и составляли часть женскаго украшенія во времена Іакова (Быт. 35, 4). Что касается до *кесита*, то сей родъ монеты, кажется, сдѣлался употребительнымъ уже послѣ Авраама. Когда сей Патріархъ купилъ село Ефрома, тогда, какъ сказано въ книгѣ Бытія, онъ заплатилъ четыреста сиклей серебра, и можно замѣтить, что цѣна ихъ опредѣлялась тогда вѣсомъ (Быт. 23, 16); но когда Іаковъ купилъ часть земли у Эммора, то

заплатилъ за нее сто *кесита* (Быт. 33, 19). Св. Писаніе не упоминаетъ, чтобы при семъ брался въ разсмотрѣніе вѣсъ оной суммы. И такъ, кажется, *кесита*, данныя Іову друзьями его, не были въ употребленіи ни прежде Авраама, ни при немъ, и слѣдственно Іовъ долженъ жить послѣ сего Патріарха. Выше сказано было, что въ книгѣ Іова все дышитъ самою глубокою древностію, и что, исключая потопъ и истребленіе Содома, Іову не извѣстны были никакія другія достопамятныя происшествія, описанныя Моисеемъ. Итакъ можно полагать, что Іовъ жилъ около временъ Іакова.

Мнѣнія о писателѣ книги Іова не согласны между собою: одни приписываютъ ее Соломону, другіе Исаіи, а изъ новѣйшихъ нѣкоторые Пророку Іезекіилю. Всѣ сіи догадки основываются на слабыхъ предположеніяхъ, и не требуютъ опроверженія.

Книга Іова, какъ кажется, есть отчасти сочиненіе, отчасти переводъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней должно различать

двѣ части: историческое повѣствованіе, и бесѣды Іова съ Богомъ, съ супругою, съ друзьями. Часть историческая заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя обстоятельства, коихъ не могъ описать Іовъ; слѣдственно она дополнена другою рукой. Что касается до бесѣдъ, то онѣ суть переводъ на Еврейскій съ Сирохалдейскаго, на которомъ, какъ можно съ вѣроятностію думать, писалъ Іовъ.

Сходство слога, замѣчаемое между историческимъ повѣствованіемъ Іова и Пятокнижіемъ, заставляетъ думать, что писатель онаго есть Моисей. Извѣстно, что сей Законодатель Еврейскій, послѣ убіенія Египтянина удалился въ страну Мадіамскую. Тамъ онъ прожилъ 40 лѣтъ, и тамъ взялъ себѣ супругу (Исх. 2). Слѣдственно Моисей имѣлъ случай выучиться языку, на которомъ говорили въ сей странѣ, языку очень сходному съ тѣмъ, на которомъ говорили въ странѣ Іова. Моисей могъ въ Аравіи получить свѣдѣніе о писаніи Іова, и весьма вѣроятно, что онъ, сочтя полезнымъ перевесть оное на Еврейскій языкъ, для

утѣшенія страждущихъ собратій, написалъ исторію Іова, въ которой означилъ отечество его, число его дѣтей, количество стяжаній, описалъ его твердость въ несчастіяхъ, упованіе на Бога, избавленіе отъ всѣхъ испытаній, награду, имъ полученную, и наконецъ долгоденствіе сего св. мужа.

Съ симъ мнѣніемъ согласны многіе изъ древнихъ. Халдейскіе толкователи относятъ Іова ко временамъ Патріарховъ, жившихъ прежде Моисея. Оригенъ увѣряетъ, что книга сія древнѣе Законодателя Еврейскаго (*). Того же, кажется, мнѣнія Сиріяне, потому что они книгу сію поставляютъ впереди всѣхъ книгъ каноническихъ. Сочинитель толкованія на Іова, приводимый подъ именемъ Оригена, полагаетъ, что Іовъ написалъ свою книгу на Сирскомъ языкѣ, а Моисей перевелъ ее на Еврейскій (**). Это мнѣніе и нынѣ имѣетъ своихъ защитниковъ.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ думали на-

(*) Contra Celsum l. 6. p. 305.
(**) Orig. in Iobum p. 277.

ходитъ въ книгѣ Іова мѣста, въ коихъ, по ихъ мнѣнію, есть намекъ на прехожденіе Чермнаго моря и на законъ Моисеевъ; но ихъ заключенія столь припужденны и столь не естественны, что мнѣніе сіе само собою опровергается. Самаго малаго знакомства съ Еврейскимъ языкомъ достаточно, чтобы доказать, сколько сіи писатели удаляются отъ истиннаго смысла текстовъ, на коихъ они хотятъ утвердить свое мнѣніе.

Не льзя не сознаться, что въ книгѣ Іова есть слова и выраженія, подобныя встрѣчающимся у нѣкоторыхъ другихъ Священныхъ писателей; но это ни мало не показываетъ, что Іовъ заимствовалъ свои выраженія изъ ихъ писаній, и что книга его есть произведеніе позднѣйшаго времени. Можно даже вывесть изъ сего сходства заключеніе совсѣмъ противное, именно что сіи Писатели заимствовали свои выраженія изъ книги Іова: по крайней мѣрѣ сіе заключеніе столь же естественно, сколько и первое.

Но можно обойтись и безъ сихъ за-

ключенiй: люди не рѣдко имѣютъ одинаковыя мысли и выражаютъ ихъ одинаковымъ образомъ, безъ всякаго между собою сношенiя. Доказательства на сiе видимъ ежедневно. Такимъ образомъ могъ, на примѣръ, и Псалмопѣвецъ имѣть одинаковое съ Iовомъ понятiе о извѣстныхъ предметахъ, и, естественно, могъ для выраженiя своихъ мыслей употребить и обороты почти тѣже; но изъ сего отнюдь не слѣдуетъ, что Iовъ заимствовалъ свои выраженiя отъ Псалмопѣвца, или псалмопѣвецъ подражалъ Iову, хотя послѣднее заключенiе гораздо вѣроятнѣе перваго.

Скажутъ; въ книгѣ Iова встрѣчается болѣе ста словъ не-Еврейскихъ, взятыхъ изъ Сирскаго или Халдейскаго языка; примѣсь, ясно отличающая слогъ книги Iова отъ слога книгъ Моисеевыхъ.

Но надобно замѣтить, что въ исторической части книги Iова не льзя найти ни одного слова, которое не было бы чисто Еврейское. Слогъ ея совершенно сходенъ съ слогомъ Пятокнижiя, и не льзя утверждать противнаго, не навле-

кая на себя подозрѣнія въ пристрастіи или незнанія языка Еврейскаго. Что касается до остальной части книги Іова, то ни мало не удивительно, что въ ней встрѣчаются нѣкоторыя слова, заимствованныя изъ Сирскаго или Халдейскаго языка: причина тому очевидна. Слогъ книги Іова витіеватъ, теменъ; мысли въ ней глубоки. Съ Моисеемъ могло случиться тоже, что случается ежедневно съ тѣми, которые переводятъ сочиненія, писанныя слогомъ сжатымъ и наполненныя выраженіями темными и часто загадочными. Не находя въ языкѣ, на который они перелагаютъ сіи творенія, словъ, которыя бы могли выразить смыслъ подлинника столь же вѣрно и знаменательно, они часто принуждены бываютъ или составлять новыя слова или заимствовать ихъ изъ другихъ языковъ для пополненія недостатка того языка, на которомъ заставляютъ говорить своихъ писателей; чрезъ это они избѣгаютъ длинныхъ описаній или изъясненій, которыя всегда ослабляютъ силу рѣчи. Моисей, переводя

книгу Іова, былъ въ такомъ же положеніи по причинѣ извѣстной скудости языка Еврейскаго; посему онъ и оставилъ въ переводѣ нѣкоторыя слова подлинника, или заимствовалъ оныя изъ языковъ, сродныхъ Еврейскому, и слѣдственно понятныхъ для каждаго, кому хорошо извѣстенъ послѣдній.

Вотъ нѣсколько мыслей о книгѣ Іова. Всякой видитъ, что сомнѣнія о ея древности и о подлинности описанныхъ въ ней событій держатся на слишкомъ слабыхъ опорахъ.

XVI.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСПОМИНАНІЯ ЯВЛЬШАГОСЯ НА НЕБЕСИ ЗНАМЕНІЯ ЧЕСТНАГО КРЕСТА.

И тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси. Мат. 24, 30.

Сего дня Слушатели, Церковь приводитъ на память намъ чудесное знаменіе явльшагося нѣкогда на небѣ креста Господня. Въ то время, какъ ересь Арія, извѣстнаго вамъ, Богоотступника распространила свое владычество по всему востоку, когда самъ Константинопольскій Императоръ, именемъ Констанцій, объявилъ себя покровителемъ оной, и Христіане правовѣрные за свою непоколебимую твердость въ истинной вѣрѣ, подверглись отъ него жестокому гоненію, въ сіе злополучное время въ Іеру-

салимѣ, посреди бѣлаго дня, въ глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей, явилось на небѣ лучезарное знаменіе креста Господня, и, что всего замѣчательнѣе, явилось надъ Голгоѳой, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, на которомъ Господь нашъ былъ распятъ. Таковое явленіе для тогдашнихъ бѣдствующихъ Христіанъ было ободрительнымъ знакомъ къ терпѣнію; посредствомъ онаго, самъ Іисусъ Христосъ, казалось, вѣщалъ съ неба вѣрнымъ своимъ за него на землѣ воинствующимъ: «мужайтесь, стойте, не бойтесь! Я съ вами. Вотъ знамя мое, знамя побѣды и залогъ будущаго вашего спасенія! Кто изъ васъ будетъ сражаться подъ знаменіемъ симъ, того никакая сила вражія одолѣть не можетъ. Хотя бы весь міръ возсталъ на такого Христіанина, хотя бы цѣлый адъ противъ него ополчился, и тогда онъ ничего не долженъ страшиться: поелику Я его защищаю.» Языкъ сей, хотя и безмолвный, понятенъ былъ для вѣрующихъ зрителей явленнаго чуда: ибо преданіе говоритъ, что они, увидя оное, душевно

возрадовались и всѣ отъ малаго до стараго спѣшили въ храмъ для изъявленія милосердому Богу своей благодарности.

Но это все случилось за четырнадцать столѣтій прежде настоящаго времени и при такихъ обстоятельствахъ, которыя нынѣ вовсе не существуютъ: потому не напрасно ли Церковь воспоминаетъ намъ столь давнее и съ теперешними обстоятельствами не согласное происшествіе? Нѣтъ, Слушатели, не напрасно. Ибо воспоминаніе сего происшествія для насъ, равно какъ самое произшествіе для древнихъ очевидцевъ онаго, весьма назидательно. Оно утѣшаетъ насъ въ собственныхъ несчастіяхъ нашихъ. Ибо хотя мы нынѣ и не терпимъ ни отъ кого гоненія за исповѣданіе Вѣры своей, какъ то жившіе до насъ Христіане терпѣли; однако, подобно имъ, очень часто подвергаемся несчастіямъ своего рода. Такъ иной изъ насъ обременяется бѣдностью, другой страждетъ на одрѣ болѣзни или оплакиваетъ свое сиротство; тотъ потерпѣлъ большой убытокъ въ имѣніи; сей униженъ въ чинахъ, этотъ

не получилъ возмездія, соотвѣтственнаго трудамъ своимъ; у одного разстроены домашнія обстоятельства, у другаго общественная служба безуспѣшна, у третьяго все идетъ несчастливо; кто на себя, кто на людей, кто на судьбу свою жалуется, и есть ли между нами изъ тысячи человѣкъ хотя одинъ, совершенно довольный своимъ состояніемъ? Такимъ образомъ всѣ мы, подобно Христіанамъ прежняго времени, нуждаемся въ средствахъ, служащихъ къ ободренію и укрѣпленію нашего духа, огорчаемаго несчастіями. Крестъ Спасителя, если не на небѣ, то во храмѣ видимый нами, долженъ быть и для насъ естественнымъ источникомъ утѣшенія въ горестяхъ нашихъ.

И сіе-то составитъ предметъ настоящаго слова. Мы намѣрены предложить благочестію вашему нѣкоторыя Евангельскія истины, служащія успокоеніемъ и отрадою для человѣка, находящагося въ бѣдствіи; намѣрены указать на нѣкоторыя духовныя врачества противу скорби, сей жестокой и часто продожитель-

ной душевной болѣзни. Приклоните внимательный слухъ всѣ, присутствующіе во храмѣ семъ: ибо предметъ, разсматриваемый нами, до каждаго изъ насъ касается. Несчастные могутъ получить отъ него облегченіе въ томъ, что уже на самомъ дѣлѣ претерпѣваютъ; счастливые могутъ занять отъ него многія необходимыя для себя предосторожности противу тѣхъ золъ, кои впередъ могутъ съ ними случиться. Ибо извѣстно, что самый счастливый человѣкъ испытаетъ въ свою чреду какое нибудь горе, и оно будетъ для него тѣмъ жесточе, чѣмъ неожиданнѣе. Часто даже неожиданность бываетъ единственнымъ зломъ въ томъ приключеніи, которое огорчаетъ человѣка. Ахъ! сколько бѣдъ, сколько горестей перестало бы для насъ существовать, или по крайней мѣрѣ не стало бы такъ сильно дѣйствовать на наше сердце, если бы мы заблаговременно приготовляли себя къ благодушному перенесенію оныхъ!

И во первыхъ надобно знать, *Сл.*, что такое несчастіе въ собственномъ значе-

нія слова сего? Мы часто ошибочно судимъ объ этомъ предметѣ, принимая болѣзненныя ощущенія своего сердца за самое несчастіе и жестокостію первыхъ измѣряя великость послѣдняго. Сердечная болѣзнь, нами ощущаемая, можетъ иногда происходить отъ внутренняго поврежденія души нашей, а не отъ неблагопріятнаго расположенія внѣшнихъ обстоятельствъ. Иногда, напримѣръ, страдаешь безсонницею отъ того, что имѣешь въ головѣ дерзкіе замыслы или предаешься глупымъ мечтамъ; иногда бываешь недоволенъ своею судьбою отъ того, что слишкомъ многаго хочешь; иногда жалуешься на злобу людей отъ того, что ихъ не любишь, и ропщешь на промыслъ Всевышняго потому, что оному не вѣришь. Можно быть скучнымъ отъ праздности, подозрительнымъ отъ лукавства, гнѣвливымъ отъ самолюбія, унылымъ отъ зависти, отчаяннымъ отъ безумія. Во всѣхъ сихъ случаяхъ причина ощущаемой нами печали не внутри ли насъ самихъ заключается? Однако, не заглядывая сюда, мы все то обыкновенно при-

писываемъ силѣ угнѣтающихъ насъ обстоятельствъ.

«Меня обидѣли, жестоко обидѣли!» говоритъ гордецъ, раздраженный нѣкоторыми словами ближняго, быть можетъ, сказанными отъ сего послѣдняго въ шутку или по неосторожности. «О времена!» восклицаетъ корыстолюбивый, встрѣтившій нѣкоторыя препятствія къ своему обогащенію или принужденный небольшею частію имущества своего жертвовать общей пользѣ. «Гдѣ нынѣ правосудіе?» вопіетъ честолюбивый, обойденный въ чинахъ и не получившій отличія, на которое давалъ себѣ полное право. «Насъ притѣсняютъ, насъ гонятъ!» взываетъ толпа празнолюбцевъ, принужденныхъ заняться своимъ дѣломъ и не имѣющихъ времени гоняться за мірскими забавами. Всѣ сіи, и подобные имъ, люди приносятъ жалобы на свое состояніе, ходятъ съ поникшею головою, съ мрачными и блѣдными лицами и ни днемъ ни ночью не знаютъ покоя. Судя по тому, вы конечно скажете, что они несчастливы? Подлинно, несчастливы, Сл.!

только ихъ несчастіе не въ томъ заключается, въ чемъ они его полагаютъ. Оно заключается въ ихъ гордости, въ ихъ корыстолюбіи, въ ихъ любочестіи, въ ихъ наклонности къ чувственнымъ удовольствіямъ. Вотъ черви безпрестанно, точащіе внутренность сихъ несчастныхъ; вотъ змѣи, сосущія ихъ бѣдное сердце! Если сіи люди желаютъ быть благополучными, то пусть задушатъ въ себѣ этихъ змѣй, пусть истребятъ въ себѣ этихъ гадовъ, въ глубинѣ души пресмыкающихся. Безъ того никакое земное счастіе не будетъ имѣть въ глазахъ ихъ настоящей цѣны. Окруженные всѣми сокровищами свѣта, при звукѣ сладкогласныхъ лиръ, на розахъ земнаго блаженства они будутъ вздыхать и сохнуть отъ внутренняго своего поврежденія, подобно тому, какъ согрѣваемое лучами краснаго солнца, и орошаемое потокомъ чистой воды изсыхаетъ дерево, у котораго корень поврежденъ.

И такъ не должно считать себя несчастливымъ потому только, что чувствуешь отъ чего либо горесть. Чув-

ствованіе сіе, какъ видѣли мы, бываетъ обманчиво. Чтобы не впасть въ проистекающее изъ него заблужденіе, надобно вопрошать себя всякой разъ, когда становится грустно: не во мнѣ ли самомъ кроется источникъ настоящей печали? Не страсть ли какая, мною обладающая изыскиваетъ злоключеніе тамъ, гдѣ его нѣтъ совершенно? Не воображеніе ли мое, увлеченное страстію, покрываетъ все вокругъ меня черными красками и являетъ очамъ моимъ страшные призраки и грозныя привидѣнія? Если бы мы покороче знали самихъ себя и поприлежнѣе занимались разрѣшеніемъ предложенныхъ вопросовъ: то вѣрно множество огорченій, неудовольствій и заботъ, такъ сильно тревожащихъ душу, разсѣялось бы передъ нашими взорами, подобно какъ туманъ разсѣевается по восходѣ солнца. Къ сожалѣнію, самолюбіе,—этотъ тиранъ нашего сердца, всегда отклоняетъ отъ насъ столь непріятный допросъ и вину приключившейся намъ горести, вину собственную свою, слагаетъ или на при-

роду, или на людей, или даже на самаго Бога. Ахъ, Сл.! довольно и безъ того колючихъ терновъ на пути человѣческой жизни, чтобы назвать его жесткимъ и неудобопроходимымъ: а мы еще сами размножаемъ оныя, повинуясь обольстительному гласу самолюбія и дикому воплю страстей своихъ.

«Хорошо, отвѣчаете вы, мы не будемъ выдумывать себѣ несчастій, не станемъ огорчаться мечтами. Но что дѣлать въ томъ случаѣ, когда уже не вымышленное, а истинное бѣдствіе насъ поражаетъ, когда свинцовая тяжесть его обрушивается на нашу главу и давитъ къ землѣ наше бренное тѣло? Чѣмъ утѣшитъ себя стенящій на одрѣ болѣзненномъ и отъ нестерпимой жестокости испытываемыхъ имъ мученій просящій себѣ смерти, какъ послѣдняго блага? Какую отраду можетъ найти бѣднякъ, не имѣющій вѣрнаго пристанища въ мірѣ и принужденный каждый день со слезами вымаливать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба? Кто отретъ слезы отца, оплакивающаго преждевременную потерю

дѣтей своихъ, или слезы дѣтей, погребающихъ свое благополучіе вмѣстѣ съ родителями въ могилѣ? Откуда невинный страдалецъ возметъ столько силъ, столько твердости, чтобы могъ безъ ропота переносить обиды врага, который лишаетъ его чести, отъемлетъ у него послѣднее достояніе, и въ самыхъ страданіяхъ жертвы своей находитъ адскую для себя утѣху?» Ахъ, Сл.! трудные вопросы предлагаете вы проповѣднику: ибо сердце его наравнѣ съ вашимъ болѣзнуетъ о бѣдствіяхъ человѣчества; его слабые члены при одномъ представленіи злополучнаго содрогаются. И если бы надлежало въ семъ случаѣ руководствоваться однѣми истинами, кои внушаютъ ему собственный его разумъ и опытъ: то онъ съ своей стороны ничего другаго не могъ бы вамъ предложить теперь, кромѣ слезъ безплоднаго сожалѣнія. Къ счастію, тамъ, гдѣ теряется во мракѣ человѣческій разумъ, свѣтитъ Откровеніе; и гдѣ нѣмотствуетъ языкъ бреннаго существа, тамъ начинаетъ глаголать самъ Богъ.

Выслушайте, Христіане, священныя истины, предлагаемыя къ вашему утѣшенію Евангеліемъ Іисуса Христа. Богъ посылаетъ несчастія на людей или попускаетъ онымъ совершаться на землѣ, для исполненія своихъ премудрыхъ и благодѣтельныхъ намѣреній. Онѣ не суть дѣйствія враждебнаго рока, или слѣдствіе случайнаго стеченія обстоятельствъ. Такъ думать могли одни язычники, отвергавшіе Божій Промыслъ, а мы имѣемъ на небѣ Отца, пекущагося о насъ гораздо больше, нежели всѣ отцы земные о своихъ дѣтяхъ. Быть не можетъ, чтобы какое нибудь зло прикоснулося къ намъ безъ Его вѣденія, безъ Его воли, или попущенія. Богъ нашъ всевѣдущь: слѣдовательно, Онъ слышитъ каждый нашъ вздохъ, видитъ каждую слезу, пролитую нами. Богъ нашъ всемогущь: слѣдовательно, Онъ можетъ избавить насъ отъ всякихъ враговъ, исхитить изъ челюстей самой смерти. Богъ нашъ преблагъ: слѣдовательно: Онъ хощетъ, чтобъ мы наслаждались благополучіемъ въ настоящей дарованной отъ

Него жизни. Итакъ ежели, при всемъ томъ, угнѣтаетъ насъ какое либо несчастіе, то сіе значитъ, что оно, по суду Божію, признается для насъ полезнымъ и необходимымъ.

«Какая же польза отъ несчастій?» спросите вы. «Почему онѣ могутъ быть необходимы для насъ?» Увидите сами, ежели прилѣжно вникните въ это. Всѣ люди, не исключая даже тѣхъ, коихъ мы называемъ добродѣтельными, суть грѣшники. Грѣшники, по закону правосудія Божія, должны быть непремѣнно наказаны здѣсь или въ будущей жизни. Ежели здѣсь пріемлютъ они наказаніе за свои худыя дѣла, и чистосердечно въ нихъ раскаеваются, то можно надѣяться, что въ будущемъ мірѣ ожидаетъ ихъ блаженная участь. А если здѣсь, при всѣхъ преступленіяхъ, они благоденствуютъ, то должно страшиться, что за гробомъ постигнутъ ихъ злыя мученія. Теперь избирайте себѣ одно изъ двухъ: или тѣсный, тернистый путь жизни, ведущій въ царство небесное, или путь жизни пространный, усыпанный

цвѣтами, но ведущій въ адскую бездну. Кто будетъ хотя минуту колебаться при выборѣ семъ? Кто не согласится лучше испить чашу временныхъ горестей, нежели быть палиму вѣчно въ огнѣ геенскомъ? Самые святые мужи, ощущая внутренно тяжесть грѣховъ своихъ, и содрагаясь при одномъ представленіи адскихъ мукъ, грѣшникамъ уготованныхъ, молили Господа о томъ, чтобы Онъ подвергъ ихъ временнымъ бѣдствіямъ. *Искуси насъ, Господи; испытай и разжги утробу нашу* (Пс. 25, 2), говорили они.

И вотъ первая польза отъ несчастій. Они, бывъ соединены съ искреннимъ раскаяніемъ, служатъ нѣкоторою платою за грѣхи нами совершаемые, и по сему содѣйствуютъ къ полученію вѣчнаго живота. Вторая польза заключается въ томъ, что онѣ врачуютъ нравственныя болѣзни, приключающіяся намъ отъ счастія. — Счастіе есть опасный другъ для того человѣка, которому улыбается. Оно потворствуетъ его страстямъ, угождаетъ его прихотливымъ желаніямъ, покры-

даетъ самые его пороки. Сколько людей, рукою его извлеченныхъ изъ праха и поставленныхъ на высотѣ, содѣлались отъ того гордыми и надменными! Сколько нищихъ, которымъ вмѣсто прежней сумы подарило оно корабли съ золотымъ грузомъ, учинились отъ того скупыми и жестокосердыми до такой степени, что отказываютъ въ помощи роднымъ своимъ! Не счастіе ли знакомитъ людей съ праздностью? Не оно ли распространяетъ между ними вредную роскошь? Не оно ли отворяетъ имъ двери въ жилище распутства? Не оно ли наконецъ производитъ въ нихъ забвеніе о Богѣ, презрѣніе къ ближнимъ, и высокое, сатанинской кичливости исполненное, мечтаніе о самихъ себѣ? Самый благочестивый человѣкъ, кажется, едва ли бы устоялъ въ вѣрѣ и добродѣтели, если бы счастіе постоянно осыпало его своими дарами. Потому-то знающіе глубоко поврежденность своей природы молятъ Господа о томъ, чтобы Онъ не давалъ имъ продолжительнаго счастія, считая сіе опаснымъ для себя искушеніемъ. Без-

прерывное счастіе, подобно палящему зною солнца, повреждающему воздухъ, развращаетъ душу, самую невинную: и громы злополучія, отъ времени до времени ударяющіе въ человѣка, становятся необходимы для очищенія его сердца и для возвращенія ему прежней непорочности. Кто испыталъ на себѣ удары сіи, тотъ знаетъ, что это совершенная истина. Несчастіе вразумляетъ людей и обуздываетъ ихъ буйныя страсти. Горделивый подъ гнетомъ бѣдствія познаетъ, что онъ не выше другихъ людей и подобно имъ созданъ изъ персти; жестокосердый, имѣя самъ нужду въ состраданіи ближнихъ, начинаетъ уже сожалѣть о томъ, что прежде къ судьбѣ ихъ былъ такъ равнодушенъ; сластолюбецъ, разстроившій свое здоровье и преслѣдуемый общимъ презрѣніемъ, проклинаетъ свою прежнюю невоздержность и слѣды оной обѣщается загладить цѣломудреннымъ житіемъ; безбожникъ, дознавая опытомъ отяготѣвшую на себѣ руку Господню, невольно сознается въ своихъ заблужденіяхъ,—и выю гордаго ума своего прекло-

няетъ подъ иго вѣры. Короче сказать, всякой побывавшій въ училищѣ бѣдствій выходитъ изъ него гораздо умнѣе и благонравнѣе, нежели каковъ былъ дотолѣ. Бывали даже примѣры, что человѣкъ съ высоты земнаго могущества низверженный въ рабское состояніе и изъ пышныхъ чертоговъ столицы переселенный въ шалашъ какой нибудь дикой пустыни, благодарилъ небо за столь неблагопріятную, по видимому, перемѣну судьбы своей и въ восторгѣ души, возносящейся выше всего земнаго, вопіялъ къ Богу словами Давида: *благо мнѣ, яко смирилъ мя еси* (Пс. 118, 71).

Но сверхъ означенныхъ доселѣ двухъ пользъ, отъ несчастія проистекающихъ, есть еще третья, не менѣе оныхъ важная. Несчастія, постигающія человѣка, даютъ ему чувствовать, что земля, на которой онъ живетъ, есть мѣсто временнаго странствованія его, и что отселѣ онъ долженъ устремлять скорыя стопы въ горнее свое отечество—Небо. Извѣстно вамъ, Сл., сколь сильную привязанность имѣетъ человѣкъ къ родив-

шей и питающей его землѣ самъ по себѣ, и сколь много причинъ внѣ его усиливающихъ еще болѣе сiю привязанность. Сокровища природы, красоты искуственныхъ произведенiй, прiятныя развлеченiя общественной жизни, все сiе отмѣнно лаская чувствамъ, приковываетъ къ себѣ его душу, и онъ въ скоромъ времени становится невольникомъ плѣнявшихъ его предметовъ, даже гордится своими оковами, лобызаетъ оныя. Уже и на память не приходитъ ему: кто онъ? откуда пришелъ, и въ какую отселѣ страну идти ему надобно? Земная юдоль есть поприще, предѣлами котораго ограничиваются всѣ его надежды. Здѣсь онъ воздвигаетъ себѣ изъ бренiя великолѣпный чертогъ, собираетъ въ него тлѣнныя богатства, домогается суетной славы, гоняется за минутными удовольствiями; сынъ Неба, наслѣдникъ вѣчнаго Царствiя, онъ засыпаетъ на своихъ прiобрѣтенiяхъ въ чуждой странѣ и не думаетъ болѣе о своемъ горнемъ отечествѣ. Въ сiе-то время нравственнаго усыпленiя его, Богъ, свыше наблю-

дающій каждый шагъ, каждое положеніе хранимаго имъ человѣка, повелѣваетъ вѣстнику гнѣва своего грянуть надъ его головою: пробужденный отъ громоваго удара, гость земли открываетъ глаза и видитъ вокругъ себя страшную во всемъ перемѣну. Великолѣпный домъ его рушился отъ огня, имущество его расхищено, слава его помрачена клеветою, друзья измѣнили ему, любезные сердцу его отошли отъ сего міра... При столь плачевномъ зрѣлищѣ соединившихся золъ, сердце его сначала подавляется горестію: но потомъ мало по малу волненіе чувствъ его утихаетъ, въ глазахъ его становится ясно, жизнь настоящая и жизнь будущая представляются ему въ истинномъ своемъ видѣ. «Нѣтъ, говоритъ онъ тогда самъ себѣ, не здѣсь, въ странѣ скорбей и лишеній, въ юдоли плача и слезъ, отечество мое. Нѣтъ, я здѣсь пришлецъ, живущій на время,—странникъ, которому суждено только пройти сію землю. Сколько чувства мои, прельщенныя ею, ни убѣждали меня постоянно заниматься земнымъ и не думать

больше о будущемъ мірѣ: но я теперь ясно вижу обманъ ихъ и гибельный противъ меня замыслъ. Духъ мой, воспрянувшій отъ сна, разрываетъ на себѣ грѣховныя оковы, доселѣ связывавшія его съ землею, и окриленный благодатію, какъ орелъ, паритъ къ Небу. Тамъ моя истинная отчизна, къ которой я долженъ всегда стремиться духомъ изъ сей земли моего странствованія.»

Такимъ образомъ, усматривая многоразличную великую пользу, происходящую отъ несчастій, мы не имѣемъ ни малѣйшаго предлога обвинять Провидѣніе въ томъ, что Оно ихъ на насъ посылаетъ. Нѣтъ, если бы даже никакой пользы не было для насъ отъ несчастій, и тогда мы были бъ обязаны терпѣть оныя по одному званію Христіанъ, учениковъ и послѣдователей Іисуса Христа. Господь, изъ любви къ намъ, терпѣлъ отъ яслей до гроба, и терпѣлъ столько, сколько могло стерпѣть человѣчество подкрѣпляемое Божествомъ; посему не надлежитъ ли, изъ любви къ Нему, и намъ потерпѣть во время жизни

своей, чтобы содѣлаться участниками въ страданіяхъ Его, понести хотя малую тяжесть Его креста и приложить Его глубокія раны къ своему сердцу? Истинная любовь соревновательна: за жертвы платитъ она жертвами, за кровь не жалѣетъ своей собственной крови. И потому, если мы уклоняемся отъ участвованія въ бѣдахъ, понесенныхъ за насъ Спасителемъ, то значитъ, что ни-сколько Его не любимъ. Не таковы были Апостолы, мученики, исповѣдники и всѣ святые. Исполненные пламенной любви къ Іисусу Христу, они горѣли желаніемъ пострадать за имя Его и радовались, когда за сіе подвергали ихъ жестокимъ пыткамъ и смерти. Нѣкоторые изъ нихъ даже сѣтовали, не имѣя случая засвидѣтельствовать любви своей къ Господу кровію. Другіе завидовали участи знаменитыхъ страдальцевъ и все свое блаженство полагали въ терпѣніи. Такъ Іоаннъ Златоустый въ одной своей бесѣдѣ къ народу, сказалъ: «еслибы кто далъ мнѣ на выборъ цѣлое небо и Павловы узы, то я предпочелъ бы сіи

послѣдніе первому.» И въ другомъ мѣстѣ: «пускай ничѣмъ не будутъ награждены страданія мои; уже и то для меня великая награда и совершенное возмездіе, что я страдаю за имя Христа, моего Бога.»

Но, милосердый нашъ Господи! Мы знаемъ, что терпѣніе есть неизбѣжный удѣлъ Христіанина, знаемъ, что огнь бѣдствій очищаетъ душу его, какъ злато въ горнилѣ, что страданіями свидѣтельствуется его вѣра на землѣ и пріобрѣтается ему на небѣ вѣнецъ побѣдный. Все это знаемъ мы, Господи, и однакожъ, когда несчастіе, даже не самое тяжкое, постигнетъ рабовъ твоихъ, мы не находимъ въ себѣ столько силъ и мужества, чтобъ перенести оное благодушно. При первомъ ударѣ злоключенія весь бренный составъ нашъ содрагается, кровь леденѣетъ въ сосудахъ своихъ и душа наша, какъ бы объятая внезапнымъ огнемъ, мятется въ храминѣ тѣла. Мы покушаемся бороться съ несчастіемъ своимъ, но тяжесть онаго насъ подавляетъ; мы силимся заглушить въ

себѣ чувство снѣдающей горести, но отъ ихъ самыхъ усилій раны сердца нашего растворяются еще больше, и хладъ отчаянія разливается по всему нашему существу. Нѣтъ, Господи, мы не можемъ устоять противъ ударовъ, низвергаемыхъ на насъ благодѣтельнымъ гнѣвомъ Твоимъ. И если тебѣ угодно, чтобъ мы умудрялися ими во свое спасеніе, то пріиди самъ на помощь къ напаствуемымъ, поддержи своею десницею малодушныхъ, воздвигни немогущихъ возстать отъ паденія: безъ Тебя всѣ мы, какъ олово, погрязнемъ въ волнахъ житейскаго моря.

Такъ, Сл!, безъ помощи Божіей не можетъ вытерпѣть самыхъ малыхъ золъ немощная наша природа. Но сіе, вмѣсто того, чтобы огорчать, должно радовать насъ несказанно: ибо, по словамъ самаго Господа, *сила* Его *въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Тамъ, гдѣ изнемогаютъ напряженнѣйшія усилія природы, начинаетъ, по зову молитвы, дѣйствовать Его всемогущая благодать. Или вы думаете, что Онъ забываетъ

человѣка, воздыхающаго подъ бременемъ золъ? Нѣтъ; скорѣе забудетъ жена отроча свое, или матерь изчадіе чрева своего, нежели я забуду васъ, говоритъ Господь (Ис. 49, 15). И въ Евангеліи: *не пять ли птицъ продаются за два ассарія? и ни одна изъ нихъ не забыта у Бога. А у васъ и волосы на головѣ всѣ сочтены. И такъ не бойтесь: вы дороже множества птицъ* (Лук. 12, 6. 9).

Сими словами Божественнаго Покровителя нашего ободримся, Христіане, въ бѣдахъ, которыя насъ постигаютъ на землѣ. Не будемъ предаваться унынію, тѣмъ болѣе отчаянію, подобно язычникамъ, упованія неимущимъ. Іовъ былъ несравненно несчастнѣе каждаго изъ насъ, однако охотно покорялся волѣ Всевышняго, и не только не роптал̃ъ на свое положеніе, но даже благословлялъ Бога въ своихъ страданіяхъ, говоря: *яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно* (Іов. 1, 21)! Давидъ почти всю жизнь свою терпѣлъ гоненія отъ враговъ; однако, увѣ-

ренный въ помощи Божіей, ни кого изъ нихъ не страшился, но среди самыхъ очевидныхъ враговъ восклицалъ: *Господь Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, отъ кого устрашуся* (Пс. 26, 1)? Будемъ подражать примѣру сихъ многострадальныхъ мужей и помнить всегда, а особливо во время несчастій, сіе утѣшительное обѣщаніе Господа нашего: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь.*

XVII.

КАКЪ ДОЛЖНО ХРИСТІАНИНУ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ БЛАГАМИ ЗЕМНЫМИ?

Всѣ предметы, насъ окружающіе, суть блага сами въ себѣ; ибо они суть дѣло рукъ Божіихъ,—*а всякое созданіе Божіе добро* (1 Тим. 4, 4). Слѣдовательно, ни мало не предосудительно желать оныхъ и пользоваться ими, только бы сіе желаніе не было пустою прихотью, а употребленіе—злоупотребленіемъ. И на сіе-то Христіанину должно чаще обращать свое вниманіе.

I. Изъ земныхъ предметовъ, одни въ теченіе сей временной жизни для насъ необходимы, какъ-то: пища и одежда; другіе полезны, напр. художества и различныя удобства жизни, ими доставляемыя; нѣкоторые же служатъ только для нашего удовольствія, таковы суть: музыкая и благоуханія. Но Блаженный

Августинъ, на основаніи Св. Писанія, предлагаетъ правило умѣренности, которымъ должно руководствоваться при употребленіи всѣхъ сихъ различнаго рода вещей, и которое заключаетъ въ себѣ сущность всего того, что мы можемъ съ своей стороны сказать еще о семъ предметѣ. «Человѣкъ умѣренный, говоритъ онъ, въ употребленіи вещей тлѣнныхъ и преходящихъ слѣдуетъ тому великому правилу, основанному на писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, которое запрещаетъ любить что-либо земное и желать земныхъ благъ для нихъ самихъ, но повелѣваетъ употреблять оныя только для удовлетворенія потребностямъ жизни и для выполненія своихъ обязанностей, всегда пользуясь ими съ умѣренностію и никогда не привязываясь къ нимъ до пристрастія.» (*)

II. Итакъ ничего сотвореннаго не должно любить и желать для него самаго: вотъ, по ученію Блаженнаго Августина, или, лучше сказать, по ученію самаго Св. Писанія, законъ непремѣнный,

(*) De mor. Eccl, Cath. cap. 21.

правило всеобщее, не допускающее ни какого исключенія! Земныя вещи сотворены на службу человѣку; но онѣ не составляютъ нетлѣннаго блага и конечной цѣли человѣка. Онѣ существуютъ для него, а онъ—не для нихъ. Итакъ земныхъ вещей должно желать только по отношенію къ той цѣли, для которой Творецъ позволилъ человѣку пользоваться оными; напримѣръ: желать пищи должно для сохраненія своей жизни и своего здоровья; одежды — для прикрытія своей наготы и для защищенія себя отъ вреднаго вліянія воздуха; денегъ— для доставленія себѣ необходимаго въ жизни. Кто желаетъ подобныхъ вещей для другой цѣли,–дабы наслаждаться ими, какъ благомъ своимъ: тотъ превращаетъ порядокъ, Богомъ установленный, почитаетъ тварь вмѣсто Творца и дѣлаетъ себя самаго несчастнымъ чрезъ сію любовь—безразсудную и беззаконную.

III. Повелѣніе и учрежденіе Божественное, полагающее границы нашимъ желаніямъ въ разсужденіи земныхъ благъ, опредѣляетъ и то употребленіе, кото-

рое мы изъ нихъ должны дѣлать. Они для насъ, какъ мы уже сказали, однако же не наши. Они принадлежатъ Богу, который сохраняетъ надъ ними право неотъемлемой собственности. Итакъ намъ позволено пользоваться ими только согласно съ Его волею и сообразно той цѣли, какую Онъ имѣлъ при сотвореніи оныхъ.

Но намѣреніе Божіе, съ которымъ Онъ произвелъ все въ мірѣ для службы человѣку, состояло *во первыхъ* въ томъ, чтобы человѣкъ пользовался земными благами съ мудрою умѣренностію, которая никогда не должна выступать за предѣлы дѣйствительной необходимости. Такъ пользовался бы оными благами человѣкъ невинный: не паче ли долженъ соблюдать сіе правило грѣшный человѣкъ? Въ слѣдствіе грѣха человѣкъ лишился, по опредѣленію правосудія Божія, той власти надъ сотвореннымъ, какую имѣлъ Адамъ въ состояніи невинности. Іисусъ Христосъ, удовлетворивъ за насъ сему правосудію, возвратилъ намъ право свободно пользоваться тварями; но

Онъ повелѣлъ пользоваться оными столько, сколько требуетъ того необходимоть, а не прихоть. Прихотливое употребленіе оныхъ есть употребленіе беззаконное, и нѣкоторое возмущеніе противу правосудія Божія.

Во вторыхъ намѣреніе Божіе состояло въ томъ, чтобы земныя блага, которыя человѣкъ употребляетъ въ свою пользу, служили степенями для его возвышенія къ Творцу, напоминали ему о благости Божіей, являемой человѣку въ дарованіи сихъ благъ, и такимъ образомъ возбуждали въ немъ любовь и благодарность къ Отцу небесному.

Вотъ правило, отъ исполненія коего никто и никогда не долженъ уклоняться! Употреблять твореніе Божіе только для удовлетворенія своей прихоти, только для своего суетнаго удовольствія, значитъ употреблять во зло дары Провидѣнія. Ограничивать всѣ свои помышленія только земными благами, не возносясь превыше ихъ, не прилѣпляясь любовію и благодарностію къ Тому, отъ Кого нисходятъ оныя, значитъ,

пренебрегать существенною своею обязанностію, исполненія коей Богъ требуетъ отъ всѣхъ безъ исключенія.

IV. Сими первоначальными правилами можно бы и ограничиться; однакожъ неизлишне указать вмѣстѣ съ симъ и на нѣкоторыя слѣдствія, кои должно имѣть въ виду для вѣрнѣйшаго приложенія оныхъ началъ къ дѣятельности.

Первое слѣдствіе. Не должно почитать несчастіемъ потерю земныхъ благъ, даже такихъ, которыя казались бы намъ самыми необходимыми. Одного только несчастія должно страшиться,—потери единаго истиннаго блага — Бога. Ничто для насъ не можетъ быть такъ необходимо, какъ Онъ. Хотя есть и другіе предметы, кои называются также необходимыми; но они заслуживаютъ сіе наименованіе потому только, что Богъ повелѣваетъ намъ хранить оныя. Должно, на примѣръ, сохранять жизнь и здравіе, но потому, что Богъ повелѣваетъ это и хощетъ сего. И сіе-то Его хотѣніе дѣлаетъ необходимымъ храненіе жизни и здравія. Равнымъ образомъ,

когда Богъ объявляетъ намъ иное свое хотѣніе, когда Онъ вразумляетъ насъ событіями, что намѣренъ посѣтить насъ лишеніемъ нѣкоторыхъ благъ, то сколь бы ни чувствительно, сколь бы ни прискорбно было сіе лишеніе, мы должны однако же принять оное съ покорностію волѣ Провидѣнія. Мы должны, по мѣрѣ того, какъ преходящія блага оставляютъ насъ, болѣе прилѣпляться къ благу вѣчному и не измѣнному, и мужественнымъ перенесеніемъ всѣхъ испытаній заслужить, чтобы зло, претерпѣваемое въ сей жизни, сдѣлалось для насъ началомъ радости и блаженства вѣчнаго. Человѣкъ, для коего Богъ составляетъ все, всегда благоденствуетъ; ибо Господь съ нимъ. *Азъ навыкохъ*, говоритъ Апостолъ, *въ нихъ же есмь, доволенъ быти. Вѣмъ и смиритися, вѣмъ и избыточествовати: во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися и алкати и избыточествовати и лишатися: вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. 4, 11—13).

V. *Второе слѣдствіе.* Мы должны

быть сердечно готовы на всякое произвольное лишеніе какого бы то ни было блага, даже самаго драгоцѣннѣйшаго для насъ на землѣ, — дабы чрезъ то засвидѣтельствовать предъ Богомъ свое повиновеніе и совершенную Ему преданность. Бываютъ случаи, когда Богъ требуетъ у насъ такого пожертвованія; подобно какъ Онъ повелѣвалъ Аврааму заклать единственнаго сына, или какъ Іисусъ Христосъ заповѣдывалъ богатому юношѣ, чтобы онъ раздалъ все имѣніе свое и сдѣлался ученикомъ Его. Когда остается на выборъ: или потерять все земное достояніе, или преслушать заповѣдь Божію; когда не видимъ никакого средства остаться вѣрными Богу и сохранить свои временныя блага: тогда нѣтъ болѣе мѣста для размышленія. Тогда всѣмъ, чѣмъ только владѣемъ, и что любимъ на землѣ, что весьма близко къ нашему сердцу и какъ бы составляетъ часть насъ самихъ, словомъ,—тогда мы всѣмъ не исключая даже самой жизни, должны жертвовать волѣ Отца Небеснаго изъ одной любви къ Нему; все дол-

жно почитать тогда прахомъ и уметами въ сравненіи съ блаженствомъ—послѣдовать Іисусу Христу и распяться вмѣстѣ съ Нимъ.

VI. *Третіе слѣдствіе.* Позволительно желать и пещись о снисканіи такихъ вещей, которыя необходимы для сохраненія жизни и здравія тѣлеснаго, напр. о пищѣ и одеждѣ. Но сіе желаніе, и тѣ заботы, съ коими сопряжено бываетъ пріобрѣтеніе сихъ вещей, не должны доходить до душевнаго объ нихъ безпокойства. *Не пецытеся,* говоритъ Спаситель, *глаголюще: что ямы, или что піемъ, или чимъ одеждемся? Всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ* (Мат. 6, 31. 32). Безпокойство, свойственное, по словамъ самой Истины, только язычникамъ и недостойное Христіанина, предосудительно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно происходитъ отъ недостатка увѣренности въ промыслѣ Божіемъ; и отъ сего-то наипаче недостатка Іисусъ Христосъ хотѣлъ предостеречь учениковъ Своихъ, когда сказалъ имъ вышеприведенныя нами слова. Во вторыхъ, оно

препятствуетъ намъ обращать должное вниманіе на предметъ единственно необходимый—на дѣло нашего спасенія. Съ сей-то наипаче стороны должно смотрѣть на настоящій предметъ. Заботы о тѣлѣ, занимая болѣе или менѣе духъ нашъ, въ той же мѣрѣ уменьшаютъ попеченіе о душѣ. *Не можете*, говоритъ Спаситель, *Богу работати и мамонѣ* (Мат. 6, 24); а отсюда выводитъ такое слѣдствіе: *не пецытеся душею вашею, что ясте или что піете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеся.* Заботливыя и безпокойныя попеченія о сотворенномъ не могутъ быть совмѣщены съ тѣмъ служеніемъ, коимъ мы обязаны Творцу. Кто сильно безпокоится объ удовлетвореніи нуждамъ тѣлеснымъ, пренебрегая служеніемъ Богу и попеченіемъ о душѣ своей, тотъ болѣе дорожитъ благами временными, нежели вѣчными, тотъ предпочитаетъ тѣло душѣ, тварь Богу. Такимъ образомъ онъ совершенно превращаетъ порядокъ. Для возстановленія онаго человѣкъ долженъ искать *прежде всего* и предпочтительно предъ всѣмъ *царствія*

Божія и правды, которая владычествовала бы въ немъ и надъ нимъ.

VII. *Четвертое слѣдствіе.* Пользуясь земными благами, человѣкъ можетъ, какъ бы мимоходомъ, вкушать и то удовольствіе, которое каждое изъ нихъ способно доставлять ему; однакожъ никогда не долженъ искать сего удовольствія для него самаго, или прилѣпляться къ нему сердцемъ. На примѣръ: пища и питіе суть средства, къ коимъ мы прибѣгаемъ по необходимости для утоленія двухъ болѣзненныхъ ощущеній: голода и жажды. Богу угодно было соединить съ употребленіемъ сихъ средствъ чувство удовольствія. Въ семъ случаѣ видна великая мудрость Провидѣнія и его благость къ своимъ тварямъ; поелику Оно даетъ каждому животному такую пищу, какая ему свойственна, приспособляя оную къ его органамъ, такъ что каждое животное безъ всякаго насилія и вреда себѣ употребляетъ свою пищу, когда почувствуетъ потребность въ оной. Какъ бы могли мы жить, если бы то, чѣмъ питаемся, было для насъ

столь же безвкусно, какъ пепелъ, дерево, сѣно? Какое бы тогда наказаніе должны мы были переносить всякой разъ, какъ голодъ заставилъ бы насъ принять пищу! Что же сказать, если бы наша пища имѣла столь же непріятный и противный вкусъ, какъ лекарства, употребляемыя по необходимости въ болѣзняхъ? И такъ то удовольствіе, которое мы чувствуемъ, принимая пищу или питье, для насъ необходимо. Впрочемъ не для сего удовольствія намъ должно пить и ѣсть; а единственно для подкрѣпленія силъ тѣлесныхъ, подобно тому, какъ принимаемъ лекарство для возстановленія здравія. Чувство удовольствія, сопряженное съ утоленіемъ голода, не есть зло; ибо происходитъ отъ воли Творца: но привязываться къ нему, предаваться ему, и, забывая существенную потребность человѣка—спасеніе души, думать только объ удовлетвореніи плоти, есть зло. Тоже должно сказать объ услажденіи зрѣнія, обонянія, осязанія, и о томъ удовольствіи, какое доставляется занятіемъ въ наукахъ, и проч.

VIII. *Пятое слѣдствіе.* Превращать творенія Божіи въ орудія роскоши, высокомѣрія, суетности, значитъ злоупотреблять дарами Его. Припомнимъ то прекрасное мѣсто въ Посланіи къ Римлянамъ, гдѣ Апостолъ, приписывая чувство тварямъ и неодушевленнымъ, представляетъ оныя покоренными, противу ихъ воли и вопреки ихъ первоначальному назначенію, суетѣ и страстямъ человѣка грѣшнаго. Онѣ воздыхаютъ о семъ порабощеніи и утѣшаются только тою надеждою, что нѣкогда по совершеніи всеобщаго возстановленія, будутъ участвовать, поколику то имъ возможно, въ свободѣ чадъ Божіихъ (Рим. 8, 19 и слѣд.). — Какъ уменьшились бы издержки, которыя теперь расточаются на драгоцѣнныя одежды, на домашнія богатыя украшенія, на великолѣпныя жилища и экипажи; если бъ люди, слѣдуя правилу умѣренности, употребляли свое имущество не на роскошь, а на истинно-полезное, и пеклись о благопристойности благоразумной и Христіанской! Пусть изгонятъ изъ общества человѣ-

ческаго безумную страсть отличаться, блистать, обращать на себя взоры и возбуждать удивленіе другихъ: и тогда каждый ограничится тѣмъ необходимымъ приличіемъ, которое сохраняетъ похвальную средину между излишнею бережливостію гнуснаго сребролюбія, и глупою расточительностію суетности.

IX. *Шестое слѣдствіе.* Наконецъ важнѣйшая обязанность Христіанина состоитъ въ томъ, чтобы онъ пріучилъ себя имѣть какъ можно менѣе нужды въ земныхъ благахъ. Вся жизнь его, по выраженію Богомудрыхъ учителей Церкви, есть непрестанное покаяніе: и одинъ изъ подвиговъ сего покаянія для тѣхъ, кои понимаютъ духъ онаго, состоитъ въ умерщвленіи своихъ страстей посредствомъ произвольнаго лишенія удовольствій и выгодъ житейскихъ. Въ семъ случаѣ такіе люди имѣютъ въ виду: во первыхъ, загладить тѣ злоупотребленія, какія они прежде сдѣлали изъ даровъ Божіихъ; во вторыхъ, предохранить себя отъ новыхъ злоупотребленій. Ибо произвольная нищета не только полезна для

заглажденія прежнихъ погрѣшностей, но сверхъ того еще лучшимъ образомъ укрѣпляетъ душу противу грѣховныхъ пожеланій. Грѣхъ, обитающій въ насъ, склоняетъ человѣка любить земное, прилѣпляться къ нему, утѣшаться имъ, какъ истиннымъ своимъ благомъ; а употребленіе, которое мы изъ благъ земныхъ дѣлаемъ, хотя бы оно было законно и правильно, каково и должно быть, всегда однакоже опасно, поелику можетъ возбудить и усилить въ насъ похотѣнія. Лучшее средство оградить себя отъ сей опасности состоитъ въ томъ, чтобъ пользоваться земными вещами съ особенною осторожностію; пріучать себя чрезъ всю жизнь къ лишенію различныхъ выгодъ житейскихъ, и добровольно разставаться съ тѣмъ, что смерть, рано или поздно, противъ воли нашей отниметъ у насъ. Житейскія нужды наши суть узы, привязывающія насъ къ землѣ. По своей прихоти желая большихъ удобствъ въ жизни, мы чрезъ то умножаемъ наши нужды, а нужды умножаютъ нашу зависимость отъ земнаго, на-

шу привязанность къ нему, наши слабости. Отъ сего душа наша непрестанно болѣе и болѣе погружается въ чувственность, грубѣетъ и, такъ сказать, оземленяется. Придетъ смерть, и найдетъ ее ожесточенною, безчувственною и почти вовсе неспособною не только любить Бога и стремиться къ Нему, но даже мыслить о Немъ и желать съ Нимъ соединенія. Посему такая душа не къ небу воспаритъ, а развѣ ниспадетъ въ преисподнюю. *О смерте*, говоритъ Премудрый, *коль горька твоя есть память, человѣку, во имѣніихъ своихъ мирно живущу* (Сир. 51, 1)! И такъ какая участь ожидаетъ душу, которая постоянно наслаждалась земными благами въ сей жизни, не желавши въ теченіе оной благъ будущихъ, небесныхъ, вѣчныхъ?

X. *Седьмое слѣдствіе.* Если правило, повелѣвающее сколько можно менѣе пользоваться благами земными, имѣетъ мѣсто даже въ отношеніи къ вещамъ необходимымъ: то тѣмъ болѣе имъ должно руководствоваться въ употребленіи ве-

щей, служащихъ только къ удовольствію души или тѣла, и не имѣющихъ другой цѣли, кромѣ удовлетворенія любопытству или чувственности. И такъ, если бы зрѣлища, мірскія связи, удовольствія стола, произведенія живописи, концерты и вообще все, что клонится только къ обольщенію чувствъ,—если бы все сіе, говорю, и не заключало въ себѣ ничего опаснаго для нравовъ; однако для Христіанина довольно только знать, къ чему обязуетъ его законъ покаянія, чтобъ по сей одной причинѣ отказывать себѣ во всемъ, что служитъ только къ увеселенію и развлеченію, а не доставляетъ истинной и прочной пользы.

XVIII.

ПРОПОВѢДЬ ДИТЯТИ.

Назадъ тому лѣтъ тридцать жилъ въ С. . . . одинъ дворянинъ, до того погрязшій въ нравственномъ невѣжествѣ, что въ его душѣ изрѣдка мелькала мысль о Богѣ, смерти и вѣчности. Онъ не имѣлъ обыкновенія молиться Богу ни дома, ни въ храмѣ. У него было двѣ дочери, одна девяти, другая семи лѣтъ. Онъ намѣревался ихъ воспитать безъ наставленія въ Законѣ Божіемъ, и особенно хотѣлъ внушить имъ отвращеніе къ молитвѣ, которую почиталъ занятіемъ совершенно безполезнымъ. Супруга его, воспитанная въ страхѣ Божіемъ, втайнѣ плакала о семъ, и пользуясь частыми отлучками отца, толковала дѣтямъ о любви Божіей къ человѣку, о заслугахъ Іисуса Христа, и старалась укоренить въ ихъ нѣжныхъ сердцахъ любовь къ

Искупителю. Господь благословилъ успѣхомъ попеченія доброй матери, такъ что всякой, кому извѣстенъ былъ образъ мыслей отца, удивлялся благочестію дочерей. Хотя отецъ всѣми мѣрами старался исторгнуть изъ нихъ сѣмена, посѣянныя Христіанскою нѣжностію матери, но, къ величайшему своему неудовольствію, замѣтилъ, что усилія его безуспѣшны. Наконецъ онъ рѣшился до времени успокоиться, надѣясь, что когда дочери его подростутъ, то не трудно будетъ внушить имъ понятія, какъ онъ думалъ, болѣе чистыя и сообразныя съ разумомъ.

Однажды онъ, съ обѣими дочерьми, цѣлый день провелъ у своего родственника, жившаго въ сосѣдствѣ. Когда они возвращались домой — это было довольно поздно, въ темную ночь — сломалась ось у кареты. Обѣ дочери остались невредимы, а отецъ сломилъ себѣ правую руку и получилъ сильный ударъ въ голову. Отъ боли и испуга онъ воскликнулъ: «Господи, помилуй!» Семилѣтняя дочь, услыша сіе восклицаніе, со слезами сказала:

«Вотъ, папенька, ты теперь призываешь на помощь Господа, котораго однако не любишь! Онъ точно поможетъ тебѣ! Ахъ, какъ я люблю Его!»—Отецъ ничего не отвѣчалъ, но дочернее обличеніе сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ его душѣ. По возвращеніи домой, онъ немедленно послалъ за лекаремъ. Лекарь, осмотрѣвъ раны, пожалъ плечами и далъ больному понять, что жизнь его въ опасности. Операція надъ переломленною рукою кончена благополучно, но поврежденія на головѣ затрудняли лекаря, и мучили больнаго. Въ продолженіе болѣзни отецъ смотрѣлъ на свою младшую дочь съ особенною нѣжностью, и плакалъ, видя ласки ея. Однажды онъ спросилъ ее: дитя мое, такъ ты любишь Господа Іисуса?

Дочь. Да, папенька, люблю.

Отецъ. А за что?

Дочь. За то, что Онъ самъ любитъ людей и особенно дѣтей.

Отецъ. Какъ ты это узнала?

Дочь. Одна женщина, которая часто ходитъ къ маменькѣ, когда тебя не бываетъ дома, разсказывала намъ много

о Іисусѣ Христѣ, и читала объ Немъ изъ какой-то книги.

Отецъ. Такъ, вѣрно, она говорила тебѣ, что ты должна молиться Ему?

Дочь. Какъ же, она говорила и объ этомъ.

Отецъ. Молишься ли ты Ему?

Дочь. Всегда молюсь, папенька.

Отецъ. О чемъ же ты молишься?

Дочь. О томъ, чтобы Онъ былъ милостивъ ко мнѣ, къ тебѣ, къ маменькѣ, къ сестрицѣ и ко всѣмъ людямъ, и чтобы всѣхъ насъ сдѣлалъ добрыми.

Отецъ поцѣловалъ дочь, и велѣлъ ей идти къ сестрѣ. Вотъ, думалъ онъ теперь, ты никогда не молился за свою дочь; ты даже смѣялся надъ молитвою; а дочь молится за своего отца! Неужели дочь должна быть проповѣдницею покаянія—отцу! Но, да будетъ Твоя воля, Отецъ небесный! Ахъ, я до сего времени шелъ путемъ нечестія. Но, милосердый Боже, прости меня и обрати на путь истинный!

Такъ какъ лекарь не скрывалъ опасности, въ какой находился больной, то

сей вскорѣ почувствовалъ мучительную тоску при мысли о смерти и судѣ. Прежде онъ говорилъ: «смерти боится только трусъ; суда боится только нечистая совѣсть. Мужчина долженъ быть мужественъ; честный человѣкъ смѣло можетъ предстать предъ лице Бога.» Не такъ онъ разсуждалъ теперь. Хотя онъ не говорилъ о семъ ни слова, но взоры и тѣлодвиженія обнаруживали внутреннюю скорбь, томившую его сердце. Нѣжная супруга, почти не отходившая отъ его постели, и замѣчавшая малѣйшее его движеніе, догадывалась, что происходитъ въ его душѣ, но не осмѣливалась спросить его о томъ. Она только втайнѣ молилась о немъ Богу. Дѣти часто навѣщали больнаго отца и развеселяли его своими дѣтскими разсказами. Однажды, поутру, семилѣтняя дочь прибѣжала къ отцу. «Папенька,» сказала она, «я видѣла тебя во снѣ.»—Разскажи мнѣ сонъ свой, дитя мое.—«Изволь, папенька. Мнѣ снилось, что ты пошелъ со мной гулять по большой садовой аллеѣ. Вдругъ, почти на концѣ аллеи, ты упалъ и совсѣмъ

умеръ. Я кричала прегромко, но никто не слыхалъ, потому что въ саду не было ни одного человѣка. Я закричала еще громче: Ахъ, Господи, Іисусе Христе, помоги моему папенькѣ! Вдругъ я увидѣла прекраснаго мужчину; его лице и одежды сіяли удивительно какъ свѣтло, гораздо свѣтлѣе, чѣмъ твои золотые кармапные часы. Онъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ и сказалъ: дитя мое, не плачь! Я помогу твоему отцу. Возми ты его за руку, онъ встанетъ. Я взяла тебя за руку, и въ тужъ минуту ты открылъ свои глаза, и всталъ. О папенька, ты не повѣришь, какъ я тогда обрадовалась! Ты выздоровѣешь, не даромъ я видѣла такой прекрасный сонъ: Господь Іисусъ любитъ тебя.»

Отецъ плакалъ отъ радости, слушая простосердечный разсказъ дитяти. «Да будетъ на тебѣ Божіе благословеніе, милое дитя,» сказалъ онъ, прижимая дочь къ своему сердцу. «Если Богъ возвратитъ мнѣ здоровье, то сдѣлаетъ это изъ любви къ тебѣ.» Сновидѣніе дитяти сильно занимало его. Въ немъ онъ находилъ

много поучительнаго и обличительнаго для себя. Спустя нѣсколько дней, онъ велѣлъ позвать сельскаго Священника, котораго прежде никогда не приглашалъ къ себѣ. «Батюшка,» сказалъ онъ ему, «мнѣ нужно побесѣдовать съ вами. Я болѣнъ, какъ вы видите, а лекарь увѣряетъ, что и опасно болѣнъ. Да и самъ чувствую въ своемъ тѣлѣ такое разстройство, что не могу надѣяться прожить долго. Но замѣчаю, что въ моемъ духѣ происходитъ перемѣна. Прежде, когда былъ здоровъ, я смѣялся надъ смертію и вѣчностію; но теперь начинаю понимать, что такое смерть. Прежде я никогда не молился; теперь, всею душею желалъ бы помолиться: но какую пользу принесетъ мнѣ теперешняя молитва? Не сочтетъ ли ее Богъ насмѣшкою? ибо я прежде считалъ ее безполезною, занятіемъ слабодушныхъ. Помолитесь вы за меня, батюшка, Богъ услышитъ вашу благочестивую молитву.»—Смущенный и вмѣстѣ ободренный словами больнаго, Священникъ отвѣчалъ: «Милостивый государь! сколь бы грѣхи наши ни были много-

численны и велики, Божіе милосердіе все больше ихъ. Вы теперь сами признаете свои насмѣшки надъ молитвою грѣхомъ: такъ молитесь, хотя о томъ, чтобы Богъ простилъ вамъ сей грѣхъ.» Священникъ сталъ на колѣни и произнесъ простую, но усердную молитву, которая нѣсколько разъ была прерываема вздохами и слезами обоихъ молящихся. Потомъ онъ съ чувствомъ разсказалъ и объяснилъ притчу о блудномъ сынѣ. Больной обливался слезами. Онъ взялъ руку Священника, пожалъ ее, и просилъ чаще посѣщать его. Въ слѣдующее утро Священникъ велѣлъ доложить о себѣ. «Проси его поскорѣе,» сказалъ больной, къ удивленію слуги, не привыкшему видѣть въ своемъ господинѣ такого расположенія къ свиданію съ Священникомъ. «Любезный батюшка!» сказалъ онъ ему, вы истинный пастырь душъ: благодарю, что не забыли моей грѣшной души. Въ прошедшую ночь много кое-чего произошло со мною: я понимаю теперь свое заблужденіе, и вижу ту бездну, въ которую стремился. Я осмѣливался обра-

титься съ молитвою къ Спасителю, котораго милосердіе вы вчера такъ разительно описали мнѣ, и я чувствовалъ, будто бы внутри меня говорилъ какой-то голосъ: «встань, отпущаются тебѣ грѣхи твои.» Но вскорѣ за тѣмъ, и нѣсколько разъ, внутри меня, казалось, говорилъ другой голосъ: «обманываешься; ты такъ удалился отъ Бога, что Онъ не можетъ слышать твоей молитвы.» При послѣднемъ голосѣ я всякой разъ чувствовалъ какой-то трепетъ. Скажите, батюшка, что мнѣ дѣлать? Священникъ отвѣчалъ: «Іисусъ Христосъ не отвергаетъ кающихся. *Грядущаго ко мнѣ,* говоритъ Онъ, *не изжену вонъ* (Іоан. 6, 37). Вѣрьте больше Ему, чѣмъ своему, осуждающему васъ сердцу, потому что Богъ больше сердца нашего (1 Іоан. 3, 20). *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8). *Кто вѣрова Ему, и постыдѣся* (Сир. 2, 10)?»

«Тысящекратно благодарю васъ, батюшка,» сказалъ больной: «вѣрю и чувствую, что вы говорите истину.»

Спустя нѣсколько дней, когда Священ-

никъ по обыкновенію посѣтилъ больнаго, сей принялъ его съ явнымъ дружелюбіемъ, и подумавъ съ минуту, сказалъ: «Батюшка! могу ли я пріобщиться Святыхъ Таинъ? Позволите ль?»

Священникъ. Не только позволяю, но и совѣтую.

Больной. Слава Богу! Такъ сдѣлайте милость, пріобщите меня завтра поутру? Мнѣ чрезвычайно хочется принять Святыя Тайны.

Священникъ пришелъ въ назначенное время, исповѣдалъ и пріобщилъ больнаго.

Съ сего времени больному сдѣлалось гораздо легче. И его благочестивая супруга, отъ радости и благодарности къ Богу, почти совсѣмъ переродилась, и снова помолодѣла.

Однажды семилѣтняя дочь сказала отцу: «Папенька, ты теперь спокоенъ и веселъ: не правда ли, что и ты теперь любишь Господа Іисуса Христа?» Отецъ заплакалъ, обнялъ дитя и сказалъ: «Да, миленькая, я люблю Его, и вѣрю, что Онъ возвратитъ мнѣ здоровье. Тогда всѣ

мы, мать, ты и я, будемъ любить Его всѣмъ сердцемъ. Дитя запрыгало отъ радости и побѣжало разсказать объ этомъ матери.

Больной, хотя медленно, однако скорѣе, нежели какъ предполагалъ лекарь, поправлялся въ здоровьи, и спустя шесть недѣль могъ уже прогуливаться въ саду. Спустя еще три недѣли онъ совершенно выздоровѣлъ.

Его обращеніе было нелицемѣрное. Любимыми занятіями его съ сего времени сдѣлались молитва и бесѣда съ супругою и Священникомъ о неизреченной любви Божіей къ человѣческому роду, явленной во Іисусѣ Христѣ. На меньшую дочь свою онъ смотрѣлъ теперь съ какимъ-то почти уваженіемъ, и разговоръ съ нею служилъ ему отдохновеніемъ послѣ хлопотливыхъ занятій по хозяйству. Домъ его сдѣлался жилищемъ мира и мѣстомъ молитвы. Чтеніе Священнаго Писанія и назидательныхъ сочиненій сдѣлалось для него пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени. Обѣ его дочери выросли, вышли въ за-

мужство за благочестивыхъ помѣщиковъ, и теперь еще живы и извѣстны, какъ примѣрныя супруги, нѣжныя матери, благотворительницы бѣдныхъ и сирыхъ.

Отецъ умеръ въ 18.. году, съ твердою вѣрою въ заслуги Іисуса Христа, и съ надеждою удостоиться небеснаго царствія.

XIX.

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Въ концѣ прошедшаго лѣта вздумалось мнѣ побывать въ одномъ приморскомъ городѣ, чтобъ полюбоваться зрѣлищемъ, для меня совершенно новымъ,— безбрежностью моря. Я постоянно держусь того мнѣнія, что при отправленіи въ путь дожидаться послѣдней срочной минуты, значитъ терять много удовольствія. И такъ я прибылъ на пароходъ нѣсколько раньше времени, назначеннаго для отплытія. Пассажиры собирались; колокольчикъ звенѣлъ не одинъ разъ, и прежде нежели отняли лѣстницу, по которой съ берега сходятъ на судно, кормчій прокричалъ, чтобъ желающіе отплыть шли поскорѣе.

Сѣвши на палубѣ, я началъ наблюдать происходившее. Тѣ, кои ранѣе перебрались на судно, теперь спокойно и безза-

ботно занимались разговорами, или, подобно мнѣ, наблюдали; а опоздавшіе бѣгали, хлопотали, торопливо бросали на палубу связки, чемоданы и шинели. Видя, какъ они суетятся, иной подумалъ бы, что они не въ полномъ умѣ; безпрестанно кричали: «гдѣ моя поклажа? я потерялъ зонтикъ! какъ я торопился, чтобъ не опоздать!» Колокольчикъ прозвенѣлъ въ послѣдній разъ, и только лишь отняли лѣстницу, какъ многіе прибѣжали, задыхаясь и крича, чтобъ ихъ подождали.—«За чѣмъ такъ поздо? Ну, идите скорѣй; одною минутою позже: и вы остались бы на берегу.» Кормчій сталъ на свое мѣсто, колеса пришли въ движеніе, и судно начало удаляться отъ берега.

Я смотрѣлъ еще на зрителей, стоявшихъ на берегу, какъ вдругъ мое вниманіе обратилъ на себя одинъ молодой человѣкъ, бѣжавшій къ берегу. Онъ махалъ платкомъ, давая разумѣть, чтобъ его взяли на пароходъ. Кормчій какъ будто не замѣчалъ сего, и занимался только судномъ. Молодой человѣкъ бро-

тился въ лодку, кричалъ изо всей силы, чтобъ его подождали; гребцы употребляли всѣ усилія догнать насъ. Кормчій и на это повидимому не обращалъ вниманія; но наконецъ отвѣчалъ: «не льзя; слишкомъ поздно!» Лодка воротилась къ берегу, а пароходъ продолжалъ свой путь.

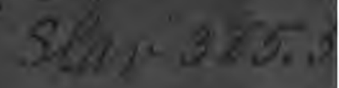
Долго я думалъ о молодомъ человѣкѣ, пока мысли мои не обратились на моихъ спутниковъ. Всѣхъ насъ ожидаетъ, сказалъ я себѣ, другаго рода путешествіе, гораздо важнѣйшее; и сколько такихъ людей, которые никогда не думаютъ о немъ! Сколько такихъ, которые, подобно зрителямъ, коихъ мы оставили на берегу, безпечно смотрятъ, какъ другіе отправляются изъ сего міра въ другой, а сами почти вовсе не заботятся о томъ, что и имъ нѣкогда надобно будетъ предпринять подобное путешествіе. Слава Богу, есть и такіе, которые не забываютъ о Религіи и о безсмертіи своей души, а посему благовременно приходятъ къ Господу Іисусу Христу, и посвящаютъ Ему начатки дней своихъ. Другіе медлятъ, не

трогаясь примѣрною заботливостію своихъ братій. Окованные житейскими попеченіями, прельщенные земными удовольствіями, увлеченные примѣрами порочныхъ людей, они со дня на день отлагаютъ великое дѣло спасенія, пока Св. Духъ не возбудитъ ихъ гласомъ Евангельскимъ, чтобы они скорѣе послѣдовали его призыванію. — Но, увы, какъ опасно не покаряться Божію призыванію! Наступитъ время, когда человѣкъ можетъ сдѣлаться совершенно неспособнымъ внимать внушеніямъ Божественной любви.

Читатели! не отлагайте попеченія о спасеніи до часа смертнаго, иначе вы, можетъ быть, придете *слишкомъ поздно*. Тѣ, кои не внимаютъ ни гласу своей совѣсти, ни призыванію Евангельскому, и противятся Всемогущему до послѣдней минуты своей жизни, можетъ быть воззовутъ и не будутъ услышаны; будутъ вопіять и умолять, но напрасно. «Се *нынѣ* время благопріятно, се *нынѣ* день спасенія (2 Кор. 6, 2).»

ОГЛАВЛЕНІЕ
ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ 1833 ГОДА.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

при

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

НА 1835 ГОДЪ

Часть четвертая.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1839.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу.
Ефес. 2, 20.

НА 1833 ГОДЪ
Часть четвертая.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И К°.
1839.

Отъ Санктпетербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Мая 10 дня 1839 года.

Цензоръ, *Академіи Баккалавръ, Соборный Іеромонахъ Евсевій.*

I.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

УТѢШИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

КЪ СУПРУГѢ ВОЕНАЧАЛЬНИКА АРИНѲЕЯ.

Судя по состоянію духа твоего, надлежало бы мнѣ лично посѣтить тебя и принять участіе въ судьбѣ твоей. Такимъ образомъ я и свою скорбь облегчилъ бы, и вмѣстѣ исполнилъ бы предъ твоею честностію долгъ утѣшенія. Но тѣло мое не можетъ переносить дальнихъ путешествій; посему я, чтобы не показаться совершенно равнодушнымъ къ твоимъ обстоятельствамъ, рѣшился по крайней мѣрѣ письменно побесѣдовать съ тобою.

Ахъ! кто не возскорбѣлъ о кончинѣ супруга твоего? У кого столь каменное сердце, чтобы могъ не пролить о немъ

горькихъ слезъ? Особенно я пораженъ былъ печалію о сей потерѣ, когда представилъ себѣ, какъ онъ почиталъ меня, какое предстательство являлъ онъ всѣмъ церквамъ Божіимъ.

Но вмѣстѣ съ симъ я вспомнилъ, что онъ былъ человѣкъ, и—совершивъ въ настоящей жизни свое назначеніе, въ свою чреду взятъ былъ отсюда десницею Господа, правящаго нашими дѣлами. Помышляя о семъ, со смиреніемъ покорись судьбѣ твоей, и сколько можешь, терпѣливѣе сноси несчастіе. Само время, конечно, смягчитъ скорбь сердца твоего, и дастъ мѣсто разсудку: но я знаю сильную любовь твою къ супругу и добродушіе ко всѣмъ, и боюсь, чтобы ты, получивъ глубокую язву въ самое сердце, не предалась, по своему простодушію, печали безмѣрной.—Уроки Св. Писанія, спасительные намъ во всякое время, наипаче полезны въ подобныхъ обстоятельствахъ. Итакъ приведи себѣ на память произнесенное о насъ Богомъ опредѣленіе, по которому всѣ мы, рожденные отъ земли, паки въ землю дол-

жны возвратиться (Быт. 3, 19): ни одного нѣтъ между нами столь великаго, который бы явился превыше тлѣнія.

Добродѣтеленъ и великъ былъ почтенный супругъ твой, съ крѣпостію тѣла соединялась въ немъ доблесть души; въ томъ и другомъ отношеніи онъ никому, конечно, не уступалъ. Но онъ былъ человѣкъ; а посему и онъ умеръ, какъ Адамъ, какъ Авель, какъ Ной, какъ Авраамъ и Моисей, и какъ всякой другой, имѣющій одинаковую съ нимъ природу. Не будемъ же скорбѣть о томъ, что его лишились: но принесемъ благодареніе Господу за то, что Онъ далъ намъ пожить вмѣстѣ съ нимъ. Что ты лишилась супруга: это общая участь всѣмъ женамъ; но я не думаю, чтобы другая какая либо женщина могла, подобно тебѣ, похвалиться супружествомъ. Въ твоемъ супругѣ Творецъ даровалъ намъ одинъ изъ образцевъ человѣческой природы. Взоры всѣхъ обращены были на него; уста каждаго повѣствовали о дѣяніяхъ его; живописцы и ваятели не могли даже изобразить его въ достой-

номъ его видѣ: а повѣствователи о его воинскихъ подвигахъ въ своихъ разсказахъ доходятъ до баснословной невѣроятности. Посему-то многіе не могли и повѣрить печальной вѣсти о кончинѣ его,—не могли вообразить, чтобы Ариноей—скончался.

Но и его постигла таже судьба, какой нѣкогда подвергнутся и небо и земля и солнце. Кончина его достославна; старость не изможднла крѣпости его, не помрачила славы его. Великъ онъ былъ въ настоящей жизни, великъ явится и въ будущей. Слава земная не лишила его чаянія славы грядущей; потому что при исходѣ изъ сей жизни онъ омылъ банею возрожденія всѣ нечистоты душевныя.

Утѣшься же тѣмъ, что ты была ему во всемъ этомъ споспѣшницею и помощницею. Отвлеки душу свою отъ настоящаго и пекись о будущемъ, чтобы за добрыя дѣла удостоиться одинаковаго съ нимъ мѣста упокоенія. Пощади престарѣлую мать свою, сжалься надъ юною дочерью: ты одна осталась имъ

въ утѣшеніе. Будь для прочихъ женъ образцемъ мужественнаго терпѣнія. Возобладай надъ своею печалію такъ, чтобы ты, не изгоняя оной вовсе изъ своего сердца, могла не пасть подъ ея бременемъ.—Наконецъ взирай на ту великую награду за терпѣніе, каковую Господь нашъ Іисусъ Христосъ обѣщалъ намъ воздать за подвиги настоящей жизни.

II.

РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ ПЛОТСКОЮ И ДУХОВНОЮ ЖИЗНІЮ ВЪ ПРИСУТСТВІИ НѢКОТОРАГО СУДІИ.

(Изъ стихотвореній Св. Григорія Назіанзена).

Ж. Будь судьею нашего спора, незнакомецъ!

Незнак. А что у васъ за споръ?

Ж. Спорятъ между собою двѣ жизни.

Незнак. Какія? и объ чемъ?

Ж. Жизнь плотская споритъ съ жизнію духовною о томъ, которая изъ нихъ лучше.

Незнак. Разрѣшить это не трудно: однако я прежде васъ выслушаю.

Плот. Я одолжена бытіемъ своимъ міру, за то и люблю его. Поелику любовь къ родившимъ насъ есть дѣло святое.

Дух. А я происхожу отъ Бога, по-

тому и прилѣпляюся къ Богу. Ибо знаю, что холодность къ Нему есть величайшее преступленіе. Если предметъ маловажный столько для тебя любезенъ, то какъ мнѣ не любить того, что ни съ чѣмъ несравненно?

Плот. Матерь моя есть плоть, и я сопрягаюся съ плотію, желая снова прирости къ тому корню, съ котораго срублена.

Дух. Отецъ у меня Богъ, и я соединяюся съ Богомъ, стремясь подойти къ тому образцу, по которому создана.

Плот. Да прошу сказать, какимъ бы образомъ могъ существовать родъ человѣческій, если бы не было брака установленнаго природою и одобряемаго закономъ?

Дух. Правда, законъ одобрялъ бракъ; но теперь можно быть отъ него уволену, если кто быстрыми шагами стремится въ другую, лучшую здѣшней, страну, въ которой не существуетъ никакого порока и никакихъ брачныхъ связей.

Плот. Отъ чего же такъ недавно вошла въ употребленіе безбрачная жизнь?

Дух. Она и прежде была въ употребленіи, только скрытно: но съ того времени, какъ Дѣва учинилась Божіей Матерью, уже открытымъ образомъ стали провождать ее. Ибо съ тѣхъ поръ Ветхій законъ уступилъ мѣсто Новому; царство письмени прешло, и настало царство духа.

Плот. Но, безъ помощи брака, могъ ли бы произойти на свѣтъ самый благочестивый дѣвственникъ?

Дух. Ты смѣшною мнѣ кажешься, желая доказать, что бракъ производитъ на свѣтъ благочестивыхъ мужей. Люди становятся добрыми или злыми въ послѣдствіи времени; а похоть плотскую производитъ никто иной, какъ сѣятель злыхъ плевелъ. И тотъ былъ бы достоинъ осмѣянія, кто сталъ бы хвалиться своими грѣхами, какъ будто они содѣйствуютъ намѣреніямъ Верховнаго Существа.

Плот. Чтожъ послѣ этого останется мнѣ?

Дух. Тебѣ? голыя вѣтви.

Плот. Прибавь къ тому и корень на

случай, если вѣтви сіи побьетъ морозъ или обломаетъ сильная буря.

Дух. По мнѣ довольно родиться на свѣтъ. Впрочемъ женись—себѣ кто хочетъ: корми, учи дѣтей своихъ, послѣ оплакивай умершихъ и гляди на нихъ портреты, въ которыхъ нѣтъ ни души, ни движенія.

Плот. Я знатнаго происхожденія.

Дух. А что это за происхожденіе? Откуда ты происходишь? Не изъ земли ли, подобно всѣмъ прочимъ? Истинное благородство состоитъ въ подражаніи Богу: твое же основывается на памятникахъ предковъ или на патентахъ недавно полученныхъ тобою, но не на личныхъ достоинствахъ.

Плот. Съ помощію богатства я торжествую надъ моими врагами. Оно же надѣляетъ меня друзьями, содѣлываетъ предметомъ народной зависти, возводитъ на высокія мѣста въ государствѣ,— и имя мое по всѣмъ городамъ прославляется.

Дух. Напротивъ отъ бѣдности происходитъ для меня та выгода, что я ни-

какихъ враговъ у себя не имѣю. Гораздо безопаснѣе, по моему мнѣнію, быть предметомъ сострадания, нежели зависти. Высокія мѣста скользки, а друзья вѣроломны. Что же касается до славы, то скорѣе соглашусь быть послѣднимъ во градѣ Божіемъ, нежели первымъ въ человѣческомъ обществѣ.

Плот. Но бѣдный человѣкъ можетъ ли быть увѣренъ въ своей безопасности, когда у него нѣтъ ни дверей, ни стѣнъ, ни замковъ, ни стражи около дома?

Дух. Да на что ему это? Развѣ для того, чтобъ его самаго не украли? Ибо у него только и есть что тѣло его, прикрытое рубищемъ. Пусть другіе, у которыхъ много накоплено денегъ, боятся воровъ и берутъ противъ нихъ нужныя мѣры. Мое имущество все заключается въ Богѣ; никто сего сокровища похитить у меня не можетъ. Что же касается до прочаго, то пускай все у меня возьмутъ, пускай, если угодно, разграбятъ мое имущество до послѣдней нитки. Состояніе нищаго есть самое безопасное состояніе. Напротивъ гордый

богачъ увязаетъ въ своей сѣти, и вмѣсто того, чтобы благодарить Бога, подателя всѣхъ благъ, лобызаетъ собственную свою десницу. Притомъ его имѣніе легко можетъ перейти въ руки недостойнаго наслѣдника, даже можетъ достаться его врагу, а отъ него переходить къ другому, къ третьему и т. д. на подобіе вертящагося колеса. Но то, чѣмъ я владѣю, вѣчно останется при мнѣ; оно никакому тлѣнію, никакой перемѣнѣ не подвержено.

Плот. Какъ весело, когда самъ не нуждаешься въ помощи ближняго, а другой, иногда вдвое достойнѣйшій тебя, къ твоей помощи прибѣгаетъ!

Дух. Какъ пріятно, когда всѣ свои надежды полагаешь на Бога, отечески о тебѣ промышляющаго! Какъ пріятно, если для насыщенія корыстолюбія не высасываешь чужаго добра, подобно кровожадной піявицѣ; если однимъ уже владѣя, а о другомъ помышляя, на иное смотря завистливыми глазами, къ другому устремляясь въ несбыточныхъ гре-

захъ воображенія, никогда не бываешь бѣднѣе своихъ желаній!

Плот. Но случись съ тобою несчастіе: какъ ты его перенесешь, не имѣя средствъ, могущихъ облегчить?

Дух. Это все равно, какъ бы спросили меня: какимъ образомъ избѣгнешь стрѣлы, которая въ тебя пущена? Если въ рукахъ моихъ волосокъ, то онъ едвали разсѣченъ будетъ ею въ самомъ близкомъ разстояніи. Но будь у меня въ рукахъ толстая палка, тогда пораженіе отъ нея неизбѣжно. Извѣстно также, что дубы не устаиваютъ противъ тѣхъ самыхъ вѣтровъ, кои выдерживаетъ тростинка: сія сохраняется по причинѣ тонкости своей, а тѣхъ собственная тяжесть исторгаетъ изъ корня.

Плот. Я имѣю роскошный столъ.

Дух. А я всячески стараюсь ограничивать роскошь; не позволяю себѣ никогда насыщаться до такой степени, чтобы тѣлу моему приключилась болѣзнь, или чтобъ изо рта моего исходилъ запахъ худо сварившейся пищи, или чтобъ

разумъ мой былъ стѣсненъ отъ грубаго вещества.

Плот. На столѣ моемъ богатыя кушанья.

Дух. А на моемъ только хлѣбъ съ солью: но я не промѣняю ихъ на всѣ твои сласти.

Плот. Благовонныя куренія, пѣсни, рукоплесканіе, пляска, хороводы и музыка служатъ къ моему удовольствію.

Дух. И ты этимъ любуешься? А я такъ ничего не нахожу тутъ, кромѣ соблазна. По моему мнѣнію, лучше въ сопровожденіи какого нибудь инструмента пѣть Псалмы, возвышающіе духъ человѣка къ небу. Что можетъ быть благовоннѣе того мvра, которое Христосъ излилъ на людей, для отвращенія отъ нихъ смрада грѣховнаго? Рукоплескать отъ радости должно тогда, когда побѣжденъ бываетъ оный человѣкоубійца, склоняющій меня къ дѣлу или слову худому. Движеніе употребляемое при священнодѣйствіи, для меня лучше всякихъ таицевъ.

Плот. Не скажешь ли ты, что бѣд-

ный человѣкъ скорѣе можетъ излѣчиться отъ своей болѣзни, и гораздо болѣе лѣкарствъ достать себѣ можетъ?

Дух. Нѣтъ, этого я не скажу; потому что несправедливо. А скажу то, что совершенно согласно съ истиною. Бѣдный человѣкъ бываетъ всегда гораздо здоровѣе богатаго; потому что Богъ, раздѣляющій людямъ дары свои поровну, бѣдному даетъ здоровье, а богатому лѣкарства. Бѣдный трудится, потѣетъ, испаряетъ изъ себя лишнія мокроты, зябнетъ, алчетъ, печется на солнцѣ, ходитъ, тяжести на себѣ носитъ, дождемъ обливается, устаетъ и принимаетъ во время скудную и грубую пищу. Онъ даже понятія не имѣетъ о тѣхъ лакомыхъ кушаньяхъ, кои руками чревоуслужниковъ достаются съ земли или со дна морскаго, и изъ которыхъ искусный поваръ составляетъ столъ приличный не мужескому, а женскому вкусу. При всемъ томъ онъ здоровъ; а богачи употребляющіе столъ сей, страждутъ одышкою, завалами, дрожаніемъ членовъ, судорогами, подагрою, блѣдностію лица,

разслабленіемъ и другими безчисленными болѣзнями. Самое богатство не приноситъ имъ удовольствія; поелику они по большей части заняты бываютъ изысканіемъ средствъ противъ излишней тучности своего тѣла и накопившейся у нихъ подъ кожею влаги. Завидуютъ они счастію людей здоровыхъ, хотя и недостаточныхъ; а сами, несчастные, какъ будто ничего у себя не имѣютъ, хотя у нихъ премного и золота, и драгоцѣнныхъ камней, и прекрасной мебели, и цвѣтныхъ одеждъ, и живописныхъ изображеній покрывающихъ стѣны, полы, потолки, и серебра то въ землю зарытаго, то выставленнаго на показъ и блистающаго на званныхъ обѣдахъ, также лошадей, ковровъ, экипажей, кучеровъ, собакъ, охотниковъ и прочихъ слугъ, угождающихъ прихотливому вкусу. Бѣдный напротивъ постоянно твердъ на ногахъ; если же, изнемогши отъ болѣзни или отъ старости, и свалится онъ, то не причинитъ друзьямъ своимъ ни малѣйшаго безпокойства. Подобно льву, рыкая окончитъ онъ жизнь, и мертвый

даже будетъ казаться свѣжѣе и красивѣе тѣхъ, кои въ роскоши утопаютъ. Что еще кромѣ того свойственно богачамъ? Наглость, буйство, сумазбродство, пьянство, смѣхъ непристойный, срамныя рѣчи, неуваженіе къ святынѣ, презрѣніе родства и дружбы. Бѣднякъ напротивъ никогда не дойдетъ до такой степени самозабвенія; особливо, ежели въ немъ есть страхъ Божій, сей на все доброе прекрасный наставникъ. Разсуди же послѣ всего этого безпристрастно, чья жизнь, моя или твоя, лучше?—Ты завидуешь мужамъ добродѣтельнымъ? А я такъ и о злыхъ сожалѣю. Ибо нѣтъ ничего жалостнѣе злаго человѣка, хотя бы онъ наслаждался благополучіемъ до самой своей кончины.—Ты презираешь нищихъ, какъ будто вовсе покинутыхъ Богомъ? А мнѣ кажется, что изъ одной персти созданъ весь родъ человѣческій, и что всѣ мы нѣкогда на одинъ судъ предстанемъ.—Если же разумѣешь второе рожденіе человѣка, то оно заключается въ его нравахъ и добродѣтели.—Тебя надмѣваетъ счастіе? Я въ бѣдствіи ис-

правляюсь и учуся смиренію. — Ты въ несчастіи унываешь? Меня ободряетъ надежда. Ибо нѣтъ ничего постояннаго на свѣтѣ, но все здѣсь съ теченіемъ времени измѣняется. Ночь слѣдуетъ за днемъ, и день за ночью. Веселье смѣняется скорбью, а печали предшествуютъ радостямъ.—Ты не сѣтуешь о грѣхахъ, хотя бы они были самые тяжкіе: веселый образъ жизни мѣшаетъ тебѣ чувствовать это? А меня такъ самыя малыя согрѣшенія убиваютъ; ибо я знаю, что всякой грѣхъ удаляетъ человѣка отъ Бога: какъ же мнѣ равнодушно смотрѣть на сіе удаленіе отъ лица Божія?—Ты преспокойно спишь, поворачиваясь съ боку на бокъ на мягкой постелѣ, видишь во снѣ пріятныя грезы, напоминающія тебѣ о дневныхъ удовольствіяхъ, ѣшь, пьешь, играешь, пляшешь, хохочешь? А' у меня самая большая часть жизни проходитъ безъ сна; если же когда и засну я на краткое время, то и тогда не бываю спокоенъ. Во снѣ представляются мнѣ страшные призраки: судъ, судія грозный и нелицепріятный; ужасное жи-

лище осужденныхъ, съ одной стороны рѣка пылающая вѣчнымъ огнемъ, съ другой червь никогда неусыпающій, и посреди оныхъ лютѣйшій изъ всѣхъ мучитель—правдивая совѣсть.—Ты воздаешь Богу почтеніе за то единственно, что Онъ благодѣтельствуетъ тебѣ? А я почитаю Его и тогда, когда Онъ меня бѣдствіямъ подвергаетъ. Ибо сіе весьма спасительно для души. Чѣмъ большія несчастія тѣснятъ меня, тѣмъ ближе я къ Богу. Страданія какъ бы насильно влекутъ въ Его объятія, подобно тому, какъ отъ преслѣдующаго насъ непріятеля невольно стремимся мы въ городъ.— Ты имѣешь жену, дѣтей, друзей, которые утѣшаютъ тебя, пока живы; но бывъ похищены смертію, становятся предметомъ твоей глубокой печали? А у меня вся отрада и утѣшеніе въ Богѣ, алчу ли я, мерзну ли на стужѣ, гонимъ ли бываю врагами. Нанеси мнѣ обиду, осмѣй меня, назови подлымъ и нищимъ, прибей, ограбь: все это не причинитъ мнѣ продолжительной горести. Ибо въ душѣ моей обитаетъ Богъ. Я воззрю на

Него и мыслями своими перенесуся въ вѣчность; тамъ останусь на время, все земное скроется отъ глазъ моихъ: и горесть, какова бы она во мнѣ ни была, отъ сего мгновенно пройдетъ. Скажу еще болѣе. Въ скоромъ времени мы услышимъ рѣшеніе нашего спора, которое по всей вѣроятности, будетъ не въ твою пользу. Ты жестоко оскорбишься рѣшеніемъ симъ; ибо кто привыкъ почитать себя выше всѣхъ, тому больно признать чье либо преимущество надъ собою. Но для меня все равно, на моей или на твоей сторонѣ будетъ побѣда. Лишь бы Господь былъ со мною: все прочее я другимъ уступаю. Впрочемъ самая возвышенность моего званія оспориваетъ у тебя побѣду.

Плот. Ну, а если съ высоты этой нѣкоторые упадаютъ?

Дух. Чтожъ? развѣ не падаютъ стоящіе на низу? И тамъ и здѣсь какъ добрые, такъ и худые примѣры возможны. Соглашусь даже на то, что паденіе первыхъ гораздо предосудительнѣе: ибо кто

больше награждается за побѣду, съ того больше взыскивается за неуспѣхъ. Но худый примѣръ нѣкоторыхъ людей еще не порочитъ всего сословія, къ которому они принадлежатъ. И если ты станешь судить о преимуществѣ состояній, взирая только на хорошую сторону въ одномъ изъ нихъ, и дурную въ другомъ; то поступишь несправедливо. Надобно каждое осмотрѣть съ той и другой стороны. Не сравнивай тучнаго осла съ тощимъ конемъ, и добродѣтельнѣйшаго изъ свѣтскихъ людей не сличай съ самымъ порочнымъ отшельникомъ. Въ такомъ случаѣ, конечно, перевѣсъ будетъ на твоей сторонѣ. Но, взявши перваго и послѣдняго изъ своихъ, сравни ихъ также съ моимъ первымъ и послѣднимъ; тогда увидишь, что я гораздо тебя превосходнѣе. Вообще должно съ безпристрастіемъ смотрѣть какъ на то, что у насъ не хорошо, такъ и на то, что у васъ превосходно. По одной ласточкѣ еще нельзя заключать о наступленіи пріятной весны, равно какъ и одинъ сѣдой волосъ еще не означаетъ

старости. Что скажешь на это? Уступаешь ли ты мнѣ, или нѣтъ?

Плот. Уступаю, уступаю. Мнѣ ли съ тобой состязаться? Тогда развѣ земную и грубую жизнь почту я лучше твоей, когда, лишась здраваго смысла, человѣка сравняю съ Богомъ.

Суд. Итакъ ступайте. Совѣтую вамъ оставаться въ мирѣ какъ между собою, такъ и съ Богомъ. Ты уступи духовной жизни первое мѣсто; а ты признай плотскую (*), какъ бы за младшую свою сестру. Кто не можетъ обладать высшимъ благомъ, *для* того и нисшаго достаточно. Тутъ нѣтъ еще никакого грѣха и безславія, только бы мы въ томъ и другомъ случаѣ провождали жизнь безпорочную и примѣрную.

(*) Св. Назіанзенъ подъ плотскою жизнію, какъ очевидно, разумѣетъ жизнь въ мірѣ; а подъ именемъ духовной — отшельническую.

III.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ УВѢЩАНІЕ, ОБЪЯСНЯЮЩЕЕ, ЧЕМУ ПОДОБНА ЖИЗНЬ СІЯ, И КАКОЙ ЕЯ КОНЕЦЪ (*).

1. Возлюбленные! Божественное Слово, священноначальствующее надъ нами и посредствомъ насъ, всѣмъ настоящаго времени Архіереямъ и Пастыреначальникамъ внушаетъ быть бдительнѣе и рачительнѣе въ своей должности. Оно, пекущееся о спасеніи каждаго, рекшее

(*) Въ *Соборникѣ* (напечат. въ Москвѣ 1700 г., на 388 л.) сіе Увѣщаніе приписано Іоанну Златоустому; но сомнительно, чтобъ оно принадлежало сему Святителю: ибо и языкъ въономъ не имѣетъ той чистоты, какую находимъ въ твореніяхъ сего Св Отца, и изъ мыслей не всѣ сообразны съ обстоятельствами жизни

малодушествовавшему Моусею: «не ты пасешь народъ Мой, но Я чрезъ тебя» (Исх. 4, 12) (*), человѣколюбно руководствуетъ и пасетъ насъ и народъ

Златоустаго. Въ Увѣщаніи сказано: «мы подпали тяжкому игу Измаильтянъ»: сего не могъ сказать Іоаннъ Златоустый. Кажется, и Славянской переводчикъ замѣтилъ сію несообразность; приведенное мѣсто онъ передаетъ такимъ образомъ: «пріиде тяжкій яремъ *діаволь* измаилтескій;» предпослѣдняго слова нѣтъ въ подлинникѣ. Впрочемъ, въ Славянскомъ переводѣ сего Увѣщанія, вообще, есть и прибавленія и опущенія противъ Греческаго текста, который изданъ Фабриціемъ (Bibl. Graec. Vol. XII. p. 657—674), и съ котораго сдѣланъ Русскій переводъ, помѣщаемый въ сей книжкѣ Хр. Чтенія.

Фабрицій, по указанію видѣнной имъ Греческой рукописи, приписываетъ сіе Увѣщаніе Христофору, Александрійскому Патріарху, современнику Греческаго Императора Θеофила (царствов. отъ 828 по 842 г. по Р. Хр.). Извѣстно его посланіе къ сему Иконоборцу, о Святыхъ Иконахъ, которое носитъ названіе *Многосложнаго свитка*. (См. въ Соборникѣ 312 на обор).

Впрочемъ, кто бы ни былъ сочинителемъ сего Увѣщанія, оно тѣмъ не менѣе назидательно.

(*) Тексты, приводимые въ Увѣщаніи изъ В. Завѣта, не всегда слово въ слово согласны съ Еврейскимъ подлинникомъ или Греческимъ переводомъ Седьмидесяти. Изъ сего должно заключить, что писатель Увѣщанія

чрезъ насъ. Къ нему, неизсякаемому источнику дарованій, обращаемся мы нынѣ съ молитвою, да укрѣпитъ немощь нашу своею силою, и да умудритъ наше несмысліе неизреченною своею мудростію и благодатію.

2. Всякой разъ, какъ подумаю и размыслю о бѣдствіи, постигшемъ первозданнаго Адама, прихожу въ изумленіе и недоумѣніе: какимъ образомъ онъ, созданный рукою Божіею, бывшій собесѣдникомъ Творца, удостоенный пророческаго дарованія (*), получившій въ жилище рай, сдѣланный Царемъ надъ всѣмъ земнымъ, преступилъ одну заповѣдь, и лишился всѣхъ благъ! Ибо всѣ оныя отличія, царскую власть, всѣ божескія дарованія утратилъ онъ—въ одно мгновеніе! Изъ рая изгнанъ, и низ-

---

приводилъ оные или по другому какому либо переводу, или по своей памяти.

(*) Св. Писаніе не называетъ Адама Пророкомъ; посему о его пророческомъ дарованіи можно заключать развѣ изъ того, что онъ узналъ о происхожденіи жены своей изъ ребра его, и нарекъ имена животныхъ сообразно съ ихъ свойствами.

верженъ въ бездну нищеты и горестей!

3. Сравнивая такое паденіе, бывшее слѣдствіемъ единократнаго преслушанія, съ безчисленнымъ множествомъ нашихъ грѣховъ, я прихожу въ отчаяніе. Но когда привожу себѣ на память судьбу разбойника, и припоминаю себѣ, что одно слово спасло его и очистило отъ всѣхъ грѣховъ; тогда снова оживаю надеждою, и охотно прибѣгаю къ покаянію. Адама погубило одно преступленіе; разбойника спасло одно слово. Тотъ былъ свидѣтелемъ непостижимыхъ чудесъ (*), и сдѣлался преступникомъ; сей не видѣлъ ничего, *точію Христа, и сего распята* (1. Кор. 2, 2); поруганнаго, и—увѣровалъ. И такъ между ними большое различіе, большое неравенство и несходство по душѣ и по тѣлу. Разбойникъ не сдѣлалъ ничего отличнаго, кромѣ того, что сказалъ: *помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ* (Лук. 23,

---

(*) На пр. хожденія Божія въ раю и сотворенія жены изъ ребра.

42). И вы, ученики Христа, надѣющіеся быть Его сонаслѣдниками, старайтесь имѣть такую же вѣру. Исполняйте и дѣла благочестія. Крестившемуся во имя Отца и Сына и Св. Духа, и удостоившемуся Божественнаго пріобщенія, Святое Евангеліе не говоритъ: «не обижай, не ударяй никого въ ланиту,» но что оно говоритъ? Выслушай: если кто тебя обидитъ, *если кто ударитъ тебя въ правую щ ку твою, подставь ему и другую. И кто понудитъ тебя пройти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ* (Матѳ. 5, 39). Едвали какому Христіанину случится испытать что нибудь сему подобное отъ единовѣрца; но съ того времени, какъ мы подпали тяжкому игу Измаильтянъ, часто случается и слышать и сносить гораздо большія непріятности. Если бы мы что нибудь подобное испытывали отъ единовѣрца, то большее воздаяніе заслуживали бы: Христіанинъ, обижающій другаго, подлежитъ втрое большему наказанію, потому что онъ въ семъ случаѣ не только не позволяетъ ударить себя въ другую

ланиту, но и самъ причиняетъ обиду другому.

4. Итакъ всякой Христіанинъ долженъ приносить Богу искреннее покаяніе во всякомъ согрѣшеніи, пока еще не произнесенъ на него смертный приговоръ, и не прельщаться обманчивыми пріятностями сей жизни. Настоящая жизнь наша походитъ на жительство одного человѣка, обитавшаго съ женою, единственнымъ сыномъ и рабомъ, въ такомъ домѣ, въ которомъ гнѣздился змѣй, смертельно уязвлявшій. Извѣстясь отъ другихъ, что змѣй сей съ давнихъ временъ уязвляетъ всякаго, кто поселяется въ ономъ домѣ, человѣкъ тотъ долженъ былъ или оставить сей домъ, или убить змѣя, то есть, демона сребролюбія и похоти. Но когда онъ пошелъ убить змѣя, то увидѣлъ предъ собой монету изъ чистаго золота, и поднявши ее сказалъ: «еслибъ этотъ змѣй имѣлъ намѣреніе умертвить насъ, то не далъ бы намъ сей монеты», и въ радости присовокупилъ: «можетъ быть, онъ принесетъ намъ и другую монету; не стану уби-

вать его.» Пришедши на слѣдующій день, онъ нашелъ другую монету, и сказалъ самъ себѣ: «змѣй сей не только не заслуживаетъ смерти, но и достоинъ большой чести.»

5. Змѣй довольно долго доставлялъ ему по монетѣ каждый день, не причиняя никакого вреда; и оный человѣкъ весьма былъ доволенъ, что не убилъ змѣя. У сего человѣка былъ дорогой конь, и вотъ змѣй уязвилъ его.—Домъ есть жизнь сія, возлюбленные, а змѣй—властитель міра, врагъ, блюдущій пяту каждаго, дабы умертвить его; монета есть злая похоть, влекущая всякаго въ погибель; ядъ зміинъ—грѣхъ, умерщвляющій всякаго, кто повинуется ему, какъ говоритъ Апостолъ: *Похоть зачении раждаетъ грѣхъ; грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть* (Іак. 1, 15). Богъ за нашу безпечность посылаетъ смерть на скотъ нашъ, дабы страхомъ вразумить насъ.

6. Человѣкъ тотъ, увидя, что конь его умерщвленъ змѣемъ, опечалился, началъ проклинать и домъ и змѣя, и такъ

разсуждалъ самъ съ собою: «поелику ядъ этого змѣя смертоносенъ; то лучше убить его; иначе онъ умертвитъ и насъ». Но пришедши къ змѣю, съ намѣреніемъ убить его, онъ нашелъ, по прежнему, монету и подумалъ: «коня мы лишились, за чѣмъ же лишаться каждой день монеты? Змѣй уморилъ только животное несмысленное, а людямъ вреда не причиняетъ: за чѣмъ же убивать его?» Посему онъ не убилъ змѣя; и продолжалъ получать отъ него каждый день по монетѣ, не испытывая никакого вреда. А змѣй, замѣтивъ, что его не опасаются, подкрался и уязвилъ раба во время его сна. Не льзя было сказать: за чѣмъ онъ подошелъ къ гнѣзду змѣя, или за чѣмъ не остерегся отъ опасности? Можноль предвидѣть внезапный часъ смерти? На крикъ уязвленнаго раба прибѣжалъ господинъ, проклиная и змѣя и часъ, въ который познакомился съ домомъ.—И мы, пока благополучны, не помнимъ о смерти; но посѣти насъ бѣдствіе, мы тотчасъ начинаемъ малодушествовать, проклинать и жизнь и часъ,

въ который узнали оную.» «Нѣтъ,» говоримъ тогда, «меня не прельститъ уже суетная жизнь сія,» и—подобно псу, обращающемуся на свою блевотину—возвращаемся къ прежнимъ беззаконіямъ, рѣшаемся на гораздо худшія дѣла, не помышляя ни о судѣ, ни о смерти. Во дни счастія и благополучія грѣхъ незамѣтно вкрадывается въ насъ. Какъ птица Гилъ наблюдаетъ за Крокодиломъ, и когда замѣтитъ, что онъ спитъ спокойно и беззаботно съ открытою пастью, тотчасъ прокрадывается во внутренности его,—и растерзавъ оныя, выходитъ вонъ, оставляя животное мертвымъ: такъ точно и насъ умерщвляетъ грѣхъ. Но мы должны поспѣшно прибѣгать къ покаянію, и оживотворять себя онымъ.

7. Но возвратимся къ предмету нашего слова. Господинъ, увидя, что рабъ его опасно болѣнъ, призвалъ врачей, и просилъ ихъ позаботиться о немъ; но врачи, употребивъ множество лѣкарствъ, нисколько не помогли, и рабъ умеръ. Тогда господинъ поклялся убить змѣя; но пришедши къ гнѣзду его, опять уви-

дѣлъ монету, взялъ ее и сказалъ: «раба, какъ и коня, мы купили; а получаемое нами отъ змѣя количество денегъ, гораздо превосходитъ сумму, заплаченную за нихъ. Намъ должно быть только поосторожнѣе, и змѣй не сдѣлаетъ никакого вреда.» Ослѣпленный сребролюбіемъ, онъ опять оставилъ змѣя въ покоѣ, и сталъ жить по прежнему. Змѣй, замѣтивъ, что человѣкъ не думаетъ уже о смерти, опять подползъ ночью, и ужалилъ его сына.—Подобно сему, Богъ, разгнѣвавшись нѣкогда на Ѳарру, отца Авраамова, поразилъ смертію старшаго сына его, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ, дабы отецъ образумился. Но онъ не образумился; ибо продолжалъ дѣлать идоловъ и продавать идолопоклонникамъ. Это происходило, въ двадцатомъ родѣ отъ сотворенія міра, въ 2332 году (*). До то-

(*) По другому чтенію, въ 3232 году. Но то и другое чтеніе неправильно, потому что оба отступаютъ отъ лѣтосчисленія Библейскаго, какому ни слѣдовать тексту. По тексту Еврейскому годъ смерти Аррана падаетъ между 1948 и 2083; а по тексту Седьмидесяти—между 1334 и 3449 годомъ отъ сотворенія міра.

го времени ни одинъ сынъ, кромѣ Ламеха, сына Маѳусалова, не умиралъ прежде отца(*). Посему Св. Писаніе, какъ бы съ удивленіемъ замѣчаетъ: *и умре Арранъ предъ* (прежде) *Ѳаррою отцемъ своимъ, въ земли, въ нейже родися* (Быт. 11, 20).

8. Но продолжимъ бесѣду о зміѣ. На громкій крикъ сына прибѣжалъ отецъ. Со слезами на глазахъ и съ отчаяннымъ воплемъ онъ проклиналъ тотъ часъ, въ который узналъ домъ и змія; ибо сынъ былъ у него одинъ.—Такъ точно поступаемъ и мы. Видя умершимъ преждевременною смертію какого нибудь молодаго человѣка, мы получаемъ какое-то отвращеніе къ жизни и проклинаемъ ее. «Лучше бы,» говоримъ, «не родиться намъ. Тогда бы не знали мы сей жизни и суетъ ея. Жалкая участь человѣческаго рода! Чего намъ бѣднымъ ожидать, чего надѣяться, когда сей, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, палъ жертвою смерти? Такъ не прельститъ же насъ болѣе ни суетная жизнь сія, ни соблазнительный грѣхъ.»

(*) Т. е. естественною смертію.

Но не успѣемъ еще осушить глазъ отъ слезъ и отвесть оныхъ отъ умершаго, не успѣемъ поднять свою голову, поникшую отъ сѣтованія, не успѣемъ даже кончить клятвеннаго отрицанія отъ житейскихъ заботъ, какъ уже хлопочемъ о наслѣдствѣ. Приказываемъ служителямъ бдительно смотрѣть за цѣлостію имѣнія; говоримъ: «поберегите, братцы, пожитки: намъ, сѣтующимъ о покойникѣ, не до нихъ теперь.» Такимъ образомъ сего дня мы плачемъ, рыдаемъ безутѣшно, а завтра живемъ такъ, какъ будто намъ во вѣкъ не умирать!

9. Но возвратимся къ тому, на чемъ остановились: поспѣшимъ узнать послѣдующее. — Человѣкъ, видя сына своего горько плачущимъ и просящимъ помощи, созвалъ врачей и обѣщалъ имъ дать все, чего ни потребуютъ, только бы избавили его сына отъ смерти. Но врачи, истощивъ всѣ усилія, не помогли нисколько. Сынъ умеръ, и безутѣшный отецъ поклялся не щадить болѣе змѣя. «Долголь мнѣ,» говорилъ онъ, «безумствовать? Что я не убью этого прокля-

таго змѣя, пока онъ не убилъ меня самаго?» Онъ пошелъ убить змѣя, нашелъ монету, взялъ ее, и смотря на нее, сталъ разсуждать: «чтожъ я хочу сдѣлать? Сынъ мой уже умеръ, и можетъ быть, еслибъ поостерегся, змѣй не сдѣлалъ бы ему никакого вреда. Мы, я и жена, конечно успѣемъ взять такія предосторожности, что змѣй не причинитъ намъ вреда. Я лишился сына: для чего же лишать себя и каждогодно получаемыхъ мною трехъ сотъ шестидесяти пяти монетъ?» Такимъ образомъ онъ опять оставилъ змѣя въ покоѣ; а змѣй продолжалъ доставлять ему каждый день по монетѣ, усыпилъ его бдительность и заставилъ цѣнить суету жизни сей выше всего.

10. Итакъ змѣй опять подкрался неожиданно и ужалилъ его жену. Такъ-то смерть приходитъ къ намъ, яко тать, въ часъ, въ который мы вовсе объ ней не думаемъ, и похищаетъ насъ. Жена вскрикнула. Супругъ со слезами и воплемъ поспѣшаетъ къ ней. Услышавъ о его несчастіи, собрались къ нему сосѣ-

ди, друзья и родственники, и всѣ плакали. Человѣкъ опять собралъ врачей, и обѣщалъ наградить ихъ, если спасутъ жену отъ смерти. Но врачи, истощивъ всѣ средства, не успѣли помочь. Такимъ образомъ умерла и жена, оставивъ своего супруга одинокимъ вдовцемъ. Онъ разсказалъ своимъ друзьямъ и сродникамъ обо всемъ, что змѣй прежде ему сдѣлалъ. Всѣ совѣтовали ему убить змѣя; иначе самъ будетъ умерщвленъ имъ. Онъ принялъ совѣтъ ихъ, пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ жилъ змѣй, и готовился убить его при первомъ появленіи, какъ вдругъ взглянувъ на мѣсто, гдѣ находилъ прежде монету, видитъ вмѣсто ея жемчужину бѣлую, чистую, дорогую, вѣсомъ равную монетѣ. Съ радостію онъ схватилъ ее, съ восторгомъ перекатывалъ на ладони, совершенно забывъ о смерти жены и сына и коня своего, и сказалъ себѣ: «если змѣй золотую монету замѣнилъ чистою и бѣлою жемчужиною; то, конечно, онъ бросилъ и смертоносный ядъ свой, и теперь не вредитъ никому.»

11. Вотъ безуміе! Такъ всѣхъ насъ, возлюбленные, прельщаетъ змѣй суетною сею жизнію, дабы, удаливъ отъ пути спасенія и благости Божіей, предать насъ вѣчному огню. Точно такое дѣйствіе имѣетъ приманка у рыбарей; она потому такъ и называется, что обманомъ привлекаетъ рыбу къ удѣ: рыбарь двигаетъ приманку передъ рыбою, дабы обмануть ее, а когда она повиснетъ на удѣ, смѣется надъ нею и потомъ полагаетъ на огонь. Такъ точно и насъ обманываетъ зло: ибо весь міръ во злѣ лежитъ. Всѣ знаемъ гибельныя слѣдствія грѣха, и не смотря на то всякой съ охотою и поспѣшно идетъ къ нему, чтобы левъ сей растерзавши пожралъ его.

12. Обманутый человѣкъ чрезвычайно обрадовался жемчугу; началъ съ того времени очищать, отирать, опрыскивать и умащать благовонными духами то мѣсто. Змѣй долго носилъ ему по жемчужинѣ каждый день. Накопивши довольное количество жемчугу, человѣкъ взялъ золота, и сдѣлавъ изъ него влагалище, положилъ въ него жемчугъ и осталь-

ныя деньги: потомъ сталъ искать безопаснаго мѣста, гдѣ бы скрыть все это, и искавши долго, нашелъ оное только— подъ изголовьемъ. Тамъ, взрывши землю, онъ скрылъ свое сокровище, не думая ни о женѣ ни о сынѣ. Но между тѣмъ, какъ онъ съ безпечностію предавался упоенію радости, внезапно подползъ къ нему змѣй и ужалилъ его въ ногу. На сильный крикъ его сбѣжались всѣ сосѣди, друзья и сродники и со слезами укоряли его: «не говорили ль мы тебѣ: убей змія, онъ и тебя умертвитъ? Истинно, ты самъ себя убилъ!» Онъ опять призвалъ врачей, и просилъ помочь ему, обѣщаясь съ клятвою дать имъ все, чего ни попросятъ, толькобъ спасли жизнь его. Но врачи, употребивъ множество лекарства, не успѣли помочь ему ни сколько. Наконецъ, отчаясь уже въ человѣческой помощи,— подобно Іову, который говоритъ: «я ожидалъ помощи, а ея не было (Іов. 30, 26), и по слову Давида: *не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, въ нихже нѣсть спасенія* (Пс. 145, 3), — онъ

обратился къ Богу и воззвалъ: «Господи, Господи! исполни единственное мое прошеніе: сохрани мою жизнь, чтобы я могъ принести Тебѣ покаяніе. Удаляться отъ Тебя уже не буду; не будетъ соблазнять меня ни суетная жизнь сія, ни сребролюбіе; все имѣніе свое раздамъ, и, удалясь въ пустыню, буду жить въ уединеніи; отрекусь отъ всѣхъ житейскихъ дѣлъ и беззаконныхъ похотей, буду пещись единственно о своемъ спасеніи и благоугожденіи Тебѣ: ибо теперь я узналъ всю суету и ничтожность жизни сей.» Онъ призывалъ и Святыхъ на помощь, роздалъ множество милостыни бѣднымъ, и далъ обѣтъ Богу не оставлять Его. Богъ услышалъ его молитву и даровалъ ему жизнь.

13. Но оправившись послѣ болѣзни и выздоровѣвъ, онъ позабылъ обѣтъ и клятву, данную Богу, и сказалъ самъ себѣ: «если въ этотъ разъ удалось мнѣ уцѣлѣть, то надѣюсь, что змѣй впредь не причинитъ мнѣ вреда: ибо если бы ядъ его по прежнему былъ смертоносенъ, то я не могъ бы выздоровѣть и

избавиться отъ смерти.» Вотъ обѣтъ и рѣшительность, по видимому, твердыя, а нарушеніе и отступничество—весьма скорыя! Какая жалость! Лучше было бы этому человѣку не родиться. Одинъ человѣкъ, изъ всего созданія, оскорбляетъ и раздражаетъ Бога!—Такимъ образомъ человѣкъ тотъ возвратился на свою блевотину, и сталъ жить хуже прежняго. Какъ ведутъ себя спасшіеся, противъ всякаго чаянія, отъ кораблекрушенія и выздоровѣвшіе послѣ отчаянной болѣзни, когда составили даже духовное завѣщаніе, и какъ ведутъ себя разбойники, освобожденные изъ тюрьмы, послѣ пытокъ и выслушанія смертнаго приговора; точно такъ ведемъ себя всѣ мы. Во время скорбей и искушеній мы прибѣгаемъ къ покаянію; но лишь почувствуемъ облегченіе и улучшеніе своего состоянія, какъ опять начинаемъ грѣшить, а такимъ образомъ то строимъ, то разоряемъ, и трудимся совершенно безъ пользы. Подобно ракъ ползаетъ, то впередъ, то взадъ; и послику ходъ его неправиленъ, то легко и ловятъ его.

Одинъ созидаяй, а другій разоряяй, что успѣетъ болѣе, токмо трудъ (Сир. 34, 23).

14. Итакъ человѣкъ тотъ сталъ жить по прежнему, получалъ каждый день, какъ и прежде, по жемчужинѣ, приговаривая: «обратися душе моя въ покой твой» (Псал. 115, 6). Но когда онъ предавался удовольствіямъ и безпечности, змѣй подкрался опять и уязвилъ его въ руку. На сильный вопль его собрались его сосѣди, друзья и сродники, и укоряя его, говорили: «долголь тебѣ заблуждаться? когда ты образумишься? Долголь Богъ будетъ терпѣть тебя? Ты далъ ему клятвенный обѣтъ, и—нарушилъ. Подлинно исполнились на тебѣ слова Пророка: *Егда убиваше я, тогда взыскаху Его* (Псал. 77, 34), но послѣ помилованія начинали еще хуже вести себя. Больной опять началъ взывать: «Господи, Господи! знаю, что я солгалъ, пренебрегъ Тебя, Господа и Бога моего, не сохранилъ даннаго Тебѣ обѣта. Дай мнѣ прожить только годъ сей, и испытай меня. Доселѣ я не понималъ свое-

го заблужденія, и не замѣчалъ обмана; но впередъ я не вдамся въ обманъ.» Богъ услышалъ молитву его, и онъ остался живъ.

15. Но сей человѣкъ мало по малу опять сталъ предаваться безпечности и нерадѣнію, такъ что наконецъ возвратился на прежній путь. Онъ разсуждалъ: «за чѣмъ пропадать симъ дорогимъ жемчужинамъ, когда столько нищихъ, неимѣющихъ насущнаго хлѣба? Лучше будетъ, если я накоплю ихъ побольше и одѣлю ими бѣдныхъ; тогда моя милостыня послужитъ къ моему оправданію. Потомъ сдѣлаюсь отшельникомъ и буду приносить покаяніе. Можетъ быть, для сего Господь и возвратилъ мнѣ жизнь.» Вотъ, возлюбленные, какъ привлекательно и соблазнительно богатство Притворился несчастный милостивымъ, чтобъ обогащаться больше. Это видно изъ послѣдствій: ибо послѣ сего онъ возненавидѣлъ нищихъ; называлъ ихъ людьми праздными, не предусмотрительными, и вовсе не подавалъ никакой милостыни, а предался роскоши, распутству;

пьянству, не забывая каждый день пересчитывать свое золото и жемчугъ. Но тогда какъ онъ утопалъ въ удовольствіяхъ, и, совершенно забывъ о смерти, говорилъ: «ѣшь, пей, и веселись, душа; много у тебя благъ,» тогда какъ размышлялъ, гдѣ скрыть свои деньги, подобно тому богачу, упоминаемому въ Евангеліи, который говорилъ: *разорю житницы моя, и большія созижду*, и которому сказано было: *безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе; а яже уготовалъ еси, кому будутъ?* (Лук. гл. 12, 18. 20),—въ то время, какъ онъ еще размышлялъ и говорилъ такимъ образомъ, подкрался къ нему змѣй, и изъязвилъ все его сердце. На крикъ его опять сбѣжались сосѣди и друзья, осыпали его укоризнами и говорили: «несчастный! ты худо заботился о душѣ своей. Богъ предостерегалъ тебя отъ смертоноснаго яда змiинаго и смертію любимаго твоего сына и смертію жены. Самъ ты отъ него два раза былъ при смерти. Ты давалъ Богу клятвенное обѣщаніе не прельщаться впредь

суетою богатства, и Богъ по молитвѣ твоей два раза возставлялъ тебя съ одра смертнаго; но ты, заблудшій, не образумился! Справедливо говоритъ Писаніе: несчастіе исправляетъ сердце разумнаго, а безумный не чувствуетъ и бичеванія (Притч. 23, 35). Сколько разъ мы совѣтывали тебѣ убить змѣя, пока онъ не умертвилъ тебя; но ты не послушался насъ; итакъ во всемъ обвиняй самаго себя.» Больной вынесъ свой жемчугъ и золото, и показывая имъ, сказалъ: «все это я отъ него получилъ.» Они, качая головами, отвѣчали: «горе тебѣ, несчастный: ты былъ въ заблужденіи. Все это достанется другимъ, а ты раздражилъ только Бога, погубилъ свою душу и предалъ себя вѣчному огню!»

16. Тогда онъ опять началъ плакать и молиться: «Господи! услышь мою молитву еще одинъ разъ, очисти меня, Боже мой и Господи! помилуй; не бери меня отсюда неготоваго и нечистаго.» Онъ собралъ отвсюду и врачей, и обѣщался отдать имъ все свое имущество, сдѣлаться ихъ рабомъ на всѣ остальные

дни свои, если они избавятъ его отъ смерти; и средѝ лютыхъ мученій говорилъ имъ: «друзья! до сего времени я не зналъ, что смерть такъ горька. Увы мнѣ бѣдному, несчастному! точно я самъ виноватъ въ своемъ заслужденіи, и потому не только не заслуживаю состраданія, но и лишаюсь вѣчной жизни.» Просто сказать: онъ молился и употреблялъ всѣ средства, зависящія и отъ врачей и отъ друзей, чтобъ избавиться отъ смерти; но ничто не помогло. Ибо когда Богъ раздраженъ, кто можетъ помочь? Безъ содѣйствія Божія всѣ усилія врачей безполезны и тщетны. Итакъ умеръ этотъ несчастный мучительною и страшною смертію, зная навѣрное, что все нажитое имъ неправдою, клятвопреступленіями и лихоимствомъ достанется другимъ, которые безъ всякой благодарности къ нему будутъ пользоваться его имѣніемъ, а онъ самъ умираетъ и нагъ, и скорбенъ, съ одними грѣхами и съ увѣренностію, что подвергнется вѣчнымъ и тяжкимъ мукамъ.

17. Итакъ умоляю всѣхъ васъ, возлю-

бленные, во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, всякой день и часъ обращаться къ человѣколюбивому нашему Богу съ покаяніемъ, слезами, исповѣданіемъ, и умилостивлять Его щедро милостынею, да проститъ намъ всѣ согрѣшенія наши и удостоитъ насъ вѣчныхъ благъ своихъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

ЗАКОНЪ и БЛАГОДАТЬ.

Когда законъ противополагаютъ благодати, то обыкновенно разумѣютъ подъ именемъ его тотъ писанный Законъ, который далъ Богъ Іудейскому народу чрезъ Моvсея. «Но я утверждаю, говоритъ Тертулліанъ (*), что еще прежде Моvсеева закона, начертаннаго на каменныхъ скрижаляхъ, существовалъ законъ неписанный, который люди знали по внушенію своей природы.» Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, и въ другихъ, многое говоритъ о законѣ, и разумѣетъ подъ симъ именемъ иногда писанный законъ Моvсеевъ, а иногда естественный законъ совѣсти и ума. Давидъ вообще о законѣ Божіемъ говоритъ такъ: *вѣрны всѣ заповѣди Его*; *тверды*

(*) Lib. contra Iudaeos

на вѣки и вѣки, основаны на истинѣ и правдѣ (Пс. 110, 7—8). По замѣчанію Св. Златоуста (*), «здѣсь не просто поставлено слово: *есть*, но Давидъ имѣлъ въ виду многіе роды заповѣдей, а потому и употребилъ сіе слово. Ибо есть законы, данные при мірозданіи, которые исполняетъ каждое твореніе: – солнце и луна, день и нощь, звѣзды, земля и вся природа. Есть еще законы данные мыслящей природѣ въ самомъ началѣ, когда Богъ образовалъ человѣка. Сіи-то заповѣди разумѣлъ Апостолъ Павелъ, когда говорилъ: *егда языцы не имуще закона естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ* (Рим. 2, 14), также: *соуслаждаюся закону Божію по внутреннему человѣку* (Рим. 7, 22). Наконецъ есть заповѣди написанныя. Всѣ сіи заповѣди тверды и постоянны. А хотя нѣкоторыя изъ нихъ и отмѣнены; но отмѣнены не вполнѣ, а только усовершенствованы. Напримѣръ, заповѣдь: *не*

(*) Comment. in hunc Psalmum. Venetiis 1740 tom. 5, p. 274.

убій не отмѣнена, но распространена; и заповѣдь: *не прелюбодѣйствуй* также не отмѣнена, но только усилена. Посему-то Господь и сказалъ: *не пріидохъ разорити законъ, или пророки, но исполнити* (Мат. 5, 17). Ибо кто не гнѣвается, тотъ тѣмъ болѣе будетъ удерживаться отъ убійства; и кто имѣетъ цѣломудренный взоръ, тотъ тѣмъ болѣе отвращается прелюбодѣянія. Итакъ первая отличительная черта закона состоитъ въ томъ, что онъ вѣчно пребываетъ и постоянно сохраняетъ свою силу: это надобно разумѣть какъ о законѣ физическомъ, такъ о законѣ мыслящей природы, о законѣ ума и о законѣ Новаго Завѣта. Посему Господь, свидѣтельствуя объ ихъ неотмѣняемости, говоритъ: *небо и земля мимо идетъ, словеса же Мои не мимо идутъ* (Мат. 24, 35). Ибо чему должно быть по волѣ Божіей, то пребываетъ всегда, и того ничто не можетъ отмѣнить.—Заповѣди *основаны на истинѣ и правдѣ*,—это значитъ, что въ нихъ нѣтъ ничего неправаго, обманчиваго и темнаго; ничего нѣтъ слишкомъ

пріятнаго или тягостнаго,—но все клонится къ пользѣ и благосостоянію. Законы Божіи не таковы, каковы человѣческіе, которые большею частію измѣняемы, темны, и заключаютъ въ себѣ много человѣческаго; ибо нѣкоторые изъ нихъ поставляются страстями человѣческими.»

Слова Златоуста совершенно справедливы. Но какъ объяснить то, что Апостолъ Павелъ, по-видимому, въ нѣкоторомъ отношеніи не одобряетъ закона, и между прочимъ говоритъ: *аще бо данъ бысть законъ могій оживити, воистину отъ закона бы была правда* (Гал. 3, 21)? — Сіе и подобныя выраженія Св. Апостола Павла нѣкоторые лжеучители (*) употребили во зло, дабы дать большій вѣсъ своему безумному мнѣнію, будто законъ данъ былъ отъ злаго духа. Но мысль Апостола вовсе не благопріятствуетъ ихъ мнѣнію; ибо онъ утверждаетъ, что *законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага* (Рим. 7, 12). Падшій человѣкъ хотя знаетъ, что

(*) Пелагіане и Манихеи.

онъ долженъ дѣлать и не дѣлать, но сіе знаніе еще не сообщаетъ ему силъ къ исполненію его обязанности. И сію-то послѣднюю мысль Апостолъ выразилъ въ словахъ своихъ: *аще бо данъ бысть законъ могій оживити, воистину отъ закона бы была правда* (праведность, оправданіе). Что пользы въ томъ, если ты знаешь, что тебѣ должно дѣлать и чего не дѣлать, а еще не имѣешь желанія то дѣлать, а сего не дѣлать? Къ чему послужитъ даже самое сіе желаніе, когда ты не имѣешь силъ исполнить то, чего хочешь?

Далѣе Св. Павелъ говоритъ: *закономъ познаніе грѣха* (Рим. 3, 29). И сей отзывъ Апостола о законѣ съ перваго взгляда представляется невыгоднымъ. Но Св. Григорій Нисскій прекрасно излагаетъ пользу, проистекающую отъ сего познанія. «Надобно, говоритъ онъ (*), почитать за великое счастіе то безпокойство души, которое происходитъ отъ сознанія грѣховъ, и съ которымъ душа оплакиваетъ порочную жизнь свою. По-

(*) Oratio 3 de beatitud. Parisiis tom. I. p. 780.

смотримъ на тѣлесныя болѣзни. Когда отъ сильнаго поврежденія какая либо часть тѣла онѣмѣваетъ, то ея безчувственность служитъ признакомъ того, что она уже мертва и близка къ гніенію. Если же врачебнымъ искусствомъ опять возвратятъ въ сію часть тѣла чувства жизни, тогда и самъ больной, и врачи его радуются, — и радуются именно тому, что страждущая часть начинаетъ ощущать болѣзнь; ибо они считаютъ вѣрнымъ признакомъ, что болѣзнь излѣчима, когда немощной членъ начинаетъ ощущать дѣйствіе оной. — Такъ точно бываетъ и съ тѣми, которые потеряли всякое чувство скорби о грѣхахъ, и, какъ говоритъ Апостолъ (Еф. 4, 17—19), предались развратной жизни. Такіе люди не имѣютъ ни малѣйшаго сознанія о своихъ грѣховныхъ дѣлахъ, потому что они въ отношеніи къ добродѣтельной жизни дѣйствительно мертвы и близки къ гніенію. Но когда врачующее Слово коснется ихъ сильными и острыми лѣкарствами (я разумѣю страшныя и сильныя угрозы бу-

дущаго суда), когда возбудитъ въ ихъ сердцѣ страхъ къ тому, чего они ожидать должны, т. е. когда представитъ имъ ужасъ геенны, неугасающій огнь, червей неумирающихъ, скрежетъ зубовъ, непрестанный плачь, тьму кромѣшнюю и другія подобныя мученія; когда все это, какъ бы нѣкоторыя жгущія и острыя лѣкарства, часто будетъ прилагать къ ихъ чувству, закоснѣвшему въ удовлетвореніи страстей, и наконецъ доведетъ ихъ до того, что они почувствуютъ гнусность своей порочной жизни: тогда по истинѣ содѣлаетъ ихъ счастливыми тѣмъ самымъ, что возбудитъ въ ихъ сердцѣ таковое чувство скорби.»—Не трудно приложить это къ закону. Въ комъ онъ не производитъ ничего подобнаго, кто по своей закоренѣлости во грѣхахъ не чувствуетъ уже никакого угрызенія совѣсти; тотъ слишкомъ далеко ушелъ на страну разврата. Безсовѣстность и безбожіе значатъ почти одно и тоже. Кто такъ уклонился отъ всѣхъ законовъ, что нимало не слѣдуетъ и естественному, для всѣхъ

общему, закону, о томъ можно сказать что онъ безъ закона согрѣшаетъ (Рим 2, 12).

Итакъ Св. Павелъ и всѣ истинные Посланники Божіи не дѣлали никакихъ невыгодныхъ отзывовъ о законѣ естественномъ и письменномъ. И не должно дѣлать оныхъ; «ибо законъ, по замѣчанію Августина (*), данъ въ пособіе тѣмъ, кои дѣлаютъ изъ него правильное употребленіе, чтобъ они при его содѣйствіи могли знать какъ о полученныхъ уже дарахъ благодати, дабы благодарить Бога за оные, такъ и о томъ, чего еще недостаетъ имъ, дабы усерднѣе просить того.—Ибо въ Писаніи сказано: *всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется* (Іоил. 2, 32), т. е. получитъ здравіе; впрочемъ не то тѣлесное здравіе, которое имѣютъ многіе и не призывающіе имени Господня; но то, которое Спаситель разумѣлъ, говоря: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Мат. 9, 12). А что Онъ разумѣлъ подъ

(*) Epist. 89. Hilario contra Pelag. et Manich.

сими словами, то самъ же тотчасъ объяснилъ въ слѣдующихъ: *не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (ст. 13). Итакъ Господь праведниковъ наименовалъ здравыми, а грѣшниковъ—болящими. Посему болящій не долженъ полагаться на свои силы; ибо онъ *не спасется во множествѣ силы своея* (Псал. 32, 16). Если же онъ вздумаетъ полагаться на нихъ, то ему надлежитъ прежде испытать, таковы ли силы его, каковы у людей здоровыхъ, или таковы, каковы бываютъ у людей страждущихъ горячкою, которые, находясь въ изступленіи и въ самой жестокой болѣзни, обыкновенно думаютъ, будто они такъ здоровы, что вовсе не нуженъ имъ врачъ; а посему, когда онъ съ радушіемъ придетъ къ нимъ, бьютъ его какъ такого человѣка, который намѣренъ причинить имъ непріятность.»

Итакъ не испровергаемъ ли мы закона чрезъ вѣру? вопрошаетъ Апостолъ Павелъ (Рим. 3, 31), и тотчасъ самъ же отвѣчаетъ: *никакъ; но востановляемъ законъ.*—Дѣйствіемъ только всеобщей бла-

годати Божіей ветхій подзаконный человѣкъ облекается *въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу создавшаго его* (Кол. 3, 10),—возобновляетъ въ разумѣ и совѣсти, или въ естественномъ законѣ, тѣ черты образа Божія, которыя въ немъ были изглажены грѣхомъ, и коихъ онъ своими силами никакъ не могъ возстановить. Съ другой стороны, до явленія спасительной благодати, законъ, по выраженію Апостола (Рим. 8, 3), будучи ослабленъ плотію, былъ безсиленъ; но когда Единородный Сынъ Божій, пришедши въ міръ во плоти, научилъ вѣрующихъ въ Него ходить не по плоти, а по духу, и далъ имъ для сего въ помощь свою благодать, получаемую чрезъ вѣру; тогда и законъ пріялъ всю свою силу и власть, поелику началъ быть исполняемъ по его духу, а не по буквѣ.

Но спрашивается: если Слово Отчее хощетъ даровать всѣмъ людямъ помощь къ исполненію закона, то почему не всѣ пріемлютъ оную?—На сей вопросъ Св. Исидоръ Пелусіотъ (*) отвѣчаетъ слѣ-

(*) Epistolar. lib. III. Epist. 271.

дующее: «это бываетъ потому, что благодать Божія сначала испытываетъ свойство сердца, а потомъ уже приступаетъ къ самому дѣлу. Ибо хотя она и благодать (даръ туне даемый), однакожъ изливается не напрасно и не безъ разбора; но отъ тѣхъ, кои принимаютъ ее, беретъ она мѣру и вливаетъ въ нее столь много, сколь велика мѣра. И сія мѣра есть чаша вѣры. Еслибъ она сначала не требовала того, что отъ насъ зависитъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, изливалась бы равно на всѣхъ безъ исключенія. Но поелику она прежде испытываетъ волю и расположеніе сердца, и потомъ уже начинаетъ дѣйствовать (какъ это видно изъ того, что случилось съ чрезвычайно упорнымъ Павломъ, о которомъ сказано: *сосудъ избранъ Ми есть сей*. Дѣян. 9, 15); посему она на нѣкоторыхъ людей нисходитъ и остается при нихъ, отъ другихъ опять удаляется, а нѣкоторыхъ наконецъ вовсе оставляетъ и никогда уже къ нимъ не возвращается.» Заключеніе изъ сего легко можно вывесть.— Призываніе благодати всеобще, но не

всеобще сообщеніе оной. Что мы призваны ко спасенію—это дѣло Божіе; а что живемъ достойно сего званія,—это дѣло Божіе и вмѣстѣ наше. Богъ никогда не дѣлаетъ принужденія свободной волѣ человѣческой.—«Чрезъ законъ Богъ повелѣваетъ, говоритъ Августинъ (*), а по благодати даруетъ; повелѣваетъ чрезъ букву, а даруетъ чрезъ духъ. Ибо закономъ безъ благодати пріумножаются только преступленія, и буква безъ духа убиваетъ. Богъ повелѣваетъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мы старались своими силами исполнить то, что заповѣдано, а когда по слабости своей изнеможемъ подъ закономъ, то просили бы себѣ въ помощь благодати, и совершивъ при ея содѣйствіи какое либо доброе дѣло, воздавали благодарность Тому, Кто намъ вспомоществуетъ. Ибо сила воли не уничтожается отъ того, что ей вспомоществуютъ, но потому-то и вспомоществуютъ ей, что она не уничтожается. Кто взываетъ къ Богу: будь моимъ помощникомъ! тотъ симъ показываетъ,

(*) Epist. 89.

что онъ хочетъ исполнять заповѣди Божіи, и умоляетъ Законодателя о помощи, дабы ему возможно было исполнить оныя.»—Въ самомъ дѣлѣ, отними свободную волю у человѣка, тогда и вспомоществовать будетъ нечему; представь себѣ, что нѣтъ благодати, тогда не будетъ и того, кто даруетъ сію помощь. Дѣло спасенія не иначе можетъ быть совершено, какъ при совокупномъ дѣйствіи благодати и свободы; первая производитъ дѣйствіе,—другая пріемлетъ оное. Никто, кромѣ Бога, не можетъ даровать спасенія; и никто, кромѣ свободной воли, не можетъ принять онаго. Итакъ, что даруется отъ единаго Бога, и даруется только свободной волѣ; то равно не можетъ быть безъ согласія пріемлющаго, какъ и безъ благодати Дарствующаго. И потому справедливо говорятъ, что свободная воля дѣйствуетъ вмѣстѣ съ благодатію совершающею спасеніе, соглашаясь на оное, т. е. пріемля вспомоществованіе; ибо согласіе воли состоитъ въ принятіи спасенія.

Христолюбивый читатель! усвой сіи

немногія мысли о дѣлѣ нашего спасенія. Старайся исполнять законъ, и проси о благодатной помощи. Мысли сіи не наши, но Отеческія: послѣдуй имъ,— и спасайся!

V.

ПИСЬМО

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ТИХОНА, ЕПИСКОПА ВОРОНЕЖСКАГО (*).

Александръ Ивановичъ
Мой благодѣтель!

Благодарствую тебѣ за твою любовь. Что я тебѣ о церкви говорилъ, тое на письмѣ изъясняю, и совѣтъ даю такой: сдѣлайте церковь не высокую, чтобъ она и лѣтняя и зимняя была, то есть теплая съ печкою. Примѣръ возмите съ Соборной Воронежской вновь сдѣланной; а въ высоту нестися не совѣтую. Вамъ менѣе убытка, крестьянамъ не бу-

(*) Напечатано въ первый разъ, съ копіи присланной изъ г. Малоархангельска. Подлинникъ, по увѣренію доставившаго копію, хранится у И. И. Р.

детъ дальнаго отягощенія; и людямъ приходящимъ, и попу съ клириками, и вамъ самимъ въ теплой стоять спокойнѣе и охотнѣе; сами сіе можете за правду признать. А хвастуновъ, которые хотятъ до облаковъ вознестися, а съ крестьянъ и послѣднюю кожу безчеловѣчно сдираютъ, не слушайте, и не подражайте имъ.

Они когда нибудь увидятъ, что тако созидая церкви, не Божіей славѣ, но своимъ прихотямъ и тщеславію служатъ; и церкви высоко вознесенныя имъ ничего не помогутъ, когда крестьянскія слезы предъ страшнымъ судіею Христомъ пролитыя увидятъ, и ужаснутся и смятутся. Что бо пользуетъ храмы строить, а одушевленные храмы разорять? стѣны высокія созидать, а крестьянъ полунагихъ, безъ пищи, соли и потребныхъ къ житію оставлять? Мучительство, а не Богопочитаніе есть. Христосъ въ Евангеліи говоритъ: *милости хощу, а не жертвы.* Разсуждай сіе, что пишу. Долго совѣтуй и думай, и строй.— Я тебѣ, ей ей, на пользу совѣтую и пи-

шу. Богъ да вразумитъ тя, и поможетъ: которому со всѣмъ домомъ твоимъ поручая, остаюсь вашъ слуга и доброжелатель.

Е. Т. Задонскій.

VI.

ВО ВСЕМЪ ЕСТЬ ТАЙНЫ ДЛЯ УМА.

Сіе небольшое сочиненіе, въ которомъ говорится, что во всемъ есть тайны для ума нашего, само заключаетъ въ себѣ тайну. Какъ я могу начертать свои мысли столь ясно и живо, что ихъ могутъ видѣть и понимать другіе? Возможно ли представить въ чувственномъ, видимомъ образѣ душу, невещественную и невидимую? Какое находится отношеніе между понятіями души и мозгомъ, въ которомъ сіи понятія образуются и сохраняются, между дѣйствіями ума и перомъ, которое ихъ изображаетъ? Откуда происходитъ сіе проворство моихъ рукъ, споспѣшествующее дѣйствіямъ размышляющей души, которое передаетъ бумагѣ быстро слѣдующія одна за другою и одна другую смѣняющія

мысли, и даетъ возможность собесѣдовать съ другими такъ, что сія бесѣда не слухомъ пріемлется, но постигается зрѣніемъ?—Такъ, въ самомъ началѣ можно видѣть, что слабѣйшее вниманіе къ самому малому предмету невольно удерживаетъ быстро парящій духъ нашъ, и приводитъ его въ изумленіе. Но не смотря на то, сочиненіе переходитъ изъ рукъ въ руки, изъ библіотеки въ библіотеку, не возбуждая ни въ комъ удивленія; его почитаютъ за весьма обыкновенную вещь, хотя въ самомъ дѣлѣ оно заключаетъ въ себѣ чудеса величайшія.

Но начнемъ *съ насъ самихъ*, и будемъ размышлять объ устроеніи собственнаго нашего тѣла. О, когда бы возможно было войти въ утробу матернюю, и разсмотрѣть тамъ подробно составъ человѣческаго зародыша, расположеніе костей, сплетеніе жилокъ, образованіе членовъ, устройство мускуловъ: то конечно въ ту самую минуту мы бы изумились и сознали слабость своего ума понять и объяснить, какъ все сіе совершается. Какія явленія! Кости, пресѣкающія

одна другую; кровь, разливающаяся по тѣлу на подобіе источниковъ, орошающихъ землю; кожа, исполненная скважинами, растягивающаяся и сжимающаяся по нашему произволу! И все это происходитъ изъ малѣйшаго сѣмени, которое мало по малу образуясь въ совершенный составъ человѣческаго тѣла, возрастаетъ непримѣтно и приходитъ на ту степень величія и совершенства, на какой мы теперь сами себя видимъ. Тщетно самый искусный Анатомикъ будетъ употреблять усилія объяснить все сіе такъ, чтобы разрѣшились всѣ встрѣчающіяся при томъ недоумѣнія. Сколько бы онъ ни говорилъ намъ, что произведеніе на свѣтъ людей совершается по извѣстнымъ законамъ естественнымъ, но долженъ вмѣстѣ съ нами сознаться, что сіи законы непостижимы. Сколько малѣйшихъ насосцевъ и поднимающихся кожицъ на подобіе кровелекъ, сколько ровныхъ пластинокъ и пружинокъ должны образоваться, прежде нежели сія небольшая часть вещества получитъ возможность дѣйствовать по волѣ души!

А что такое *душа?* Не одно ли это пустое наименованіе, или какое дѣйствительное существо, тончайшее и отличное отъ тѣла? Въ опытѣ наша душа представляется чѣмъ-то такимъ, что, входя въ насъ въ опредѣленное время, весь нашъ тѣлесный составъ приводитъ въ движеніе, повелѣваетъ имъ какъ самовластный господинъ, часто мыслію выходитъ изъ насъ и растекается, такъ сказать, по неизмѣримому протяженію тварей, хотя существенно всегда остается въ насъ заключеннымъ: чѣмъ-то, говорю, такимъ, что проницаетъ другое, но само не можетъ быть проницаемо,— видитъ, но само невидимо,—опредѣляетъ и дѣлитъ, но само не подлежитъ ни предѣлу, ни дѣленію.

Что можемъ мы сказать о такой душѣ? Назовемъ ли ее самостоятельнымъ существомъ, или только принадлежностію и видо-измѣненіемъ? Должно ли почитать ее тончайшею матеріею, или существомъ, чисто безтѣлеснымъ, совершенно отличнымъ и независимымъ отъ міра вещественнаго? Если душа наша

вещественна: то какою должно представлять ее: круглою, или четвероугольною, красною или бѣлою? Изъ какого вещества она состоитъ: изъ земли, изъ воздуха, или воды? Какимъ образомъ сія матерія, хотя и тончайшая, можетъ мыслить и желать? Гдѣ вмѣстилище сихъ мыслей и желаній,—во всѣхъ ли частяхъ ея, или въ какой либо одной? И сіи самыя мысли и желанія суть ли также вещественны? И по образованіи своемъ остаются ли въ душѣ, или выходятъ изъ ней? Если же душа невещественна; то новая непонятная тайна! Что это за существо, которое не имѣетъ пространства, однако дѣйствуетъ въ пространствѣ, недѣлимо,—и управляетъ тѣломъ, могущимъ дѣлиться на мѣлкія части? Что это за существо, которое, будучи чрезвычайно дѣятельно, въ продолженіи девяти мѣсяцевъ остается почти безъ всякаго дѣйствія во утробѣ матерней, которое двигаетъ пружины вещества, не видя, не постигая сихъ пружинъ, и не сознавая въ себѣ сей движущей силы? Что это за существо, кото-

рое, будучи ничѣмъ по объему, вмѣщаетъ въ себѣ тысячи будущихъ понятій и знаній, имѣющихъ потомъ распространиться до отдаленнѣйшихъ предѣловъ.

Такъ, еще прежде рожденія нашего на свѣтъ, мы уже заключаемъ въ себѣ безчисленное множество таинъ, могущихъ поразить нашъ умъ изумленіемъ, и заставить насъ сознаться въ крайней ограниченности нашихъ свѣдѣній о природѣ. Сколько въ мірѣ такихъ сочиненій, въ коихъ изслѣдывали и изслѣдуютъ: помышляетъ ли человѣкъ въ утробѣ матерней?—Но можетъ быть, человѣкъ, вышедши изъ сей темницы на свѣтъ солнечный, вдругъ узнаетъ свое начало и конецъ, и можетъ быть, зрѣлище сей вселенной, представившееся его глазамъ, послужитъ ему къ разрѣшенію всѣхъ сихъ сомнѣній? Но что мы видимъ? Человѣкъ при своемъ рожденіи не имѣетъ понятія и разсудка: его младенчество подобно первому возрасту животныхъ! Слышенъ одинъ только вопль, примѣтно дѣйствіе только

чувственности, а не разума. Первые наши дни протекаютъ въ печальномъ незнаніи о насъ самихъ.

Вотъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ мы преходимъ сіе, всѣмъ общее и дѣйствительно плачевное состояніе, и по прошествіи уже оныхъ достигаемъ того возраста, въ коемъ начинаемъ познавать себя, чувствовать и размышлять о томъ, что чувствуемъ. Итакъ мы достигли того счастливаго времени, въ которое, вышедши изъ облегавшаго насъ мрака, узнаемъ дѣйствія своего разума, испытывающаго, сомнѣвающагося, увѣряющагося. Теперь-то, кажется, долженъ быть конецъ нашему невѣдѣнію. Но необузданныя страсти, гораздо болѣе пагубныя, нежели самое невѣдѣніе, заступаютъ его мѣсто. Зависть, любовь, гнѣвъ кипятъ во внутренности человѣка, такъ что сіе малое созданіе исчезаетъ въ неустройствахъ, не успѣвъ достигнуть совершенства и познать само себя точно и опредѣленно. Мы бѣгаемъ сами себя, и часто совсѣмъ не возвращаемся внутрь своея души, смѣшиваемъ дѣй-

ствіе самолюбія съ чистѣйшею добродѣтелію, тягчайшее рабство почитаемъ за истинную свободу, неправду за справедливость, игру нашихъ чувствъ и воображенія за возвышенность мыслей. Надобно дѣйствовать на насъ угрозами, или убѣждать самыми чувственными обѣщаніями, чтобы заставить насъ заниматься ученіемъ, которое бы и просвѣтило нашъ разумъ и исправило нравъ. Такъ-то человѣкъ, рожденный къ познанію самаго себя, никогда себя не познаетъ, если не будетъ принуждаемъ къ тому страхомъ или угрозами! Среди такихъ-то препятствій разумъ нашъ долженъ образоваться! Но оставимъ картину юныхъ лѣтъ, въ которыя человѣкъ представляется еще столь малымъ и ничтожнымъ, хотя и начинаетъ уже думать о себѣ, какъ о владыкѣ вселенной. Можетъ быть, съ теченіемъ времени онъ достигнетъ надлежащей высоты и совершенства.

Но выслушаемъ искреннее сужденіе нашего разума о себѣ самомъ въ зрѣломъ его возрастѣ. «Вотъ, мыслитъ онъ,

уже нѣсколько лѣтъ я вижу свѣтъ Божій, но доселѣ еще не могу познать самаго себя и окружающіе меня предметы; я не знаю даже мѣста моего пребыванія: въ головѣ ли, или въ сердцѣ, или во всемъ тѣлѣ я нахожусь. Философы о семъ разногласятъ между собою, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, не могши согласить многихъ противорѣчій, и допустить несообразностей, сами вдались еще въ большія, предполагая, будто душа находится внѣ тѣла, и имѣетъ на него такое же вліяніе, какъ солнечные лучи на планеты, или на цвѣты земные.» Важность въ томъ состоитъ, что мы не понимаемъ, откуда наши способности и знанія непосредственно происходятъ, и что мы выводимъ душу на разсмотрѣніе сея громады вселенной, на подобіе свѣтильника, не имѣя возможности увидѣть и опредѣлить, гдѣ онъ сіяетъ. Что можетъ быть сего унизительнѣе для мудрецовъ земныхъ?

Сколько другихъ различныхъ дѣйствій совершается въ насъ, кои могутъ при-

весть въ замѣшательство всѣхъ нашихъ Философовъ! Безъ намѣренія кладу я въ ротъ кусокъ простаго хлѣба; жую его зубами, поглощаю; и онъ вскорѣ во внутренности моей производитъ тысячу чудесныхъ дѣйствій. Онъ претворяется въ бѣлый и пурпуровый сокъ, который, разливаясь по жиламъ, превращается наконецъ въ мое тѣло, питаетъ мое сердце, и укрѣпляетъ его силы къ продолженію дѣйствій.

Итакъ мы не можемъ обратить на себя взора, не чувствуя удивленія, подобнаго ужасу. Только привычка дѣлаетъ насъ нечувствительными и невнимательными къ величайшимъ таинствамъ, въ насъ заключающимся. Къ чудесамъ природы привыкаетъ человѣкъ такъ, что почитаетъ за обыкновенное то, что совершенно выше его понятій. Не чудное ли дѣло, что вещество, въ которомъ живетъ духъ, двигается и странствуетъ, по произволенію одной мысли; что сіе множество разумныхъ существъ, составляющихъ общество человѣковъ, обтекаетъ въ тѣлесномъ видѣ города и села? Всѣ

мы граждане чудеснаго міра: но находящійся въ насъ міръ, сей міръ, который желаетъ и отвращается, который воображаетъ, соединяетъ свои понятія, споритъ, разсуждаетъ и умствуетъ, несравненно удивительнѣе! Какая совокупность намѣреній и предпріятій, какое смѣшеніе надеждъ и желаній, пристрастія и отвращенія, понятій и представленій въ маломъ пространствѣ нашего мозга! Въ немъ изобрѣтаются способы къ управленію государствъ, въ немъ дѣлаются начертанія войны, въ немъ ищутъ средствъ къ достиженію счастія; наконецъ въ немъ цѣлая сія громада вселенной какъ бы совмѣщается въ одну точку, подобно тому, какъ въ темной комнатѣ, при извѣстныхъ дѣйствіяхъ отраженія лучей солнечныхъ, совокупляется и совмѣщается на одной доскѣ все, что ни происходитъ кругомъ на самое отдаленное просранство.

Сколько новыхъ таинъ представляетъ намъ *сонъ!* Возможно ли его не только опредѣлить, но и понять? Тѣло лежитъ безъ движенія, какъ какой нибудь кусокъ

безжизненнаго вещества; оно покоится, дѣйствія чувствъ удержаны: одинъ духъ, неутомимый въ своихъ упражненіяхъ, дѣйствуетъ или углубившись въ себя самаго, или растекаясь мыслію по предметамъ, ему представляющимся. Человѣкъ въ состояніи сна говоритъ, не двигая языка, видитъ, не открывая глазъ, ходитъ безъ употребленія ногъ, осязаетъ безъ помощи рукъ. Каждая ночь есть новый міръ, въ которомъ мы обращаемся посреди призраковъ и мечтаній. Таково же, кажется, состояніе людей, лишенныхъ ума и пришедшихъ въ безпамятство; таково и младенцевъ, еще не пришедшихъ въ сознаніе.

Но до какой степени простирается изумленіе и замѣшательство мудрецовъ, когда представляется ихъ разсмотрѣнію часъ нашея *смерти!* То допускаютъ они переселеніе души; то совершенное и невозвратное ея уничтоженіе; то тѣсное соединеніе ея со всеобщимъ веществомъ міра, коего будто бы часть она составляетъ, то странствованіе ея по различнымъ необитаемымъ мѣстамъ.—Но по-

слѣ всего изслѣдованія о душѣ несомнѣннымъ остается то, что она совершенно закрыта въ существѣ своемъ отъ взора смертныхъ. Сіе безчисленное множество книгъ, въ коихъ разуждается о душѣ, въ коихъ она представляется въ различныхъ видахъ, малѣйшею едва вообразимою точкою, или имѣющею нѣкоторое протяженіе, простою или сложенною, вѣчною или исчезающею, представляетъ неисходимый лабиринтъ затрудненій, и безчисленное множество противорѣчій, въ насъ самихъ находящихся. Вообще созерцатели природы и духа могутъ скорѣе сказать, что душа наша *не есть*, нежели, что она есть по существу своему.

Выходя изъ насъ самихъ, мы не болѣе найдемъ свѣта и въ мірѣ, насъ окружающемъ. Мы видимъ, окомъ своего ума, только внѣшнія качества и наружныя дѣйствія предметовъ, но мало знаемъ ихъ внутреннія свойства и самую сущность: подобно тому, какъ и чувственный взоръ нашъ видитъ только поверхность вещей, а во внутренность ихъ

отнюдь не проникаетъ, и, что тамъ есть или бываетъ, видѣть не можетъ. Здѣсь новыя для насъ затрудненія, новыя тайны! Простой муравей, котораго я попираю ногами, содержитъ въ себѣ много чуднаго. Круговращеніе крови, игра мускуловъ, сплетеніе жилокъ, проворство членовъ, являютъ въ семъ презираемомъ нами животномъ столь же удивительное строеніе, сколько чуденъ составъ и моего тѣла. — Что такое муравей? Мыслитъ ли онъ, или есть только простая машинка? Но если онъ мыслитъ, то можетъ ощущать впечатлѣніе добра и зла,—можетъ чувствовать болѣзнь; а если чувствуетъ болѣзнь: то какимъ образомъ можно согласить сіе съ правосудіемъ и благостію Бога, подъ правленіемъ коего никакое невинное созданіе не можетъ страдать? Напротивъ, ежели муравей есть ничто иное, какъ самоходная или самодвижная машинка: то откуда происходитъ въ немъ столь великая хитрость, такое предчувствіе приближающагося бѣдствія, такая осторожность въ уклоненіи отъ стопы путника

или клева птички, хотящей поглотить его? И для чего онъ такъ же, какъ и мы, подвергается страданію? Вотъ какъ непонятно и неразрѣшимо для мудрецовъ бытіе одного простаго муравья! Что сказать о другихъ *животныхъ*, въ коихъ жизнь открывается яснѣе, и видимо выражается не только въ ощущеніи, и нѣкотораго рода мышленіи, но даже и въ подобіи нравственныхъ чувствъ и дѣйствій — любви, благодарности, великодушія, и пр.? Души, одаренныя сими качествами, хотя и безъ самосознанія, безъ идеи о безконечномъ, къ какому роду существъ должны быть отнесены? Какая цѣль бытія ихъ? Продлится ли сіе бытіе ихъ послѣ смерти? Гдѣ и какъ? Вопросы неразрѣшимые!

Если теперь перейдемъ къ *растеніямъ* и цвѣтамъ, то признаемся, что здѣсь одно сплетеніе малаго листочка есть для насъ неразрѣшимое явленіе. Тщетно мы при семъ употребляемъ въ помощь микроскопъ и кубикъ. Одинъ увеличиваетъ вещь; чѣмъ, повидимому, доставляетъ возможность разсмотрѣть и уз-

нать ее во всѣхъ подробностяхъ; но въ самомъ дѣлѣ только увеличиваетъ наше недоумѣніе, открывая въ ней множество такихъ частей и предметовъ, коихъ простой взоръ представить и умъ вообразить никогда бы не могъ. Другой выжимаетъ изъ листочка сокъ, который для насъ удивительнѣе самаго растенія, производящаго оный. Сокъ, образующійся во внутренности земной и заимствующій часто изъ сухаго и лишеннаго всякой влаги песка силу питать вѣтви, разширять и украшать листки, производить цвѣты и плоды, и наконецъ сообщать каждому изъ нихъ свой особенный запахъ и вкусъ, тогда какъ всѣ они находятся на одной и той же полосѣ земли, — такой сокъ растеній навсегда останется загадкою для слабаго нашего разума! . . . .

Понимаемъ ли мы, сколько нибудь, какъ зерна и растенія взаимно производятъ другъ друга? Почему согнитіе пшеничнаго зерна служитъ необходимымъ условіемъ, чтобъ изъ него выросъ на высокомъ стеблѣ красивый ко-

лось со множествомъ новыхъ и свѣжихъ зеренъ? Какимъ образомъ пылинка, приходя въ брожeніе, согрѣваясь, подвергаясь многимъ другимъ внутреннимъ дѣйствіямъ и химическимъ процессамъ, наконецъ превращается въ розу или тюльпанъ? Откуда также сіе разнообразіе красокъ въ цвѣтахъ? Тщетно нѣкоторые ученые хотѣли удалить непонятность, говоря, что различіе цвѣтовъ не въ самыхъ предметахъ, но въ нашихъ глазахъ находится. Намъ столько же мало извѣстенъ и глазъ чувствующій, какъ и цвѣтъ, имъ чувствуемый!

Равнымъ образомъ изнемогаетъ взоръ и умъ нашъ, взирая *на моря*, населенныя разнаго рода и вида животными и раковинами. Какія чудеса въ нихъ, начиная отъ кита, до самыхъ маленькихъ рыбокъ! Какая постепенность въ толикомъ множествѣ безчисленныхъ существъ, кои всѣ живутъ водою такъ же, какъ мы дышемъ воздухомъ, которыя находятъ себѣ тамъ жизнь, гдѣ мы себѣ находимъ смерть. Станемъ ли мы изъяснять сіи явленія: но намъ неиз-

вѣстно и самое свойство жидкихъ тѣлъ, и напрасно мы ихъ называемъ частицами цилиндрическими. Мы никогда не дойдемъ до познанія ихъ сущности, и всегда будемъ имѣть одно поверхностное о нихъ знаніе.— Но сколь несравненно болѣе умножатся наши затрудненія, когда возведемъ взоръ къ *тверди небесной!* Сей новый міръ, хотя есть вмѣстилище солнца и другихъ свѣтилъ, сіяющихъ собственнымъ величественнымъ свѣтомъ, для насъ, для ума нашего едвали не всѣхъ другихъ предметовъ и темнѣе и непонятнѣе. Одна какая нибудь комета, появляющаяся вдругъ на тверди небесной, блуждающая, такъ сказать, между другими тѣлами небесными, неимѣющая вѣрнаго опредѣленнаго вида и хода, сколько представляетъ собою непостижимыхъ явленій! Откуда она получаетъ такой яркой блескъ? Какъ, и изъ чего составляется сіе чудное протяженіе лучей, сопутствующее ей? Изъ какой безпредѣльной бездны эѳира она выходитъ, чтобы блистать и изумлять своимъ необычайнымъ блескомъ? Зачѣмъ съ та-

кимъ необычайнымъ стремленіемъ бѣжитъ она къ солнцу, какъ бы намѣреваясь погрузиться въ немъ? И кто вдругъ удерживаетъ ее, когда она уже бываетъ въ самомъ близкомъ разстояніи отъ царя планетъ? Кто, такъ сказать, бросаетъ ее назадъ на такое пространство, въ коемъ солнце ей представляется, можетъ быть, не болѣе свѣтлой точки?

Но нѣтъ нужды говорить о кометахъ, чтобы убѣдиться въ ничтожности нашихъ познаній о мірѣ. Уже болѣе семи тысячъ лѣтъ люди видятъ неподвижныя свѣтила на небѣ, усматриваютъ надъ главами своими распростертую великолѣпную завѣсу, испещренную безчисленнымъ множествомъ сихъ сіяющихъ точекъ, и доселѣ многіе ли могли въ полетѣ своего ума вознестись до оной, и коснуться хотя единаго ея края? Но можетъ ли кто проникнуть за оную, узнать то, что находится тамъ, по ту сторону видимой нами звѣздной системы, можетъ быть, въ центрѣ міровъ? Сюда и проникнуть не смѣетъ взоръ и умъ нашъ; здѣсь все покрыто

для насъ священнымъ мракомъ! Когда мы устремимъ взоръ свой къ небу,— во время ли яснаго дня, когда солнце, изшедши, яко женихъ, изъ чертога своего, въ величественномъ и недоступномъ для слабыхъ очей сіяніи течетъ отъ края до края небесе, и какъ бы царствуетъ на тверди небесной, затмѣвая собою блескъ всѣхъ прочихъ свѣтилъ, озаряя и согрѣвая землю и другіе міры вращающіеся вкругъ него,—или во время глубокой мрачной ночи, когда безчисленные сонмы отдаленнѣйшихъ свѣтилъ, среди священной тишины въ стройномъ порядкѣ идутъ опредѣленнымъ для нихъ небеснымъ путемъ, и смотрятъ съ высоты на нашу землю, какъ бы маня къ себѣ еще не спящихъ и погруженныхъ въ мечты ея обитателей; — когда, говорю, мы устремимъ взоръ свой къ небу, тогда умъ нашъ невольно останавливаетъ пареніе своихъ мыслей, и, можно сказать, погружается въ чувство: благоговѣніе, изумленіе, священный трепетъ заступаютъ въ душѣ мѣсто размышленія. О свѣтлое и мрач-

ное небо! откуда въ тебѣ сіи разнообразныя, но правильныя движенія, откуда такое множество лучей? Каждая малѣйшая точка, едва видимая простымъ глазомъ, сіяющая въ высотахъ твоихъ, есть, можетъ быть, такое же солнце, какъ наше, есть огненный океанъ, всегда разстилающійся своими лучами на неизмѣримое пространство, и никогда неизсякающій. Но для чего сіи безчисленныя солнцы? Суть ли онѣ только какъ бы блестящіе свѣтильники, повѣшенные для украшенія неба, для освѣщенія человѣку мрачныхъ путей земныхъ въ глубокую ночь, и возбужденія въ немъ чувствъ сугубаго благоговѣнія къ великому Творцу міра? Или онѣ суть источники и вмѣстилища свѣта,— каждый для своего круга, — и должны освѣщать и согрѣвать свои міры, кои, можетъ быть, такъ же вращаются вокругъ ихъ, какъ наша земля и планеты вокругъ зримаго нами солнца? Или наконецъ и сами суть жилища какихъ либо одушевленныхъ, разумныхъ существъ, можетъ быть, даже высшихъ

по природѣ, нежели люди, — какихъ либо Ангеловъ, къ коимъ и изъ насъ поживщіе въ добродѣтели и благочестіи преселяются на вѣчное, радостное пребываніе? Умъ изнемогаетъ при размышленіи о нихъ! Когда только представимъ безчисленное множество сихъ небесныхъ свѣтилъ, ихъ непостижимую отдаленность отъ нашей земли, и необъятную величину, предъ коею наша планета, можетъ быть, менѣе, чѣмъ дѣтской шарикъ предъ величайшею горою,—когда представимъ ихъ плавающими въ безконечномъ пространствѣ подъ стопами Творца міровъ; то кто не воскликнетъ: *Что есть человѣкъ, яко помниши его, Господи!*

Такимъ образомъ все, что есть надъ главами и подъ ногами нашими, — все, что находится внѣ и внутри насъ, есть загадка и тайна. Съ давнихъ временъ Философія желала и старалась проникнуть въ святилище сихъ таинъ: но и доселѣ остается только въ преддверіи онаго, и конечно навсегда останется въ немъ.

Что скажемъ о *времени,* которое насъ

влечетъ своимъ стремленіемъ, и въ которомъ исчезаетъ наша жизнь; о времени, которое, бывъ раздѣлено на часы и минуты, проходитъ столь скоро и быстро, что ни ощутить, ни опредѣлить сего невозможно? Мы плаваемъ въ неизмѣримомъ пространствѣ его, какъ въ какомъ необъятномъ морѣ; а безпрестанно приражающіяся и отражающіяся волны его теряются въ безвѣстномъ отдаленіи. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ настоящее, которое, конечно, есть что нибудь дѣйствительное, вдругъ превращается въ небытіе, въ ничто; а будущее, котораго совсѣмъ еще нѣтъ, во мгновеніе и, можно сказать, на мгновеніе же становится чѣмъ-то имѣющимъ бытіе? Если бы мы для припамятованія и опредѣленія времени не воображали нѣкоторыхъ эпохъ: то ничего бы не знали о его бытіи и продолженіи. Оно намъ даетъ и отнимаетъ у насъ жизнь, мы пользуемся имъ, но сами не знаемъ, что такое оно, и гдѣ находится. Завтрашній день стольже далекъ отъ насъ, какъ тысяча лѣтъ; и цѣлый буду-

щій годъ къ намъ ближе, нежели день вчерашній. Непостижимое чудо, — чудо всегда древнее и всегда новое!

И кто бы теперь могъ повѣрить, что человѣкъ, не могши понять ни самаго себя, ни того, что его окружаетъ и освѣщаетъ, и шествуя по путямъ столь мрачнымъ, могъ познать Бога такъ, чтобъ въ семъ познаніи все было понятно и ясно, и не оставалось для него никакой тайны! Но есть люди, которые, по заключеніямъ своего дерзкаго ума разсуждая о Богѣ, думаютъ, что познали Его столько, что ясно могутъ опредѣлить Его существо, свойства и дѣйствія, и въ сей мысли хотятъ опровергнуть истину и откровенія и вѣры, только потому, что въ нихъ заключается великое множество таинъ для ума. Но мы спросимъ васъ, умы самонадѣянные, вы, которые почитаете себя свѣтильниками знанія и всемірными учителями: ужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что познали Бога, непостижимаго, вѣчнаго, безконечнаго? И не находите ли вы тайны въ одномъ понятіи

о Божествѣ? Измѣрили ли вы всю глубину, въ семъ одномъ понятіи заключающуюся? Не исчезаетъ ли смѣлая мысль ваша въ безпредѣльной безконечности, и въ вѣчности, неимѣющей ни начала ни конца? Какъ вы можете постигнуть Бога, имѣвшаго бытіе тогда, какъ не было ни земли, ни неба, ни одного видимаго или невидимаго существа,—Бога, для котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а все настоящее;—Бога, дѣйствующаго во всемъ томъ, что мы видимъ и осязаемъ, но безконечно различнаго отъ всего нами представляемаго, такъ что ни одна тварь во всей вселенной не можетъ быть примѣнена къ Нему, чтобы по ней можно было составить правильное понятіе о какомъ либо свойствѣ Его? О коликое множество таинъ!

Богъ самъ въ себѣ! Какая непостижимость! Какая глубина! Вообразимъ на время, что мы еще не существуемъ на свѣтѣ, или по крайней мѣрѣ, что вокругъ насъ ничто не существуетъ, что самое наше тѣло еще не получило дѣйстви-

тельнаго бытія, и наша душа или мысль, какъ нѣкая вращающаяся пылинка, носится въ безпредѣльномъ пространствѣ; перенесемъ себя, если можно, до того непонятнаго времени, когда свѣта еще не было, когда и самое время не было еще время, ибо и быть еще не начинало: какое сильное и живое воображеніе можетъ вполнѣ начертать себѣ сію непостижимую картину? И въ сіе-то непонятное время, всю сію неизмѣримую бездну, неимѣющую ни вида, ни предѣловъ, отъ вѣчности преисполнялъ своимъ непостижимымъ бытіемъ Богъ,— самосущій, вѣчный, неизмѣняемый, неимѣющій нужды ни въ какомъ другомъ бытіи, и только по единой своей свободѣ и благости благоволившій создать безчисленное множество всякихъ тварей, для ихъ же блага. Какъ бы глубоко ни проницалъ разумъ человѣка; но здѣсь, въ сей безпредѣльной глубинѣ Божія существа, по необходимости, скользитъ на одной поверхности всякой умъ, не человѣческій только, но и Серафимскій.

И когда въ одномъ понятіи о Боже-

ствѣ находится толикое множество таинъ; то какое право имѣютъ натуралисты не принимать Откровеніе только по причинѣ его таинствъ? «Но сіи таинства, говорятъ они, гораздо непостижимѣе въ Богѣ тріѵпостасномъ, въ Богѣ воплощенномъ и умершемъ на Крестѣ.» Но кто изъ знакомыхъ съ науками не знаетъ того положенія, признаннаго во всѣхъ Философскихъ школахъ за неоспоримое, въ силу коего *безконечное всегда себѣ равно*, или нѣтъ безконечнаго болѣе другаго безконечнаго (Non datur infinitum infinito majus)? Отсюда необходимо слѣдуетъ, что Богъ въ томъ понятіи, въ какомъ Христіане представляютъ Его вѣрою, равно непостижимъ и безконеченъ, какъ и Богъ почитаемый натуралистами: *безконечное всегда себѣ равно.* Одно понятіе о Божествѣ заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ первыя таинства, изъ которыхъ прочія по необходимости вытекаютъ: но между тѣмъ они востаютъ противъ откровенной Религіи потому только, что она заставляетъ насъ вѣрить. Какое несправедливое, или лучше ска-

зать, нелѣпое заключеніе!—Разумъ сихъ людей при представленіи Божества, будучи не въ силахъ понять и изъяснить себѣ безконечныя Его свойства и дѣйствія, невольно многое оставляетъ на вѣру: почему же онъ вполнѣ не предается сей вѣрѣ, которую предлагаетъ ему Законъ Христіанскій, требующій отъ него, такъ же какъ и законъ естественный, глубочайшаго благоговѣнія, смиренія и поклоненія, и обѣщающій въ замѣнъ сего раскрыть и сообщить изъясненіе многихъ Божественныхъ таинъ (хотя такимъ же таинственнымъ образомъ) еще въ настоящей жизни; а въ будущей и полное лицезрѣніе тріvпостаснаго и нераздѣльнаго Божества.

Богъ всегда и вездѣ самъ себѣ равенъ, какъ въ природѣ, такъ и въ откровеніи, всегда безконечно благъ и великъ, присущь каждой твари и каждому дѣйствію, и во всемъ равно непостижимъ. Въ царствѣ природы Онъ все содержитъ и все животворитъ своею силою, начиная отъ огромнѣйшихъ массъ, вращающихся въ высотахъ неба, до малѣйшаго насѣ-

комаго. Трогается ли листокъ на деревѣ,— это происходитъ по манію Божію; перемѣняетъ ли мѣсто песчинка,—это бываетъ по Его волѣ. Богъ, по выраженію Св. Писанія, носится на крылахъ вѣтренныхъ, даетъ пищу птенцамъ врановымъ, Его призывающимъ, направляетъ полетъ малѣйшей птички, упадающей на землю, исчисляетъ власы нашей главы, печется о лиліяхъ покрывающихъ поля, украшаетъ цвѣты красотою и великолѣпіемъ, а сердца человѣческія—добродѣтелями. Солнце не могло бы освѣщать землю, если бы Онъ не сообщалъ ему свѣта; земля потому изобилуетъ произрастеніями, что Онъ ее дѣлаетъ плодоносною; море потому не выходитъ изъ своихъ береговъ, что Онъ сказалъ ему: «доселѣ дойдеши и не прейдеши», и Самъ удерживаетъ волненіе въ пучинахъ его; сердце наше трогается и бьется потому, что Онъ приводитъ его въ движеніе, наконецъ все наше тѣло потому удерживаетъ въ себѣ теплоту и начало жизни, что Онъ его сохраняетъ. Въ Богѣ имѣемъ мы свое бытіе и жизнь; *о Немъ*

живемъ, и движемся и есмы. Онъ есть та безконечная премудрость, которая является въ законахъ и силахъ природы, которая въ поляхъ разсѣваетъ прахъ и пепелъ, а въ небесахъ разливаетъ свѣтъ, которая даетъ теченіе источникамъ водъ, украшаетъ зеленью лѣса, и сіяніемъ звѣзды. Теперь Онъ отверзаетъ мнѣ врата жизни, а завтра отворитъ врата смерти. Онъ даетъ намъ бытіе, Онъ же и отъемлетъ нашу жизнь.

Если такъ, если Богъ всегда и всему присущъ, и дѣйствуетъ во вселенной; въ чемъ должны согласиться и самые натуралисты, (если только не хотятъ они представить, что Богъ по сотвореніи міра пребываетъ въ бездѣйствіи и заключеннымъ, такъ сказать, въ самаго себя): то чтожъ препятствуетъ представить Его дѣйствующимъ еще ближе и непосредственнѣе на человѣковъ, когда сіе нужно для блага ихъ, когда безъ сего, одаренныя свободою существа, отъ собственнаго злоупотребленія сей свободы, должны подвергнуться вѣчному злу? Что препятствуетъ представить Его входя-

щимъ самымъ ближайшимъ образомъ въ состояніе рода человѣческаго измѣряющимъ, такъ сказать, собственнымъ опытомъ слабость его природы, и то, что она въ состояніи понести или произвести при содѣйствіи свыше? Безконечность существа Его? Но она-то и не позволяетъ намъ сказать, что Богу приличествуетъ или нѣтъ, что сообразно съ Его бытіемъ, или несообразно. Впрочемъ сія самая безконечность Божественнаго существа не сокращаетъ ли, такъ сказать, сама себя, въ естественномъ провидѣніи, когда мы видимъ, что Богъ управляетъ каждою тварію порознь и всѣми вообще, поддерживаетъ ихъ бытіе, и располагаетъ каждымъ ихъ движеніемъ и дѣйствіемъ, не стѣсняя впрочемъ свободы существъ разумныхъ? Не препятствуетъ ли тому величіе Божіе? Но будто Богу не прилично, уничижительно принимать на себя бренную плоть, страдать и умирать? Притомъ, кто, и на какихъ началахъ, составляетъ понятіе о великомъ и маломъ? Не часто ли сіи понятія у насъ совер-

шенно измѣняются? Не всегда ли почти онѣ составляются не по истиннымъ отношеніямъ между собою предметовъ и дѣйствій, а по нашимъ страстямъ, хотя не рѣдко тонкимъ и едва примѣтнымъ? Разсуждая здраво, и принимая опять въ соображеніе прежнее положеніе, что *безконечное всегда само себѣ равно*, мы и здѣсь должны согласиться, что воплощеніе Бога, и Его страданіе во плоти ни сколько не унижаютъ и не измѣняютъ высочайшаго существа Его. Богъ всегда равно великъ, какъ въ царствѣ природы, такъ и въ царствѣ Благодати. Тамъ Онъ производитъ твари изъ ничего, возжигаетъ безчисленные миріады солнцевъ, водитъ ихъ перстомъ Своимъ въ необъятномъ пространствѣ небесъ: здѣсь возстановляетъ и возсозидаетъ падшую тварь изъ грѣха и растлѣнія, просвѣщаетъ омраченные умы человѣковъ, указуетъ имъ въ ученіи и дѣлахъ Своихъ истинный путь къ небу. Тамъ Онъ является въ громахъ, сотрясая ими сердца горъ, повелѣваетъ вѣтрами и моремъ,

украшаетъ цвѣтами и плодами землю здѣсь кроткимъ гласомъ сокрушаетъ каменныя сердца грѣшныхъ человѣковъ, укрощаетъ въ нихъ бури страстей, и своимъ благодатнымъ дѣйствіемъ дѣлаетъ людей способными къ духовному плодоношенію. Тамъ открываются совершенства и свойства Его болѣе, такъ сказать, *физическія,* а здѣсь—*нравственныя;* тамъ является болѣе Его *всемогущество,* здѣсь—*любовь.* Даже можно сказать, что, по отношенію къ намъ, Богъ въ откровеніи является величественнѣе, нежели въ природѣ. Не удивительно представлять Его Владыкою неба и земли, воздуха и морей, гремящимъ въ небесахъ и вседѣйствующимъ на землѣ: созерцаніе всѣхъ сихъ дѣйствій Божества, можно сказать, ничего не придаетъ къ тому понятію о величіи Его, которое составляетъ о Немъ нашъ разумъ. Но Владыка міра и рыдающій въ ясляхъ, вѣчный и раждающійся, всемогущій и облеченный немощами младенчества, всеблаженный и страждущій, источникъ жизни и умирающій на крестѣ,—и при-

томъ все сіе подъявшій для спасенія погибающаго человѣка: это такія понятія, въ коихъ открывается столь безконечное величіе любви и благости Божіей, котораго разумъ нашъ самъ по себѣ и изъ созерцанія одной природы никогда бы не увидѣлъ и не позналъ! Посему и самъ Іисусъ Христосъ, подъемля послѣднюю чашу страданій Своихъ, сказалъ, что теперь-то прославился и Онъ и Богъ чрезъ Него: *нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися о Немъ!*

Но совопросники вѣка сего все еще продолжаютъ свое упорство, и не могши не сознать въ таинствѣ воплощенія величія любви Божіей, говорятъ непрестанно: *для чего* это было? *Для чего Богъ, который могъ спасти міръ однимъ Своимъ произволеніемъ, сего не сдѣлалъ? Для чего Онъ, создавъ и искупивъ весь родъ человѣческій, чтобы всѣ могли получить вѣчную жизнь и блаженство, не всѣхъ удостоиваетъ онаго? Для чего Іисусъ Христосъ, пришедши на землю, не далъ о своемъ пришествіи яснаго свидѣтельства всему міру,*

такъ чтобы никто не могъ усумниться въ Его Божественномъ достоинствѣ? и пр.—Остановитесь, высокоумствующіе, или, вѣрнѣе сказать, дерзкіе умы! Если всѣ сіи и подобные вопросы, по вашему мнѣнію, необходимо требуютъ разрѣшенія, чтобы можно было принять за несомнѣнную истину воплощеніе Божіе: то какимъ образомъ вы сами можете допустить бытіе Бога, Создателя и Промыслителя вселенныя? Ибо то же самое оружіе мы можемъ обратить на васъ, и сдѣлать вамъ столько же вопросовъ, на которые вы не въ состояніи отвѣтить ничего удовлетворительнаго. Для чего, напримѣръ, Богъ, произведши людей въ міръ, попустилъ, чтобы одни изъ нихъ были велики, а другіе малы; одни провождали жизнь въ бѣдности, а другіе въ богатствѣ; одни блистали славою, а другіе жили въ глубокомъ мракѣ неизвѣстности; одни трудились до пота, а другіе только пользовались ихъ трудомъ? Для чего на землѣ находится множество тварей, которыя и сами не ощущаютъ своего бытія, и къ человѣку, какъ

земному царю природы, не имѣютъ никакого видимаго отношенія, прямаго или посредственнаго? Для чего толикое множество столь возвышенныхъ горъ, коихъ вершины недосязаемы часто даже и взору, не только стопамъ человѣка? Для чего столько пространныхъ и безплодныхъ степей, коихъ пески съ перваго дня міра зыблются въ совершенной безвѣстности? Для чего разсѣяно по лицу земли столько существъ, вредныхъ и другъ для друга, и для человѣка, владыки земнаго? Для чего столько ядовитыхъ гадовъ, столько хищныхъ птицъ, кровожадныхъ звѣрей? Для чего такія существа, каковы мы—человѣки, получившіе бытіе отъ Бога — премудраго и всеблагаго, одаренные такими высокими способностями души и тѣла, предназначенные къ счастію и добродѣтели, почти непрестанно бываемъ игралищемъ собственныхъ страстей своихъ, подвергаемся безчисленнымъ бѣдствіямъ, заблуждаемъ въ невѣжествѣ, и часто не знаемъ ни добродѣтели ни счастія, и не имѣемъ даже надежды познать оныя?

О, куда бы вы ни обратились, избѣгая таинствъ Откровенія, вездѣ васъ окружать будутъ подобныя таинства, коихъ вашъ разумъ никогда не постигнетъ!

Безконечная премудрость! Должно ли проницать толикое множество завѣсъ, чтобы Тебя узрѣть и постигнуть? Боже нашъ, Ты истинно *Сый*; а мы ничто, или одна только тѣнь существа, исчезающая предъ свѣтомъ Твоимъ! Языкъ нашъ нѣмѣетъ, какъ скоро начнетъ говорить о Твоихъ Божественныхъ свойствахъ. Въ Тебѣ все неизмѣримо, безконечно; а въ насъ все ограничено. Надобно быть равнымъ Тебѣ, чтобы познать Тебя совершенно: и потому наше достояніе, наша участь, нашъ долгъ—не изслѣдывать, не измѣрять умомъ своимъ того, что Ты творишь для блага своихъ существъ, но сердечно вѣровать открываемымъ въ Словѣ Твоемъ тайнамъ, и исповѣдывать устами, что Ты еси вкупѣ вѣчная и безконечная любовь!

VII.

О ГНѢВѢ.

Всякъ гнѣвайся на брата своего всуе, повиненъ есть суду (Матѳ. 5, 22).

Гнѣвъ есть тяжкое зло, болѣзнь души, затмѣніе разума. Гнѣвъ удаляетъ человѣка отъ Бога, отчуждаетъ отъ наилучшихъ друзей. Гнѣвъ есть источникъ вражды и ссоръ, жестокій врагъ, истребляющій все достояніе души нашей. Гнѣвъ можно назвать кратковременнымъ сумасшествіемъ; ибо онъ лишаетъ человѣка разсудительности, сознанія о своихъ обязанностяхъ, дѣлаетъ неспособнымъ отличать истину отъ лжи, справедливость отъ несправедливости.

Еслибъ сія страсть могла служить средствомъ къ утвержденію владычества добра и истины, то она, хотя нѣсколько, была бы еще сносна; но она всегда находится во враждѣ съ нимъ. Одно сло-

во не во время сказанное, косвенный взглядъ, маловажная неосторожность, поклонъ неучтиво сдѣланный, бездѣлица какая нибудь; все это искры, производящія сильный пламень, коему подвергаются иногда люди добрые, честные, и даже разсудительные, если они бываютъ въ спокойномъ состояніи духа. Но сей потокъ оскорбительныхъ выраженій, это искаженное гнѣвомъ лице, это жалкое расположеніе духа удовлетворяетъ ли сколько нибудь сердцу человѣка? Дѣлается ли онъ отъ того лучше? И какое дѣйствіе въ другихъ производитъ сія духовная болѣзнь? Негодованіе, насмѣшки, а болѣе всего сострaданіе и продолжительное сожалѣніе. Когда же мы убѣдимся, что сія безумная страсть унижаетъ насъ?

Гнѣвъ и ярость суть мерзость (Сир. 27, 33), говоритъ Писаніе. Кто исчислитъ всѣ печальныя послѣдствія сей необузданной страсти? Кровавыя брани, изнурительныя тяжбы, ненависть, безконечная вражда, потеря имущества, несчастія не прекращающіяся даже со

смертію: вотъ жалкіе плоды гнѣва! Онъ ввергаетъ человѣка въ бездну самыхъ тяжкихъ преступленій: возбуждаетъ въ сердцѣ его ненависть къ дѣйствительнымъ или мнимымъ оскорбителямъ, месть, злобную радость о ихъ несчастіи; наполняетъ уста проклятіями, оскорбительными словами, ругательствами и клеветою; затворяетъ внутренній слухъ нашего сердца, дѣлаетъ его неумолимымъ и глухимъ ко всякому предстательству, посредничеству и примиренію; неприступнымъ для милости; злымъ и яростнымъ даже противъ неодушевленныхъ вещей, даже противъ насъ самихъ. Посмотрите на человѣка, когда онъ сердится: онъ, въ своей ярости, готовъ излить злость на все ему встрѣчающееся; онъ бѣшенствуетъ противъ самыхъ невинныхъ предметовъ, бросаетъ ихъ на землю, попираетъ ногами; онъ ярится и свирѣпствуетъ, проклинаетъ собственную жизнь, и, подобно дикому звѣрю, мечется на всякаго, ему встрѣчающагося. Поистинѣ, какъ любовь дѣлаетъ насъ подобными Богу,

такъ гнѣвъ уподобляетъ насъ — діаволу!

Самые язычники гнушались сего отвратительнаго порока, кольми же паче онъ недостоинъ Христіанина. Благодать Божія никогда не прикасается сердцу, зараженному гнѣвомъ. Посему со всею заботливостію должно удаляться гнѣва; а если невозможно, то всѣми силами укрощать оный. Надежное и вѣрное средство противъ него состоитъ въ предусматриваніи непріятныхъ случаевъ и въ благовременномъ приготовленіи къ онымъ. Чрезъ это дѣлается слабѣе то впечатлѣніе, которое они могли бы произвесть въ насъ. Ибо та непріятность, которую мы готовы встрѣтить, теряетъ половину своей силы; а остальное не трудно побѣдить при помощи Божіей.

Замѣчая недостатки въ ближнемъ, мы не должны возноситься предъ нимъ, не должны забывать, что и въ насъ есть множество, если не тѣхъ, то другихъ недостатковъ. Чѣмъ живѣе мы чувствуемъ собственныя слабости, тѣмъ сни-

сходительнѣе бываемъ къ другимъ. Но еслибъ и дѣйствительно мы не имѣли никакихъ недостатковъ,—чего впрочемъ ни одинъ благоразумный человѣкъ не скажетъ о себѣ;—то по крайней мѣрѣ не должны сердиться на другихъ, когда они причиняютъ намъ огорченія; и, снисходя къ слабостямъ нашихъ братій, должны благодарить Бога, что Онъ сохранилъ насъ отъ подобныхъ недостатковъ.—Мы не сердимся на больнаго, хотя бы онъ наговорилъ намъ въ глаза множество грубостей и ругательствъ. Если жъ мы снисходительны къ тѣлеснымъ недугамъ ближнихъ, то болѣзни душевныя тѣмъ болѣе заслуживаютъ наше сострадание.

Кротость, негнѣвливость, есть мѣра нашихъ успѣховъ въ добродѣтели, въ самоотверженіи и въ отреченіи отъ міра: ибо извѣстно, что главная причина гнѣва скрывается или въ излишней привязанности къ земнымъ благамъ, или въ самолюбіи. Чѣмъ сильнѣе человѣкъ привязанъ къ своему имуществу, къ своимъ житейскимъ выгодамъ, тѣмъ онъ склон-

нѣе раздражаться, коль скоро встрѣчаетъ какія либо препятствія въ обладаніи оными. *Мое* и *твое* издавна было источникомъ вражды и междоусобій. Равнымъ образомъ, чѣмъ болѣе человѣкъ управляется самолюбіемъ, тѣмъ удобнѣе раздражается при малѣйшемъ противорѣчіи или неизъявленіи того уваженія, какое онъ, по его мнѣнію, заслуживаетъ. Итакъ кто любитъ тишину душевную, тотъ кротокъ и смиренъ сердцемъ.

Убѣгай сообщества людей вспыльчивыхъ, раздражительныхъ. *Не бывай другъ мужу гнѣвливу*, говоритъ слово Божіе, *и со другомъ жестокосердымъ не соводворяйся: да не когда научишися путемъ его* (Притч. 22, 24—25). Еслижъ необходимость заставляетъ тебя имѣть съ ними сношеніе, то будь остороженъ въ рѣчахъ и поступкахъ своихъ, и старайся сохранять спокойствіе сердца, когда они раздражаются. Говори имъ всегда языкомъ ласки и дружества, дабы не подать повода ко гнѣву и не оскорбить Бога. Представляй себѣ, что Богъ по-

ставилъ тебя въ сношеніяхъ съ людьми гнѣвливыми для того, чтобъ укрѣпить твое терпѣніе и кротость. Призывай себѣ Его на помощь, и не скорби, если въ сей борьбѣ сердце твое почувствуетъ утомленіе,—изъ любви къ Спасителю благодушно перенеси небольшое огорченіе: Онъ изъ любви къ тебѣ претерпѣлъ жесточайшія мученія!

Другое, весьма дѣйствительное, средство противъ гнѣва есть мысль, что страсть сія не только унизительна, но и пагубна для человѣка. Она причиняетъ гораздо большій вредъ, нежели зло, ее возбудившее. Сей опытъ столь же древенъ, какъ и человѣческій родъ. Съ сокрушеніемъ сердца должны мы раскаяваться, просить у Бога прощенія въ семъ прегрѣшеніи и примиряться съ тѣмъ, кого во гнѣвѣ оскорбили. Это, надобно сознаться, гораздо труднѣе и требуетъ большей силы и крѣпости духа, нежели сколько нужно для укрощенія самаго гнѣва; точно такъ, какъ гораздо легче сохранить члены тѣла въ ихъ естественномъ положеніи, нежели

разстроенные опять привести въ прежнее состоянiе. Можетъ быть, скажешь, что ты не имѣешь силъ переносить оскорбленiя? Ошибаешься: кто имѣетъ силы сердиться, тотъ можетъ перенесть и оскорбленiе; посему, если ты не преодолѣваешь себя, то увеличиваешь вину свою.

Если, по несчастiю, ты не успѣлъ предохранить себя отъ гнѣва, то всего благоразумнѣе сдѣлаешь, если немедленно удалишься отъ предмета, возбудившаго въ тебѣ оный, дабы искра, упавшая на твое сердце, не произвела въ немъ великаго пожара. Обрати скорѣе сердце твое къ другимъ предметамъ, дабы чувствованiе, возмутившее тебя, мало по малу утихло. Если же не льзя удалиться, то по крайней мѣрѣ старайся не согрѣшить во гнѣвѣ (Псал. 4, 5).

Твердо также помни, что всѣ твои дѣла и мысли извѣстны Богу; что Онъ взираетъ на тебя, и въ книгѣ судебъ своихъ отмѣчаетъ каждое сказанное тобою слово. Ибо если мы въ присутствiи

Государя не дерзаемъ сердиться, что ни говорили бы намъ, то тѣмъ болѣе должны беречься сей гнусной страсти въ присутствіи нашего верховнаго Владыки. Страхъ самое сильное обузданіе гнѣва. Не скоро рѣшишься оскорбить человѣка, который можетъ причинить тебѣ несравненно большее неудовольствіе. Подсудимый не сердится на судью, когда сей предлагаетъ ему непріятные вопросы, рабы смиренно исполняютъ волю господъ своихъ: не паче ли должны мы опасаться, чтобъ не оскорбить Бога, отъ котораго зависитъ и настоящая и будущая наша участь.

Всяка горесть и гнѣвъ и ярость да возмется отъ васъ. Бывайте же другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ (Ефес. 4, 31—32).

Кротчайшій Іисусе! научи меня идти по слѣдамъ Твоего смиренія, и излей на меня духа святой любви Твоей! Сей священный огнь да попалитъ въ сердцѣ моемъ привязанность къ благамъ земнымъ. Помоги мнѣ съ терпѣніемъ пе-

реносить недостатки братій моихъ и быть снисходительнымъ ко всѣмъ оскорбляющимъ меня, дабы удостоиться и Твоего милосердія!

VIII.

ОСЕНЬ.

Изсше трава, и цвѣтъ отпаде, глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки (Иса. 40, 7. 8).

Слова сіи вѣщаютъ намъ о тлѣнности земнаго, и о неизмѣняемости небеснаго. Размышленіе о сихъ двухъ противоположныхъ предметахъ возбуждаетъ въ сердцѣ святую жажду вѣчнаго, скорбное и вмѣстѣ сладостное томленіе по отчизнѣ небесной. Сіе чувство всего удобнѣе и съ особенною силою можетъ обнаруживаться въ человѣкѣ въ осеннее время.

Уже и потому осень бываетъ для человѣка печальнымъ временемъ, что онъ живетъ съ природою. Правда, Вѣра указуетъ намъ на высшую жизнь, на лучшій—священный міръ, въ которомъ мо-

жемъ и мы нѣкогда имѣть гражданство. Но доколѣ мы здѣсь, дотолѣ не можемъ совершенно отрѣшиться отъ земнаго. Посему окружающіе насъ предметы производятъ въ насъ соотвѣственныя ихъ состоянію и качествамъ расположенія: весна раждаетъ въ насъ радость, а осень—уныніе и скорбь. Такъ, непонятная какая-то грусть тѣснитъ наше сердце, когда съ приближеніемъ осени вечера наступаютъ гораздо ранѣе, нежели въ прочія времена года; когда солнце, вмѣсто свѣтлаго, чисто-блистательнаго вида, принимаетъ какой-то устрашающій, кровавый; когда сырые туманы стелются по равнинамъ полей. — Грустно бываетъ намъ, когда луга и рощи одѣваются блѣдно-чернымъ покровомъ, цвѣтъ надежды превращается въ цвѣтъ разрушенія,—и послѣ холодной ночи, съ первымъ явленіемъ солнца, слышишь не восхитительную гармонію пернатыхъ, а унылый шумъ сухихъ листьевъ. Мраченъ осенью видъ неба, покрытаго дождливыми облаками, сквозь которые лишь изрѣдка, какъ послѣдній взглядъ любви

умирающаго друга, выказывается томный, скоро исчезающій лучь солнца. Хоры птицъ оставляютъ тогда хладную страну Сѣвера; и чрезъ горы, долины, моря, улетаютъ отъ насъ далеко въ иныя земли. Многое тогда оставляетъ насъ! Цвѣты исчезаютъ, теплота смѣняется холодомъ; смерть — вотъ слово, которое раздается тогда въ природѣ, которое звучно отзывается во глубинѣ нашего сердца. Какое-то печальное предчувствіе стѣсняетъ тогда грудь нашу; сокровенное страданіе пробуждается внутрь насъ; намъ хотѣлось бы тогда вырваться отселѣ, улетѣть туда — на небо... насъ томитъ скорбь по небесной отчизнѣ!

Живя съ природою, мы открываемъ ей, какъ вѣрной нашей спутницѣ, внимательный слухъ, и поучаемся ея вѣщаніями. Весною бросаемъ сѣмена въ лоно земли, ласкаясь пріятною надеждою получить отъ нихъ плоды; а осенью пожинаемъ класы и собираемъ зерна въ житницы: сіи приготовленія предрекаютъ уже, что скоро настанетъ грустное, безплодное время суровой и хладной

зимы. Какъ благоразумный человѣкъ, при закатѣ дней своихъ, приближаясь къ смерти, устрояетъ всѣ дѣла свои, оканчиваетъ начатое имъ, прощается съ своими друзьями, и—въ мирѣ со своею совѣстію, въ надеждѣ на Бога спокойно ожидаетъ смертнаго часа: такъ и мы при концѣ года спѣшимъ кончить труды и работы свои, прощаемся съ красотами природы, и затворясь въ теплыхъ кровахъ, ждемъ прихода суровой зимы. Міръ въ осеннее время есть не иное что, какъ обширный домъ умирающихъ, а въ домѣ умершаго нѣтъ радости; куда ни обратишь взоры, всюду— признаки смерти; все, что тамъ ни дѣлаютъ, дѣлаютъ только для того, чтобы съ подобающею честію предать могилѣ умершаго родственника или друга. Такъ природа осенью изображаетъ великій домъ сѣтованія: тысячи умирающихъ предъ нашими глазами испускаютъ послѣдніе вздохи; все плачетъ, все скорбитъ; и мы заботимся только о томъ, чтобы должнымъ образомъ предать землѣ тѣла усопшихъ. Осенью мы

остаемся одни: вездѣ пустота; въ природѣ, какъ въ жилищѣ мертвыхъ, царствуетъ молчаніе. Тогда мы тоскуемъ и скорбимъ, разлучаясь съ любимыми предметами; тогда мы внутренно сѣтуемъ о томъ, что сами еще остаемся на сей бѣдной, обнаженной землѣ; сердце наше рвется въ горнюю отчизну, ибо тамъ любовь и радость у Отца всеблагаго!—*Изсше трава, и цвѣтъ отпаде, глаголъ же Бога́ нашего пребываетъ во вѣки.*

Осень есть для насъ время скорби потому еще, что мы живемъ въ природѣ. Да, тѣломъ мы живемъ въ ней. Все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ ней, равномѣрно относится и къ нашему тѣлу, которое подчинено тѣмъ же законамъ, какимъ и природа. Осенью остаются съ нами однѣ только воспоминанія о прекрасномъ минувшемъ: время, полное свѣта и жизни, уже протекло; весна, обильная цвѣтами, лѣто исполненное плодовъ, мѣсяцы трудные и вмѣстѣ радостные для земледѣльца, уже миновались. Въ уныніи стоимъ мы теперь посреди умирающей природы и

грустно прощаемся съ любезными намъ предметами. Что осталось намъ отъ прекрасныхъ—утреннихъ и вечернихъ часовъ; отъ ясныхъ, долгихъ дней, отъ тихихъ и пріятныхъ ночей весны и лѣта?—Бывало, съ сердцемъ полнымъ восторга, смотрѣли мы на прекрасный Божій міръ; бывало, все предъ нами цвѣло, все улыбалось около насъ и внутрь насъ. Но теперь все прошло! Каждая минута есть для насъ время разлуки съ прошедшимъ; но осенью мы живѣе ощущаемъ скорбь сей разлуки: тогда вдругъ представляются нашей памяти всѣ драгоцѣнные образы прошедшаго. Простите, незабвенные дни и часы; вы уже болѣе не возвратитесь къ намъ, а были такъ прекрасны! Здѣсь мы странники, здѣсь мы не-дома, въ странѣ чуждой нашему сердцу... и оно тоскуетъ по небесной отчизнѣ своей.

Мы живемъ въ природѣ и вмѣстѣ съ нею страдаемъ. Приходитъ осень, и— всѣ красоты природы исчезаютъ, жизнь ея умираетъ. Осень есть старость природы. И къ намъ, по Божію изволенію,

приходитъ старость, печальное время, когда крѣпость силъ оставляетъ насъ, красота наша отцвѣтаетъ, чувства затворяются для радостей и наслажденій. А тамъ приходитъ и смерть, какъ за осенью зима—смерть въ природѣ. Боже мой! что будетъ со мною, когда наступитъ страшный часъ смерти? Будетъ ли къ тому времени сердце мое чище, жизнь моя добродѣтельнѣе и благоугоднѣе Тебѣ? Увижу ли я тогда у одра своего милыхъ сердцу моему? Согрѣютъ ли они въ послѣдній разъ слезами любви охладѣвающія руки мои? Будутъ ли мнѣ сопутствовать въ страну воздаянія добрыя дѣла? Услышу ли сей радостный гласъ: *вниди въ радость Господа твоего?* – Рука вѣрнаго друга насадитъ ли цвѣтокъ на одинокой могилѣ моей, высѣчетъ ли на гробовомъ камнѣ скромную надпись: «здѣсь тлѣетъ сердце, которое часто билось отъ неописанной радости, часто страдало и отъ скорби безмѣрной: его радость была о Господѣ, а печаль—о грѣхахъ и немощахъ своихъ. Прохожій, здѣсь учись жить и умирать!»

Такъ, други мои, умирающая природа есть символъ нашей смерти. Каждый опадающій листокъ, кажется, говоритъ намъ: такъ и твои радости, одна за другою, опадутъ съ древа жизни твоей. Каждая уединенная равнина вѣщаетъ: земля есть нива Божія, въ которой покоятся кости ближнихъ и друзей твоихъ, въ которой, можетъ быть, скоро успокоятся и твои утомленные члены. Каждый лучь солнца, изрѣдка пробивающійся изъ-за облаковъ и быстро опять сокрывающійся за ними, напоминаетъ намъ о быстротечности нашихъ радостей, о непостоянствѣ земнаго счастія. Вся осень говоритъ: ты живешь въ природѣ, съ нею страдаешь, и умрешь подобно ей. *Изсше трава, и цвѣтъ отпаде!*

Но глаголъ Бога нашего пребываетъ во вѣки. Съ сею мыслію взоръ подъемлется горѣ,—наша скорбь имѣетъ въ себѣ нѣчто высокое, торжественное, небесное. — Мы живемъ *выше* природы. Тлѣнность земнаго указываетъ намъ на истинный конецъ нашъ, который только однажды придетъ и—все заключитъ со-

бою. Проходитъ осень въ природѣ, и за нею начинается новое теченіе временъ года; тамъ приходитъ другая осень, и такъ далѣе. Но если наша осень пройдетъ, если смерть однажды посѣтитъ насъ; то въ другой разъ онѣ къ намъ уже никогда не возвратятся. Наше путешествіе кончено, мы у предѣловъ вѣчнаго нашего отечества, гдѣ будемъ созерцать лицемъ къ лицу Господа, въ котораго здѣсь вѣруемъ. О, тяжко было бы въ другой разъ проходить сей скорбный путь отъ слабаго младенчества до безразсудной юности, отъ заботливаго мужества до изможденной старости.— Вотъ отъ чего тоска наша: мы жаждемъ увидѣть конецъ всего преходящаго, алчемъ свободы отъ законовъ тлѣнія; въ земной, чуждой для насъ странѣ, мы воздыхаемъ о горнемъ отечествѣ.

Впрочемъ постоянное кругообращеніе земнаго указуетъ намъ на вѣчно-неизмѣнное, на истинное наше отечество. *Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.* Это вѣчное и неизмѣнное мы не можемъ назвать луч-

шимъ и пріятнѣйшимъ для насъ словомъ, какъ наименовавъ его своимъ отечествомъ. Здѣсь мы въ чужой странѣ; здѣсь любятъ насъ такъ рѣдко: люди такъ часто бываютъ суровы, неласковы къ намъ; кажется и не знаютъ они, что мы имъ братія, что всѣ мы дѣти единаго Отца. Тамъ — горѣ наше отечество; на небѣ наша родина, изъ которой вышли мы въ сію страну скорбную и чуждую, и воспоминаніе о которой никогда не изгладится въ душѣ нашей. Тамъ безпредѣльно милосердый и любвеобильный Отецъ нашъ, о которомъ мы воздыхаемъ. Тамъ—въ истинномъ отечествѣ нашемъ, обитаешь, Ты, Искупитель и Господь нашъ,—Ты, коего свѣтлый крестъ служитъ для насъ звѣздою путеводною въ земномъ странствованіи, коего смерть есть наша жизнь, любовь — наше блаженство. Тоска Христіанина есть стремленіе къ вѣчному, есть жажда общенія съ Господомъ, есть тайный призывный гласъ Отца Небеснаго.

Изсше трава, и цвѣтъ отпаде, глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки.

IX.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ЦЕРКОВЬ.

Боже мой! я радовался, когда спѣшилъ къ святому храму Твоему; со страхомъ и благоговѣніемъ вступалъ въ оный, и теперь повергаюсь къ подножію Твоего величія. Но, Боже мой! я трепещу отъ мысли, что нахожусь въ дому Твоемъ. Кто я? и гдѣ я? — Я тамъ, гдѣ присутствуетъ Владыка моей жизни, моего дыханія, моего счастія, всего существа моего. Я тамъ, гдѣ тысячи моихъ собратій, лучшихъ меня, изливаются въ молитвенномъ благоговѣніи. Я тамъ, гдѣ сонмы чистѣйшихъ духовъ, Ангеловъ и Херувимовъ, воспѣваютъ славу Творца моего и надзираютъ за сердцами человѣческими. Я тамъ, гдѣ проливается кровь безкровной жертвы—Іисуса, гдѣ раздробляется Его тѣло, гдѣ Онъ являет-

ся моему взору и въ язвахъ и въ поношеніи, и въ славѣ и въ торжествѣ и въ величіи. Я тамъ, гдѣ соединяется Небо съ землею, гдѣ и безплотные Духи и плотяные человѣки, гдѣ присутствуетъ самъ Богочеловѣкъ! О, какъ дерзнулъ я войти въ сіе Святилище? Какъ могу сносить огненный взоръ святыхъ Ангеловъ, столь глубоко проницающій въ мое нечистое сердце? Какъ могу возрѣть на язвы Богочеловѣка, которыми я покрылъ Его—моего Господа и Благодѣтеля? Какъ могу присовокупить мое грѣшное моленіе къ чистой молитвѣ моихъ собратій, къ величественному гласу хвалы Архангеловъ? Какъ могу быть тамъ, гдѣ Небо и земля совокупно воспѣваютъ славу и величіе Творца, Владыки моего, котораго я столь жестоко и столь многократно оскорблялъ; и хотя раскаявался въ томъ, но опять оскорблялъ Его, и опять раскаявался и опять оскорблялъ? Не долженъ ли я трепетать при одной мысли о Томъ, Кому далъ тысячи святѣйшихъ обѣтовъ— и ни единаго изъ нихъ не исполнилъ?

О, молнія будетъ отвѣтомъ на мои слезы, и громъ—на слова мои! Не лучше ли мнѣ, удалясь изъ сего Святилища, сокрыть свой срамъ и свое отверженіе?—Но гдѣ могу сокрыть себя? Куда не достигаетъ лучь солнца,— и туда проникаетъ око Всевѣдущаго! Боже мой, вотъ я предъ Тобою! Рази меня страшными Твоими громами, если это нужно; пошли молнію Твою, да сожжетъ въ прахъ преступника, котораго и кости напитаны беззаконіемъ. Но нѣтъ, Ты не поразишь въ дому Твоемъ того, который всегда и всюду предъ Твоими очами! Ты Богъ любви, котораго человѣколюбія не можетъ побѣдить никакое беззаконіе,—я Твое созданіе, чадо Твоего милосердія. Ты Богъ благости и щедротъ, не презирающій нуждъ и насѣкомыхъ,— а я лучшее созданіе изъ видимыхъ Твоихъ твореній, за котораго пролита кровь Тооего Сына. Ты Отецъ Херувимовъ и Серафимовъ, Ты Отецъ и человѣковъ,— а я сынъ Твой, пришедшій изъ страны дальней. Итакъ гдѣ же я?—Въ дому Отца моего, Отца любви, въ обители ми-

лосердія и человѣколюбія. Сіи Ангелы суть мои братія, посланные на служеніе людямъ, желающимъ спасенія; сіи Святые суть мои ходатаи, и ихъ огненный взоръ горитъ огнемъ любви и сострадания; сія Жертва есть жертва милосердія за мое спасеніе, сія кровь за меня проливается, сіе тѣло за меня преломляется. Я тамъ, гдѣ текутъ струи моего спасенія, гдѣ все приготовлено для моего блаженства: это земный рай, изъ котораго не изгоняютъ за преступленія, но принимаютъ въ оный за искреннее раскаяніе. Боже мой, Боже мой! ужели Ты отвергнешь меня въ дому любви Твоей? О, здѣсь-то Ты и пріимешь меня; я слышу гласъ Твоего Евангелія, что Ты исходишь ко мнѣ во срѣтеніе съ распростертыми объятіями любви; безъ укоризнъ готовъ принять меня въ свои объятія, излить на меня всѣ свои милости и торжествовать мое возвращеніе во всемъ блескѣ Неба! О, я вижу и чувствую, что здѣсь все готово для моего принятія, для моего блаженства: одного только меня недоставало

для меня самаго. Боже! пошли мнѣ духъ молитвенный, да со страхомъ и любовію принесу Тебѣ жертву сердца моего Вѣрую, Господи, что въ дому любви Твоей я получу то, чего буду просить во имя Твое!

X.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ МЫСЛИ

Другъ мой, учись молчанію; добрая рѣчь подобна серебру, а молчаніе, въ приличное время, есть чистое золото.

*

Кто изъ любви къ Богу отказывается отъ обязанностей, возлагаемыхъ на него человѣчествомъ; тотъ сидитъ во мракѣ, держа передъ собою зеркало.

*

Не хвались своимъ корнемъ, котораго ты не можешь назваться вѣтвію: отъ блистательнаго пламени часто остается только уголь и пепелъ.

*

Будь строгъ къ себѣ самому: отсѣки пышныя вѣтви — свои страсти; тогда и лоза—душа твоя будетъ расти лучше.

*

Богъ видитъ пороки людей и покрываетъ оные; человѣкъ ихъ не видитъ,

но повсюду говоритъ объ нихъ. Что было бы, если бы люди знали о людяхъ столько же, сколько Ты, Творецъ милосердый?..

•

Кто поучается урокамъ добродѣтели и не исполняетъ оныхъ, тотъ подобенъ человѣку, который пашетъ, но забываетъ сѣять.

•

Дружество съ злымъ человѣкомъ подобно утренней тѣни: часъ отъ часу оно умаляется; но дружество съ добрымъ растетъ какъ вечерняя тѣнь, доколѣ продлится сіяніе солнца.

•

Удаляйся отъ чернаго сердца, какъ отъ угля: когда онъ горячь, то жжетъ; а если остылъ,—мараетъ намъ руки.

XI.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДА ТРЕТІЯ

НА 1 ПОСЛАНІЕ КЪ КОРИНѲЯНАМЪ.

Молю вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри, да будете же утверждени въ томъ же разумѣніи и въ той же мысли. і. Кор. 1, 10.

Какъ я всегда говорилъ, что обличенія должно дѣлать слегка и мало по малу, такъ Павелъ здѣсь и дѣлаетъ. Намѣреваясь приступить къ предмету весьма опасному, который могъ бы до основанія ниспровергнуть Церковь, онъ употребляетъ слово кроткое. Именно говоритъ, что онъ умоляетъ ихъ (Корин-

ѳянъ), и умоляетъ Христомъ, такъ какъ бы самъ онъ одинъ не могъ имѣть успѣха въ томъ, не могъ ихъ убѣдить. Что же значитъ: *умоляю Христомъ?* Христа беру себѣ въ содѣйствіе и Его имя — поруганное, обезславленное — призываю въ помощь. Апостолъ сильно пристыждаетъ Коринѳянъ, чтобъ не допустить ихъ до безстыдства; ибо грѣхъ дѣлаетъ людей наглыми. Потому, если вдругъ станешь сильно обличать грѣшника; онъ ожесточится и сдѣлается безстыднымъ. Если же пристыдишь его, то тѣмъ преклонишь его выю, укротишь дерзость его языка и заставишь его склонить взоръ свой долу. Что самое Павелъ и производитъ, когда умоляетъ именемъ Христа. О чемъ же онъ умоляетъ?

Чтобы всѣ вы говорили одно, и не было между вами раздѣленій. Выразительное слово: *раздѣленія,* и самое имя обвиненія должны были сильно тронуть Коринѳянъ. Ибо у нихъ не было многихъ цѣлыхъ частей, но и одна погибала. Еслибъ у нихъ были цѣлыя церкви, то были бы многія собранія; еслижъ бы-

ли раздѣленія, то значитъ,—и одно истреблялось. Ибо, когда цѣлое раздѣляется на многія части; то не только не дѣлается многимъ, но и перестаетъ быть единымъ: таково свойство раздѣленій. Поелику словомъ: *раздѣленіе* Апостолъ сильно поразилъ ихъ; то далѣе опять послабляетъ и смягчаетъ свое выраженіе: *но чтобы* всѣ *вы,* говоритъ онъ, *утверждены были въ одномъ духѣ и въ однѣхъ мысляхъ.* Сказавъ: *чтобы всѣ вы говорили одно,* онъ изъясняетъ сіе выраженіе. Не подумайте, говоритъ, будто бы я разумѣлъ здѣсь согласіе только въ словахъ; нѣтъ, я требую согласія въ мысляхъ. Но поелику можно имѣть одинаковыя мысли, но не во всѣхъ вещахъ; то Апостолъ прибавляетъ: *чтобы вы утверждены были.* Ибо кто согласенъ въ одномъ, и не согласенъ въ другомъ; тотъ еще не утвержденъ, не достигъ совершеннаго единомыслія. Бываетъ и то, что иной согласенъ въ мысляхъ, но еще не согласенъ въ волѣ; такъ наприм. мы имѣемъ одну и ту же вѣру, но можемъ быть не соединены въ любви. Такимъ

образомъ мы въ мысляхъ согласны, ибо одно думаемъ; а въ волѣ еще нѣтъ. Тоже было тогда и у Коринѳянъ, когда одинъ изъ нихъ преимущественно избиралъ того, а другой — другаго (Апостола). Посему Павелъ говоритъ имъ: вамъ надобно быть согласными и въ мысляхъ и въ волѣ. Ибо раздѣленія у нихъ происходили не отъ различія въ вѣрѣ, но отъ несогласія въ волѣ, по свойственному человѣкамъ упорству.

Но поелику обвиняемый, доколѣ не имѣетъ свидѣтелей, бываетъ неуступчивъ до безстыдства: то Апостолъ, въ предотвращеніе несознанія Коринѳянъ, приводитъ свидѣтелей. *Ибо домашніе Хлоины сказывали мнѣ о васъ, братія мои* (ст. 11). Апостолъ не вдругъ привелъ сіе свидѣтельство, но напередъ изложилъ вину; что означало его увѣренность въ истинѣ сказаннаго ему. Ибо еслибъ онъ не имѣлъ сей увѣренности, то и обвинять не сталъ бы: поелику онъ не могъ повѣрить слѣпо. Итакъ онъ и не вдругъ произнесъ слова сіи, что *ему сказывали*, дабы не показалось, будто онъ обви-

няетъ Коринѳянъ, по одному посторон-нему доносу; — и не умолчалъ о нихъ, дабы не показалось, будто онъ только самъ отъ себя говоритъ. И тутъ же называетъ Коринѳянъ братіями. Ибо хотя грѣхъ ихъ былъ явный, однакожъ еще ничто не препятствовало называть ихъ братіями. Притомъ—замѣть благоразуміе Апостола, — онъ не указалъ на отдѣльное лице, но на цѣлый домъ, чтобы обвиняемые не вооружились противъ донесшаго на нихъ. Такимъ образомъ Апостолъ и сего сохранилъ, и вину тѣхъ смѣло открылъ. Ибо онъ зналъ не только то, что полезно однимъ, но и то, что нужно другимъ. Не сказалъ онъ: *мнѣ сказывали нѣкоторые;* но указалъ на извѣстный домъ, для того, чтобы не почли сего свидѣтельства его вымышленнымъ. Чтоже сказывали? То, *что между вами есть споры.* Когда онъ обличаетъ ихъ, то говоритъ: *чтобъ не было между вами раздѣленій;* а когда разсказываетъ слышанное отъ другихъ, то говоритъ съ большею кротостію, такимъ образомъ: *сказывали мнѣ, что между*

вамъ есть споры, — *для* того, чтобы не оскорбить сказывавшихъ. Потомъ Апостолъ упоминаетъ, въ чемъ состоялъ сей споръ: *каждый у васъ говоритъ: я Павловъ; я Аполлосовъ; я Кифинъ* (ст. 12). Я разумѣю, говоритъ Апостолъ, споры не о частныхъ дѣлахъ; но гораздо важнѣйшіе: *каждый у васъ говоритъ.* Ибо сіе зло заражало не одну часть, но всю Церковь. Впрочемъ Коринѳяне говорили не о Павлѣ именно, не о Петрѣ, и Аполлосѣ; но Апостолъ симъ показываетъ, что если на нихъ не должно утверждаться, то тѣмъ болѣе на прочихъ. А что не о нихъ именно говорили Коринѳяне, Апостолъ это объясняетъ ниже: *все же сіе,* говоритъ онъ, *отнесъ я къ себѣ и къ Аполлосу для васъ, братія, чтобы вы научились отъ насъ неумствовать больше того, что написано* (1. Кор. 4, 6). Ибо, если не должно было имъ хвалиться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тѣмъ болѣе — именами другихъ. Если не надлежало называться по имени Учителя, верховнаго Апостола, и столь великаго наставника народа; то тѣмъ

болѣе не должно было привязываться къ людямъ ничтожнымъ. Итакъ Апостолъ съ намѣреніемъ полагаетъ имена сіи, чтобъ усиленною чрезъ то рѣчью скорѣе пресѣчь болѣзнь Коринѳянъ. Притомъ рѣчь его дѣлается и менѣе непріятною, когда онъ не упоминаетъ поименно о тѣхъ, которые производили раздѣленія въ Церкви, но, какъ бы подъ нѣкоторыми личинами, скрываетъ ихъ подъ именами Апостоловъ: *я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ.* Апостолъ поставилъ Петра послѣднимъ, не потому, чтобъ предпочиталъ себя ему, но изъ особеннаго своего къ нему уваженія.— Ибо онъ велъ рѣчь отъ меньшаго къ большему; потому и поставилъ себя первымъ, дабы, въ противномъ случаѣ, не подумали, что онъ по зависти и по ревности предвосхищаетъ честь у Петра. Кто прежде себя самаго отвергаетъ, тотъ дѣлаетъ сіе не потому, чтобы любилъ предпочтеніе, но по сильному презрѣнію такой славы. Такъ и Апостолъ Павелъ прежде самъ подвергается всему нападенію; потомъ уже поставляетъ

Аполлоса, а наконецъ Кифу. Сіе дѣлаетъ онъ не потому, чтобъ предпочиталъ себя имъ; но для того, дабы напередъ чрезъ собственное свое лице содѣйствовать къ исправленію того, чему не надлежало быть между Коринѳянами. А что они, привязываясь къ тому или другому Апостольскому лицу, согрѣшали,— это очевидно. Ибо ясны слова Апостола, которыми онъ укоряетъ ихъ за то, что они худо дѣлаютъ, когда говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, а я Кифинъ. Но для чего Апостолъ присовокупилъ еще: *а я Христовъ?* Если тѣ согрѣшали, которые привязывались къ людямъ, то ужели грѣшили и тѣ, которые прилѣплялись ко Христу? Нѣтъ; Апостолъ не за то укорялъ, что они назывались Христовыми, но за то, что не всѣ такъ именовались. Я даже думаю, что онъ отъ себя это прибавилъ, дабы сдѣлать обличеніе сильнѣе, дабы показать, что и Христосъ отданъ одной только части; хотя Коринѳяне и не дѣлали сего.

А что онъ намекалъ на сіе, это видно изъ слѣдующихъ словъ: *развѣ раздѣлил-*

ся Христосъ (ст. 13)? Значеніе сихъ словъ таково: вы разсѣкли Христа и раздробили тѣло Его. Видишь ли, какъ гнѣвна, сколь укоризненна, какимъ негодованіемъ исполнена рѣчь Апостола? Ибо если онъ не доказываетъ сей мысли, а только предлагаетъ ее въ вопросахъ; то дѣлаетъ сіе по причинѣ очевидной ея нелѣпости. Впрочемъ нѣкоторые говорятъ, что Апостолъ и на другую мысль намекалъ сими словами: *развѣ раздѣлился Христосъ?* Именно: развѣ раздѣлился Христосъ между людьми и раздробилъ по частямъ Церковь свою, такъ что одну часть взялъ себѣ, а прочія имъ отдалъ?—Далѣе Апостолъ старается уничтожить сію нелѣпость, когда говоритъ: *развѣ Павелъ распялся за васъ? или въ Павлово имя вы крестились?* Смотри на Христолюбивую душу Апостола, какъ онъ, все относя къ своему имени, тѣмъ самымъ ясно доказываетъ, что честь сія никому не приличествуетъ! И чтобы не показалось, будто онъ говоритъ сіе по побужденію зависти, то непрестанно повторяетъ свое имя. Замѣть еще благо-

разуміе Апостола! Онъ не сказалъ: развѣ Павелъ сотворилъ міръ? Развѣ Павелъ привелъ васъ изъ небытія въ бытіе? Но представляетъ то, что для вѣрующихъ было всего вожделѣннѣе и важнѣе: Крестъ, Крещеніе и проистекающія отъ нихъ блага. Конечно, и въ сотвореніи міра открывается человѣколюбіе Божіе; но наипаче оное является въ крестномъ уничиженіи. Не сказалъ такъ же: развѣ Павелъ за васъ умеръ? Но: *развѣ Павелъ распялся за васъ?*—представляя такимъ образомъ самый видъ смерти. *Или въ Павлово имя вы крестились?* Не сказалъ: или Павелъ васъ крестилъ? Ибо онъ крестилъ многихъ. Но не въ томъ заключалась сила, отъ кого они крещены, а въ Томъ, въ чье имя крещены. Поелику причиною раздѣленій между Коринѳянами было то, что они назывались по именамъ крестившихъ ихъ; то Апостолъ, исправляя сіе, говоритъ: *или въ Павлово имя вы крестились?* Не сказывай мнѣ, говоритъ Апостолъ, кто тебя крестилъ, но—въ чье ты имя крестился? Ибо не о томъ спрашивается, кто крестилъ, но

о Томъ, Кого призываютъ въ крещеніи; потому что Сей отпускаетъ грѣхи. Остановившись на семъ выраженіи, Апостолъ не распространяется далѣе, не говоритъ: развѣ Павелъ обѣщалъ вамъ будущія блага? развѣ Павелъ обѣщалъ вамъ Царство небесное?—Почемужъ онъ не прибавилъ сего? Потому что не одно и тоже значитъ—обѣщать царство и распяться. Ибо первое не имѣло опасности и не приносило безчестія, а въ послѣднемъ все сіе сопряжено было. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ Апостолъ первое утверждаетъ на основаніи послѣдняго. Ибо сказавъ: *Иже* (Богъ) *своего Сына не пощадѣ*, онъ присовокупилъ: *како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32)? И еще: *аще врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся* (Рим. 5, 10). Послѣднихъ мыслей Апостолъ въ настоящемъ мѣстѣ не прибавилъ потому, что Коринѳяне ихъ еще и не понимали, между тѣмъ какъ первыя уже опытомъ разумѣвали; тѣ заключали въ себѣ однѣ обѣщанія, а сіи—самое уже исполненіе.

Благодарю Бога, что я не крестилъ никого изъ васъ, кромѣ Криспа и Гаія (ст. 14). Для чего вы гордитесь тѣмъ, что вы крестите, когда я благодарю Бога за то, что не совершалъ Крещенія? Сими словами Апостолъ не уменьшаетъ силы Крещенія,—нѣтъ: но благоразумно уничтожаетъ мечтательность о немъ. Онъ обуздываетъ тщеславіе гордящихся совершеніемъ сего таинства, во-первыхъ доказывая, что это не ихъ даръ, во-вторыхъ—благодаря Бога. Ибо хотя Крещеніе важно, но сію важность сообщаетъ ему не крещающій, но Тотъ, Кого призываютъ въ Крещеніи. Крестить ничего не значитъ по отношенію къ труду человѣческому, или, по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе важно, нежели благовѣствовать.—Ибо, повторяю, хотя Крещеніе есть дѣло важное, и безъ него нельзя получить Царства небеснаго: но его можетъ совершить мужъ и не очень славный; а благовѣствованіе требуетъ великаго труда.

Апостолъ показываетъ и причину, почему онъ благодаритъ Бога, что никого

не крестилъ. Какая жъ это причина? *Дабы не сказалъ кто, что я крестилъ въ мое имя* (ст. 15). Коринѳянъ ли разумѣлъ здѣсь Апостолъ? Никакъ. Сими словами онъ изъявилъ только опасеніе, чтобъ болѣзнь ихъ не достигла до сей степени. Ибо, если при совершеніи Крещенія людьми низкими и никакого уваженія не заслуживающими произошла ересь; то послѣ того, какъ я, проповѣдывавшій Крещеніе, окрестилъ бы многихъ, вѣроятно, они стали бы не только называться по моему имени, но приписывать мнѣ и самое Крещеніе. Если отъ людей малозначущихъ произошло столь великое зло, то отъ людей, заслужившихъ большее уваженіе, произошло бы и зло гораздо тягчайшее.

Когда такимъ образомъ Апостолъ пристыдилъ зараженныхъ столь пагубною ересію, и сказалъ еще: *крестилъ я также Стефановъ домъ* (ст. 16); то опять смиряетъ ихъ гордость, говоря: *а крестилъ ли еще кого, не знаю.* Ибо сими словами Павелъ даетъ разумѣть, что онъ не старался пріобрѣсти себѣ честь

отъ народа Крещеніемъ, и не для славы приступалъ къ совершенію онаго.

Впрочемъ не сими только, но и послѣдующими словами Апостолъ сильно поражаетъ гордость Коринѳянъ, говоря: *Христосъ послалъ меня не крестить, а благовѣствовать* (ст. 17). Ибо сіе послѣднее было дѣло наитруднѣйшее, которое требовало большаго терпѣнія и особенной твердости духа, и въ которомъ заключалось все. Потому оно Павлу и поручено было. Но для чего онъ крестилъ, не бывъ посланъ крестить?— Это дѣлалъ онъ не вопреки волѣ *Пославшаго*, но отъ преизбытка ревности къ своему служенію. Ибо онъ не сказалъ, что ему возбранено было крестить, но говоритъ только, что онъ не посланъ былъ на сіе дѣло, а на гораздо нужнѣйшее; потому что благовѣствованіе предоставлено было не многимъ, а крестить могъ всякій, кто только имѣлъ Священство. Ибо человѣка наставленнаго въ догматахъ вѣры и увѣровавшаго крестить можно было всякому, кто бы ни былъ; расположеніе приступающаго и

благодать Божія довершаютъ все прочее: но чтобы невѣрныхъ наставить въ догматахъ вѣры, это дѣло требуетъ великаго труда, великой мудрости; тутъ надобно было подвергаться и опасности. Тамъ уже все сдѣлано, и желающій принять таинство утвержденъ въ вѣрѣ; послѣ сего не много значитъ окрестить увѣровавшаго: но здѣсь великаго стоитъ труда, чтобы перемѣнить наклонность воли, переувѣрить разумъ, исторгнуть заблужденіе и насадить истину. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ о семъ такъ пространно; онъ не приводитъ доказательствъ на сію мысль, что крестить нѣтъ никакого труда, а благовѣствовать трудно, ибо онъ всегда умѣетъ соблюдать умѣренность: но въ изъясненіи внѣшней мудрости, гдѣ могъ употребить сильнѣйшее слово, онъ весьма распространяется. Итакъ онъ крестилъ не вопреки волѣ Пославшаго. Но какъ имѣлъ попеченіе о вдовицахъ не вопреки волѣ Апостоловъ, которые говорили: *не угодно есть намъ, оставлшимъ слово Божіе, служити трапезамъ* (Дѣян. 6, 2), а дѣ-

лалъ сіе отъ преизбытка любви; такъ и здѣсь. Поелику и нынѣ мы поручаемъ сіе дѣло простѣйшимъ изъ пресвитеровъ, а преподаваніе ученія — мудрѣйшимъ, такъ какъ здѣсь нуженъ трудъ и потъ. Посему и самъ Апостолъ говоритъ: *прилежащіи добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются: паче же труждающіися въ словѣ и ученіи* (1. Тим. 5, 17). Ибо какъ обучать ратоборцевъ свойственно учителю мужественному и искусному, а возлагать вѣнецъ на побѣдителя можетъ и неискусный въ борьбѣ, хотя вѣнецъ и дѣлаетъ побѣдителя славнѣйшимъ: такъ и въ дѣлѣ Крещенія. Хотя безъ него невозможно спастись, однако же не великое еще дѣло совершаетъ тотъ, кто креститъ, если онъ принимаетъ уже предуготовленную къ тому волю.

Не съ мудростію слова, дабы не упразднити креста Христова (ст. 17). Уничиживши гордость тѣхъ, которые много мечтали о своемъ Крещеніи, Апостолъ далѣе переходитъ къ обличенію тѣхъ, которые надмеваются внѣшнею

мудростію, и вооружается на нихъ съ особенною силою. Ибо тѣмъ, которые тщеславились Крещеніемъ, онъ говоритъ: *благодарю Бога, что я не крестилъ ни кого изъ васъ;* также: *Христосъ не послалъ меня крестить,*—и для обличенія ихъ не употребилъ рѣчи сильной и разительной, но нѣсколько мимоходомъ намекнулъ на то, что хотѣлъ сказать. Здѣсь напротивъ съ самаго начала наноситъ жестокій ударъ, когда говоритъ: *дабы не унизить креста Христова.* Итакъ что ты тщеславишься тѣмъ, чего стыдишься надлежало? Ибо, если сія мудрость враждебна Кресту и противна Евангелію; то не хвалиться а стыдиться ея должно. По сей-то причинѣ Апостолы не были мудрецы, не по недостатку дарованія, но чтобъ не причинить вреда проповѣди: ибо мудрецы не утверждали слова, а ослабляли оное; дѣйствительно же утверждали оное невѣжды. Сіе-то сокрушило гордость, сіе-то низложило высокомѣріе, сіе расположило къ смиренію. — Но если *не съ мудростію слова;* то почему же послали они Апол-

лоса, мужа краснорѣчиваго? Не потому, отвѣчаетъ Апостолъ, чтобы надѣялись на силу его краснорѣчія, а потому, что онъ силенъ былъ въ Писаніи и искусенъ въ обличеніи Іудеевъ. Впрочемъ то и требовалось, чтобы первые сѣятели слова были люди неученые. Ибо, чтобы положить начало истребленію заблужденія, они должны были имѣть великую силу; великая потребна была твердость духа, чтобы приступить къ сему дѣлу. Итакъ Тотъ, Кто въ началѣ не имѣлъ нужды въ ученыхъ, если послѣ и принялъ ихъ; то сдѣлалъ сіе не потому, чтобъ имѣлъ въ нихъ нужду, но потому, что не взиралъ на различіе между учеными и неучеными. Ибо, какъ Онъ не нуждался въ мудрецахъ для исполненія своихъ намѣреній, такъ равно, когда они послѣ являлись между вѣрующими, Онъ не отвергалъ ихъ за сію мудрость. Но ты докажи мнѣ то: были ли Петръ и Павелъ люди ученые? Не можешь; ибо они были простые и неученые люди. Смотри, поелику Христосъ еще въ Палестинѣ показалъ ученикамъ

свою силу, и сказалъ: *егда послахъ вы безъ влагалища и безъ мъха и безъ сапогъ, еда чесого лишени бысте* (Лук. 22, 35)? то, посылая ихъ во вселенную, позволилъ имѣть имъ и мѣшокъ и суму:— подобнымъ образомъ и теперь Онъ поступилъ. Главное дѣло здѣсь состояло въ томъ, чтобъ явилась сила Христа, а не въ томъ, чтобъ приступающихъ къ вѣрѣ отгнать отъ оной за внѣшнюю мудрость. Посему, если Греки будутъ обвинять учениковъ Христовыхъ въ необразованности, мы болѣе самихъ Грековъ станемъ приписывать имъ оной. Никто не говори, что мудръ былъ Павелъ; но, превознося похвалами великихъ мудрецовъ Греческихъ и удивляясь великимъ словесникамъ, мы всѣхъ своихъ будемъ называть невѣждами. Сей способъ не мало послужитъ намъ къ низложенію ихъ, и такимъ образомъ мы одержимъ надъ ними знаменитую побѣду. Это я сказалъ потому, что нѣкогда слышалъ, какъ смѣшно одинъ Христіанинъ препирался съ язычникомъ, и какъ оба они въ семъ спорѣ сами себя опровергали. Ибо то, что на-

длежало бы говорить Христіанину, говорилъ язычникъ; а что слѣдовало бы говорить язычнику, то предлагалъ Христіанинъ. Споръ былъ о Павлѣ и Платонѣ. Язычникъ старался доказать, что Павелъ былъ человѣкъ неученый и необразованный; а Христіанинъ, по простотѣ своей, усиливался доказать, что Павелъ былъ образованнѣе и краснорѣчивѣе Платона. Примите за истину сію послѣднюю мысль, — и побѣда останется на сторонѣ язычника. Ибо, если Павелъ былъ ученѣе и краснорѣчивѣе Платона; то многіе справедливо возражаютъ намъ, что онъ побѣдилъ не благодатію, но своимъ краснорѣчіемъ. Такимъ образомъ то, что говорилъ Христіанинъ, служило въ защиту язычника, а что говорилъ язычникъ, то обращалось въ пользу Христіанина. Ибо, если Павелъ былъ неученъ, однакожъ побѣдилъ Платона; то это была, какъ сказалъ я, знаменитая побѣда; потому что сей неученый Павелъ убѣдилъ и привлекъ на свою сторону всѣхъ учениковъ Платоновыхъ. Отсюда ясно открывается, что проповѣдь

Евангелія превозмогла не человѣческою мудростію, но благодатію Божіею. Итакъ, чтобъ и намъ не подвергнуться такому же посмѣянію, когда мы вступаемъ въ разговоръ съ язычниками, и заводимъ споръ съ ними, станемъ обвинять Апостоловъ въ неучености: ибо сіе обвиненіе служитъ къ чести ихъ. И когда тѣ скажутъ, что Апостолы были люди простые, то мы прибавимъ къ тому и скажемъ: они были и неученые, и некнижные, и бѣдные и презрѣнные, и не мудрые и незнатные. Это не къ безчестію служитъ Апостоламъ, а еще къ чести, когда они, будучи таковыми, сдѣлались славнѣе всей вселенной. Ибо сіи простые, некнижные, неученые люди мужей и мудрыхъ, и сильныхъ, и державныхъ и хвалящихся своимъ богатствомъ, славою и всѣми внѣшними благами, побѣдили такъ, какъ будто сіи не были и люди. Отсюда видно, что могущество Креста велико, и что не человѣческою силою совершено сіе дѣло. Ибо оно несовмѣстно съ человѣческою природою, но выше ея. Если же какое

дѣло бываетъ несовмѣстно съ природою, а выше и гораздо выше ея, и между тѣмъ непротивузаконно и благодѣтельно: то, очевидно, оно совершается Божественною нѣкою силою и Божественнымъ содѣйствіемъ. Теперь смотри: рыбарь, скинотворецъ, мытарь, простые, неученые люди, пришедъ изъ Палестины,—страны далекой, и изгнавъ всѣхъ Философовъ, Риторовъ и Ораторовъ изъ отечества, въ короткое время побѣдили ихъ; между тѣмъ какъ рыбарямъ симъ предстояли многія опасности; имъ противоборствовали народы, Цари, самая природа вооружалась противъ нихъ, сильныя препоны полагали имъ давность времени, закоренѣлыя привычки; ополчались противъ нихъ демоны, діаволъ ратовалъ и все возбуждалъ противъ нихъ: Царей, правителей, народы, языки, города, варваровъ, Грековъ, Философовъ, Риторовъ, Софистовъ, Ораторовъ, законы, судилища, различныя казни, и безчисленные и безконечно разнообразные виды смертей. Но все сіе было отражаемо; все уступало вѣщанію рыбарей, какъ уступаетъ

легкая пыль сильному стремленію вѣтровъ. Сіе даетъ намъ разумѣть, что въ состязаніи съ Еллинами мы не должны уподобляться безсмысленнымъ животнымъ, но должны быть готовы дать отвѣтъ въ нашемъ упованіи (1. Петр. 3, 15); и между прочимъ на сей немаловажный предметъ мы должны обратить вниманіе и сказать имъ: какимъ образомъ слабые побѣдили сильныхъ,—двѣнадцать человѣкъ — цѣлую вселенную, тогда какъ они не имѣли оружія, подобнаго тому, какое враги употребляли противъ нихъ, но безоружные сражались противъ вооруженныхъ? — Въ самомъ дѣлѣ представь: если бы двѣнадцать человѣкъ неопытныхъ въ воинскихъ дѣлахъ, не только безоружные, но и слабосильные, сдѣлавъ нападеніе на многочисленный и вооруженный отрядъ воиновъ, не потерпѣли отъ него никакого вреда, — если бы они среди безчисленныхъ стрѣлъ, на нихъ устремленныхъ, остались неуязвленными, а имѣя вонзенныя стрѣлы въ нагомъ своемъ тѣлѣ, всѣхъ бы низложили, не употребляя

оружія, но только ударомъ руки дѣйствуя, — однихъ побили, другихъ въ плѣнъ взяли, не получивъ сами никакихъ ранъ; то кто сказалъ бы, что это дѣло человѣческое? Но побѣда Апостоловъ гораздо удивительнѣе оной. Ибо, если нагой не получаетъ ранъ, это гораздо менѣе удивительно, нежели то, когда невѣжда, неученый, рыбарь побѣждаетъ людей столь великихъ, и не находитъ препятствія для себя ни въ своей незнатности, ни въ своемъ убожествѣ, ни въ опасностяхъ, ни въ закоренѣлыхъ привычкахъ другихъ, ни въ строгости предлагаемыхъ имъ правилъ, ни въ ежедневно угрожающей смерти, ни во множествѣ обольщенныхъ, ни въ важности обольстителей. Такимъ-то образомъ должны мы низлагать язычниковъ; такимъ-то образомъ должны мы препираться съ ними! Но паче словопреній станемъ поражать ихъ своею жизнію. Ибо жизнь много значитъ въ состязаніи съ ними; дѣла составляютъ неопровержимый доводъ для нихъ. На словахъ сколько бы мы ни разсуждали съ

ними, но если жизнь наша не будетъ лучше ихъ жизни; то мы не получимъ никакой пользы. Ибо они не внимаютъ нашимъ словамъ, а испытываютъ дѣла наши и говорятъ: «ты прежде самъ убѣ«дись въ истинѣ словъ своихъ, и тогда «уже другихъ убѣждай. Если же ты го«воришь, что безчисленныя блага ожи«даютъ насъ въ будущей жизни, а меж«ду тѣмъ своею привязанностію къ бла«гамъ настоящимъ обнаруживаешь со«мнѣніе въ дѣйствительномъ бытіи оныхъ; «то дѣла твои для меня убѣдительнѣе «словъ твоихъ. Когда я вижу, что ты «похищаешь собственность другихъ, безъ «мѣры скорбишь объ умершихъ и грѣ«шишь во многомъ другомъ; то какъ я «тебѣ повѣрю, что есть воскресеніе?» Хотя бы впрочемъ они такимъ образомъ и не говорили, однакожъ имѣютъ сіе въ мысляхъ и содержатъ въ умѣ своемъ. И это-то препятствуетъ невѣрнымъ содѣлаться Христіанами. Итакъ станемъ преклонять ихъ къ сему своею жизнію. Дѣйствительно, многіе и неученые люди поражали умъ Филосо-

фовъ тѣмъ, что показывали любомудріе въ дѣлахъ своихъ и громче трубы вѣщали къ нимъ мудрою и добродѣтельною своею жизнію: ибо жизнь сильнѣе языка. Когда напримѣръ скажу, что не должно помнить зла, а потомъ причиню язычнику безчисленныя обиды; то какъ могу привлечь его словами, когда отгоняю его дѣлами? Итакъ будемъ уловлять ихъ жизнію и изъ душъ ихъ созидать Церковь; станемъ собирать это богатство. Нѣтъ ничего равноцѣннѣе души; весь міръ не стоитъ ея. Хотя бы ты роздалъ бѣднымъ безчисленныя богатства; ничего не сдѣлаешь такого, что могло бы сравниться съ обращеніемъ одной души. *Аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будеши, говоритъ Господь* (Іер. 15, 19). Безъ сомнѣнія велика добродѣтель и оказать милосердіе бѣднымъ; но совсѣмъ не такова, какъ вывести человѣка изъ заблужденія. Кто сіе дѣлаетъ, тотъ уподобляется Петру и Павлу; ибо ихъ дѣло проповѣди можемъ принять на себя и мы. Если же, подобно имъ, и не подверг-

немся за сіе опасностямъ, не потерпимъ ни голода, ни другихъ ихъ бѣдствій, поелику въ настоящее время господствуетъ миръ; то, по крайней мѣрѣ, можемъ показать подобную ревность. Ибо и сидя дома можно производить подобную ловитву. Имѣетъ ли кто друга, родственника, домашнихъ; пусть поступаетъ съ ними такимъ образомъ, — пусть говоритъ имъ такимъ образомъ, — и онъ будетъ подобенъ Петру и Павлу. Что я говорю: Петру и Павлу? Онъ будетъ устами Христовыми. *Аще изведеши честное отъ недостойнаго, яко уста Моя будеши, говоритъ Господь.* Если не убѣдишь нынѣ, убѣдишь завтра; если и никогда не убѣдишь, ты награду полную получишь. Если не убѣдишь всѣхъ, по крайней мѣрѣ можешь убѣдить изъ многихъ хотя нѣкоторыхъ; поелику и сами Апостолы не всѣхъ людей своего времени убѣдили, однакожъ ко всѣмъ простирали слово свое, и за всѣхъ имѣютъ награду. Богъ распредѣляетъ награды, судя не по окончанію добрыхъ дѣлъ, а по расположенію со-

вершающихъ оныя; если ты принесешь и два только овола, Онъ пріиметъ. И какъ Онъ поступилъ съ вдовицею (Лук. 21, 2–4), такъ поступитъ и съ учащими. Итакъ, изъ-за того, что ты не можешь спасти всѣхъ людей, не пренебрегай нѣкоторыхъ, и изъ желанія большихъ успѣховъ, не лишай себя малыхъ. Если ты не можешь спасти ста человѣкъ, старайся о спасеніи десяти; если и десяти не можешь, не оставь безъ вниманія пяти; если и пяти не можешь, не презри одного; если и одного не можешь, не оставляй однакоже своей ревности и не преставай дѣлать то, что можешь. Ужели не знаешь, что и занимающіеся торговлею производятъ оную не однимъ только золотомъ, но и серебромъ? Если мы не пренебрежемъ малаго, то будемъ обладать и многимъ; а если станемъ нерадѣть о маломъ, то трудно будетъ намъ получить и многое. Богачь отъ того и дѣлается богачемъ, что собираетъ и малое и многое; и мы должны такъ же поступать, дабы, всѣмъ обогатившись, достигнуть Царства не-

беснаго благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XII.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА

ИЗРЕЧЕНІЯ.

(писаны двустишіями.)

1. Если наблюдать за начинаніемъ и окончаніемъ всякаго дѣла; то ясно можно увидѣть, что хорошаго начала бываетъ прекрасный конецъ.

2. Очищеніе жизни, совершаемое съ Божіею помощію, есть такое начало, которое всегда увѣнчивается счастливымъ концемъ.

3. Познанія служатъ тебѣ вмѣсто крыльевъ; не летай же безъ сихъ крыльевъ: безъ крыльевъ и птица не летаетъ.

4. Науки составляютъ наилучшее украшеніе человѣка въ жизни; но онѣ становятся вредными для тѣхъ, которые употребляютъ ихъ во зло.

5. Нисколько не увлекайся тщеславіемъ: это самая опасная сѣть для неопытныхъ.

6. Полюбивъ добродѣтель, не совращайся съ пути ея: берегись! переходъ отъ добра къ злу недалекъ.

7. Удерживайся отъ смѣха, обуздывай гнѣвъ, праздныхъ словъ никогда не говори.

8. Бойся Бога,—это главнѣйшее дѣло. Почитай родителей своихъ, воздавай честь Священникамъ, уважай старцевъ.

9. Сыну никакъ не должно состязаться съ отцемъ. Сего требуетъ законъ, и еще прежде закона сама природа.

10. Чего не хочешь потерпѣть отъ другаго, того не желай и другому.

11. Для злодѣевъ наказаніе не есть зло: это правосудіе, воздающее равнымъ за равное.

12. Мудрыя уста источаютъ сладкія рѣчи, а злорѣчивая гортань изрыгаетъ горькія хулы.

13. Съ благорѣчиваго языка струятся потоки сладости; а неразумныя уста производятъ гнилыя слова.

14. Друзья любятъ и то, что любезно для ихъ друзей; враги, напротивъ, постыдно поносятъ самыхъ друзей.

15. Для друзей обѣднявшихъ заперты двери богачей; для богатыхъ же всегда отверсты ихъ свѣтлые чертоги.

16. Вода есть самое лучшее питіе: она держитъ мысли въ порядкѣ; а піянство возмущаетъ умъ.

17. Вино не только не укрощаетъ плоти, но еще раздражаетъ оную, возбуждая въ ней страсти.

18. Тонкій умъ прогоняетъ тучность чрева: противоположности всегда враждуютъ между собою.

19. Умѣренная пища *наяву* — лучше роскошнаго пира, видѣннаго во снѣ.

20. Глупые въ сновидѣніяхъ несравненно богатѣе мечтами, нежели богачи деньгами.

21. Лучше быть бездѣтнымъ, нежели быть отцемъ глупыхъ дѣтей. Бездѣтный по крайней мѣрѣ одинъ, а послѣдній хотя и плодовитъ, да плоды его негодны.

22. Всякое мѣсто земли можетъ служить гробомъ для смертнаго. Ибо все, что изъ земли, есть земля и въ землю возвращается.

23. Пастухъ, если захочетъ, можетъ доить и козловъ,—только вмѣсто молока потекутъ изъ нихъ источники крови.

24. Свинія, видя приготовленіе корма, не производитъ въономъ безпорядка и помѣшательства.

25. Внушай и ты своевольнымъ, чтобы они не нарушали благочинія, требуемаго приличіемъ и законами.

26. Сохраняй законъ, и будешь свободенъ отъ всякаго страха. Блюстителю закона, кто бы онъ ни былъ, нечего бояться.

27. Обольщенія порока извѣстны: остается только не преклоняться на сторону, противную добродѣтели.

28. Здравомыслящій умъ избѣгнетъ всякихъ опасностей, подобно какъ искусный кормчій избѣгаетъ бури.

29. Крѣпкая наковальня отражаетъ удары молота: такъ и здравый умъ отклоняетъ отъ себя всякой вредъ.

30. Зайцевъ пугаетъ шорохъ листьевъ: малодушные бѣгутъ отъ одной тѣни трудовъ.

31. Я съ неудовольствіемъ смотрю на бѣднаго, когда онъ даритъ богатаго: поелику богачь благодаритъ бѣдняка словами, забывая накормить его.

32. Богатые смѣются, когда бѣдные жалуются на нихъ: они смѣются надъ собственнымъ наказаніемъ, имѣющимъ постигнуть ихъ свыше.

33. Злонамѣренный Ораторъ разстроиваетъ законы; а благонамѣренный даетъ имъ благозвучную гармонію.

34. На свою бѣду хвалится законами тотъ, кто не соблюдаетъ ихъ, какъ должно.

35. Бѣдные обыкновенно не думаютъ о славѣ; а богатые не заботятся о самой жизни.

36. Учи глупыхъ, сколько возможно болѣе; можетъ быть, и они когда нибудь, сверхъ чаянія, образумятся.

37. Желѣзо высѣкаетъ изъ кремня огонь; а суровый бичь изгоняетъ изъ сердца упрямство.

38. Собирай сокровища для той жизни, которая не имѣетъ конца; настоящій же вѣкъ оставитъ тебя еще прежде конца своего.

39. Не гоняйся за тѣмъ счастіемъ, которое уносится временемъ: ибо что время созидаетъ, то оно же само и разрушитъ.

40. Неприлично женщинамъ выказывать въ себѣ характеръ мужчинъ: красивому полу должно украшаться стыдливостію.

41. Удовольствія лежатъ какъ бы на скатѣ горы: едва ихъ коснешься, онѣ и покатятся внизъ, подобно камнямъ.

42. Здравіе всего дороже для больныхъ: не безъ причины же природа вложила въ насъ желаніе сохранять здоровье.

43. Слова безразсуднаго человѣка подобны шуму волнъ морскихъ—ударяющихъ въ берега, но не утучняющихъ земли.

44. Дары вовлекаютъ и мудрыхъ въ погрѣшности: золото для людей тоже, что силки для птицъ.

45. Печали преждевременно раждаютъ старость; а что утрачено жизнію, того не можетъ вознаградить время.

46. Богатство есть усерднѣйшій слуга пороковъ: ибо оно легко даетъ средства дѣлать зло.

47. Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе друга; но съ злымъ человѣкомъ никогда не дружись.

48. Законъ долженъ быть уважаемъ, и предпочитаемъ силѣ: ибо сила дается закономъ, и онъ есть всегдашній ея блюститель.

49. Заботливый умъ, какъ червь, точитъ кости; напротивъ, у того цвѣтетъ тѣло, кто живетъ безъ заботъ.

50. Гдѣ невоздержаніе, тамъ и распутство: огонь обыкновенно приражается къ дереву.

51. Вино пробуждаетъ утихшія страсти, подобно тому, какъ масло, вливаемое въ огонь, усиливаетъ пламень.

52. Удаляющіеся споровъ избѣгаютъ случаевъ ко гнѣву; ибо споры почти всегда доводятъ до гнѣва.

53. Жестоко—налагать на изнуренна-

го трудами новые труды; но часто новый трудъ оканчиваетъ прежніе труды.

54. Кто бѣгаетъ отъ какихъ либо трудовъ, тому встрѣчаются труды другаго рода.

55. Стремись всегда къ славѣ вѣчной, а настоящая ежедневно обманываетъ.

56. Никто не можетъ во гнѣвѣ здраво разсуждать: внушенія гнѣва никогда не подадутъ добраго совѣта.

57. Люты драконы, злы аспиды; но женщина вдвое лютѣе и злѣе.

58. Стоитъ только взглянуть на голыя человѣческія кости, чтобы убѣдиться въ томъ, что на землѣ нѣтъ ничего, существенно принадлежащаго намъ.

59. Если раки ползаютъ задомъ впередъ: то сей образъ хожденія они заимствовали отъ матерей своихъ.

60. Противно природѣ то, чтобъ отъ худыхъ учителей могли произойти хорошіе ученики.

61. Если хочешь украсить себя видимымъ знакомъ добродѣтели,—не презри бѣднаго сироту.

62. Когда даетъ Богъ, зависть ничего

не можетъ сдѣлать; а если Богъ не даетъ, то и трудъ нисколько не поможетъ.

63. Ты раждаешь, эхидна?—Не бойся болѣзней рожденія. Примѣръ рожденія матерняго передъ тобою.

64. Робость никого не сдѣлаетъ героемъ: только побѣды пріобрѣтаютъ славу героя.

65. Сонливый человѣкъ изобрѣтаетъ грезы, поелику во снѣ представляются однѣ мечты, а не истинные предметы.

66. Насиліе заставляетъ и по неволѣ соглашаться: оно часто усмиряетъ самыхъ исполиновъ.

67. Когда народъ въ ослѣпленіи, тогда всякой бродяга начальствуетъ; а народъ представляетъ собою образецъ безпорядка.

68. Дѣло бездѣльное я никогда не назову дѣломъ: такія дѣла заслуживаютъ презрѣніе.

69. И между звѣрями соблюдается порядокъ, когда они сбѣгаются терзать мертвый трупъ.

70. Когда говоритъ золото, тогда всякой другой голосъ остается недѣйствителенъ; оно умѣетъ убѣждать, хотя и не умѣетъ говорить.

71. Тѣ, кои до безумія привязаны къ преходящимъ удовольствіямъ жизни, могутъ находить средства быть спокойными и въ настоящее время.

Сія краткая и многообразная жизнь есть колесо, вертящееся, и однако остающееся на одномъ мѣстѣ;

Оно поднимается вверхъ, и опускается внизъ, и хотя кажется утвержденнымъ, но всегда перемѣняетъ свое положеніе;

Катясь — стоитъ неподвижно, и пребывая неподвижнымъ, катится;

Кружится непрестанно, и однакожъ не можетъ сойти съ мѣста, само себя влечетъ и отталкиваетъ.

Ничто такъ вѣрно не изображаетъ жизни, какъ дымъ, сонъ и цвѣтъ травный.

Одинъ сребролюбецъ когда-то сказалъ: каплю счастія я цѣню дороже, нежели бочку благоразумія.

На сіе одинъ изъ мудрецовъ отвѣчалъ: каплю благоразумія я предпочитаю безднѣ счастія.

XIII.

БЕСѢДА

по освященіи храма Святыя Великомученицы Екатерины, при Московской Екатерининской Больницѣ, говоренная въ 20 день Августа 1833 года Синодальнымъ Членомъ *Филаретомъ*, Митрополитомъ Московскимъ.

Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купѣль, яже глаголется Еврейски Виѳезда, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды. Іоан. V. 2. 3.

Въ сихъ словахъ Евангелія видимъ древнѣйшую изъ градскихъ больницъ.

Похвалимъ человѣколюбіе Іудеевъ, которые для множества болящихъ создали пять *притворовъ*, или галлерей, и

дали приличное сему мѣсту имя: *Виѳезда*, то есть, *домъ милосердія:* хотя впрочемъ не знаемъ, правительству или народу должна достаться сія похвала.

Врачебное средство было тамъ одно: не человѣческимъ искусствомъ приготовленная баня въ овчей купѣли.

Вмѣсто врача, приходилъ въ сію больницу Ангелъ. *Ангелъ бо Господень схождаше.*

Сей необыкновенный врачь исцѣлялъ рѣшительно, и ни одинъ больной не былъ у него записанъ въ спискѣ неизлѣчимыхъ. *Здравъ бываше, яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше.*

Не правда ли, что это было прекрасное заведеніе? Но покажемъ и ту сторону онаго, которая не такъ свѣтла.

Небесный врачь посѣщалъ порученную ему больницу не ежедневно, какъ земные врачи, а только однажды въ годъ. *Ангелъ бо Господень на всяко лѣто схождаше.*

Исцѣленіе было рѣшительное, но каждый годъ получалъ оное одинъ только

человѣкъ. *Иже первѣе влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше.*

Не всякой больной имѣлъ силу дойти до возмущенной воды, а тѣмъ менѣе упредить другихъ. Недоставало прислужниковъ или сердобольныхъ людей для помощи безсильнымъ. Отъ того нѣкоторый разслабленный тридцать восемь лѣтъ безполезно лежалъ въ сей больницѣ, доколѣ не явился Господь стихій, временъ и Ангеловъ, которому не нужно было ни мутить воды, ни ждать годоваго срока, ни призывать Ангела, а довольно было сказать разслабленному: *востани, возми одръ твой, и ходи.*

Какой есть исцѣленія образъ сей? Какое намъ таинство являетъ? — вопрошаетъ Св. Златоустъ, указуя на Евангельское сказаніе объ овчей купели. А кто позволитъ болѣе смѣлости своему естественному разуму, любящему вмѣшиваться въ дѣла Провидѣнія, которыя выше его: тотъ можетъ еще сказать: какое странное соединеніе и чудесной силы, исцѣляющей всякую неизлѣчимую болѣзнь, и скудости сея силы, не про-

стирающейся далѣе исцѣленія одного человѣка;—и щедрости, приготовляющей цѣлый водоемъ врачевства, и бережливости, не дающей болѣе одного, рѣдкаго пріема онаго; — и Ангела и воды, какъ будто цѣлебной силѣ Ангела нужна вода, которая впрочемъ, какъ всѣ знаютъ, не есть всеобщее врачевство. Но послушаемъ, что на сіи недоумѣнія отвѣтствуетъ Св. Златоустъ. *Не просто бо,* говоритъ онъ, *и не туне сіе написано есть: но будущія вещи аки на образѣ и изображеніи написуетъ намъ: дабы зѣло необычайное и нечаянно пришедшее дѣло не повредило у многихъ силы вѣры. Что убо есть, еже написуетъ? Имѣло нѣкогда крещеніе даятися, многую силу и даръ великій содержащее, крещеніе вся грѣхи очищающее, и вмѣсто мертвыхъ живыми творящее. Итакъ все сіе чрезъ купѣль, и чрезъ другія многія воды, какъ бы чрезъ образъ, ясно означается.* До здѣ Святый Златоустъ. (На Іоан. Бесѣд. 36).

Осмѣлимся продолжить сіе изъясненіе. Надобно было на опытѣ показать

погруженіе въ воду, уничтожающее всякую болѣзнь, чтобы приготовить умы къ открытію крещенія въ водѣ, уничтожающаго всѣ грѣхи. Надобно было въ ощутительномъ явленіи движенія воды дать примѣтить благотворное надъ нею дѣйствіе Ангельскаго духа, дабы сдѣлать менѣе невѣроятнымъ новотворное и возродительное въ водѣ крещенія дѣйствіе Духа высшаго, нежели Ангельскій, Духа собственно Божія. Надобно было, чтобы благотворная сила овчей купѣли подавалась только тому, кто ревностнымъ стремленіемъ къ исцѣленію оставляетъ позади себя всѣхъ прочихъ: дабы и въ семъ явленъ былъ образъ купѣли крещенія, которой спасительная сила подается только тому, кто стремленіемъ вѣры къ небесному и Божественному оставляетъ позади себя все земное. Надобно было представить Ангельское дѣйствіе ограниченнымъ, надобно было подлѣ самаго Ангела продержать разслабленнаго тридцать восемь лѣтъ безъ исцѣленія, дабы тогда, какъ Христосъ исцѣлитъ его единымъ словомъ, очевидно

изъ сего было, что сей Исцѣлитель безъ сравненія выше Ангеловъ, что власть его неограниченна, что Онъ есть Vпостасное Слово Божіе и истинный Богъ.

Если бы кто вздумалъ еще жаловаться, что много средствъ употреблено для одной цѣли,—множество больныхъ, множество лѣтъ, множество ежегодныхъ чудесъ Ангельскихъ для одной мысли о Христѣ и крещеніи: на сіе отвѣтствую: цѣль сія довольно велика сама въ себѣ, и важна для человѣчества, чтобы сдѣлать непримѣтною всякую жалобу на расточеніе средствъ, употребленныхъ для достиженія сей цѣли. Если испытатели природы производятъ продолжительныя работы, устрояютъ многодѣльныя орудія, употребляютъ огромныя издержки, чтобы открыть или объяснить какуюнибудь частную и подчиненную истину естественную: то конечно стоило труда устроить въ Іерусалимѣ овчую купѣль съ ея принадлежностями, какъ небольшую модель великой купѣли, въ которой возрожденъ цѣлый міръ Христіанскій,—какъ удобовразумительнаго указа-

теля высокой истины и непостижимаго таинства Христа Спасителя и Бога.

Но довольно о Христіанскихъ таинствахъ, которыя лучше и достойнѣе чтутся смиреннымъ молчаніемъ вѣры, нежели возносящимся испытаніемъ разума. Возвратимся просто изъ больницы Іерусалимской въ больницу Московскую.

Съ радостію, съ чувствомъ внутренняго убѣжденія мы можемъ воздать долгъ хвалы и благодарности Благочестивѣйшимъ Самодержцамъ нашимъ, которые какъ во всякой добродѣтели, и во всякомъ благотвореніи, такъ и въ попеченіи о болящихъ величественно предшествуютъ народу своимъ примѣромъ. По нихъ съ благодарностію можемъ вспомнить и нѣкоторыхъ изъ подданныхъ, которые въ подвигахъ человѣколюбія довольно близко послѣдовали Царскому примѣру. Можно насчитать въ семъ градѣ болѣе пяти, не *притворовъ*, а великолѣпныхъ домовъ, которые представляютъ добродѣтель ми-

лосердія въ дѣлахъ тѣмъ лучше, что не выставляютъ ея въ названіяхъ. Отче милосердія! призирай выну на дѣла сіи окомъ благодати; и да будутъ помилованы милующіе; да будутъ, по непреложному обѣщанію, *блажени милостивіи*.

Нѣтъ правда здѣсь одной купѣли, достаточной противъ всякаго недуга, и врачи здѣсь не Ангелы. Вразсужденіи сего я могу только указать нашимъ плотоноснымъ врачамъ на примѣръ безплотнаго Іерусалимскаго врача, для ихъ размышленія. Сей примѣръ не показываетъ ли близости духовнаго къ тѣлесному, возможности союза между силою духовною и вещественнымъ средствомъ врачеванія, цѣлебнаго вліянія духовнаго на тѣлесное, когда духовное чисто и доступно Божественному? А если это такъ: то не можетъ ли,—не долженъ ли врачь, если не хочетъ быть ремесленникомъ, работающимъ только вещественными орудіями надъ веществомъ,—не долженъ ли, говорю, и духовное употреблять въ пособіе тѣлесному врачеванію, чистую

волю признавать важною частію въ составѣ врачебныхъ средствъ, усердною молитвою искать свѣта и силы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наука идетъ ощупью въ темнотѣ, и претыкается?

Но если здѣсь и недостаетъ Ангела: за то ни одинъ больной не будетъ здѣсь, какъ въ Іерусалимѣ, доведенъ до необходимости жаловаться: *человѣка не имамъ*; но каждый найдетъ здѣсь и человѣка врачующаго, и человѣка служащаго немощному, и, когда нужно, человѣка приближающаго къ благотворнымъ вліяніямъ источника духовнаго. Во славу Бога преимущественно въ Христіанствѣ щедраго средствами спасительными, должно сказать, что мѣсто, гдѣ мы стоимъ теперь, не можетъ завидовать купѣли овчей, содѣлавшись нынѣ хранилищемъ силы, болѣе нежели тамъ, высокой и благотворной. Не Ангелъ однажды въ годъ, но Царь Ангеловъ, Ангельскими дориносимый чинми, приходитъ сюда такъ часто, какъ дерзаетъ призывать Его призванный къ сему дерзновенію человѣкъ; и пребываетъ здѣсь съ си-

лою, которою все сотворено, и все сохраняется, врачуется, усовершается. Есть здѣсь всеобщій источникъ исцѣленій: о если бы довольно умѣли, вѣрующимъ сердцемъ, открывать оный для себя и болящіе, и врачующіе!

Но какъ слушающіе меня не болящіе, то скажу еще: о если бы и здравые ревностнѣе притекали въ сіе святилище силъ, какъ во врачебницу душъ, почти всегда, какъ я думаю, не безболѣзненныхъ внутренно!

Если Церковь, какъ свидѣтельствуетъ устроеніе сего мѣста, признается нужною и для больныхъ, которые большею частію не имѣютъ силъ приходить въ оную: меньше ли нужна она для здоровыхъ, которые приходить въ нее могутъ? Кто отважится утверждать сію несообразность? А не часто ли видимъ мы сію несообразность на дѣлѣ, то есть, что здоровые меньше больныхъ помышляютъ о Церкви?

Можно, говорятъ, молиться Богу дома, духомъ. Нѣтъ о семъ спора. Но люди, которые лучше насъ умѣли молить-

ся духомъ, не бѣгали отъ храма, а прибѣгали въ оный съ радостію. *Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. CXXI. 1). Даніилъ, Пророкъ, *мужъ желаній* (Дан. X. 11), человѣкъ, который жилъ молитвою, когда не могъ идти въ храмъ Іерусалимскій, потому что былъ въ Вавилонѣ, и потому что храмъ былъ разрушенъ, старался сблизить себя по крайней мѣрѣ съ мѣстомъ и, такъ сказать, тѣнью бывшаго храма, становясь на молитву передъ открытымъ къ Іерусалиму окномъ, и въ тѣ часы, въ которые приносима была жертва во храмѣ до его разрушенія. *Двери же отверсты ему въ горницѣ его противу Іерусалима; въ три же времена дне бяше преклоняя колѣна своя, моляся и исповѣдаяся предъ Богомъ своимъ* (Дан. VI. 10). Или Даніилъ суевѣренъ? Или вы хотите быть духовнѣе Даніила?—Нѣтъ! Надобно признаться, что тѣ, которые не посѣщаютъ храма подъ предлогомъ молитвы духомъ, или совсѣмъ нерадятъ о

молитвѣ, или совсѣмъ не понимаютъ сего дѣла.

Если же кто, признавая свое нерадѣніе и невнимательность, изнемогаетъ въ усердіи ко храму потому, что посѣщая оный не довольно ощущаетъ въ себѣ отъ того содѣйствія къ лучшему: таковаго увѣряемъ со Св. Златоустомъ, что *пріобрящетъ и пріиметъ нѣкоторую пользу; хотя и не таковую, дабы могъ оную чувствовати, однако же пріиметъ. Ибо если бы кто мимо прошелъ мvроварницы, или бы въ подобныхъ ей домахъ часто кто находился; то и не хотя облагоухался бы пріятною вонею: кольми паче человѣкъ въ Церковь ходящій. Не возможно бо,* говоритъ онъ еще, *дабы бесѣдующій къ Богу, и послушающій бесѣдующаго Бога, не пріобрѣлъ что либо* (на Іоан. Бесѣд. 53).

Не будемъ, братія, безпечны о здравіи душъ нашихъ; но будемъ тщательно пользоваться врачебницею душъ — Церковію, и Врачемъ душъ — Христомъ, доколѣ Онъ ходитъ среди насъ, какъ

Врачь исцѣляющій всякую болѣзнь грѣха, доколѣ, по долготерпѣнію, медлитъ явиться, какъ судія, имѣющій рѣшить жребій нашъ на вѣчную смерть, если не на вѣчную жизнь. Аминь.

XIV.

Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Мат. 5, 12.

Удѣлъ человѣка въ настоящей жизни есть самый печальный и прискорбный. Нищета, плачь, алчба, жажда, поношенія, гоненія, злословія (Мат. 5, 3. 11),— вотъ, по ученію Іисуса Христа, тернія и волчцы, по коимъ намъ должно идти къ царствію Божію! вотъ болѣе или менѣе тяжкіе кресты, которые каждый изъ насъ обязанъ нести на себѣ! Казалось бы, что среди толикаго множества золъ намъ ничего уже не остается, какъ только непрестанно воздыхать и плакать. Но утѣшимся. Тотъ же Іисусъ Христосъ, который посылаетъ насъ по пути жесткому и колючему, умягчаетъ оный обѣтованіемъ вожделѣннаго на небѣ отечества; тотъ же Іисусъ Христосъ, который налагаетъ на насъ бре-

мена тяжкія и неудобоносимыя, дѣлаетъ оныя благимъ и легкимъ игомъ, подкрѣпляя насъ своею благодатію, и ободряя обѣтованіемъ будущаго воздаянія. *Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.*

Такъ, не все кончается со смертію. За предѣлами сей жизни начинается другая жизнь, которая уже не имѣетъ конца. Христіанинъ видитъ ее; смотритъ отселѣ окомъ вѣры на мерцающій берегъ вѣчности, и подобно морской скалѣ, посмѣвается волнамъ житейскаго моря, къ нему приражающимся и разбивающимся объ него.

Въ самомъ дѣлѣ, несчастія или горести, встрѣчающіяся съ нами въ жизни, отъ того кажутся намъ слишкомъ тяжкими и нестерпимыми, что мы не твердо увѣрены въ своемъ безсмертіи, и чаяніе будущей жизни полагаемъ только въ числѣ нѣкоторыхъ гаданій и сомнѣній. Что обыкновенно составляетъ предметъ нашихъ жалобъ? Низкая порода, бѣдность, безчестіе, болѣзнь, сиротство и прочія симъ подобныя несча-

стія. Станемъ смотрѣть на каждое изъ сихъ несчастій, имѣя въ виду будущую жизнь; мы увидимъ, сколько отъ сего облегчится ихъ тяжесть, и усладится ихъ горечь.

Ты недоволенъ тѣмъ, что родился въ низкомъ состояніи, и своимъ рожденіемъ приговоренъ къ непрерывнымъ трудамъ, нерѣдко оканчивающимся однѣми слезами, тогда какъ другой, обласканный природою при самомъ рожденіи, не проливая капли пота, наслаждается всѣми земными благами. Но хочешь ли въ сей скорби получить утѣшеніе? Простри взоръ твой за предѣлы настоящей жизни и представь, что ты будешь за гробомъ, и что будутъ тѣ, коихъ состоянію ты теперь столько завидуешь. Едва переступятъ они за прагъ сей жизни, вдругъ исчезнутъ всѣ ихъ преимущества, сопряженныя въ свѣтѣ съ знаменитымъ происхожденіемъ. Скажи, тотъ ли тамъ будетъ сіять и превосходить другихъ, кому здѣсь на сіе часто даетъ право слѣпое счастіе; или только тотъ, у кого душа свѣтла, кто совер-

шилъ на землѣ превосходные подвиги добродѣтели? Припомни, что сказалъ Господь своимъ ученикамъ: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга* (Мат. 20, 26): т. е. кто хочетъ на небѣ занять первое мѣсто, тотъ на землѣ долженъ быть послѣднимъ изъ самыхъ послѣднихъ. Не скорби же теперь о томъ, что ты родился въ низкомъ состояніи, и не говори, что природа тебя обидѣла. Она не обидѣла тебя, когда чрезъ самое рожденіе открыла тебѣ путь къ высокимъ почестямъ на небѣ, не обидѣла, когда по самому состоянію усвоила тебѣ право быть великимъ въ царствѣ Божіемъ. Если бы ты, подобно другимъ, родился великимъ, то бы долженъ же былъ, по заповѣди Іисуса Христа, добровольно сдѣлаться малымъ, и съ великимъ трудомъ низвести себя до послѣдней степени униженія, на которой и безъ того теперь стоишь. Итакъ не жалуйся, но паче благодари Бога, что онъ поставилъ тебя въ такое состояніе, чрезъ которое лежитъ удобный путь къ блаженной вѣчности.

Ты жалуешься на свою бѣдность, и завидуешь состоянію богачей, которые живутъ во всемъ довольствѣ и роскоши. Но вспомни, что ты странникъ на землѣ, и твое отечество на небесахъ. Странствующій изъ одного мѣста въ другое, обыкновенно, ходитъ не съ богатымъ имѣніемъ, не съ драгоцѣнными сокровищами, но съ бѣдною сумою и посохомъ; съ такою же легкою ношею должно идти и къ царствію Божію: иначе ты навсегда останешься въ дорогѣ, и не дойдешь до своего небеснаго Отечества. Не завидуй, а лучше пожалѣй о *сихъ* богачахъ, которые, бывъ подавлены бременемъ своихъ стяжаній, не могутъ продолжать съ тобою пути, останавливаются, заходятъ въ гостинницы міра сего, и въ нихъ увеселяются, забывъ вожделѣнную цѣль своего путешествія. Если бы у сихъ слѣпцевъ какою нибудь сверхъестественною силою вдругъ разверзлись духовныя очи, и вдали показалась имъ отечественная земля ихъ съ своими вѣчно зеленѣющими древами, медоточными источниками, неувядаю-

щими цвѣтами, со всѣми прелестями небесной весны; то, безъ сомнѣнія, они тотчасъ бросили бы все, и поспѣшили туда.

Тебѣ прискорбно, что ставъ жертвою клеветы, лишился ты добраго имени и хорошаго мѣста въ обществѣ. Люди могутъ судить пристрастно и несправедливо. Но воспряни отъ унынія, гражданинъ неба! вспомни, что чрезъ святое крещеніе ты вступилъ въ общеніе съ Ангелами и праведными душами, составляющими гражданство небесное. Тамъ, въ семъ святомъ обществѣ, судятъ о другихъ не по лицамъ, не по предубѣжденіямъ, не по какимъ либо корыстнымъ видамъ, ибо судіи прозорливы и безпристрастны; изъ горнихъ селéній приникаютъ они дружескимъ взоромъ на своихъ братій, еще странствующихъ по землѣ, замѣчаютъ ихъ поступки, цѣнятъ мысли, читаютъ самыя сокровенныя желанія, все до послѣдняго движенія сердечнаго у нихъ исчислено, измѣрено и взвѣшено. Разсуди теперь самъ, что лучше? получить ли честь отъ царя земнаго, или

получить ее отъ Царя небеснаго? Слышать ли себѣ похвалы изъ устъ человѣческихъ, или восхищаться радостными привѣтствіями небожителей? Блеснуть ли здѣсь на нѣсколько минутъ, и потомъ покрыться вѣчною тьмою, или изъ мрака временной неизвѣстности воспрянуть къ немерцающему свѣту безсмертія?

Ты стонешь на одрѣ болѣзни и изнемогаешь подъ тяжестію разрушающейся храмины твоего тѣла. Но духъ безплотный, духъ безсмертный! потерпи еще не много; уже не долго страдать тебѣ въ оковахъ плоти; скоро, скоро Ангелъ смерти сниметъ съ тебя сіи тяжкія оковы, и чрезъ двери гроба переведетъ туда, *идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.*

Ты плачешь на гробѣ своихъ возлюбленныхъ; потеря ихъ отравила счастіе твоей жизни. Но развѣ они обратились въ ничтожество? развѣ душа ихъ вмѣстѣ съ тѣломъ разрушилась? Любящее сердце неспособно такъ думать о любимомъ предметѣ. Гдѣ же теперь опла-

киваемые тобою? Они только въ другомъ мѣстѣ; они живы; они ждутъ тебя, занимаются настоящею твоею судьбою, молятся о твоемъ спасеніи; и когда ты самъ, подобно имъ, скончаешь свое теченіе и приближишься къ дверямъ вѣчности, тогда присные твои, друзья, благодѣтели и всѣ, коихъ память для тебя драгоцѣнна, поспѣшно отворятъ тебѣ оныя, и съ радостію примутъ новаго гостя въ свои объятія.

Есть ли еще кто нибудь въ мірѣ толико злосчастный, толико убитый горестію, который бы при взорѣ на будущую жизнь не ощущалъ въ себѣ никакого утѣшенія? Вопросимъ святыхъ отшельниковъ, орудіемъ своея воли изнуряющихъ, уязвляющихъ и распинающихъ плоть свою: чѣмъ они воодушевляютъ себя въ тягостныхъ подвигахъ самоумерщвленія? Умершіе міру отвѣтствуютъ намъ: *аще умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ* (Рим. 8). Вопросимъ великихъ страстотерпцевъ, отъ главы до ногъ покрытыхъ язвами и струпами, изсушенныхъ

и изможденныхъ жаломъ болѣзней: что утишаетъ въ нихъ нестерпимую боль? Что проливаетъ цѣлебный елей на ихъ тяжкія раны? Страдальцы отвѣтствуютъ намъ: *вѣмы, яко присносущенъ есть, иже имать искупити* насъ, *и (на земли) воскресити кожу* нашу *терпящую сія* (Іов. 19, 25. 26). Вопросимъ мучениковъ, изъ темницы влекомыхъ на ужасныя муки и смерть: отъ чего ни огнь, ни мечь, ни крестъ не ужасаютъ ихъ, и они на смерть шествуютъ, какъ на пиръ? Воины Христовы отвѣтствуютъ намъ: *вѣмы, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ* (2. Кор. 5, 1). Вопросимъ Христіанъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ странъ и народовъ: почему они не брегутъ о земномъ счастіи и отважно текутъ на предлежащія бѣдствія? Всѣ, всѣ они единогласно отвѣтствуютъ намъ: *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14).

Итакъ мысль о безсмертіи всѣ бѣдствія облегчаетъ, всѣ горести услажда-

етъ, всѣ ужасныя муки и самую смерть пріятными содѣлываетъ. О святая, утѣшительная мысль! Я буду жить за гробомъ, и жить не то скудное число лѣтъ, которое означаетъ на землѣ предѣлъ жизни человѣческой,—буду жить не столѣтіе, не два, не десять; нѣтъ, я переживу тысячу тысячъ столѣтій — и все останусь живъ; переживу еще столько же—и все буду жить; переживу все пространство временъ, какое только вообразить возможно,—и жизнь моя отъ того столь же мало сократится, какъ бы съ сей только минуты я оную началъ. О море безбрежное! о высота безпредѣльная!

Что же теперь настоящая наша жизнь въ сравненіи съ вѣчностію? Менѣе, нежели минута. И сію минуту мы промѣняемъ на вѣчность? И мы откажемся испустить здѣсь нѣсколько вздоховъ, пролить нѣсколько слезъ, чтобы тамъ обезсмертить свое блаженство? О, да памятуемъ непрестанно свой высшій удѣлъ безсмертія; да сопровождаетъ насъ сія мысль, подобно свѣтлому Ангелу, во дни и нощи, въ трудахъ и покоѣ,

при усыпленіи и пробужденіи! Будемъ размышлять о семъ наединѣ, будемъ бесѣдовать съ ближними нашими, будемъ воздыхать о семъ со всѣми тварями, чающими избавленія (Рим. 8, 17. 20. 21). И послѣ сего, хотя бы востали на насъ цѣлыя полчища несчастій, и сама смерть предводительствовала ими;— мы не вострепещемъ, но смѣло имъ противустанемъ, вооружившись чаяніемъ *воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь.*

XV.

ГРѢШНИКЪ НЕ ИЗВИНИТЕЛЕНЪ.

И начаша вкупѣ отрицатися вси. Лук. 14, 18.

Въ притчѣ, изъ которой заимствованы сіи слова, Царствіе Божіе сравнивается съ пиршествомъ: сравненіе очень вѣрное. На пиршествѣ мы надѣемся найти пищу *здоровую, изобильную, разнообразную, дорогую,* сверхъ того, *пріятное общество,* и притомъ, *даромъ.* Все это, и несравненно болѣе, уготовано вѣрующимъ въ Царствіи Божіи. Тамъ есть *хлѣбъ животный, сшедый съ небесе.* Кто не вкушаетъ сего хлѣба, тотъ погибъ навсегда, а кто насыщается имъ, тотъ живъ будетъ во вѣки (Іоан. 6, 51).—На вечери Господней *изобиліе* во всемъ: ибо у небеснаго Отца хлѣба съ избыткомъ (Лук. 15, 17), и сколь бы велико

ни было число званныхъ, мѣста еще много остается (Лук. 14, 22). — Предлагаются на сей вечери блага *разнообразныя:* отпущеніе грѣховъ, миръ, усыновленіе, радость о Духѣ Святомъ, общеніе съ Богомъ, вѣчная слава. Сіи блага *драгоцѣнны;* ибо они принесены съ неба, дарованы Богомъ, куплены цѣною, превосходящею всѣ сокровища міра— цѣною крови Сына Божія. Тамъ есть высокое и *пріятное общество:* ибо участвующіе въ Евангельской вечери приступаютъ *къ тьмамъ Ангеловъ, къ торжественному собранію и Церкви первенцевъ, къ судіи всѣхъ Богу, и къ душамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства* (Евр. 12, 22. 23). И все это даруется намъ *безъ сребра и цѣны* (Ис. 55, 16).

Видя, сколь драгоцѣнны и величественны сіи блага, можно подумать, что всѣ, коимъ они предлагаются, пріемлютъ ихъ съ радостію; но, увы, не то на дѣлѣ: званные *отрицаются!* Не думайте, что они имѣютъ на то основательныя причины: нѣтъ, это пустыя отговорки,

которыми они хотятъ извинить свои поступки предъ собственными глазами, предъ ближними, даже—чего тщетно надѣются — предъ самимъ Богомъ. Самый бѣглый взглядъ на ихъ извиненія увѣритъ въ суетности оныхъ.

Начнемъ съ тѣхъ предлоговъ, коими извиняютъ себя упоминаемые въ притчѣ званные.

I. Первый сказалъ: *я купилъ землю, и мнѣ нужно пойти посмотрѣть ее; прошу тебя, извини меня.*

Это извиненіе человѣка *богатаго*, который безпрестанно умножалъ новыми пріобрѣтеніями наслѣдіе своихъ отцевъ. Вовсе не было ему необходимости идти посмотрѣть купленную землю: безъ сомнѣнія, онъ видѣлъ ее прежде, нежели купилъ. Во всякомъ случаѣ, можно было отложить это до другаго дня; но владѣльцу сильно хотѣлось полюбоваться своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ! – Въ лицѣ сего человѣка представленъ намъ примѣръ неумѣренной привязанности къ міру, надменія своимъ богатствомъ. Это человѣкъ міра сего, отъ привязанности

къ тлѣннымъ благамъ содѣлавшійся невнимательнымъ ко гласу Христову. О, какъ трудно богатымъ войти въ царство небесное! какъ опасно быть чрезмѣрно привязаннымъ къ міру!

II. Другой сказалъ: *я купилъ пять паръ воловъ, и иду испытать ихъ; прошу тебя, извини меня.*

Это человѣкъ развлеченный домашними хлопотами. Его отговорка столь же дерзка, какъ и отговорка перваго: воловъ онъ могъ испытать въ другое время, ибо они уже куплены. Но заботливость о дѣлахъ житейскихъ притупила въ немъ чувство уваженія къ удостоившему пригласить его на вечерю!—Такимъ точно образомъ извиняютъ свою небрежность о Религіи торговцы, ремесленники, земледѣльцы. «У насъ, говорятъ они, нѣтъ времени для дѣлъ Религіи!»—Хорошо; но скажите, для чего дано вамъ время? Не должны ли вы прежде всего искать Царствія Божія и правды Его? Сверхъ того, какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ себѣ весь міръ, а душу погубитъ?—Напрасно

вы отговариваетесь и недостаткомъ времени для дѣлъ Религіи. День воскресный назначенъ именно только на сіи дѣла: и однакожъ сей святый день многіе проводятъ въ занятіяхъ житейскихъ, въ праздности, или въ мірскихъ увеселеніяхъ. Какой отвѣтъ дадутъ Богу тѣ, которые потеряли сіи драгоцѣнные часы въ дѣлахъ грѣховныхъ, или въ праздной разсѣянности, и которые пренебрегли дарами благодати, могущей умудрить ихъ во спасеніе?

Можно также замѣтить, что нѣкоторые изъ тѣхъ, кои не находятъ времени для служенія Богу, имѣютъ его для дѣлъ грѣховныхъ: даже большая часть жалуется на избытокъ времени,—и отъ того выдумываетъ разнаго рода забавы, чтобы убить время. О, если бы тѣ часы, кои проводятъ сіи люди въ домахъ праздности, на торжищахъ и на зрѣлищахъ, были употреблены на чтеніе и слушаніе слова Божія, на молитву и славословіе Богу: сколь бы легко и радостно было отдать нѣкогда Богу отчетъ въ употребленіи времени!

III. Третій сказалъ: *я женился; и потому не могу придти.* Это отговорка пристрастныхъ къ семейственнымъ удовольствіямъ.—Онъ женился: но развѣ ему не льзя было отлучиться отъ жены на нѣсколько часовъ, или взять ее съ собою на пиршество? и если бы онъ не могъ склонить свою жену идти съ нимъ, то пусть пришелъ бы одинъ.— Сколько такихъ людей, которыхъ губитъ неумѣніе пользоваться вещами позволенными, и излишняя привязанность къ самымъ невиннымъ предметамъ! Мужья и жены, которые долженствовали бы помогать другъ другу въ дѣлѣ спасенія, часто только затрудняютъ другъ друга на пути къ Царствію, и за сіе будутъ они укорять другъ друга въ продолженіе всей вѣчности. Супруги! не забывайте, что Христіанинъ долженъ иногда для своего спасенія оставлять не только домъ и имѣніе, но и жену!

Кромѣ исчисленныхъ извиненій есть и другія, столь же впрочемъ нелѣпыя: обратимъ и на нихъ нѣсколько вниманія.

IV. «Трудно понимать и тяжело выполнять предписанія Религіи,» говорятъ иные.—Но не надобно забывать, что Религія *необходима*; она необходима, какъ необходимо спасеніе. Оставляете ли вы необходимыя дѣла потому, что онѣ трудны? Торговыя и житейскія дѣла развѣ не причиняютъ вамъ безпокойства и трудовъ?—и однакожъ вы не оставляете оныхъ. И то не забудьте, что вѣчно терпѣть муки гораздо тяжелѣе, нежели исполнять предписанія Религіи. Какой-то человѣкъ, хотѣвшій склонить мученика къ отступленію отъ вѣры, сказалъ ему: «жизнь пріятна, а смерть страшна.»—«Правда,» отвѣчалъ мученикъ, «но жизнь вѣчная еще пріятнѣе, а смерть вѣчная еще страшнѣе.» Въ самомъ дѣлѣ, развѣ благій Господь не въ состояніи наградить насъ за наши труды и подвиги? Въ Царствіи Небесномъ нѣтъ ни одного праведника, который бы сожалѣлъ о томъ, что онъ здѣсь на землѣ сдѣлалъ или претерпѣлъ за Христа. Притомъ, жизнь истинно благочестивая не такъ тяжела, какъ многіе думаютъ;—

самъ Господь нашъ сказалъ: *иго Мое благо и бремя Мое легко* (Мат. 11, 29). Заповѣди Его не тяжки, а благодать дѣлаетъ ихъ даже легкими для выполненія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ худо—любить Бога, и быть Имъ любиму? развѣ не пріятно жить въ общеніи съ Богомъ, знать, что грѣхи твои отпущены, наслаждаться начатками славы?

V. Другіе говорятъ: «благочестивые люди лицемѣры, и ни мало не лучше другихъ.» — Но всѣ ли они лицемѣры? Если всѣ, то въ мірѣ нѣтъ благочестія; кровь Христова напрасно пролита: ибо Христосъ умеръ, дабы освободить насъ отъ грѣха, и сдѣлать народомъ святымъ, на всякое дѣло благое уготованнымъ. Не льзя, конечно, отвергать того, что лицемѣры есть, и—горе имъ! Былъ и между Апостолами лицемѣръ—Іуда; но Религія ни сколько не пострадала отъ него. Если бы не было истиннаго благочестія, то не было бы и лицемѣрія, такъ же точно, какъ если бы не было монеты истинной, то не было бы и поддѣльной, — а между тѣмъ существо-

ваніе поддѣльной не препятствуетъ людямъ пользоваться монетою истинною. Сверхъ сего, какъ вы проникли въ душу благочестиваго, и открыли въ ней лицемѣріе? Не потому ли вы считаете благочестіе лицемѣріемъ, что вамъ самимъ, кромѣ лицемѣрнаго благочестія, никакого другаго не извѣстно?

VI. Иной говоритъ: «я не вижу никакой побудительной причины терять столько времени на дѣла благочестія.» Справедливо,—ты не видишь: но это доказываетъ только твою слѣпоту. Если бы ты читалъ слово Божіе, то зналъ бы, что жизнь Христіанская походитъ на войну, а жизнь воина не всегда спокойна. Христіанину предписывается распинать ветхаго грѣховнаго человѣка и умерщвлять плоть, возстающую на духъ. Но способенъ ли къ симъ подвигамъ человѣкъ, которому чужда ревность къ святости? Не требуетъ ли отъ насъ Богъ, чтобы мы любили Его всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслію и всею крѣпостію нашею? Скажите еще: отъ чего уважаете вы трудолюбіе и дѣятельность

житейскую, а пренебрегаете ревность къ дѣламъ духовнымъ? Если есть возможность сими дѣлами избѣгнуть ада, удостоиться неба, побѣдить грѣхъ, и спасти душу: то почему не служите столь же постоянно и ревностно Религіи, сколь постоянно и ревностно вы служите міру? почему не любите Бога такъ же, какъ любите сребро или грѣхъ?

VII. Другой говоритъ: «Я веду себя такъ же, какъ и многіе другіе; и если я погибну, то что будетъ съ тысячами другихъ?» — Но мы отвѣтимъ: если ты ведешь себя не лучше тысячи *другихъ*, которые погибаютъ, то и ты погибнешь. Іисусъ Христосъ сказалъ, что къ погибели ведутъ широкія врата и пространный путь; и многіе идутъ имъ, а не многіе находятъ путь, ведущій въ жизнь (Мат. 7, 13. 14). Не успокоивайте себя мыслію, что вы таковы же, каковы и другіе: напротивъ мысль сія должна еще ужасать васъ. Стадо Христово — мало; весь міръ во злѣ: посему не слѣдуйте примѣру многихъ. Одинъ писатель разсказываетъ, что онъ былъ оче-

видцемъ слѣдующаго происшествія: Пастухъ гналъ стадо чрезъ мостъ. Вдругъ одна изъ овецъ, чего-то испугавшись, бросилась въ сторону, и упала въ рѣку. За ней кинулись другія, и всѣ почти потонули. Послѣднія совсѣмъ не видали, чего испугалась первая, и потонули только потому, что шли за нею. — Подобное бываетъ и съ нераскаянными грѣшниками. Одинъ изъ нихъ умираетъ и низвергается въ бездну: другіе идутъ по его слѣдамъ, не уклоняясь отъ пути погибельнаго; поелику не хотятъ размыслить о участи, ожидающей грѣшника. Но когда смерть откроетъ имъ глаза, когда они увидятъ бездну, которой дотолѣ не примѣчали; о, тогда дорого они дали бы, чтобъ имъ позволено было оставаться въ живыхъ еще на нѣсколько времени, и начать новую жизнь!

VIII. Иной грѣшникъ оправдывается такимъ образомъ: «кажется, я живу не хуже другихъ, между коими есть грѣшники гораздо большіе, чѣмъ я.» Но ты знаешь, что Законъ Божій должно исполнять во всей точности? Суди себя

по сему святому закону; увидишь, что ты грѣшникъ, и не спасешься тѣмъ, что ты грѣшилъ менѣе другихъ. И еслибъ твое оправданіе было основательно, то надобно было бы допустить, что всѣ грѣшники спасутся, кромѣ одного, самаго виновнаго изъ нихъ. Вотъ, какъ оно нелѣпо!

IX. Другой скажетъ: «правда, я большой грѣшникъ; но я сдѣлалъ также нѣсколько добрыхъ дѣлъ: они загладятъ мои грѣхи.» Вотъ что отвѣчаетъ на сіе Апостолъ Павелъ: *безъ пролитія крови не бываетъ прощенія грѣховъ* (Евр. 9, 2). Одни добрыя дѣла не спасаютъ человѣка: ибо для чегожъ Іисусъ Христосъ умеръ? для чего было бы называть намъ Его Спасителемъ нашимъ, если бы могли спасаться посредствомъ дѣлъ своихъ? Слово Божіе говоритъ: *Благодатію вы спасены чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ; Божій даръ. Не отъ дѣлъ, чтобъ никто не хвалился* (Ефес. 2, 8).

X. Иной говоритъ: «я неученый, а Богъ потребуетъ отчета только въ томъ,

что далъ мнѣ.» Но ты можешь быть истиннымъ Христіаниномъ, и не будучи ученымъ. Богъ далъ тебѣ разумъ и совѣсть; далъ Слово свое, и ты можешь слушать оное, если не умѣешь читать. Невѣдѣніемъ нельзя извиняться тому, кто могъ пріобрѣтать свѣдѣнія. Знаніе— обязанность; слѣдовательно, незнаніе— грѣхъ. Ты остаешься въ невѣдѣніи не потому, что не имѣешь средствъ узнать истину, но потому, что не пользуешься ими. Ты трудишься, чтобъ промыслить тѣлу своему пищу, почему же не заботишься о насыщеніи души своей?

XI. Человѣкъ пожилой говоритъ. «я уже старъ; трудно мнѣ исправиться и сдѣлаться благочестивымъ.» Но что ты называешь благочестіемъ? Не одну ли внѣшность Религіи, или усердіе къ извѣстному храму? Нѣтъ, не въ этомъ благочестіе: оно состоитъ въ преданности сердца Богу; а пріобрѣсть сію добродѣтель никогда не поздно. Никодимъ былъ старъ, когда пришелъ къ Іисусу Христу; и однакожъ Іисусъ Христосъ сказалъ ему: *если кто не родится сно-*

ва, не можетъ увидѣть Царствія Божія (Іоа. 3, 3).

XII. Другой говоритъ: «со временъ и я исправлюсь.» Такъ говорилъ Феликсъ Апостолу Павлу: *когда буду имѣть время, позову тебя* (Дѣян. 24, 26). Это пустыя слова. Что, если ты умрешь во грѣхахъ? ты самъ себя осуждаешь на погибель: ибо ясно видишь, что идешь не правымъ путемъ, и однако продолжаешь идти по оному, хотя не знаешь, что ожидаетъ тебя завтра. Пойди къ одру умирающаго, послушай, какъ онъ воздыхаетъ; посмотри на его трепещущія руки, на дрожащее тѣло, на чело покрытое холоднымъ потомъ,—и разсуди, время ли ему думать теперь о спасеніи? Или ты хочешь посвятить Богу только послѣднія минуты угасающей жизни? Ахъ! будь разсудительнѣе: не отлагай своего обращенія до того времени, когда очень трудно будетъ заняться симъ великимъ дѣломъ.

Есть много и другихъ извиненій, представляемыхъ грѣшниками въ свое оправданіе; всѣ оныя можно сократить въ

одно: «люблю грѣхъ и не могу отстать отъ него!» Но подумай: надобно отречься или отъ грѣха, или отъ неба; такъ ужели хочешь ты насладиться нѣсколько минутъ грѣховными удовольствіями, и послѣ терпѣть вѣчныя мученія, которыя неизбѣжно слѣдуютъ за оными? Какой-то человѣкъ отъ невоздержной жизни былъ въ опасности — лишиться зрѣнія. Когда врачь сказалъ ему, что надобно или перемѣнить образъ жизни, или сдѣлаться слѣпымъ, то онъ отвѣчалъ: «прощай свѣтъ!» Точно такимъ же образомъ упорные грѣшники, кажется, говорятъ: прощай, Спаситель грѣшниковъ! Прощайте: Вѣра, блаженство, небо и вѣчная слава!

Я исчислилъ нѣкоторыя извиненія, коими оправдываютъ себя грѣшники, любящіе болѣе тьму, нежели свѣтъ, гоняющіеся за обманчивою суетою и небрегущіе о своемъ спасеніи. Всякой видитъ, что сіи извиненія проистекаютъ изъ слабости, ослѣпленія и поврежденія нашей природы, и доказываютъ необходимость имѣть сердце новое и духъ но-

вый (Пс. 50, 12). Сіи предлоги и теперь не успокоиваютъ совѣсти тѣхъ, кои представляютъ ихъ; сколь же нечестивыми они покажутся въ часъ смерти! сколь ничтожными — въ часъ суда Божія! Въ Притчѣ говорится, что, когда рабъ увѣдомилъ своего Господина о отзывѣ званныхъ на вечерю, то сей разгнѣвавшись сказалъ: *«никто изъ тѣхъ званныхъ и не отвѣдаетъ моего ужина»* (Лук. 14, 24).—Страшный приговоръ на упорныхъ!—Господинъ велѣлъ рабу пойти по улицамъ и переулкамъ города, и привесть нищихъ, увѣчныхъ и слѣпыхъ. — Спѣшите же, *нищіе* и богатитесь; идите, *увѣчные*, и исцѣлитесь; придите, *слѣпые*, и воспріимите зрѣніе. Господь васъ приглашаетъ! *Духъ и невѣста говорятъ: пріиди! и слышащій говори: пріиди! Кто жаждетъ, приходи, кто хочетъ, бери воду жизни даромъ!* (Апок. 22, 17).—Господи, исполнено по Твоему повелѣнію, и еще есть мѣсто! (Лук. 14. 22).

XVI.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ И ЛОЖНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Неблагодарность есть порокъ, заслуживающій всеобщее презрѣніе. Не одни добрые люди чуждаются неблагодарнаго, но и злые удаляются отъ него, какъ отъ человѣка опаснаго: неблагодарный способенъ ко всякому преступленію; въ немъ изсякъ источникъ добродѣтели— чистая любовь. Благодарность сама въ себѣ, можно сказать, не есть еще высокая добродѣтель: ибо *если вы будете любить любящихъ васъ*, говоритъ Спаситель, *какой вамъ ожидать награды* (Мат. 5, 46)? Но какъ любовь къ врагамъ есть почти верхъ Христіанской доброты, такъ неблагодарность къ благодѣтелю—есть верхъ всѣхъ пороковъ.

Неблагодарность имѣетъ степени. Забвеніе полученныхъ благодѣяній, неува-

женіе любви и дружбы, оказываемой намъ другими, невниманіе къ руководителямъ и наставникамъ, есть уже неблагодарность, плодъ нечувствительности и легкомыслія, несовмѣстнаго съ свойствомъ истиннаго Христіанина. Спаситель повелѣлъ любить и враговъ, а ты забываешь друга и благодѣтеля; забываешь то добро, которое онъ для тебя сдѣлалъ: и еще почитаешь себя Христіаниномъ? *Благословите кленущыя вы*, говоритъ Іисусъ Христосъ; а ты готовъ злословить благословляющихъ тебя, — не внемлешь совѣтамъ тѣхъ, которые искренно заботятся о твоемъ благополучіи. *Добро творите ненавидящимъ васъ*, говоритъ Спаситель; а ты не благотворишь тѣмъ, которые поили тебя жаждущаго и кормили алчущаго, которые помогали тебѣ и дѣломъ и словомъ, когда ты просилъ у нихъ помощи: и все еще хочешь именоваться Христіаниномъ?

Второй видъ неблагодарности тотъ, когда не только не воздаютъ добромъ за добро, но еще платятъ за оное зломъ.

Это высшая степень неблагодарности; но переходъ съ первой степени на сію не затруднителенъ. Кто забылъ благотворителя своего, тотъ со временемъ будетъ проклинать его; кто не чувствуетъ въ себѣ расположенія къ тому сердцу, которое нѣкогда согрѣвало его своею любовію, тотъ со временемъ можетъ пронзить оное. Именно такимъ образомъ зрѣетъ злодѣйство; такъ дѣлаются предателями отечества; клеветниками, терзающими доброе имя наилучшихъ друзей; безстыдными наглецами, готовыми грабить своихъ благотворителей.

Христіанинъ! Ты содрагаешься, слыша исчисленіе столь гнусныхъ пороковъ, и, можетъ быть, утѣшаешь себя мыслію, что ты свободенъ отъ нихъ. Но испытай самаго себя, разсмотри, дѣйствительно ли ты не зараженъ ими. Можетъ быть, ты не воздавалъ ни одному изъ твоихъ братій зломъ за добро; можетъ быть, никогда не забывалъ оказанныхъ тебѣ благодѣяній: но если ты въ семъ отношеніи не виновенъ предъ своими ближними; то всегда ли было

сердце твое благодарно и къ тѣмъ высокимъ, невидимымъ благотворителямъ, безъ коихъ ты былъ бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ? Не забывалъ ли ты когда нибудь Божіихъ благодѣяній, того милосердія, которое повторяется съ каждымъ твоимъ дыханіемъ? Всегда ли ты принималъ дары Господа съ скромнымъ довольствомъ, и пользовался ими согласно съ благими Его намѣреніями? Ты, можетъ быть, съ нѣжною признательностію воспоминаешь о благодѣяніяхъ, полученныхъ отъ родителей, наставниковъ и друзей; но не забываешь ли иногда того благодѣянія, которое сдѣлано тебѣ Іисусомъ Христомъ, пролившимъ за тебя кровь свою на древѣ крестномъ? Ты при Св. причащеніи торжествуешь воспоминаніе о семъ величайшемъ Благодѣтелѣ; но исполняешь ли Его послѣднее завѣщаніе? Живешь ли согласно съ Его ученіемъ? Благодарность твоя не есть ли, можетъ быть, только скоропреходящее движеніе сердца, или слѣдствіе внѣшняго приличія и обыкновенія? *Должно* благода-

рить, какъ и *любить*, по слову Апостола, *не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною!* (1. Іоан. 3, 18).

Источники неблагодарности различны. Самые обыкновенные: огрубѣлость сердца, недостатокъ въ нѣжныхъ ощущеніяхъ, долженствующихъ украшать Христіанина, отсутствіе истиннаго смиренія, охотно исповѣдующаго свое недостоинство, и грѣховныя страсти, возобладавшія сердцемъ. Весьма часто и наше легкомысліе, невнимательность, бываетъ причиною того, что мы забываемъ оказанныя намъ благодѣянія. Посему чѣмъ менѣе сердце наше расположено сохранять въ памяти оказываемую намъ любовь, тѣмъ болѣе мы должны напечатлѣвать въ немъ представленіе о ней. Мы должны почитать священною для себя обязанностію,—всѣ одолженія, всѣ дружескія услуги, всякую помощь въ нуждѣ принимать не иначе, какъ съ твердымъ намѣреніемъ—воздать, какимъ нибудь образомъ, за такія благодѣянія.

Бываетъ источникомъ неблагодарности и прихотливость. Есть люди, кото-

рые никогда недовольны тѣмъ, что для нихъ дѣлаютъ другіе; и не только не бываютъ признательны, но еще стараются найти недостатки въ оказанной имъ услугѣ и охулить оную: по ихъ мнѣнію, должно было бы дать имъ или сдѣлать болѣе, или какъ нибудь иначе. Посему такіе люди и считаютъ себя выше всякой благодарности. — Многіе неблагодарны по гордости. Гордый хочетъ быть всѣмъ обязанъ самому себѣ, а не другимъ. Посему онъ старается забыть о сдѣланныхъ ему услугахъ, или по крайней мѣрѣ, уменьшить ихъ цѣну: ибо для него тягостно быть благодарнымъ; онъ не хочетъ имѣть одолженій, онъ знаетъ только права; посему оказанное ему благодѣяніе онъ почитаетъ жертвою, по долгу ему приносимою. Съ гордостію соединяется не рѣдко ложной стыдъ. Иной почитаетъ униженіемъ для себя — имѣть нужду въ сторонней помощи, и безчестіемъ — признать себя обязаннымъ кому либо.

Но истинный Христіанинъ изгналъ изъ своего сердца тщеславіе. Онъ знаетъ,

что все, чѣмъ обыкновенно гордится смертный, не продолжительно, и что одна добродѣтель возвышаетъ насъ предъ Богомъ и людьми. Его нѣжное сердце чувствительно и къ малѣйшему дару дружбы. Онъ легко забываетъ свои одолженія, но никогда не забываетъ полученныхъ отъ другаго. Даже и то, что сдѣлано ему другимъ, можетъ быть не совсѣмъ по чистому побужденію, онъ почитаетъ благодѣяніемъ, и вознаграждаетъ за оное любовію.

И кто не будетъ любить и уважать сердца благодарнаго? Кто не преклонится предъ истиннымъ смиреніемъ? О, если бы сердца наши были напитаны онымъ, то земля была бы—Царствіемъ Божіимъ!—Но къ сожалѣнію, что встрѣчаетъ не рѣдко взоръ нашъ? — Вмѣсто искренней признательности и нѣжной любви, самую гнусную неблагодарность. И вотъ источникъ бѣдствій, являющихся въ тысячѣ различныхъ видовъ. Зло, производимое неблагодарнымъ поступкомъ, часто само по себѣ маловажно; но ужасны его послѣдствія. Неблагодар-

ность убиваетъ въ людяхъ довѣренность къ ближнимъ; поселяетъ въ обманутомъ сердцѣ подозрѣнie ко всему человѣческому роду; заставляетъ человѣка опасаться даже самой безкорыстной дружбы и любви. Ты, расторгшiй союзъ дружбы; ты, предательствомъ уязвившiй сердце благодѣтеля; вы, неблагодарные дѣти, огорчающiе престарѣлыхъ родителей: не въ одномъ добромъ сердце истребили вы дружеское довѣрie и святую любовь къ человѣчеству. Несчастный, какie плоды твоей неблагодарности? Всеобщее презрѣнie и тягостная увѣренность, что въ трудныхъ обстоятельствахъ тщетно будешь искать себѣ помощи и покровительства у тѣхъ, коимъ ты такъ худо заплатилъ за ихъ бладодѣянie; что и другie, зная твое поведенie, будутъ опасаться, чтобы не получить отъ тебя подобнаго вознагражденiя. Такимъ образомъ ты долженъ страшиться, что всѣми будешь оставленъ и преданъ въ добычу первому несчастiю. Ты уже не имѣешь права жаловаться, когда другой за любовь твою

предастъ тебя, или за благодѣяніе твое заплатитъ обманомъ. Ты лишилъ себя чистыхъ удовольствій, происходящихъ отъ добраго дѣла: всякая благодарность, приносимая признательнымъ сердцемъ, будетъ напоминать тебѣ о гнусной твоей неблагодарности и отнимать у души твоей веселіе, неразлучное съ благотвореніемъ.

Но хотя неблагодарность всегда не извинительна, однако не всегда правы и благотворители. Оказать услугу иногда для насъ очень легко. Что другимъ можетъ принесть большую пользу, то намъ стоитъ малаго труда: надобно только сдѣлать одинъ шагъ, сказать одно слово, взять въ руки перо. Итакъ справедливо ли поступаетъ благодѣтель, ежели онъ почитаетъ великою ту услугу, которая стоила ему малаго труда, и которую онъ, можетъ быть, даже обязанъ былъ сдѣлать! А въ свѣтѣ это часто случается. Иной по должности доставилъ кому либо вспоможеніе не изъ своего имущества, но изъ общественной суммы; однако раздаватель чужаго добра ду-

маетъ, что получившій обязанъ ему благодарностію. Другой помогъ достойному человѣку занять какое нибудь мѣсто, или рекомендовалъ его на оное. Онъ исполнилъ только свой долгъ; но поелику рекомендованный достигъ чрезъ это уваженія, почестей, то первый считаетъ одного себя виновникомъ его благосостоянія и требуетъ глубочайшей благодарности. Неразумный! какъ ты можешь требовать благодарности за то, что сдѣлалъ безъ особеннаго труда и пожертвованія, и что обязанъ былъ сдѣлать? Кто за свое благодѣяніе требуетъ признательности, тотъ теряетъ право на благодарность одолженнаго. Ибо благотворить съ тѣмъ, чтобы получить вознагражденіе, не значитъ благотворить, не значитъ одолжать: это размѣнъ взаимныхъ одолженій, размѣнъ, на который, можетъ быть, не согласился бы другой, если бы ему извѣстно было твое намѣреніе; онъ, можетъ быть, счелъ бы лучшимъ отвергнуть твои мнимо-дружескія услуги.

Не благородно поступаютъ и тѣ, ко-

торые хотя и не имѣютъ въ виду прибытка и вознагражденія, когда оказываютъ благодѣяніе; но за то послѣ непрестанно напоминаютъ облагодѣтельствованному, сколь онъ одолженъ ими. Это презрительная гордость. Кто упрекаетъ другаго оказанными ему благодѣяніями, тотъ лишается права на благодарность: ибо то самое, что онъ унижаетъ другаго, служитъ уже воздаяніемъ за его благодѣяніе. Благодѣяніе дѣлается тогда несносною тяжестію для получившаго оное; и благодѣтель для него— уже не благодѣтель, но корыстолюбивый заимодавецъ, который ссужаетъ ему нѣчто на неопредѣленное время, чтобы послѣ, въ затруднительныхъ для должника обстоятельствахъ, потребовать отъ него уплаты.—Низко поступаютъ и тѣ, которые хотя сами лично не упрекаютъ благодѣяніями, однако съ удовольствіемъ разсказываютъ о нихъ другимъ, забывая, что это истинное самохвальство.

Когда раздаешь милостыню; не труби предъ собою, какъ лицемѣры дѣлаютъ въ синагогахъ и на улицахъ, что-

бы прославляли ихъ человѣки. Истинно говорю вамъ: они получили уже себѣ награду (Матѳ. 6, 2). Лицемѣрные Фарисеи! Если вамъ угодно хвалиться своими благотвореніями; то хвалитесь лучше передъ тѣмъ, кому вы оказали оныя. Тогда по крайней мѣрѣ будете превозноситься только тѣмъ, что дѣйствительно для него сдѣлали, и не посмѣете своимъ самохвальнымъ велерѣчіемъ искажать истины!

Наконецъ, нѣкоторые подавляютъ въ одолженныхъ чувство благодарности тѣмъ неблагородствомъ, съ каковымъ благодѣтельствуютъ. Они подаютъ милостыню, но съ такою холодностію, что ихъ подаяніе теряетъ всю свою цѣну; ибо они ясно даютъ разумѣть, что имъ хочется только избавиться отъ необходимости вторично слышать вопль нуждающагося. Они помогаютъ, но съ такою надменностію, что получающаго помощь приводятъ въ состояніе гораздо мучительнѣйшее прежняго. Они помогаютъ, но напередъ сдѣлавъ столько упрековъ и замѣчаній, что ихъ подаяніе едва ли

искупить то страданіе, которое они причиняютъ несчастному. Они помогаютъ, но съ такимъ высокомѣріемъ, что получающій помощь чувствуетъ вдвойнѣ тягость своего положенія; ибо оно заставляетъ его принимать пособіе отъ столь недостойнаго человѣка. Они помогаютъ, но такъ неблагородно, что ихъ благодѣянія вынуждаютъ слезы не сердечной благодарности, но скрѣпившейся горести и безсильнаго негодованія.

Могутъ ли, должны ли, такіе благодѣтели жаловаться на неблагодарность людскую? Не возблагодарили ли уже они сами себѣ? А что сказать, если сіи мнимые благотворители требуютъ такого возмездія, которое весьма превышаетъ оказанное ими благодѣяніе? Что сказать, если они хотятъ, чтобы одолженный рабски льстилъ имъ, потворствовалъ ихъ прихотямъ? Если хотятъ, чтобы онъ за полученную отъ нихъ малость платилъ совершенною зависимостію, величайшими пожертвованіями, и, можетъ быть, даже такими услугами, кои противны чести и совѣсти? Если

хотятъ, чтобы онъ былъ во всю жизнь покорнымъ рабомъ ихъ и начинаютъ преслѣдовать его, коль скоро онъ захочетъ обойтись безъ ихъ помощи; стараются погубить его, коль скоро ихъ покровительство становится для него ненужнымъ? Имѣютъ ли право сіи несчастные, хвалящіеся своими благодѣяніями, упрекать другихъ въ неблагодарности? Нѣтъ: они получили свою награду!

Будемъ подражать Отцу Небесному. Какъ Онъ сокровенными путями благотворитъ намъ, такъ и мы будемъ благодѣтельствовать тайно. Не будемъ помнить услугъ, какія окажемъ другимъ; но всегда станемъ сохранять въ памяти то добро, которое намъ сдѣлали другіе: ибо неблагодарность къ людямъ, есть неблагодарность къ Богу. Но есть Богъ! Есть непостижимое правосудіе! Сынъ, покинувшій своихъ родителей, страшись! И твои власы нѣкогда убѣлятся, неблагодарная рука поразитъ и твое сердце! Ты, употребившій во зло довѣренность друга; и у тебя будетъ предатель. Ка-

кою мѣрою мѣрите, злополучные, такою возмѣрится и вамъ!

Христіане! Твердо помните сію заповѣдь: *за все благодарите, ибо такова о васъ воля Божія во Христѣ Іисусѣ* (1. Өесс. 5, 18).

XVII.

ОБРАЩЕНІЕ ОДНОГО НАТУРАЛИСТА.

На кровопролитномъ сраженіи, бывшемъ при Б..., Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Д... получилъ опасную рану, отъ которой чрезъ нѣсколько недѣль и умеръ—во Ф...—Всѣ, съ давняго времени коротко знавшіе сего Генерала, единогласно отзывались объ немъ, какъ о человѣкѣ съ самыми обширными способностями, равно отличавшемся на гражданскомъ и военномъ поприщѣ. Онъ прилежно обучался въ различныхъ Университетахъ многимъ наукамъ, въ особенности былъ свѣдущъ въ Философіи и Математикѣ; а также съ большимъ тщаніемъ занимался Богословіемъ и очень хорошо зналъ доказательства и возраженія на спорные вопросы въ ономъ. Но, къ сожалѣнію, Баронъ Д...,

впалъ въ Натурализмъ и дошелъ до такой степени невѣрія, что самый просвѣщенный человѣкъ не могъ имѣть надежды обратить его на путь истинный.

Теперь сей отчаянный Натуралистъ лежалъ на болѣзненномъ одрѣ. Въ душѣ его не было ни одной мысли ни о словѣ Божіемъ, ни объ Искупителѣ, ни о добромъ обществѣ и назидательныхъ для души разговорахъ, а тѣмъ менѣе — о Священникѣ. Въ такомъ жалкомъ положеніи находился онъ до того самаго времени, какъ врачи велѣли камердинеру его донесть своему господину, что онъ близокъ къ смерти. Камердинеръ хотѣлъ передать больному сію роковую вѣсть какъ можно искуснѣе, а посему предложилъ ему такой вопросъ: не прикажете ли позвать Священника? Но лишь успѣлъ онъ выговорить слова сіи, какъ господинъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему: «я не имѣю нужды въ подобныхъ людяхъ и знаю самъ не хуже ихъ, чему вѣрить и что дѣлать должно.» Изъ сего видно, что Д... былъ Натуралистомъ до самаго того часа, въ которой Господу у-

годно было вселить въ него вѣру. Однако же камердинеръ, человѣкъ съ твердою душею, не испугался такого жестокаго отвѣта, а напротивъ, возвысивъ голосъ, сказалъ ему: «Господинъ Генералъ! Можете ли упрекнуть меня въ какой нибудь невѣрности, съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь у васъ въ услуженіи?» Когда же больной отвѣчалъ, что нѣтъ, тогда камердинеръ продолжалъ: «итакъ я въ первый разъ и самую гнусную невѣрность учинилъ бы вамъ, если бы не сталъ заботиться о вашей душѣ,—такую невѣрность, за которую я и не зналъ бы, что отвѣчать на страшномъ судѣ предъ Богомъ, предъ вами, предъ вашею матерью и предъ своею совѣстію. Врачи, подававшіе вамъ доселѣ хорошую надежду, теперь отчаяваются въ вашей жизни; только никто не смѣетъ сообщить вамъ сіе печальное извѣстіе. Вы теперь стоите предъ вратами вѣчности, и времени у васъ такъ мало, что нельзя терять его напрасно; посему прошу васъ, позаботьтесь о своей душѣ и прикажите послать за Священникомъ.»

Легко себѣ представить, какъ сіи слова поразили больнаго, который до тѣхъ поръ полагалъ несомнѣннымъ, что онъ вскорѣ выздоровѣетъ. Нѣсколько времени спокойно лежалъ онъ, погрузившись въ самаго себя; потомъ протянулъ камердинеру свою руку, и, поблагодаривъ очень ласково за попеченіе о его душѣ, тутъ же приказалъ ему позвать Священника Ф... (*).

Больной лежалъ въ домѣ, который въ то время былъ занимаемъ А... И... — Меня ввели въ комнату, куда тотчасъ пришелъ камердинеръ, а въ слѣдъ за нимъ и Графъ, одинъ изъ высшихъ Офицеровъ того же корпуса, въ коемъ служилъ больной, оба — желая дать мнѣ нужныя свѣдѣнія касательно душевнаго состоянія сего послѣдняго. Я пошелъ съ ними въ верхній этажъ, въ которомъ находилась комната больнаго; но въ сіе время неизвѣстный мнѣ человѣкъ, вышедши изъ своей комнаты, встрѣтилъ

(*) Написавшаго сіе повѣствованіе, въ которомъ онъ, какъ лице содѣйствовавшее къ обращенію, вводитъ себя говорящимъ.

меня слѣдующими словами: «кто обратитъ сего Генерала, тотъ долженъ быть твердый, опытный и Боговдохновенный мужъ: въ сихъ не многихъ словахъ я все вамъ сказалъ. Помните, что Генералу остается жить не болѣе 10 часовъ.» — Сказавши сіе, онъ ушелъ опять въ свою комнату. Слова сего человѣка очень изумили меня. Я остановился, и спросилъ: «что значитъ такое привѣтствіе?» Графъ и камердинеръ отвѣчали мнѣ: «человѣкъ, котораго мы видѣли, хотѣлъ сказать вамъ, что Генералъ—Натуралистъ, съ тонкимъ и проницательнымъ *умомъ*, большой Философъ. Впрочемъ, прибавилъ Графъ, какъ бы желая ободрить меня, врачи различнаго мнѣнія касательно кончины Генерала: одни думаютъ, что онъ не проживетъ болѣе 10 часовъ; а большая часть полагаетъ, что ему остается жить еще два дни.» — Я ободрялся только тою мыслію, что Господь и въ короткое время можетъ наставить грѣшника на путь истинный.

Вошедши въ комнату, я приблизился къ одру больнаго съ сердцемъ исполнен-

нымъ печали и воздыханій. Страхъ, съ какимъ я въ теченіи всей моей жизни не однажды не взиралъ на свою обязанность, теперь быстрѣе молніи проникъ всю мою душу, и я въ ужасѣ думалъ: «Боже мой, возможно ли обратить на правый путь Натуралиста, которому не болѣе 10 часовъ остается жить! И кто знаетъ, сколько изъ сихъ часовъ пропадетъ отъ безпамятства и другихъ слѣдствій болѣзни? Боже мой, Ты самъ пріиди и сотвори все! Даруй мнѣ разумѣніе говорить съ симъ невѣрующимъ, даруй силу словамъ моимъ, и пошли ему вѣру прежде, нежели онъ оставитъ сей міръ!» Съ любовію началъ я говорить съ больнымъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ очень ласково. Послѣ короткаго привѣтствія я сказалъ ему, что, по мнѣнію людей, конецъ его жизни близокъ, а какъ меня конечно призвали за тѣмъ, чтобы помочь ему приготовиться къ блаженной жизни; то и хочу я немедленно приступить къ главнѣйшему, и нахожу нужнымъ прежде всего спросить его: «въ такомъ ли состояніи находится

его душа, чтобы онъ могъ спокойно умереть?» Генералъ отвѣчалъ: «да!» Когда же я спросилъ: «на чемъ вы основываете свою увѣренность въ этомъ?» тогда онъ сказалъ: «въ теченiи жизни я не учинилъ никакого порока, никакого намѣреннаго грѣха, хотя сознаюсь, что имѣю, какъ и всѣ люди, человѣческiя погрѣшности; но, уповая на милосердiе Божiе и на заслуги Его Сына, я думаю, что оныя мнѣ будутъ прощены.» Такъ слово въ слово Баронъ Д... отвѣчалъ на мой вопросъ, но отвѣчалъ очень медленно, и особенно слова: «на заслуги Сына Божiя,» — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленiя, какъ бы отдѣльно отъ другихъ. Сей отвѣтъ подалъ мнѣ поводъ ко многимъ сомнѣнiямъ. Первая половина его о грѣхахъ—очень отзывается Натурализмомъ, другая объ Iисусѣ Христѣ — показалась мнѣ лицемѣрною; впрочемъ я послѣ увидѣлъ, что это было не лицемѣрiе, а начатокъ вѣры, чудеснымъ образомъ ему дарованной. Посему я такъ сказалъ больному: «вѣрю, что вы въ теченiи жизни не

учинили никакого преступленія въ собственномъ смыслѣ сего слова; но что у васъ нѣтъ никакихъ намѣренныхъ грѣховъ, это другой вопросъ. Можетъ быть, вы очень многіе худые поступки, сдѣланные съ сознаніемъ, не считаете за грѣхи, а потому и говорите, что не сдѣлали ни одного намѣреннаго грѣха; но я опасаюсь, не держитесь ли вы той жалкой системы, которая, къ величайшему душевному вреду, или отвергаетъ грѣхи, или уменьшаетъ оные, чтобы тѣмъ удобнѣе поколебать ученіе о нашемъ примиреніи съ Богомъ чрезъ Іисуса Христа. Ежели вы хотите наслѣдовать вѣчное блаженство, то должны отъ чистаго сердца сознаться, что вы обременены грѣхами и за оные содѣлались достойными вѣчнаго проклятія и отверженія отъ Бога. Далѣе вы сказали, что уповаете на милосердіе Божіе и заслуги Его Сына; но я желаю знать, точно ли въ сихъ послѣднихъ убѣждено ваше сердце? истинно ли вѣруете вы, что Богъ имѣетъ Сына? что сей Сынъ Божій принялъ на Себя плоть нашу и сдѣлался на-

шимъ Ходатаемъ и Искупителемъ? что сей Искупитель униженъ былъ даже до поносной смерти на крестѣ? что Его страданій и крови дѣйствительно достаточно для удовлетворенія за грѣхи наши и для стяжанія намъ жизни вѣчной?» — На это Д... отвѣчалъ, что онъ намѣренъ нѣсколько болѣе познакомить меня съ прежнимъ своимъ душевнымъ состояніемъ. «Я прилѣжно учился, говорилъ онъ, и безъ тщеславія могу сказать, что довольно свѣдущъ въ новѣйшей Философіи, по правиламъ коей и составилъ себѣ путь къ блаженству. *Вотъ* онъ: ежели я буду всѣми силами стараться вести честную жизнь и остерегаться отъ грѣховъ; то и Существо всѣхъ существъ, отъ коего происходитъ и мое существо, не только меня не отринетъ отъ себя, но напротивъ приметъ въ свое блаженное сообщество. На семъ пути я не имѣлъ нужды въ Іисусѣ Христѣ, и потому не вѣровалъ въ Него; если же я приму, что Писаніе есть откровеніе самаго Бога, то по справедливости мой философскій путь будетъ недостаточенъ

къ блаженству; и я долженъ буду вѣровать въ Іисуса Христа, чтобы чрезъ Его посредничество соединиться съ Богомъ.“—Я возразилъ: „Вы говорите: если я приму и проч.,—мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы сказали: поелику я принимаю, что Св. Писаніе есть откровеніе самаго Бога. «На это больной съ глубокимъ вздохомъ воскликнулъ: „Боже, Ты даруй мнѣ сіе *поелику!»*

Въ наученіи, кого бы то ни было, истинамъ Религіи я руководствуюсь тѣмъ правиломъ, что не нужно предварять волю Божію, но постоянно должно слѣдовать за нею. Основываясь на семъ правилѣ, я заключилъ изъ слабыхъ проявленій уже начинающейся вѣры въ душѣ Генерала Д..., что Богу не угодно вести душу его ко спасенію длиннымъ путемъ объясненій и доказательствъ, что вѣра его должна быть не слѣдствіемъ убѣдительныхъ доказательствъ и плодомъ собственныхъ усилій, но единственно даромъ благодати; и что всѣ распространенія и толкованія здѣсь излишни, хотя они бываютъ и полезны

въ другихъ случаяхъ. Сообразно съ сими мыслями я старался поступать какъ можно благоразумнѣе. Не могу однакоже не замѣтить, что для такой твердой души, какую Генералъ получилъ отъ природы, можно было бы привесть довольно доказательствъ, въ подтвержденіе истинности Христіанской Религіи; но я не смѣлъ идти симъ путемъ, частію потому, что Богъ и безъ сего средства самъ благоволилъ даровать ему вѣру,—частію потому, что кончина его уже приближалась,—и наконецъ потому, что ему извѣстны были историческія доказательства божественности нашей святой Вѣры. Посему я сказалъ больному: «Дай Богъ, чтобы жизнь ваша не пресѣклась прежде, нежели я успѣю доказать божественность Христіанскаго ученія изъ основныхъ его началъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ умеръ здѣсь одинъ Офицеръ Г. В..., который былъ очень приверженъ къ Натурализму, но, по милости Божіей, впалъ въ продолжительную чахоточную болѣзнь, которая ему и мнѣ была потому полезна,

что доставила намъ случай пространно изслѣдовать истину Христіанской вѣры. Онъ наконецъ былъ убѣжденъ въ ней Св. Духомъ, и съ вѣрою въ примиреніе съ Богомъ чрезъ Іисуса Христа перешелъ къ блаженной жизни. Я печатаю повѣсть о его обращеніи и сердечно желаю, чтобы вы дожили до того времени, когда она выдетъ въ свѣтъ.» Больной, съ особенною живостію прервавъ здѣсь мою рѣчь, сдѣлалъ замѣчаніе, что В... былъ ему землякъ и коротко знакомъ; а также изъявилъ большое желаніе подробнѣе узнать исторію его обращенія и просилъ меня прочитать послѣ обѣда, хотя главныя мѣста изъ оной.

Я обѣщалъ исполнить его желаніе, ежели позволятъ обстоятельства; но притомъ прямо сказалъ ему, что мы не пойдемъ путемъ доказательствъ,—поелику онъ знаетъ ихъ, да и краткость времени, оставшагося для его жизни, не позволяетъ долго распространяться въ оныхъ. «Да будетъ вѣра даромъ Бога, присовокупилъ я, и бѣдный грѣшникъ, стоящій у прага вѣчности, не въ об-

ширныя разсужденія долженъ вдаваться, но только молить Господа о вѣрѣ. Если онъ такъ поступитъ, то Богъ безъ сомнѣнія даруетъ ему сіе сокровище и чрезъ то сдѣлаетъ его блаженнымъ.» Лишь только окончилъ я сіе увѣщаніе, Баронъ Д... тотчасъ снялъ съ головы своей колпакъ, возвелъ глаза и руки къ небу и съ умиленіемъ воскликнулъ: «О всемогущій Боже! я бѣдный, окаянный, достойный осужденія грѣшникъ. Но Христе Іисусе, вѣчный Сынъ Божій, Ты истинно умеръ ради всѣхъ моихъ прегрѣшеній, чрезъ Тебя единаго я могу получить вѣчное блаженство. Ахъ, даруй мнѣ и укрѣпи во мнѣ вѣру. Аминь!» По причинѣ большой слабости онъ долженъ былъ кончить свою молитву, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «довольно ли сей молитвы для блаженства?»— Я отвѣчалъ: «ежели она искренняя, то довольно.» Онъ былъ очень обрадованъ моимъ отвѣтомъ, и сказалъ мнѣ: «думаю, что она излилась изъ сердца, и надѣюсь, что съ сей минуты будетъ не-

престанно искреннѣе. Я стану прилежно просить о семъ Бога.»

Въ такомъ состояніи было сердце Барона Д... при моемъ первомъ посѣщеніи. Такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то я совѣтовалъ ему не много успокоиться, а самъ вышелъ въ другую комнату, сказавъ, что приду опять, какъ скоро позоветъ меня. При семъ я имѣлъ въ виду какъ то, чтобы не утрудить чрезмѣру тѣла и души человѣка больнаго и еще слабаго въ вѣрѣ, такъ и то, чтобы узнать, какъ велико будетъ у него желаніе продолжать со мною бесѣды. Лишь только я вышелъ, тотчасъ встрѣтилъ меня тотъ самый человѣкъ, который прежде сказалъ мнѣ такое значительное привѣтствіе. Онъ попросилъ меня въ свою комнату, желая узнать о моемъ обращеніи съ больнымъ. Когда я въ разсказѣ своемъ дошелъ до словъ больнаго: «уповаю на милость Бога и заслуги Его Сына;» то онъ почелъ ихъ, какъ и я сначала, совершеннымъ притворствомъ. Но когда я сталъ разсказывать далѣе и обнаружилъ свои мысли о Божескомъ со-

дѣйствія при обращеніи души Генерала Д..., то сей человѣкъ и находившійся съ нимъ одинъ Баронъ очень были тронуты симъ, и со слезами благодарности славили Іисуса Христа за Его великое милосердіе.

Едва успѣлъ я разсказать въ короткихъ словахъ о началѣ вѣры больнаго, какъ онъ приказалъ служителю опять позвать меня. Я засталъ его молящимся. Онъ воздѣвалъ глаза и руки къ небу. Христосъ былъ все для него. Видя это, я напомнилъ ему нѣсколько изреченій касательно вѣры, которыя очень усладили его. Больной и самъ напомнилъ мнѣ довольно стиховъ изъ прекрасныхъ духовныхъ пѣсней, содержаніемъ коихъ есть Іисусъ Христосъ.—Сіе второе посѣщеніе имѣло въ себѣ нѣчто особенное.

Генералъ находился въ такомъ состояніи, которое сколько достойно удивленія, столько же и трудно для описанія. Онъ весь былъ объятъ благодатію Іисуса Христа и ничего не хотѣлъ видѣть и слышать, кромѣ предметовъ, напоминавшихъ ему о Распятомъ. О Немъ бесѣ-

довалъ онъ, Ему молился и вдругъ произнесъ слѣдующія слова: «не знаю, что происходитъ во мнѣ,— но во всю жизнь я не ощущалъ въ себѣ такой перемѣны. Я могу любить Іисуса, могу вѣровать въ Него—въ Него, котораго прежде отвергалъ. О Іисусе, Спаситель мой, какъ Ты милосердъ ко мнѣ!» По причинѣ большой слабости тѣла всѣ слова его были отрывисты; иначе, безъ сомнѣнія, излился бы изъ устъ его цѣлый потокъ высокихъ речений для прославленія возлюбленнаго Искупителя. Съ сердечною радостію примѣчалъ я, какъ добрый Пастырь взялъ на свое рамо сію обрѣтенную овцу, утѣшилъ ее, упасъ и подкрѣпилъ, и какъ вѣра часъ отъ часу принимала большую достовѣрность, ясность, силу и живость. Такихъ пріятныхъ минутъ давно уже не имѣлъ я въ своей пастырской должности, и только ради чрезмѣрной слабости больнаго принужденъ былъ оставить его, чтобы дать ему сколько нибудь времени опять собраться съ силами.

Лишь только успѣлъ я не много пообѣдать, Д... опять прислалъ за мною.

Прихожу къ нему; теперь мы смотрѣли другъ на друга съ такимъ искреннимъ удовольствіемъ, какъ будто съ давнихъ поръ были знакомы. Я засталъ его опять на молитвѣ, и окруженнаго Офицерами, которые непрестанно приходили навѣщать его. Единственнымъ и пріятнѣйшимъ предметомъ разговоровъ его съ ними былъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, примирившій насъ со Отцемъ и даровавшій намъ Духа Святаго. О, какъ онъ радовался, что нашелъ Іисуса, и что все временное, при мысли о Немъ, исчезаетъ въ душѣ его!

Въ сей разъ пожелалъ Д... причаститься Святыхъ таинъ. Я предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, касающихся частію ученія вѣры, частію же истиннаго къ ней обращенія,—и поелику онъ отвѣчалъ очень удовлетворительно,—преподалъ ему сіе таинство, которое онъ принялъ съ самымъ чувствительнымъ, радостнымъ и благодарнымъ сердцемъ. Къ вечеру сего перваго дня больной, чувствуя приближеніе смерти, опять просилъ меня придти къ нему и пробыть

до его кончины. Я обѣщалъ исполнить сію просьбу, если только кончина не постигнетъ его такъ скоро, что я не успѣю придти. Тогда Д... спросилъ, захочу ли я придти въ ночное время, ежели онъ позоветъ меня? Когда же я на это согласился, то изъявилъ бо̀льшое удовольствіе. Однако ночью онъ не звалъ меня; а прислалъ рано на другой день и велѣлъ сказать, что имѣетъ во мнѣ большую нужду.

Когда я пришелъ, то былъ принятъ однимъ только камердинеро̀мъ, который известилъ меня, что больной нѣсколько часовъ спокойно спалъ, а проснувшись нѣсколько часовъ молился,—и въ молитвѣ своей непрестанно упоминалъ объ Іисусѣ Христѣ и Его ходатайствѣ. За тѣмъ начались безпорядочныя мечтанія и бредъ, но и въ нихъ онъ упоминалъ всегда слово: *Іисусъ*, и благодарилъ Бога, что Онъ послалъ меня къ нему. Когда же пришелъ опять въ себя, то приказалъ слугамъ отъ своего имени просить меня, чтобы я письменно увѣдо-

милъ его мать, что онъ умеръ, какъ истинный Христіанинъ.

Внутренно радуясь, что и ночью занятіемъ Генерала были вѣра и молитва, вошелъ я къ нему и былъ принятъ съ искреннимъ радушіемъ. Я спросилъ его: «нашелъ ли онъ истинный покой во Христѣ?» Д... отвѣчалъ: теперь въ Немъ покой мой; но сего дня утромъ случилось со мною нѣчто такое, чего я не могу описать. Слава Богу, что это прошло; но я обрѣлъ Іисуса, моего возлюбленнаго Спасителя и Его неисчетную милость, и сего довольно!» Онъ *едва* былъ въ состояніи продолжать разговоръ; посему я не смѣлъ далѣе разспрашивать, а удовольствовался вывесть изъ всѣхъ обстоятельствъ то утѣшительное заключеніе, что Богъ вѣроятно показалъ ему нищету его духа, очистивъ и утвердивъ его вѣру въ горнилѣ искушенія. Потомъ я спросилъ: «не измѣнился ли и не помрачился ли со вчерашняго дня взоръ его на вѣру въ Іисуса Христа и наше чрезъ Него примиреніе?» Онъ отвѣчалъ: «не измѣнился и не помрачил-

ся: иногда только приходить мнѣ на мысль слабое сомнѣніе, но оно не колеблетъ меня, какъ будто бы вѣра съ самой юности обитала въ моемъ сердцѣ. Такъ милостивъ Господь Іисусъ ко мнѣ, бѣдному грѣшнику.» — Я прочелъ съ нимъ благодарственную молитву за сіе милосердіе Божіе, напомнилъ ему прекрасныя мѣста изъ Священнаго писанія, согласовавшіяся съ его положеніемъ, которыя находилъ онъ особенно поучительными. Теперь онъ и самъ просилъ меня написать къ матери, что сынъ ея оставляетъ сей міръ съ вѣрою во Христа. — Между тѣмъ мнѣ нужно было посѣтить одного больнаго, разбитаго параличемъ. Когда я сказалъ объ этомъ Барону Д..., то онъ оказалъ такое нѣжное сострадание, что самъ понуждалъ меня не оставить ради его безъ помощи сего новаго страждущаго, но тотчасъ сходить къ нему; при чемъ настоятельно просилъ меня придти къ нему опять, какъ скоро позволитъ состояніе того больнаго. Такъ постоянно желалъ онъ назидаться и укрѣпляться

благочестивыми бесѣдами о вѣрѣ, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдалась на дѣлѣ любовію къ ближнему.

Въ теченіи сего втораго дня я навѣщалъ больнаго Д... очень часто, и находилъ его неослабно занятымъ молитвою и дѣлами вѣры. Подъ вечеръ велѣлъ онъ опять позвать меня, наказавъ придти поскорѣе; ибо кончина его приближалась. Я нашелъ его въ борьбѣ со смертію, и безпамятство уже не позволило ему воспользоваться моимъ собесѣдованіемъ. Онъ могъ только по временамъ испускать одни сердечные вздохи. Наконецъ я сталъ за него молиться,—и всѣ присутствующіе до слезъ были тронуты симъ зрѣлищемъ. Никто изъ нихъ не могъ скрыть своего умиленія при мысли, что больной достигъ такой высокой степени вѣры и такъ блаженно умираетъ. Тогда благословилъ я его возложеніемъ рукъ и съ послѣдними словами благословенія онъ мирно испустилъ свой духъ.

Немедленно я писалъ къ его матери, 73-лѣтней старушкѣ, которая, какъ

видно изъ ея отвѣта, боится Бога и живетъ по Его заповѣдямъ. Она благодаритъ Господа за неисчетное милосердіе къ душѣ ея сына; говоритъ, что постоянно за него молилась, и душевно порадовалась, что Господь услышалъ ея молитву. Между прочимъ она еще пишетъ: «Сѣмя, въ юности посѣянное въ нѣжномъ сердцѣ, хотя бы оно и казалось мертвымъ, прозябнетъ, если оросить его благодать Божія.»—(Изъ сего можно заключать, что покойный Генералъ былъ въ молодости воспитанъ въ страхѣ Божіемъ). Наконецъ, сія благочестивая матерь, повторивъ хвалу Богу за то, что совершенно услышалъ ея вздохи о спасеніи сына, прибавляетъ, что она 11 лѣтъ желала передъ нимъ устно излить свое сердце, пока наконецъ онъ посѣтилъ ее на короткое время. Въ тотъ день, въ который она получила мое утѣшительное письмо, исполнилось ровно два года, какъ онъ, прощаясь съ нею со слезами, на послѣднюю ея просьбу отвѣчалъ: «вѣрьте, матушка, несомнѣнно вѣрьте, что исполнится ваше жела-

ніе,—мы вмѣстѣ предстанемъ предъ престоломъ Бога!»

Примѣч. На концѣ сего повѣствованія приписана слѣдующая епитафія:

«Здѣсь покоится Баронъ Д... Онъ умеръ на 49 году отъ рожденія, но жилъ только 2 дня.»

XVIII.

РАЗМЫШЛЕНІЕ НА КЛАДБИЩѢ.

Поле жизни и покоя! нѣкогда и я усну въ твоемъ нѣдрѣ; прими тогда меня съ миромъ и позволь теперь насладиться твоими красотами!

Поле жизни! какъ все таинственно, какъ все очаровательно въ тебѣ! Здѣсь каждая пылинка, каждое растеніе для меня священны. Быть можетъ, это насѣкомое составилось изъ праха моего ближняго; этотъ песокъ есть прахъ, въ который распались кости моего брата; въ сей травкѣ переливается сокъ моего предка, сей цвѣтокъ живетъ кровію моего друга, а прелестная роза возникла изъ праха невиннаго и прекраснаго младенца. Быть можетъ, сей прахъ, попираемый моими ногами, нѣкогда трепеталъ отъ радостной жизни, сей дернъ напоенъ не разъ слезами чувствительности, сія печальная сосна приняла въ се-

бя съ воздухомъ тысячи вздоховъ соболѣзнованія. Быть можетъ, сія безлюдная равнина наполнена безчисленнымъ множествомъ людей предшествовавшаго намъ міра; быть можетъ, на семъ могильномъ холмѣ бесѣдуетъ отецъ съ своимъ семействомъ, подъ симъ кустомъ сыреней мать лелѣетъ дѣтей своихъ, сею бѣлою розою любуется дитя невинности. Быть можетъ, тысячи людей здѣсь ходятъ, разсуждаютъ, молятся, воздыхаютъ, радуются и улетаютъ въ таинственныя страны. Быть можетъ, тысячи взоровъ устремлены на меня съ особеннымъ вниманіемъ, тысячи умовъ проникаютъ въ мою внутренность, тысячи душъ угадываютъ мои мысли, подслушиваютъ слова мои, читаютъ въ моихъ взорахъ и съ ужасомъ усматриваютъ, что міръ такъ же лежитъ во злѣ и сердца людей исполнены тѣхъ же пороковъ. О страна, исполненная дивныхъ таинствъ! Какъ сладостно дышать твоимъ воздухомъ, которымъ, можетъ быть, дышутъ тысячи духовъ, лучшихъ меня! Какъ очаровательно смотрѣть на твои растенія, оду-

шевленныя, какъ мнѣ кажется, особою жизнію! Какъ пріятно питаться благоуханіемъ цвѣтовъ твоихъ, съ которымъ, какъ я чувствую, льется въ меня дыханіе любви сверхъчувственной! Нѣтъ, я не назову тебя полемъ смерти и тлѣнія: въ моихъ очахъ ты—поле жизни и возрожденія, великая таинница природы, область успокоеннаго міра! Не съ мучительнымъ содраганіемъ буду я проходить по таинственнымъ стезямъ твоимъ, не съ чувствомъ скорби буду взирать на тебя, не ужасы смерти видѣть въ гробахъ твоихъ: но съ радостію, съ чувствомъ удовольствія буду я тебя разсматривать, ибо уже чувствую блаженное присутствіе ангела жизни, дышущаго въ сихъ вѣтеркахъ, обвѣвающихъ холмы могильные. Не царство смерти вижу я въ тебѣ, но разсадникъ жизни: ты *поле Бога,* источника жизни! Нѣкогда и я усну въ твоемъ нѣдрѣ; изъ моего праха возникнетъ, можетъ быть, ива, ее обовьетъ, повилика, окропитъ слеза любви и дружбы; на ней сядетъ горлинка, проворкуетъ пѣснь скорби о

тщетныхъ трудахъ, изнурившихъ здѣсь мое сердце. Наконецъ могильный холмъ мой сравняется съ землею, заростетъ густымъ кустарникомъ и заглохнетъ въ душной крапивѣ. Меня забудутъ всѣ, надъ моимъ прахомъ пронесутся дни и годы, а можетъ быть, и многіе вѣки; но наконецъ раздастся громкая труба Архангела,—и я востану изъ пыльнаго гроба къ новой жизни съ красою безсмертія!

Поле спокойствія! какъ сладостно возрѣть на тебя утружденному страннику! Бросая посохъ на тихую могилу, онъ говоритъ: здѣсь спокойно засну я до утра безсмертія. Какъ отрадно смотрѣть на тебя удрученному бѣдствіями! Здѣсь, говоритъ онъ, сложу я тягостное бремя заботъ житейскихъ и успокою трепетъ моего сердца, здѣсь, подъ симъ могильнымъ камнемъ, не пробудитъ меня бурный шумъ злобствующаго міра, не поразятъ стрѣлы клеветы ядовитой. Поле спокойствія! сколько сокрыто въ тебѣ несчастныхъ! сколько зарыто въ тебѣ слезъ, горестей, жалобъ, болѣзней и от-

чаянія; но сколько поглощено тобою и радости и восторговъ, и счастія и блаженства! — Поле спокойствія! сколько погребено въ тебѣ заботъ и трудовъ, недоконченныхъ предпріятій, суетныхъ желаній, не знавшихъ предѣла! Пышные трофеи, въ которыхъ честолюбіе силится пережить само себя, часто свидѣтельствуютъ только о непомѣрныхъ замыслахъ неутомимой суетности.

Вотъ могила дипломата: въ ней сокрыты усилія перехитрить хитрѣйшую расчетливость и дальновиднѣйшую прозорливость. Тамъ почиваетъ во прахѣ непомѣрное властолюбіе вельможи, раздражавшееся при малѣйшей неудачѣ, приводившее всѣхъ въ трепетъ однимъ мановеніемъ гнѣва. Здѣсь успокоился не знавшій покоя сребролюбецъ: еще онъ мечталъ о новыхъ стяжаніяхъ, — предпринималъ снова переплывать моря и земли, дабы обогатиться золотымъ пескомъ, какъ вдругъ смерть засыпала его желанія пескомъ могильнымъ. За нимъ могила философа: сколько погребено въ ней трудовъ и усилій, знаній

и опытовъ, сомнѣній и предположеній! Сколько потухло въ ней свѣтлыхъ желаній, погасло пламенныхъ стремленій! Далѣе могила оратора и поэта. Чудно, какъ сомкнулись уста, дышавшія столь могущественнымъ краснорѣчіемъ? Какъ почилъ духъ, неутомимо протекавшій выспреннія страны міра? Какъ потухъ взоръ, глубоко проникавшій въ святилище красоты и истины?—Боже нашъ, Боже нашъ! Какъ жизнь, столь глубоко насажденная въ человѣкѣ, сопрягается со смертію? Какъ Богообразная красота его предается тлѣнію?—Воистину Бога повелѣніемъ, воистину Его всемогуществомъ! Случай не разрушитъ столь мощной жизни; судьба не убьетъ столь высокаго творенія.—А видите ли вы тотъ скромный и красивый памятникъ? Подъ нимъ успокоилась не знавшая покоя заботливость матери о счастіи дѣтей своихъ. И въ страшныя минуты смерти она съ молитвою о прощеніи грѣховъ своихъ сливала пламенныя моленія о счастіи кровныхъ. Но вотъ и еще памятникъ обращаетъ на себя вниманіе.

Онъ, повидимому, повелѣваетъ или возвышается надъ всѣми; его крестъ осѣненъ лавромъ; парящій орелъ вдругъ со всею стремительностію низвергается съ облаковъ и падаетъ мертвымъ. Чьи подвиги изображаетъ сія картина? Это твои, Герой безстрашный, пламенѣвшій любовію къ отечеству. Умирающая рука твоя еще подъемлетъ мечь и хочетъ разить—врага ли отчизны или врага твоей жизни? – но уже очи замыкаются и глава, посѣдѣвшая въ лаврахъ, упадаетъ. Сколько трудовъ и подвиговъ пріяла съ тобою твоя могила!..

Миръ праху вашему, почившіе братія!...... Но вашъ сонъ миренъ, сладокъ и непробуденъ. Напрасно стонъ дѣтей потрясаетъ воздухъ вокругъ могилы матери: прежде нѣжная и чувствительная, она теперь не трогается ихъ горькимъ воплемъ. Напрасно болѣе и болѣе разгарается свѣтъ просвѣщенія, и на твоей, мученикъ науки, могилѣ ярче обыкновеннаго блеститъ лучъ истины. Онъ не согрѣетъ оледенѣвшаго твоего сердца теплотою радости и жаромъ со-

ревнованія. Напрасно раздается вокругъ тебя, почившій герой, труба бранная: она тебя не пробудитъ; стонъ отчизны, къ которому ты былъ столько чувствителенъ, тебя не тронетъ; буйство врага вѣры и твоей родины тебя не возмутитъ. Не востанешь и ты, добрый Пастырь Христова стада, усмирить буйное вольномысліе и безумствующее невѣжество; открытая ярость душепагубныхъ волковъ, и тайное коварство ихъ, скрываемое покровомъ овчимъ, не пробудитъ въ тебѣ прежней ревности къ ихъ пораженію. Вы почили, и почили *на вѣки*! Быть можетъ, души ваши видятъ событія сего міра, соболѣзнуютъ намъ или сорадуются, порываются къ обычной дѣятельности, стремятся къ любимымъ предметамъ: но не могутъ оказать намъ видимаго своего содѣйствія. Вы почили для сего міра, и почили на вѣки!..

Поле спокойствія и жизни! сколь назидательно ты для всякаго, кто имѣетъ душу и сердце, кто живетъ, умѣя мыслить и чувствовать. Мудрый сказалъ

въ одномъ мѣстѣ: *есть время молчати*; благоразумный спросилъ: *не при гробѣ ли это время?* А мы отвѣчаемъ: *на кладбищѣ!* Посмотрите, какъ мирны и молчаливы ряды могилъ и крестовъ: но вслушайтесь въ ихъ безмолвный гласъ внутреннимъ чувствомъ сердца; вы услышите тогда разительное, все-потрясающее и все-увлекающее краснорѣчіе. Надобно быть безчувственнымъ, чтобы не тронуться симъ краснорѣчіемъ; надобно имѣть окаменѣвшее сердце, чтобы пройти между безчисленными памятниками нашихъ братій и не содрогнуться во глубинѣ души своей. Скажите, кто, вступая въ сіе мѣсто, не былъ поражаемъ какимъ-то священнымъ трепетомъ? Чья душа, при видѣ крестовъ и холмовъ могильныхъ, не уносилась за предѣлы видимаго міра, не воспаряла въ таинственную область міра духовнаго? Кто, находясь между холмовъ могильныхъ, не чувствовалъ въ себѣ особеннаго мужества духа? Кто не смотрѣлъ тогда на все земное съ большимъ равнодушіемъ и даже презрѣніемъ? Кто не

вспоминалъ тогда вдругъ и Бога и вѣчность и грѣхъ, Искупителя, блаженство и муки ада? О чаще, чаще посѣщайте кладбища; чаще воспоминайте о могилахъ умершихъ своихъ братій. Здѣсь, на могильныхъ памятникахъ, начертаны тысячи уроковъ,— и всѣ въ самыхъ разительныхъ краскахъ.

Ибо, что такое памятникъ? Это завѣтъ предковъ къ потомству, въ которомъ они говорятъ намъ: «И мы, подобно вамъ, жили, трудились и наслаждались жизнію, заботливо собирали, небрежно расточали, и—вотъ, что теперь «осталось отъ насъ?..—тоже останется «и отъ васъ. И мы, хотя почитали себя «смертными, но не могли живо чувствовать, и всегда помнить сію истину; надежда на земное безсмертіе, при «всей увѣренности въ нашей смертности, всегда насъ обольщала. Но смерть «разочаровала насъ и увѣрила въ бытіи своемъ:—тоже будетъ и съ вами! И «наши главы украшены были вѣнцами почестей, и на нашей груди горѣли звѣзды славы, и мы были въ зла-

«тѣ; но смерть развѣнчала вѣнценосныя «главы; потушила звѣзды, какъ уголья; «помрачила злато, какъ дымъ:—таже и «васъ ожидаетъ участь! И мы не щади-«ли ничего для сластолюбія: всѣ жела-«нія были насыщаемы до крайней воз-«можности, всѣ страсти были удовлетво-«ряемы до пресыщенія, — чтожъ? наша «жизнь была роза, засохшая въ почкѣ... «Страшитесь прилипчивой страсти сего «порока! И мы жили воздержно и бодр-«ственно: при роскошномъ столѣ не сты-«дились насыщать себя водою и хлѣ-«бомъ; при мягкомъ ложѣ и въ огром-«номъ покоѣ не почитали для себя низ-«кимъ спать на одрѣ и бодрствовать до «крайней усталости; въ блистательной «одеждѣ и при множествѣ слугъ не пре-«зирали труда и работъ обыкновенныхъ; «посему дожили до сѣдинъ и глубокой ста-«рости, и отдали могилѣ уже отжившее, «изможденное отъ времени тѣло.—Учи-«тесь, дѣти, великой и премудрой тай-«нѣ жизни!»

Что такое памятникъ могильный? Долгъ признательности и благодарности

дѣтей къ родителямъ, друзей къ другу; облагодѣтельствованныхъ къ благодѣтелямъ. Прочитайте надпись сего памятника; она говоритъ: *жертва дружбы!* Учитесь и вы добродѣтели дружества: она удостоивается олтарей и трофеевъ! Посмотрите и на другой памятникъ: *благодарныя дѣти родителю и благодѣтелю!* Воспитать дѣтей, образовать ихъ умъ и сердце по-христіански, есть великое дѣло и для земли и для неба; великій отецъ семейства, безъ сомнѣнія, болѣе значитъ, нежели великій философъ, великій полководецъ. И какъ не трепетать сердцу отъ радости, когда многіе холмы могильные гласятъ объ особенной признательности дѣтей къ родителямъ - благодѣтелямъ? Отцы и матери поучайтесь у сихъ могильныхъ камней!— Вотъ еще два назидательныхъ памятника. Одинъ огромный и роскошный; другой низменный и очень бѣдный. Но первый памятникъ, не смотря на свою высоту, заросъ сѣрымъ мохомъ и заглохъ въ крапивѣ; послѣдній со всѣхъ сторонъ отоптанъ, весь исписанъ разными надгроб-

ными стихами; каждый день можно видѣть на немъ или вѣнокъ изъ розъ, или цвѣты небрежно разсыпанные, почти всякій разъ можно находить при немъ посѣтителя. Вотъ что значитъ заслуга и добродѣтель!

Что такое могильный памятникъ? Это трофей смерти и торжество грѣха надъ естествомъ человѣческимъ. Грѣхъ, убивши человѣка, симъ не удовольствовался. На мѣстѣ пораженія онъ воздвигаетъ трофей, который и отдаленному потомству возвѣщаетъ о его могуществѣ и человѣческомъ безсиліи. Но сей трофей есть вмѣстѣ и краснорѣчивѣйшее назиданіе, которое грѣхъ невольно противъ себя самаго внушаетъ намъ. Проходя рядами холмовъ могильныхъ, дышущихъ тлѣніемъ и хладомъ смерти, мы невольно восклицаемъ: вотъ до чего грѣхъ довелъ насъ! вотъ сколь онъ ядовитъ и ужасенъ! берегитесь его, какъ страшной заразы!

Что такое памятникъ могильный въ очахъ Христіанина? Надгробіе грѣха и смерти. Грѣхъ, думая восторжествовать надъ нами посредствомъ смерти, чрезъ

нее доставилъ намъ только торжество надъ собою; ибо вѣрующій умирая не погибаетъ, но отъ смерти преходитъ въ животъ; а грѣхъ, умерщвляя наше тѣло, истребляетъ въ немъ свои орудія, и посему, хотя отчасти, уничтожаетъ тотъ смертный ядъ, который онъ разлилъ по всему нашему составу. Такъ, могильный памятникъ служитъ для меня безмолвнымъ вѣстникомъ нашего безсмертія; мнѣ кажется, онъ вѣщаетъ: «хотя люди здѣсь и умираютъ, но они духомъ своимъ живутъ нѣгдѣ послѣ тѣлесной смерти, какъ я переживаю ихъ въ семъ мірѣ.» Мнѣ кажется, надгробный памятникъ своею вершиною, какъ бы перстомъ, указываетъ на небо и такъ говоритъ мнѣ: «я сокрываю до времени только земную одежду человѣка, а духъ его воспарилъ къ Богу, *иже даде его.*»

Наконецъ, всмотритесь въ безконечное разнообразіе холмовъ и памятниковъ могильныхъ! Какую мысль пробуждаетъ оно въ душѣ вашей? Во мнѣ оно прежде всего произвело слѣдующую: напрасно бренность старается увѣковѣчить себя

въ области тлѣнія: уже она обратилась въ прахъ. Напрасно ничтожество силится отличить себя и тамъ, гдѣ всѣ равны: уже земля обратилась въ землю. Напрасно богатство погребаетъ себя въ позлащенномъ гробѣ, въ окованной могилѣ, подъ великолѣпнымъ мавзолеемъ: изъ гробовъ равно отзывается тлѣніемъ, изъ могилъ равно дышетъ хладомъ; огромный памятникъ не внушаетъ уже людямъ прежняго страха и благоговѣнія къ тому, кто погребенъ подъ нимъ. Теперь рядомъ съ богатымъ и славнымъ ложится нищій: могила его и на вершокъ не возвышается надъ землею, но кости безбоязненно смѣшиваются съ прахомъ вельможи. Огромный и величественный памятникъ не возвыситъ нашего достоинства предъ очами Нелицепріятнаго.

Но съ другой стороны разнообразіе могильныхъ памятниковъ напоминаетъ намъ о неравенствѣ славы и блаженства почившихъ. Конечно, не по мѣрѣ величія надгробныхъ трофеевъ раздаются награды неба: но смотря на ихъ разнообразіе, какъ бы на разнообразіе отличій

горняго міра (ибо кладбище вообще кажется намъ чѣмъ-то не земнымъ), мы невольно думаемъ: «такъ и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ; такъ и души усопшихъ различны по степенямъ блаженства.» Человѣкъ воздвигаетъ памятники для означенія земныхъ преимуществъ почившаго; но они, въ совокупности взятые, могутъ живо напоминать намъ и о различныхъ степеняхъ небесной славы и духовнаго блаженства. Кто сочтетъ разнообразіе надгробныхъ крестовъ и камней? Кто исчислитъ и безконечныя степени будущаго блаженства и славы? У Отца небеснаго обители многи.

Почіите, братіе, до радостнаго утра безсмертія! Когда заблистаетъ заря воскресенія, вы пробудитесь.—Спите и почивайте до оной въ тихомъ пристанищѣ; но мнѣ на время должно удалиться отъ васъ въ житейское море, воздвизаемое бурею заботъ и напастей!

(Сообщено отъ г. *Безъимяннаго*)

XIX.

УТѢШИТЕЛЬ СКОРБЯЩАГО.

С. Почто данъ сущимъ въ горести свѣтъ, и сущимъ въ болѣзняхъ животъ? (Іов. 3, 20).

У. Если мы благая пріяли отъ руки Господней, то злыхъ ли не стерпимъ? (2, 10).

С. Утомленъ я стенаніями моими: каждую ночь омываю постелю мою; слезами моими омочаю ложе мое. (Пс. 6, 7).

У. Сѣющіи со слезами, съ радостію пожнутъ. Идетъ и плачетъ несущій сѣмена свои для сѣянія, пойдетъ съ пѣніемъ несущій снопы свои (125, 5. 6).

С. Спаси меня, Господи; ибо не стало Святыхъ, ибо мало вѣрныхъ между сынами человѣческими (11, 2).

У. Я соблюлъ себѣ седмь тысячъ человѣкъ, которые не преклонили ко-

лѣнъ предъ Вааломъ: врата адовы не одолѣютъ Церкви Моей! (Рим. 11, 4. Мат. 16, 18).

С. Доколѣ, Господи, будешь забывать меня, доколѣ будешь сокрывать лице Твое отъ меня? Доколѣ мнѣ томиться въ сердцѣ моемъ день и ночь? (Пс. 12, 2. 31).

У. Я на малое время оставилъ тебя: а съ милостію великою помилую, на мгновеніе отвратилъ Я лице Мое отъ тебя, но милостію вѣчною помилую тебя (Иса. 54, 7. 8).

С. Призри, услыши меня, Господи, Боже мой! Дай свѣтъ очамъ моимъ, чтобы не уснулъ я сномъ смертнымъ (Пс. 12, 4).

У. Я воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ,—оживетъ! (Іоан. 11, 25).

XX.

ОТРЫВОКЪ

изъ 32 беседы св. Іоанна Златоустаго на і. посланіе къ Коринѳянамъ.

Ищите лучшихъ даровъ, и я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій (і. Кор. 12, 31).

Сими словами Апостолъ даетъ разумѣть, что Коринѳяне сами виновны, если получаютъ меньшіе дары (*), и что они могутъ, ежели захотятъ, снискать дары большіе. Ибо когда онъ говоритъ: *ищите*; то чрезъ сіе внушаетъ, чтобы они ревностно старались пріобрѣтать дары духовные. Притомъ не сказалъ: ищите даровъ *большихъ*, но—*лучшихъ*, т. е. полезнѣйшихъ. Мысль Апостола такая: всегда желайте даровъ, и я по-

(*) Поелику Коринѳяне гордились даромъ языковъ; то Апостолъ вездѣ поставляетъ даръ сей ниже другихъ. Въ той же бесѣдѣ).

кажу вамъ путь къ онымъ. Не сказалъ: *даръ*, но — *путь*, дабы болѣе возвеличить то, о чемъ намѣревается говорить.—Покажу вамъ не одинъ, не два, не три дара; но путь, ведущій ко всѣмъ симъ дарамъ, и не просто *путь*, а *превосходнѣйшій*, открытый для всѣхъ людей. Ибо изъ прочихъ даровъ однимъ даются такіе, а другимъ другіе: но сей даръ не таковъ; онъ всеобщій. Посему Апостолъ всѣхъ призываетъ къ полученію сего дара: *ищите*, говоритъ онъ, *лучшихъ даровъ, и я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій.*—Это любовь къ ближнему.

Потомъ, намѣреваясь говорить о любви и восхвалить сію добродѣтель, онъ весьма благоразумно унижаетъ выше изчисленные дары сравненіемъ оныхъ съ любовію; и показываетъ, что они не значатъ ничего безъ любви. Если бы Апостолъ вдругъ началъ говорить о любви, и сказавъ: *покажу вамъ путь*, прибавилъ: сей путь есть любовь, а не продолжалъ бы своей рѣчи сравненіемъ; то Коринѳяне, не видя ясно, въ чемъ со-

стоитъ превосходство предмета, а только ожидая узнать сіе, приняли бы слова его гораздо хладнокровнѣе. Посему-то онъ не тотчасъ раскрываетъ предметъ свой, но напередъ завлекаетъ вниманіе слушателя обѣщаніемъ, возбуждаетъ желаніе, и сказавъ: *я покажу вамъ путь превосходнѣйшій*, не спѣшитъ однако вступить на путь сей, но возбуждая и усиливая любопытство, еще продолжаетъ говорить Коринѳянамъ о другихъ дарахъ, и показавъ имъ, что дары сіи безъ любви ничто, тѣмъ самымъ необходимо обязываетъ ихъ любить другъ друга. И дѣйствительно, небреженіе о любви было причиною всѣхъ золъ ихъ; такъ что и изъ того уже открывается великая сила любви, что тогда какъ прочіе дары не только не совокупили ихъ, но еще соединенныхъ раздѣлили, она и раздѣленныхъ сама собою можетъ собрать и соединить въ одно тѣло. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ сего вдругъ, а прежде выставляетъ имъ на видъ то, чего они болѣе всего желали; именно, что предметъ, о

которомъ онъ говоритъ, есть *даръ*, и что даръ сей есть превосходный путь ко всѣмъ дарамъ; такъ что если бы ты не захотѣлъ любить ближняго по обязанности, то возжелай того за одно превосходство любви, за тѣ обильные дары, кои она приноситъ съ собою. И смотри—съ чего начинаетъ онъ? Во-первыхъ съ того самаго, что казалось Коринѳянамъ удивительнымъ и великимъ —съ дара языковъ. Кромѣ сего, указывая на даръ сей, онъ представляетъ его не въ томъ маломъ видѣ, въ какомъ Коринѳяне имѣли оный, а гораздо въ обширнѣйшемъ; ибо не говоритъ: если я говорю языками, но: *если я говорю языками человѣческими* (1. Кор. 13, 1).

Что значитъ: *языками человѣческими?*—Языками всѣхъ народовъ, живущихъ во вселенной. Впрочемъ Апостолъ не удовольствовался и симъ увеличеніемъ, но присоединяетъ къ сему другое гораздо большее, сказавъ: *и Ангельскими; любве же не имамъ: быхъ (яко) мѣдь звѣнящи, или кимвалъ звяцаяй.* Видишь, какъ онъ возвысилъ даръ язы-

ковъ, и съ какой высоты низринулъ и сокрушилъ его! Ибо не сказалъ просто: *тогда я ничто*, а говоритъ: *тогда я мѣдь звучащая*—нѣчто безчувственное и бездушное. Почему такъ? – Потому что я тогда хотя буду издавать голосъ, но по пустому, напрасно, безъ пользы; ибо кромѣ того, что я тогда ничего не произведу, еще буду въ тягость другимъ, и сдѣлаюсь для многихъ скучнымъ и несноснымъ. Видишь ли, почему человѣкъ, незнакомый съ любовію, уподобляется вещамъ бездушнымъ и безчувственнымъ? Впрочемъ, когда Апостолъ говоритъ о языкахъ Ангельскихъ, то не приписываетъ Ангеламъ тѣла, но смыслъ сихъ словъ его такой: если бы я и такъ говорилъ, какъ предоставлено Ангеламъ говорить между собою: то и тогда безъ любви я былъ бы ничто, даже тягостенъ и скученъ. Такъ, когда онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10): то сими словами не приписываетъ Ангеламъ колѣнъ и костей; но

только желаетъ представить униженное поклоненіе, сходно съ нашимъ образомъ поклоненія. Равно и здѣсь словомъ *языкъ* не означаетъ тѣлеснаго органа, а только, понятнымъ для насъ образомъ, указываетъ на взаимную бесѣду Ангеловъ.

Далѣе, дабы сдѣлать рѣчь свою болѣе значительною, онъ не останавливается на дарѣ языковъ, но касается и прочихъ даровъ; а потомъ, показавъ, что всѣ они безъ любви ничего не значатъ, изображаетъ и самую любовь.

Поелику же онъ вознамѣрился постепенно возвышать свое слово: то, начавъ съ меньшаго, восходитъ къ большему, такъ что языки, которые въ исчисленіи даровъ онъ поставилъ послѣдними, здѣсь считаетъ первыми, отъ меньшаго, какъ я сказалъ, восходя къ большему. Ибо отъ языковъ немедленно переходитъ къ пророчеству, и говоритъ:

И аще имамъ пророчество (ст. 2). И сей даръ возвышаетъ Апостолъ. Ибо какъ тамъ онъ не просто говоритъ: языки, но: языки всѣхъ людей, и даже Ангельскіе, а послѣ того уже показываетъ,

что дарѣ сей безъ любви ничтоженъ; такъ и здѣсь упоминаетъ не просто о пророчествѣ, но о пророчествѣ высочайшемъ; поелику, сказавъ: *аще имамъ пророчество*, присовокупляетъ: *и вѣмъ тайны вся и весь разумъ*. Послѣдними словами, Апостолъ возвышаетъ даръ пророчества.—Послѣ сего онъ восходитъ и къ другимъ дарамъ, а дабы, бесѣдуя о каждомъ изъ нихъ порознь, опять не показаться скучнымъ, выставляетъ начало и источникъ всѣхъ сихъ даровъ въ превосходномъ же видѣ, говоря: *и аще имамъ всю вѣру*. Но и симъ не удовольствовавшись, присоединяетъ еще то, что Христосъ сказалъ о могуществѣ вѣры: *яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь*. Смотри, какъ и здѣсь унижаетъ Апостолъ цѣну языковъ! Въ пророчествѣ открываетъ онъ великую пользу, состоящую въ вѣдѣніи таинъ и обладаніи всѣми познаніями; также и вѣрѣ приписываетъ не маловажное дѣло — переставленіе горъ; а объ языкахъ сказавъ только то одно, что они даръ, — болѣе ничего не гово-

ритъ. Не опусти безъ вниманія и того, въ сколь краткой рѣчи совмѣстилъ онъ всѣ дары, наименовавъ только пророчество и вѣру!

Но почему Христосъ сказалъ, что и малѣйшая частица вѣры можетъ переставлять горы, какъ это видно изъ словъ Его: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди, и прейдетъ* (Мат. 17, 20); а Павелъ Апостолъ говоритъ, что къ сему потребна вся вѣра? Что на сіе сказать?—То, что переставить гору съ мѣста на мѣсто есть дѣло необычайное: потому Апостолъ и упомянулъ о семъ; но упомянулъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы доказать, будто только *вся вѣра* можетъ совершить сіе дѣло, а потому, что великая гора въ глазахъ простыхъ его слушателей казалась предметомъ, болѣе другихъ важнымъ. По сей-то причинѣ онъ и возвышаетъ вѣру, говоря: если имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви: то я ничто.

И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи

е, любве же не имамъ, никая польза ми есть. (ст. 3). Вотъ какое преувеличеніе! Ибо и здѣсь возвышается предметъ. Апостолъ не говоритъ: если дамъ бѣднымъ половину имѣнія, если дамъ двѣ или три части онаго, но сказалъ: *вся имѣнія моя.* Также не говоритъ онъ: *дамъ,* но—*раздамъ,* чтобы съ издержками соединялась и тщательная услужливость. *И аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е.* Не сказалъ: если умру; но и здѣсь употребляетъ превосходную степень. Ибо представивъ мучительнѣйшій родъ смерти, именно, когда кто живой предается на сожженіе, заключаетъ, что безъ любви и это ничего не значитъ—*никая польза ми есть.* Но я еще не выразилъ всего преувеличенія. Чтобы выразить оное, для сего должно привести свидѣтельства Іисуса Христа касательно милостыни и смерти. Какія же это свидѣтельства?—*Аще хощеши совершенъ быти,* говоритъ Спаситель, *продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и гряди вслѣдъ Мене* (Мат. 19, 21). Въ другомъ мѣстѣ, бесѣдуя о любви къ ближнему,

Онъ сказалъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Изъ сего явствуетъ, что оныя двѣ добродѣтели, въ сравненіи со всѣми другими, имѣютъ высшую цѣну у Бога. Ап. Павелъ говоритъ, что хотя бы мы за Бога положили душу свою, и не просто положили, но хотя бы даже предали себя на сожженіе, не много получимъ отъ сего пользы, если не любимъ ближняго.

Однако то еще не удивительно, что дарованія безъ любви не приносятъ ни малой пользы; поелику жизнь *предпочитается* дарованіямъ. Многіе изъ имѣвшихъ чудесныя дарованія, каковы были тѣ, кои во имя Христа пророчествовали, изгоняли бѣсовъ и творили иныя различныя чудеса, многіе изъ такихъ людей подверглись мученіямъ за порочныя дѣла свои, на примѣръ, Іуда предатель. Напротивъ другіе вѣрующіе, которые провождали святую жизнь, ни въ чемъ не имѣли нужды для своего спасенія. Посему ни сколько, какъ сказалъ я, не удивительно то, что дарованія имѣютъ нуж-

ду въ любви.—Но что жизнь добродѣтельная не имѣетъ безъ любви никакой силы, — это по истинѣ приводитъ въ удивленіе, потому болѣе, что самъ Христосъ приписываетъ важныя дѣйствія добровольной бѣдности и подвигамъ мученичества. — Что на сіе сказать, какъ не то, что здѣсь Апостолъ дѣлаетъ одно только предположеніе, каковой образъ выраженія онъ всегда употребляетъ, когда желаетъ представить превосходство какой либо вещи? Такъ на прим. въ посланіи къ Галатамъ онъ пишетъ: *Аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1. 8). Безъ сомнѣнія ни онъ самъ, ни Ангелъ, не намѣрены были благовѣстить другаго ученія. Но дабы возвысить предметъ, Апостолъ допускаетъ то, что никогда не можетъ случиться. Также въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *ни Ангели, ни начала, ниже силы возмогутъ насъ разлучити отъ любве Божія* (Рим. 8, 38). Ангели вовсе не расположены отлучать насъ отъ любви Божіей,

но здѣсь Апостолъ невозможное предполагаетъ возможнымъ, такъ какъ онъ и говоритъ далѣе: *ни ина тварь кая*, хотя нѣтъ уже никакой другой твари; ибо предъидущими словами своими онъ обнялъ всѣ возможныя творенія, небесныя и земныя. Здѣсь онъ предполагаетъ бытіе того, что не существуетъ, для той цѣли, чтобы представить въ высочайшей степени любовь свою. Съ такимъ же точно намѣреніемъ онъ сказалъ, что если кто раздастъ все имѣніе свое, а не будетъ имѣть любви, то не получитъ отъ сего никакой пользы.

Чтобъ узнать, какъ велико дѣйствіе любви, ограничимся по крайней мѣрѣ разсужденіемъ о ней, (поелику едва ли гдѣ можно видѣть ее на опытѣ), и размыслимъ, сколько произошло бы благъ отъ того, еслибъ любовь повсюду царствовала. При ней не нужны были бы ни законы, ни судилища, ни истязанія, ни наказанія, ни другое что либо подобное. Ибо еслибъ всѣ любили и всѣ любимы были: то никто и никому не причинилъ бы никакой обиды; не было бы

ни убійствъ, ни раздоровъ, ни войнъ, ни возмущеній, ни грабежей, ни притѣсненій; словомъ сказать: не было бы совершенно никакихъ злыхъ дѣлъ,—даже не извѣстно было бы и самое имя зла. Даръ чудесъ не можетъ произвести такого добра; онъ скорѣе можетъ ввергнуть въ тщеславіе и гордость людей, не строго замѣчающихъ за собою.

Любовь имѣетъ еще и то удивительное свойство, что тогда какъ всѣ другія добрыя качества смѣшаны бываютъ съ худыми, на прим. бѣдный часто гордится своею бѣдностію, сильный въ словѣ страдаетъ болѣзнію славолюбія, смиренномудренный, сознавая въ себѣ смиреніе, нерѣдко надмѣвается:—одна только любовь изъята отъ всѣхъ таковыхъ недостатковъ. Ибо любящій не станетъ никогда гордиться предъ тѣмъ, кого любитъ. Не представляй себѣ одного какого либо человѣка любящаго, но представь, что всѣ любятъ въ равной степени, и тогда увидишь силу любви. Или лучше, если угодно, представь себѣ пока одного человѣка любимаго всѣми и

любящаго всѣхъ, но любящаго такъ, какъ должно любить. Такой человѣкъ будетъ жить и на землѣ, какъ на небѣ, наслаждаясь всегдашнимъ миромъ, и соплетая себѣ безчисленные вѣнцы. Ибо онъ сохранитъ душу свою чистою отъ зависти, гнѣва, гордости, тщеславія, свободною отъ худыхъ пожеланій, отъ всякой нечистой страсти, и вообще отъ всякой болѣзни душевной. А будучи таковымъ, онъ, живя еще на землѣ, будетъ равняться съ Архангеломъ Гавріиломъ. Вотъ каковъ человѣкъ, питающій въ себѣ любовь!

XXI.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

ДВА ПИСЬМА КЪ АМФИЛОХІЮ.

I.

На вопросъ: *какъ далеко простирается дѣятельность ума въ познаніи Бога?*

И отъ другихъ я слышалъ, и по собственному изслѣдованію хорошо узналъ природу человѣческую. Что же мнѣ отвѣчать на твой вопросъ? То, что умъ нашъ есть вещь добрая,—въ немъ заключенъ образъ Создателя нашего; равно и дѣятельность его есть вещь добрая. Только нашъ умъ, находясь въ постоянномъ движеніи, часто собственныя мечты принимаетъ за существа дѣйствительныя; часто впрочемъ идетъ онъ и прямымъ путемъ къ истинѣ. Притомъ на него, по разумѣнію вѣрующихъ въ Бога,

извнѣ дѣйствуютъ двѣ силы: одна злая — демонская, которая и насъ увлекаетъ къ своему Богоотступничеству; другая Божественная — добрая, которая возводитъ насъ къ Богоподобію. — Посему нашъ умъ, дѣйствуя одною только собственною силою, видитъ мало, и притомъ такіе токмо предметы, которые соразмѣрны съ его способностями; когда же, отрекшись отъ собственнаго сужденія, дается въ обманъ другимъ, тогда онъ блуждаетъ среди нелѣпыхъ призраковъ, тогда дерево почитаетъ не деревомъ, но Богомъ, и богатство — не богатствомъ, а чѣмъ-то достопоклоняемымъ. Но если онъ обращается къ Божеству и удостоивается благодати Духа, тогда уразумѣваетъ предметы Божественные, сколько то возможно его природѣ.

Такимъ образомъ, три суть состоянія жизни; а въ соотвѣственность онымъ, и дѣятельность ума нашего бываетъ троякая. Именно, во-первыхъ она бываетъ развращенная, когда, т. е. дѣйствія ума порочны: напр. любодѣяніе,

кража, идолослуженіе, ругательства, раздоры, гнѣвливость, несогласія, горделивость и все то, что Ап. Павелъ причисляетъ къ дѣламъ плоти (Гл. 5, 19). Во вторыхъ дѣятельность ума бываетъ какая-то средняя, ни постыдная, ни похвальная, каково напр. познаніе искуствъ, такъ называемыхъ безразличныхъ, которыя сами по себѣ не ведутъ ни къ добродѣтели, ни къ пороку. Что худаго напр. содержитъ въ себѣ искуство кормчаго или врача? А съ другой стороны, то и другое искуство не есть еще само по себѣ доброе дѣло; но смотря по цѣлямъ пользующихся онымъ можетъ быть употреблено и ко благу и во вредъ. Наконецъ, когда умъ нашъ пріобщится Божественнаго Духа, то удостоивается высокихъ созерцаній, зритъ красоты божественныя, впрочемъ столько, сколько сообщитъ ему благодать, и сколько можетъ вмѣстить его природа.

Итакъ, оставивъ діалектическіе вопросы, надлежитъ безъ всякихъ ухищреній, съ благочестивымъ расположеніемъ изслѣдовать истину. Намъ для того и

дать разсудокъ, чтобы уразумѣвать истину. Самобытная же Истина есть Богъ нашъ. Итакъ, важнѣйшій и высшій предметъ для нашего ума состоитъ въ познаніи Бога, котораго впрочемъ мы можемъ познать столько, сколько безконечное величіе удобопостижимо для существа самомалѣйшаго. Ибо хотя глаза наши созданы для созерцанія вещей видимыхъ, но мы еще не видимъ всѣхъ подлежащихъ взору предметовъ. Сферы небесной не льзя обнять однимъ взглядомъ; по какому-то очарованію зрѣнія, она, кажется, окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ многое въ ней, если не все, остается для насъ невѣдомымъ: напр. сущность звѣздъ, ихъ величина, разстоянія, движенія, взаимное одной на другую дѣйствіе, ихъ уклоненія и прочія отношенія; также самая сущность тверди, и та бездна, которая распростирается отъ согнутой небесной окружности до выпуклой поверхности. Однакожъ отъ того, что многое на небѣ намъ не извѣстно, не льзя сказать, что оно не види-

мо; нѣтъ, оно видимо, хотя мы и немногое усматриваемъ на немъ.

Такъ надлежитъ разсуждать и о Богѣ. Когда разумъ нашъ подвергается обольщенію демоновъ, тогда онъ увлекается къ идолослуженію, или къ другому какому либо нечестію. Когда же предается водительству Духа, тогда уразумѣваетъ истину и познаетъ Бога. Познаетъ впрочемъ, какъ говоритъ Апостолъ, только *отчасти*; совершеннѣйшее же Богопознаніе получитъ въ жизни будущей. *Егда же пріидетъ совершенное, тогда, еже отъ части, упразднится* (1. Кор. 13, 9. 10).

Итакъ, судительная сила ума есть вещь добрая; поелику стремится къ спасительной цѣли, т. е. къ Богопознанію; но въ семъ стремленіи своемъ она простирается токмо столь далеко, сколько ей то позволено.

II.

На вопросъ: *Вѣдомому или Невѣдомому воздаешь почтеніе?*

Вѣдомому, или Невѣдомому воздаешь почтеніе? — Если въ отвѣтъ на сіе скажемъ: что знаемъ, то почитаемъ; тогда они (*) тотчасъ возразятъ намъ: въ чемъ состоитъ сущность Почитаемаго вами? — Если мы теперь сознаемся въ невѣдѣніи сущности Его, то они опять скажутъ намъ съ укоризною: такъ вы почитаете то, чего сами не знаете! — Но я утверждаю, что слово *знать* имѣетъ многоразличный смыслъ. — Напр. мы говоримъ о себѣ, что знаемъ величіе Божества, силу Его, премудрость, благость, промышленіе о насъ и правду судовъ Его; но самой сущности Божества не знаемъ. Итакъ вопросъ противниковъ есть только хитрая уловка. Ибо кто говоритъ, что онъ не знаетъ сущности Божіей, тотъ еще не обнаруживаетъ въ се-

(*) Аномеи.

бѣ чрезъ это невѣдѣнія о Богѣ; поелику понятіе о Богѣ составляется изъ соединенія многихъ, нами выше исчисленныхъ качествъ Его природы.

Но Богъ, говорятъ, есть Существо простое; и все, на что ты ни укажешь въ Немъ, какъ на извѣстное, познаемое, —все принадлежитъ къ Его сущности. – Это такое ложное умствованіе, въ которомъ и конца нѣтъ нелѣпостямъ. Ужели всѣ исчисленныя нами свойства суть наименованія одной и той же сущности? Ужели между собою тождественны—и страшное велелѣпіе Божества и Его человѣколюбіе, и правосудіе и сила Творческая, и предвѣдѣніе и мздовоздаяніе, величіе и промыслительность? Ужели наименованіемъ каждаго изъ сихъ свойствъ мы выражаемъ сущность Божества?—Ежели наши противники это утверждаютъ, то они должны спрашивать насъ не такъ: знаемъ ли сущность Божію? но пусть спрашиваютъ: вѣдаемъ ли страшнаго, вѣдаемъ ли правосуднаго, вѣдаемъ ли человѣколюбиваго Бога? Это, скажемъ не обинуяся, мы знаемъ. Но

ежели они подъ сущностію разумѣютъ нѣчто другое, то пусть же и насъ не запутываютъ своимъ уметвованіемъ о простотѣ (существа Божія). Сами они сознаются, что иное есть сущность, иное каждое изъ свойствъ, выше нами исчисленныхъ.—Но при всемъ разнообразіи сихъ, сущность остается простою.—А мы и утверждаемъ, что познаемъ Бога изъ дѣлъ Его; но не хвалимся дойти умомъ до самой Его сущности. Дѣйствія Божія нисходятъ до насъ, а Его сущность—вѣчно для насъ не доступна!

Но, возражаютъ, если ты не знаешь сущности Божіей, то не знаешь и Его самого.—А мы такъ отвѣтимъ: хотя ты и говоришь, что знаешь сущность; но Его самого не знаешь. Укушенный бѣшеною собакою, хотя и думаетъ видѣть въ водѣ собаку; однакожъ на самомъ дѣлѣ онъ столько же видитъ предметовъ, сколько и здоровые люди; онъ еще потому болѣе достоинъ жалости, что думаетъ видѣть такой предметъ, коего на самомъ дѣлѣ не видитъ.—Не изумляйся же, когда противникъ хвалится такимъ

своимъ вѣдѣніемъ; напротивъ пожалѣй о безразсудности несчастнаго.

Итакъ знай, что положеніе: если не знаешь сущности Божіей, то ты воздаешь почтеніе тому, чего самъ не знаешь, — есть положеніе ложное. Напротивъ, я знаю, что есть Богъ; но въ чемъ состоитъ сущность Его,– это выше моего разумѣнія. Какъ же я спасусь?—Вѣрою. Для вѣры довольно знать, что *есть* Богъ, а не то, *что* есть Богъ?— Для ней довольно знать, что Онъ воздаетъ благое ищущимъ Его; а все познаніе о сущности Божіей заключается въ сознаніи Его непостижимости. И мы воздаемъ Ему почтеніе не потому, чтобы уразумѣли, въ чемъ состоитъ Его сущность; но поелику знаемъ, что сущность Божественная *есть*.

Предложимъ нашимъ противникамъ и еще вопросъ:—*Бога никтоже видѣ нигдѣже: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. 1, 18). Что исповѣдалъ объ Отцѣ Единородный? Сущность, или силу Его? Ежели силу; то мы знаемъ о ней столько, сколько

Онъ открылъ намъ. Если сущность; то скажи, въ какомъ мѣстѣ Писанія Онъ говоритъ, что сущность Божія состоитъ въ нерожденности?—Авраамъ когда воздалъ Богу поклоненіе? Не тогда ли, когда увѣровалъ въ Него? Когда же онъ увѣровалъ? Не тогда ли, какъ призванъ былъ? Гдѣ же, укажи, говоритъ Писаніе, что онъ постигъ (сущность Божію)?—Ученики Іисуса когда признали Его Господомъ? Не тогда ли, какъ увидѣли, что ему повинуется природа? Такъ, увидѣвъ, что Ему повинуются и вѣтры и море, они познали Его Божественность.

Итакъ познаніе о Богѣ пріобрѣтается изъ дѣйствій Его; а изъ познанія раждается Богопочтеніе. *Вѣруеши ли въ Сына Божія? — Вѣрую, Господи! и поклонися Ему* (Іоан. 9, 35. 38). Такъ за вѣрою слѣдуетъ поклоненіе Богу. Вѣра же укрѣпляется отъ силы. Если говоришь: онъ вѣритъ; симъ уже утверждаешь, что онъ знаетъ. По чему кто вѣритъ, изъ того же самого и познаетъ; и на оборотъ, изъ чего кто познаетъ,

потому же самому и вѣритъ. А Бога познаемъ мы изъ Его могущества. Посему мы вѣруемъ познанному; и покланяемся Тому, въ Кого увѣровали.

XXII.

СЛОВО

въ день священнаго мѵропомазанія и торжественнаго вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича всея Россіи, говоренное въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ Августа 22 дня 1833 года Синодальнымъ Членомъ *Филаретомъ*, Митрополитомъ Московскимъ.

Побѣждай благимъ злое. Рим. XII. 21.

Если бы въ сей день, освѣщаемый сіяніемъ Царскаго вѣнца, величественнаго и благолѣпнаго не столько по числу и достоинству каменій честныхъ, сколько по достоинству законной наслѣдственности, по преимуществу освященія свыше, по превосходству Царскихъ доблестей, которыя онъ покрываетъ,—возжелали мы, Россіяне, увидѣть вѣнецъ сей

въ новомъ блескѣ: то мы тотчасъ можемъ имѣть сіе пріятное видѣніе, обративъ наблюдательный взоръ на новыя Царственныя дѣянія Благочестивѣйшаго Императора. Посмотрите, на примѣръ, на новый составъ Россійскихъ законовъ, столь ожиданный правосудіемъ, и наконецъ извлеченный изъ разночастныхъ, разнообразныхъ, иногда недружныхъ стихій разновременнаго законодательства. Не есть ли это новый, свѣтлый, изъ отечественныхъ копей извлеченный, каменъ въ вѣнцѣ Николая Перваго,—камень, котораго такъ долго искали Его предшественники, и который Онъ Своею неутомимостію предвосхитилъ у своихъ преемниковъ?

Или, поставьте себя на предѣлахъ двухъ Имперій, двухъ частей свѣта и двухъ религій, и посмотрите на оконченное недавно дѣло умиренія на востокѣ. Сдѣлаться благодѣтелемъ, охранителемъ, спасителемъ Царства, недавно враждебнаго, и только побѣдами доведеннаго до примиренія,— не есть ли и сіе такое дѣло Царской доблести, кото-

рое приноситъ новое свѣтлое украшеніе вѣнцу Благочестивѣйшаго Императора нашего, новую славу Его царствованію?

Славу сего дѣла особенно провозглашать должно здѣсь, въ церкви: поелику оно есть великолѣпное исполненіе благороднаго правила Христіанскаго: *побѣждай благимъ злое.* Дѣло сіе не только славно для Царя и народа, но и полезно для Христіанства: ибо весь непознавшій Христа востокъ видитъ теперь въ семъ славномъ дѣлѣ, къ какой чистой, безкорыстной, возвышенной вѣрности и благотворительности располагаетъ вѣра Христіанская сердца Царя и народа.

Но довольно сего воззрѣнія на нѣкоторыя дѣла Царственныя, чтобы нынѣшняя особенная молитва и благодареніе за Царя, были нами принесены сколько по долгу послушанія Церковной заповѣди, столько же по убѣжденію и усердію собственному.

Гораздо нужнѣе каждому изъ насъ обращать вниманіе на собственныя дѣла, хотя, можетъ быть, малыя, и едва примѣтныя въ необъятномъ множествѣ

и разнообразіи дѣлъ человѣческихъ, но никогда немаловажныя для дѣлающаго, потому что пойдутъ за нимъ далѣе предѣловъ настоящей жизни, и либо увѣнчаютъ его, либо возложатъ на него укоризну и стыдѣніе вѣчное.

Побѣждай благимъ злое. Всякой ли найдетъ исполненіе сего правила въ своихъ дѣлахъ? Всякой ли найдетъ сіе правило довольно раскрытымъ въ умѣ своемъ, довольно углубленнымъ въ сердцѣ своемъ?

Что есть зло въ мірѣ, и собственно въ человѣкахъ, о семъ опытъ всѣхъ и каждаго свидѣтельствуетъ такъ сильно, что, хотя бы разумъ и вздумалъ противъ сего спорить, не можетъ переспорить свидѣтельства ощущеній, которыя умствованіямъ не повинуются. А когда зло есть, и дѣйствуетъ противъ насъ: то не употреблять противъ него никакихъ средствъ было бы противно и закону самосохраненія, и закону человѣколюбія, потому что неудерживаемое зло поглотило бы весь родъ человѣческій, и закону вѣры въ Бога, потому что не

препятствовать распространенію зла значило бы благопріятствовать враждѣ противъ Бога и хулѣ на Его творчество и управленіе міромъ. Итакъ надобно противостоять злу, сражаться съ нимъ, побѣждать оное. *Побѣждай злое.*

Но какимъ оружіемъ? Положимъ, что вы рѣшились бы употреблять такое же оружіе, съ какимъ на васъ нападаютъ, и поступать по праву равнаго воздаянія. Обида за обиду, злословіе за злословіе, рана за рану. Будетъ ли симъ образомъ побѣждено зло?—Не думаю. На примѣръ, если воздано раною за рану: то произошло двое раненыхъ вмѣсто одного; слѣдственно зло удвоено, а не прекращено, потому что обиженный, нанеся рану обидчику, не излѣчилъ тѣмъ своей. Обида, воздаянная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣланнаго, но и не останавливаетъ хода зла, или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобы начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, найдется онаго еще болѣе, чтобы отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ должна

произойти цѣпь обидъ; и, поелику каждый воздающій за обиду естественно будетъ стараться сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжелѣ и убійственнѣе предъидущей. Изъ сего можно усмотрѣть, какъ вѣрно разсужденіе Апостола: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете.* (Гал. V. 15). Итакъ побѣждать злое злымъ не надежно, если бы кто и не удержался отъ такого сраженія мыслію, что сіе не позволительно.

Спросятъ, можетъ быть: какъ же наказываютъ убійцу смертію? Какъ же ведутъ войну? Отвѣтствую: иное право частнаго человѣка, иное суда, и еще иное власти верховной. Власть верховная, поелику не имѣетъ надъ собою судіи на земли, по необходимости сама должна судить обиды, наносимыя Государству, и употреблять войну исполнителемъ Государственнаго правосудія: но и сіе, верховная власть, одушевленная достойными своей высоты чувствованіями, дѣ-

лаетъ не для того, чтобы поразить злымъ злое, но чтобы защитить и охранить благое, то есть, безопасность и благо собственнаго ея Государства. Если власть судебная внутри Государства сражается зломъ наказанія противу зла преступленія: и сіе такъ разнится отъ частнаго мщенія, какъ разсудокъ отъ страсти, какъ созиданіе отъ разрушенія. Судъ сражается противъ зла не за себя, но за невинно страждущаго: слѣдственно водится не зломъ мщенія, но благомъ сострадания, человѣколюбія, справедливости; притомъ въ благоустроенномъ Государствѣ судъ только открываетъ виновнаго, а наказываетъ его законъ; но и законъ гражданскій, если онъ изреченъ духомъ Христіанскаго правосудія, не имѣетъ намѣренія мстить за зло, а пресѣкать и предупреждать зло; не имѣетъ намѣренія убивать убійцу, но смертію, или другимъ образомъ, лишать его возможности убійства, и охранять отъ него живущихъ. Въ семъ именно духѣ кроткій законъ Благочестивѣйшихъ Самодержцевъ нашихъ присуж-

даетъ и убійцѣ не смерть, а жизнь, хотя отлученную отъ жизни честныхъ гражданъ, однако же—жизнь и надежду умереть не смертію преступника, а смертію Христіанина. Что касается до людей въ частности; если бы каждый вздумалъ присвоить себѣ тѣ права, по коимъ дѣйствуетъ судъ противъ преступленія, или власть верховная противъ враговъ Государства: то явилось бы почти столько же воюющихъ сторонъ, сколько есть людей, имѣющихъ силу владѣть своими членами. Состояніе человѣчества, которое нашло себѣ достойное мѣсто въ головахъ нѣкоторыхъ умствователей, но котораго,—благодареніе Провидѣнію,—не было и не будетъ, потому что не можетъ быть въ истинномъ бытіи рода человѣческаго!

Итакъ, если побѣждать злымъ злое, частію не позволительно, частію не надежно, даже и при помощи правосудія человѣческаго, которое, при всей бдительности своей, не можетъ поставить довольно щитовъ противу тонкихъ уязвленій злобы и коварства: то Христіан-

ское правило *побѣждать благимъ злое*, оказывается столько же необходимымъ, сколь оно привлекательно своею чистотою и возвышенностію.

Недальновидные могутъ подумать, что въ подвигѣ сего рода скорѣе побѣжденъ будешь, нежели побѣдишь: потому что зло дѣйствуетъ наступательно, а благо, и особенно Христіанское благо, и оборонительнаго противодѣйствованія не любитъ. Напрасно! Мы имѣемъ опытъ сей побѣды, столь великій, столь очевидный, что онъ долженъ ободрять всякую робость, разрѣшить всѣ недоумѣнія, если смотрятъ на оный, какъ должно. Какое огромное зло сражалось противъ первенствующаго Христіанства! То было зло цѣлаго міра. Какъ напротивъ малымъ и немощнымъ казалось благое, заключенное въ Христіанствѣ! *Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и несущая, да сущая упразднитъ* (1. Кор. 1, 27. 28). Какъ же побѣждено

буіимъ премудрое, немощнымъ крѣпкое, ничтожнымъ сущее? — Побѣждено благимъ злое: невѣріе вѣрою, порокъ и развратъ строгою добродѣтелію, гоненіе терпѣніемъ, несправедливость великодушіемъ, любостяжаніе и грабительство нестяжательностію и вольною нищетою, лукавство прямодушіемъ, вражда любовію, сила и ярость мучителей кровію мучениковъ. И всемірное зло язычества исчезло; и благо Христіанства овладѣло міромъ. Неужели ты подумаешь, Христіанинъ, къ оскорбленію Христіанства, будто труднѣе подвизаться нынѣ противу зла, прокравшагося въ міръ Христіанскій, нежели какъ было прежде, противу зла господствовавшаго въ мірѣ языческомъ?

Добрая побѣда не въ томъ состоитъ, чтобы ты сдѣлалъ зло врагу, но чтобы врагъ не могъ сдѣлать истиннаго зла тебѣ. А сего никакой врагъ не сдѣлаетъ, если ты твердо стоишь во благѣ силою вѣры къ Богу и любви къ Богу и человѣкамъ. Посмотрите на человѣка, симъ образомъ сражающагося противу

зла, и вслушайтесь посреди самыхъ опасностей брани въ его военный кликъ: *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія? скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ?*— Видите, нападеніе со многихъ сторонъ; удары сильны. Не палъ бы воинъ Христовъ?—Нѣтъ, восклицаетъ онъ: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбльшаго ны.* И что еще? Онъ увѣряетъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ силы, которая могла бы поколебать побѣждающаго благимъ злое. *Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. VIII. 35—39).

Всѣмъ слышащимъ сіе членамъ воинствующей Церкви желаемъ, не столь труднаго подвига противу зла, но столь же благою силою вѣры и любви, столь же совершенной побѣды и спасенія со славою вѣчною. Аминь.

XXIII.

ПРОВИДѢНІЕ.

Слабому смертному не стыдно сознаться, что въ жизни его встрѣчаются иногда такія происшествія, которыя заставляютъ сомнѣваться даже — въ Божественномъ провидѣніи! Съ ужасомъ иногда мы смотримъ, какъ злоба торжествуетъ, а правда—въ угнѣтеніи! Добрый Христіанинъ, вѣрно исполняющій свою должность, нерѣдко бѣдствуетъ, бываетъ поруганъ, оклеветанъ, преслѣдуемъ; а между тѣмъ безсовѣстный злодѣй—благоденствуетъ!.. И кого изъ насъ самихъ не постигаютъ несчастія, когда все, по видимому, вооружается противъ насъ, когда мы ни на что не смѣемъ положиться съ довѣренностію, не имѣемъ, кажется, ни какой для себя опоры! Тогда намъ представляется, будто мы одни въ мірѣ оставлены себѣ самимъ,

будто нѣтъ для насъ Бога, будто мы обречены въ жертву слѣпому случаю, который безъ всякой цѣли одного возноситъ, другаго низвергаетъ: и вѣра въ премудрое Провидѣніе изнемогаетъ подъ сомнѣніями.

Отъ чего происходитъ сія нетвердость вѣры? Отъ чего это робкое сомнѣніе, какъ бы подозрѣвающее, что Божество отвратило взоръ свой отъ міра? — Отъ того, отвѣтствуетъ разсудительность, что люди по большой части только среди бѣдствій вспоминаютъ о Провидѣніи. Во дни спокойствія, при счастливыхъ обстоятельствахъ рѣдко приходитъ имъ на мысль Божественное міроправленіе; а когда нужда стѣснитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, они возводятъ взоръ свой на небо и съ прискорбіемъ спрашиваютъ: бодрствуетъ ли и надъ нами око Провидѣнія?—Но въ стѣсненномъ положеніи, въ боязливомъ настроеніи духа, человѣкъ всего менѣе способенъ составить себѣ правильное понятіе о премудромъ и благомъ Промыслѣ: ибо сердце его, сильно занятое другими

предметами, не можетъ предаться спокойнымъ и продолжительнымъ размышленіямъ. Онъ думаетъ только о томъ, чего страшится; чувствуетъ лишь то, что его тяготитъ; онъ не можетъ убѣдиться въ высокой мудрости Божескихъ совѣтовъ, а потому колеблется и сомнѣвается. Онъ видитъ лишь ту минуту, которая къ нему близка и для него мучительна, но не видитъ связи цѣлой жизни; изъ дивной цѣпи милліоновъ событій онъ вырываетъ только то, которое именно теперь бременитъ его. Послѣ сего удивительно ли, что онъ, взирая на міроправленіе не съ надлежащей точки зрѣнія, часть принимаетъ за цѣлое, постороннее за главное, и какъ самого себя, такъ и все прочее считаетъ игрою мертвой судьбы, слѣпаго случая! Но если бы мы въ минуты спокойствія, когда духъ бываетъ особенно способенъ къ основательнѣйшему размышленію, прилежнѣе замѣчали дѣйствія незримой десницы Міроправителя въ жизни и судьбѣ человѣческой: то нашъ духъ пріобрѣлъ бы болѣе си-

лы и твердости, и его не могло бы поколебать никакое несчастіе. Ежели бы мы среди мира сердечнаго чаще размышляли о дивныхъ событіяхъ въ собственной нашей жизни, то бы ни одинъ разъ отъ изумленія воскликнули: это перстъ Божій! Мы уразумѣли бы, что страшившія насъ бѣдствія принесли благословенные плоды, радостные для насъ и для другихъ. Мы увѣрились бы, что для насъ не было бы ни настоящаго счастія, ни многихъ другихъ истинныхъ радостей, если бы какое нибудь наше желаніе исполнилось. Мы сознались бы, что то самое, чего нѣкогда сильно желали, къ чему стремились, о чемъ молили со слезами, явно послужило бы къ собственному нашему, или другихъ несчастію. Мы удостовѣрились бы, что какой либо страшный случай, сильно потрясшій нѣкогда жизнь нашу, имѣлъ самое спасительное дѣйствіе на наше сердце и образъ мыслей, что ему мы обязаны многими спокойными и счастливыми часами, и что справедливо говоритъ Апостолъ: *всякое наказаніе въ*

настоящее время кажется не радостію, а печалію; но въ послѣдствіи доставляетъ мірный плодъ праведности тѣмъ, кои посредствомъ онаго научились. Евр. 12, 11.

Для Христіанина, обыкшаго размышлять о всеуправляющемъ Промыслѣ, нѣтъ въ мірѣ ни судьбы, ни случая: въ немъ онъ видитъ премудрое устройство. Посему въ нуждѣ онъ взываетъ къ Богу о помощи, но зная, какъ легко человѣческая недальновидность можетъ ошибаться въ выборѣ благъ земныхъ, онъ ко всѣмъ своимъ молитвамъ присовокупляетъ: «Господи, да будетъ не моя, но твоя воля!» Съ сыновнею довѣренностію полагается на распоряженія премудраго промысла Божія, твердо вѣря, что всѣ они клонятся ко благу человѣка, хотя око смертнаго не всегда можетъ видѣть спасительныя послѣдствія каждаго событія.

Сомнѣніе о Божественномъ провидѣніи раждается еще отъ того, что люди дерзаютъ иногда судить о цѣлой вселенной по одному какому либо проис-

шествію. Неразумный человѣкъ! ты разсуждаешь о устроеніи міра, о ходѣ событій въономъ, и произносишь приговоръ о томъ, какъ было бы лучше, а не можешь сказать, что случится въ наступающее мгновеніе! Ты сомнѣваешься въ провидѣніи, потому что не понимаешь, какую пользу можетъ принесть то или другое бѣдствіе, отъ котораго погибли города или страны? Изъ цѣлой вселенной ты знаешь только пылинку, изъ вѣчности—одно мгновеніе: и ты думаешь вычислить и сообразить, какое должно имѣть вліяніе на цѣлый міръ, на цѣлую страну, на всю твою жизнь то или другое происшествіе, какія слѣдствія оставитъ по себѣ то или другое настоящее событіе?!—И то, что ты называешь несчастіемъ, есть несчастіе лишь въ твоихъ глазахъ: увѣренъ ли ты, что оно было несчастіемъ и для тѣхъ, коихъ постигло? Мы расположены охуждать то, что намъ кажется страшнымъ, и изъ чего не можемъ вывесть никакихъ спасительныхъ послѣдствій, ни для себя самихъ, ни для другихъ: но не все

то, что кажется ужаснымъ для нашего воображенія, дѣйствительно ужасно. Когда землетрясеніе поглощаетъ цвѣтущіе города съ тысячами счастливыхъ жителей; когда потопъ въ волнахъ своихъ погребаетъ мирныя селенія съ ихъ обитателями; когда низвергшійся утесъ подавляетъ нѣсколько хижинъ пастырей: тогда все бѣдствіе ограничивается тѣмъ, что умираютъ нѣсколько лицъ, быстро изчезая изъ среды живыхъ. Но развѣ смерть ужасное несчастіе? Не всѣ ли мы должны рано или поздно ей иодвергнуться? И развѣ бѣда—умереть въ одно время съ тѣми, кои любезны нашему сердцу?—Все то добро, что Богъ творитъ! Хотя мы, по своей недальновидности, не всегда понимаемъ цѣль, для которой Онъ что либо производитъ; ибо мы не можемъ, подобно Ему, обозрѣвать вселенной и вѣчности: однако то несомнѣнно, что Всеблагій не производитъ зла. О! неизслѣдима *бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія! Непостижимы судьбы Его! Ибо кто позналъ умъ*

Господенъ? или кто былъ Ему совѣтникомъ? Рим. 2, 35. 54.

Вообще, болѣе тѣ сомнѣваются въ Божественномъ провидѣніи, кои слишкомъ привязаны къ предметамъ чувственнымъ и земнымъ и не устремляютъ мыслей своихъ въ міръ духовный, къ которому принадлежитъ душа наша. Христіанинъ, воспаряющій мыслію къ духовному и вѣчному, не почтетъ того большимъ бѣдствіемъ, что имѣетъ отношеніе только къ его тѣлу и земнымъ связямъ. Онъ живетъ не для того, что ему дано только на время, чего онъ не можетъ удержать навсегда; а кто не ищетъ высочайшаго своего счастія во прахѣ, для того не составляетъ величайшаго несчастія—утрата праха! Кто, зная высшее свое назначеніе, на настоящую жизнь смотритъ, какъ на несовершенное начало своего бытія, того мужество не поколеблется при всѣхъ буряхъ грозной судьбы, для того и самая смерть не страшна; ибо она составляетъ переходъ къ истинной жизни.

Но, можетъ быть, иной думаетъ самъ

въ себѣ: «Богъ слишкомъ высокъ: будетъ ли Онъ заботиться о маловажныхъ приключеніяхъ, пещись о благосостояніи или несчастіи каждаго незначительнаго творенія?»—Подлинно, Богъ высокъ; однакожъ ты его твореніе! Богъ высокъ, а ты, малодушный, унижаешь Его до ограниченности смертнаго, который не можетъ всего видѣть, всего сдѣлать! — Помысли: Богъ, который управляетъ всѣмъ сонмомъ звѣздъ, и по мановенію коего онѣ вращаются; Богъ, который малѣйшую песчинку невидимыми узами связуетъ съ землымъ шаромъ, дабы она не отторглась отъ него; Богъ, который заботится о жизни малѣйшаго червячка, — забудетъ ли человѣка, который одинъ изъ всѣхъ тварей отличенъ способностью познавать и любить Его? Нѣтъ, если Богъ всесовершенъ; то и всевѣдѣніе Его и милосердіе и премудрость и любовь всесовершенны. Безъ воли Отца небеснаго, говоритъ І. Христосъ, и воробей не падаетъ на землю (Мат. 10, 19). *Если полевую траву, которая сего дня растетъ, а завтра брошена будетъ*

въ печь, Богъ такъ одѣваетъ: то кольми паче васъ, маловѣры (Мат. 6, 30)?

Такъ, непостижимое, но премудрое и всеблагое Провидѣніе бодрствуетъ надъ нами! Сему научаетъ опытъ; въ этомъ увѣряетъ каждый взглядъ на происшествія жизни. Въ судьбахъ міра Господь взываетъ къ намъ: *уразумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псал. 45, 11). Что сокрушила мышца Господня, того не могли возстановить вѣковыя усилія народовъ. Всему положенъ предѣлъ; самаго сильнаго укрощаетъ въ его предпріятіи невидимая рука. Что выдумывалъ человѣкъ, то иногда оставалось безъ исполненія, а чего никто не предполагалъ, то совершилось: ибо кто могъ положить преграду исполненію совѣтовъ Всесильнаго? — Владыки земли собирали ужаснѣйшія войска; но дхнулъ Вседержитель—и это было дыханіе смерти; поля покрылись трупами и оружіемъ; слабый дѣлался сильнымъ, а мощный безсильнымъ: ибо такъ было Богу угодно. Незначительное обстоятельство дѣлало иногда исполинскіе замыслы тщетными; ис-

кусство и мужество—безполезными: храбрѣйшій изъ героевъ падалъ отъ мимолетнаго ядра, и кто тысячамъ угрожалъ смертію, самъ бездыханенъ лежалъ во прахѣ.—*Уразумѣйте*, говоритъ Господь, *яко Азъ есмь Богъ*. Уразумѣйте, что Богъ всѣмъ управляетъ! Онъ указуетъ путь огромнымъ солнцамъ и легкокрылому мотыльку; Онъ на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ взвѣшиваетъ дѣла Владыки и нищаго; Онъ съ одинаковою мудростію опредѣляетъ судьбу цѣлыхъ частей свѣта и малѣйшаго, всѣми забытаго, семейства; безъ воли Его не бываетъ ничего. Если невинно осужденный получаетъ неожиданно средства къ своему оправданію; если честный человѣкъ, жертва клеветы коварныхъ душъ, несетъ всю тяжесть подозрѣній, не имѣя способовъ оправдаться предъ свѣтомъ,—и вдругъ какое нибудь обстоятельство является на его защиту, и открываетъ какъ его честность, такъ и злобу презрѣнныхъ его враговъ: то не называйте это случаемъ—это дѣло Божіе! Если счастливый грѣшникъ спокойно коснѣлъ въ

грѣхахъ; если кто нибудь лихоимствомъ, пронырствомъ, утѣсненіемъ вдовъ, обманомъ добродушныхъ, утайкою чужой собственности безнаказанно наживалъ себѣ имѣніе; если тайно строилъ козни, чтобы привесть въ подозрѣніе честнаго человѣка, котораго онъ явно уважалъ; если онъ заочно предательствовалъ тому, котораго лично хвалилъ, ежели за глаза порицалъ того, которому въ глаза льстилъ,—и одного часа, одной минуты достаточно было, чтобъ обнаружить все содѣянное втайнѣ; если сквозь едва замѣтную скважину лучь свѣта проникалъ въ гнѣздилище пороковъ и открывалъ черныя злодѣянія: то не называй это случаемъ — это дѣло Провидѣнія! Если иногда одно слово, безъ намѣренія сказанное, или простосердечное лепетанье дитяти, или горсть свѣжей земли, или не стертая капля крови, или блѣдность лица, по истеченіи нѣсколькихъ дней или даже лѣтъ предавали въ руки правосудія виновниковъ убійства, тайныхъ губителей: то не называй это случаемъ— это дѣло Божіе! — Не радуйся, тайный

преступникъ; наступитъ и для тебя день судный. Если бы ты горами подавилъ свидѣтелей своего преступленія, если бы только мрачная ночь, нѣмыя стѣны и лѣса зрѣли твое злодѣяніе: и тогда не утаилась бы правда. Скалы разсядутся, горы развѣются, какъ прахъ, и обнажатъ сокровенное; каменныя стѣны будутъ обвинять тебя; листья деревъ возшумятъ во свидѣтельство твоего преступленія. — Нѣтъ, не ищите слѣпаго случая въ дѣлахъ человѣческихъ: ибо нѣтъ его въ мірѣ. Всѣмъ управляетъ Мудрость. Она ведетъ все не по путямъ случая, но по вѣчнымъ законамъ блага, ко благу. Пусть люди, съ своими страстями, враждуютъ между собою; пусть заблужденіе, поддерживаемое остроуміемъ, или силою человѣческою, долгое время возсѣдаетъ на престолѣ истины; пусть дикія желанія нашихъ душъ борятся одно съ другимъ: ты, Христіанинъ, не малодушествуй! Всѣмъ управляетъ Богъ.

Научись уразумѣвать пути промысла Божія во всѣхъ твоихъ не исполнив-

шихся желаніяхъ, и во всѣхъ сбывшихся надеждахъ. И въ тѣхъ и въ другихъ дѣйствовала любовь; все было устроено къ твоему благу. И тогда, какъ сердце твое почти обливается кровію, на примѣръ, при смертномъ одрѣ супруга, отца, матери, сына или дочери; когда ты со слезами воздѣваешь руки къ небу и вопрошаешь: «за что поражаетъ меня десница Всемогущаго?» и однакожь лишаешься того, что было для тебя всего любезнѣе и дороже въ сей жизни; даже и тогда дѣйствовала любовь Божія къ умершему, и къ тебѣ, хотя твое сердце не предощущало того блага, которое сей горестный случай готовилъ тебѣ въ будущности. Посему, преданный Богу Христіанинъ съ веселіемъ взираетъ на будущее: ибо что ни произвелъ бы Богъ, тишину или бурю, для него все равно—Богъ дѣйствуетъ! И когда надъ нимъ раздаются громы, онъ спокоенъ: это гласъ Господа: *уразумѣйте, яко Азъ есмь Богъ!*

Если же Богъ управляетъ всѣмъ: то мы всѣ отъ Него зависимъ; то мы безъ

Него ничто, и все получаемъ отъ Его благости. А человѣкъ гордится своимъ имуществомъ, какъ будто онъ пріобрѣлъ его только своими трудами, своимъ искуствомъ! Надмевается уваженіемъ, оказываемымъ ему отъ собратій, какъ будто оно плодъ его заслугъ! Съ самодовольною улыбкою исчисляетъ счастливыя событія въ своей жизни, какъ будто они дѣло его соображеній! Ахъ, какъ мало нужно для того, чтобы уничтожить его со всѣмъ его величіемъ! Одинъ годъ, одинъ часъ, мгновеніе безъ Божіяго благословенія, — и потокъ непредвидѣннаго бѣдствія потопляетъ его гордость, и человѣческое высокомѣріе превращается въ малодушное отчаяніе.

Но Христіанинъ не знаетъ отчаянія. Увѣренность, что я во всѣмъ завишу отъ Бога, не тяготитъ, но утѣшаетъ меня. Ибо за чѣмъ мнѣ малодушествовать, когда дѣла идутъ не по моему желанію? За чѣмъ мнѣ отчаяваться въ трудныхъ обстоятельствахъ? Развѣ не Богъ всѣмъ управляетъ? Развѣ Онъ не Отецъ мой? Для чего мнѣ трепетать

предъ человѣческою силою, страшиться козней враговъ?—Развѣ не зависятъ они отъ Бога? Развѣ могутъ они безъ Его попущенія коснуться—волоска на головѣ моей? Не Онъ ли управляетъ сердцами сильныхъ и слабыхъ? О нѣтъ, не отчаявайся, душа моя, и тогда, какъ меркнетъ даже послѣдняя звѣзда надежды; когда со всѣхъ сторонъ окружаютъ тебя скорби; когда люди удаляются отъ тебя, не оставляя тебѣ ни совѣта, ни утѣшенія. Надъ тобою бодрствуетъ Тотъ, Кто тебя сотворилъ; Кто тебя сохранялъ до сего дня; Кто и о тебѣ заботится съ тою же вѣчною благостію, которая питаетъ птицъ небесныхъ и украшаетъ цвѣты полевые; Кто уже нѣсколько разъ доставлялъ тебѣ самыя чистыя радости; Кто не посылалъ тебѣ ни одной печали, которая не имѣла бы благодѣтельныхъ для тебя послѣдствій! О, будь спокойна, душа моя; надъ тобою бодрствуетъ око всеблагаго Провидѣнія!

XXIV.

О ПРИМИРЕНІИ БОГА СЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ ЧРЕЗЪ ХОДАТАЙСТВО ІИСУСА ХРИСТА.

Богъ, прежде всѣхъ вѣковъ родившій Слово, какъ совершенный образъ своего существа, благоволилъ разлить и внѣ Себя богатство Своей благости; посему воззвалъ изъ ничтожества міръ, и сотворивъ человѣка по образу Своему, поставилъ его Царемъ и Священникомъ всей природы, дабы онъ въ семъ качествѣ приносилъ Божеству достойную дань поклоненія и любви.—Богъ даровалъ человѣку душу разумную, праведную и безсмертную, — такую душу, которая была просвѣщаема Его мудростію и руководствуема Его правдою,—что составляетъ истинную жизнь души человѣческой. Такимъ образомъ человѣкъ, поставленный въ зависимости отъ свое-

го Творца, и въ сей зависимости господствуя надъ тварями, какъ ихъ представитель, могъ наслаждаться истинною жизнію и блаженствомъ; и сіе блаженство его, не прерываемое смертію, должно было заключиться тѣснымъ единеніемъ съ Богомъ, въ нѣдро Котораго, какъ въ центръ свой, онъ долженствовалъ погрузиться по совершеніи своего земнаго поприща. Но гордость и преслушаніе человѣка вскорѣ нарушили весь распорядокъ, первоначально устроенный между тварями десницею Божіею. Удалившись отъ верховнаго блага, человѣкъ повергъ себя въ крайнее бѣдствіе, — и правосудный Господь могъ бы оставить преступника со всѣмъ его грѣшнымъ потомствомъ въ томъ несчастномъ состояніи, которому онъ добровольно подвергся; но милосердіе Божіе препобѣдило Его правосудіе, и остановило громы онаго. Господь благоволилъ помочь виновному, и исправить безпорядокъ, причиненный грѣхомъ. Для совершенія сего великаго дѣла любви Своей, Онъ всю полноту Божества своего открылъ намъ

тѣлеснѣ, такъ что Его могущество, Его премудрость, Его правосудіе, Его милосердіе,—всѣ Его совершенства никогда, можетъ быть, не открылись бы въ такомъ ясномъ свѣтѣ, если бы человѣкъ всегда оставался въ первобытномъ святомъ состояніи. При чемъ нельзя не согласиться съ бл. Августиномъ въ той истинѣ, что Богъ, Коего могущество безпредѣльно, Коего свобода не стѣсняется никакою силою, могъ оказать свою помощь человѣку, погибавшему отъ грѣха, вовсе иными способомъ, нежели какой угодно было Ему употребить (*). Но поелику Онъ одинъ только знаетъ всю обширность Своего могущества, безконечно превышающаго мѣру разумѣнія человѣческаго: то былобъ безполезно и даже невозможно испытывать намъ, какія Онъ могъ употребить средства для возстановленія нашего. Изъ всѣхъ средствъ, состоявшихъ въ Его власти, Онъ предпочелъ избрать одно, намъ извѣстное; а это уже показываетъ, что сіе средство совершенно соотвѣтствуетъ славѣ Божі-

(*) De Trin. lib. 13.

ей и потребностямъ человѣковъ, поелику верховная премудрость всегда избираетъ такія средства къ исполненію своихъ намѣреній, которыя вѣрно и прямо ведутъ къ цѣли, ею предположенной. Итакъ мы должны только благоговѣть предъ Богомъ, избравшимъ то, а не другое средство къ нашему спасенію; но чтобы сильнѣе возбудить въ себѣ благодарность къ Нему, позволительно и полезно будетъ вникнуть, сколько то для насъ возможно, въ причины такого выбора. Размышляя, на основаніи Св. Писанія, о паденіи человѣка и грѣшномъ его состояніи, мы усматриваемъ, что для совершеннаго нашего возстановленія необходимы были слѣдующія условія:

1. Нужно, чтобы разстройство, причиненное грѣхомъ, такъ было исправлено и вознаграждено, какъ требовала сего великость того оскорбленія, какое человѣкъ учинилъ Богу своею гордостію и возмущеніемъ противъ Его верховнаго величія. Ибо, если бы мы захотѣли составить понятіе о всемогуществѣ Бо-

жіемъ, независимо отъ прочихъ Его совершенствъ, и на томъ предположеніи, что Онъ можетъ простить грѣхъ по одному своему милосердію, безъ всякаго удовлетворенія за оный, безъ всякаго возстановленія порядка, разстроеннаго имъ въ природѣ: то сіе понятіе несообразно было бъ съ существомъ Божіимъ, безпредѣльнымъ во всѣхъ своихъ совершенствахъ. Богъ неизмѣненъ въ своей сущности, Его опредѣленія непреложны; и когда Его правосудіе не вполнѣ удовлетворено: то суды, Имъ произнесенные, остаются и должны вѣчно оставаться во всей своей силѣ неизмѣнными. Онъ можетъ дѣйствовать не иначе, какъ Богъ, а слѣд. правосудно, премудро, словомъ, согласно со всѣми своими совершенствами. Посему при нашемъ искупленіи необходимо надлежало представить Богу нѣчто такое, что было бы достойно Его неизмѣняемости, Его правосудія, и служило бы праведнымъ возмездіемъ за оскорбленіе, дабы Онъ, не нарушая своего правосудія, благоволилъ уничтожить то проклятіе, ко-

торое долженствовало вѣчно тяготѣть на преступномъ родѣ человѣческомъ, и дѣйствительно тяготѣло бы вѣчно, безъ посредства всемогущаго Ходатая.

2. Нужно, чтобы удовлетвореніе сдѣлано было всѣми людьми, или хотя однимъ человѣкомъ, но отъ лица всѣхъ; поелику весь родъ человѣческій былъ виновенъ.

3. Нужно, чтобы тотъ, кто пріемлетъ на себя обязанность представить оное удовлетвореніе Богу, былъ въ состояніи смирить себя: ибо за гордость и за возмущеніе человѣка противъ своего Творца нельзя удовлетворить безъ смиренія и уничиженія.

4. Тотъ, кто пріемлетъ на себя должность примирителя человѣковъ съ Богомъ, долженъ быть святъ, и ни въ чемъ не виновенъ предъ Его правосудіемъ: ибо, если бы онъ оказался виновнымъ въ какой либо неправдѣ: то самъ имѣлъ бы нужду въ посредникѣ; а слѣд. не могъ ходатайствовать за другихъ грѣшниковъ.

5. Святость не только необходима въ посредникѣ, но и должна быть столь ве-

лика, чтобы могла уничтожить и, такъ сказать, поглотить всѣ грѣхи человѣческіе. Для сего она должна быть такова, чтобы могла сообщить безконечную цѣну дѣйствіямъ человѣческимъ, которыя сами по себѣ не могутъ вознаградить за оскорбленія, безконечныя по ихъ количеству и важности.

6. Нужно, чтобы сей посредникъ былъ въ состояніи вѣрно и непогрѣшительно сообщить людямъ познаніе истины и всѣхъ ихъ обязанностей, и вмѣстѣ представить имъ совершенный образецъ того, что они должны дѣлать для своего обращенія къ Богу, и благоугожденія Ему.

7. Наконецъ, нужно, чтобы примиритель Бога и человѣковъ могъ не только просвѣтить умы ихъ вѣрнымъ познаніемъ истины, но и заставить ихъ любить и на самомъ дѣлѣ осуществлять оную. То есть, его могущество должно быть столь велико, чтобы онъ могъ измѣнить сердечныя наклонности людей, содѣлать ихъ новыми тварями, водворить въ нихъ любовь и всѣ добродѣтели, заставить

ихъ любить истинное благо, утвердить ихъ въономъ, вопреки ихъ слабости и растлѣнію. Это условіе необходимо, чтобы примиритель человѣковъ съ Богомъ, по всей справедливости, могъ быть единственнымъ виновникомъ ихъ оправданія и блаженства, единственною опорою ихъ надежды. Въ слѣдствіе сего нужно, чтобы онъ самъ обладалъ источникомъ правды и любви, располагалъ оными съ полною свободою, имѣлъ верховную власть надъ умомъ и волею людей, и непосредственнымъ дѣйствіемъ своимъ производилъ въ нихъ добро, не уничтожая впрочемъ собственной ихъ дѣятельности и нравственной свободы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы просто уничтожить и простить грѣхи, но образовать людей, истинно праведныхъ, и, не смотря на подавляющую ихъ естественную немощь, заставить постоянно возрастать въ святости, въ духовной, истинной праведности. Но сіе великое дѣло можетъ совершить только Тотъ, Кто въ самомъ себѣ заключаетъ источникъ праведности и свято-

сти, Кто съ полною властію можетъ располагать сердцемъ человѣческимъ.— Однимъ словомъ, нужно, чтобы тотъ, кто пріемлетъ на себя великое дѣло примиренія и спасенія человѣковъ, былъ въ состояніи не только уничтожить всѣ преграды, воздвигнутыя грѣхомъ между Богомъ и грѣшниками, но еще приблизить Бога къ человѣку, преклонить Его къ милосердію, содѣлавъ человѣка достойнымъ Его любви, соединить тѣснѣйшими узами два столь противоположныя предмета—пресвятаго Бога и человѣка грѣшнаго, а такимъ образомъ ввести сего послѣдняго въ обладаніе тѣмъ блаженствомъ, коего онъ лишилъ себя грѣхомъ.

Вотъ тѣ существенныя качества, которыя долженъ имѣть посредникъ между Богомъ и человѣками! Вотъ условія, съ которыми соединено наше искупленіе!

Но въ комъ можно обрѣсти совокупность всѣхъ вышеозначенныхъ качествъ? въ Ангелѣ, или въ человѣкѣ? Напрасно стали бы искать оныхъ въ томъ или

другомъ изъ сихъ существъ. Ибо Ангелы, хотя облечены святостію, однакожъ имѣютъ природу слишкомъ ограниченную и слишкомъ отличную отъ человѣческой, а посему не могутъ быть источникомъ святости и доставить человѣкамъ миръ съ Богомъ. Съ другой стороны, поелику всѣ потомки Адама виновны въ преступленіи своего прародителя: то никто изъ нихъ не можетъ ходатайствовать за своихъ грѣшныхъ братій, ибо самъ состоитъ подъ однимъ и тѣмъ же осужденіемъ. Итакъ очевидно, что помянутыя качества, столь необходимыя для примирителя человѣковъ съ Богомъ, въ полной совокупности могутъ быть только въ такомъ разумномъ существѣ, которое облечено природою Божественною и вмѣстѣ человѣческою. Ни та ни другая отдѣльно не можетъ доставить средствъ къ полному примиренію насъ съ Богомъ. Что касается до природы человѣческой: то ея безсиліе въ семъ отношеніи не требуетъ доказательствъ. Но и природа Божественная при своей безпредѣльной возвышенно-

сти, полагающей неизмѣримое разстояніе между Богомъ и человѣкомъ, сама по себѣ не можетъ служить, такъ сказать, точкою возсоединенія прерваннаго между ними союза, не можетъ также безъ участія человѣческой доставить себѣ удовлетвореніе за тѣ оскорбленія, какія учинила ей сія послѣдняя. Только соединеніе двухъ природъ въ одномъ лицѣ можетъ совершенно уничтожить всѣ означенныя препятствія къ нашему искупленію; только тотъ можетъ быть истиннымъ посредникомъ между Богомъ и человѣками кто есть вмѣстѣ Богъ и человѣкъ; ибо такой посредникъ съ одной стороны достоинъ Бога, а съ другой можетъ удовлетворить всѣмъ нашимъ потребностямъ, можетъ служить для насъ точкою соединенія съ Богомъ, подпорою нашей слабости и силенъ доставить вознагражденіе, соразмѣрное нашимъ грѣхамъ.

Но бренный и слабый человѣкъ никакъ не можетъ соединить въ себѣ столь отдаленныхъ крайностей, каковы: природа Божественная и природа человѣ-

ческая, верховное величіе и крайнее униженіе.—Онъ не можетъ быть Богомъ. Посему для нашего искупленія надлежало Богу содѣлаться человѣкомъ.—Богъ во плоти!.. не есть ли это ученіе самое непостижимое для ума, и, повидимому, самое невозможное? Даже въ томъ случаѣ, если бы всемогущество Божіе заставило умолкнуть всѣ умствованія, которыя нашъ слабый разумъ противополагаетъ соединенію Божества съ человѣчествомъ, не будучи въ состояніи объяснить онаго,— вѣроятно ли, что Богъ, верховный Владыка, разгнѣванный противъ своей возмутившейся твари,— пожелаетъ уничижиться до такой степени, что содѣлаетъ Себя служителемъ—ходатаемъ ея примиренія съ Самимъ Собою, и для сего приметъ на себя ея рабскій зракъ? Доказывать, что сіе примиреніе не иначе можетъ совершиться, какъ только подъ симъ условіемъ, не значитъ ли, по видимому, доказывать невозможность онаго?—Но, что представляется невозможнымъ для ума человѣческаго, то можетъ быть удобнымъ для могущества Божія,

для Его любви къ намъ. Всевышній, по непостижимому своему милосердію, не имѣющему другаго источника, ни другихъ предѣловъ, кромѣ Его собственной благости, благоволилъ избрать Своего Сына, вѣчное Слово, Бога, во всѣхъ отношеніяхъ равнаго Отцу, совершителемъ великаго дѣла нашего искупленія. Богъ ничѣмъ столько не могъ явить любви своей къ человѣкамъ, какъ пожертвовавъ имъ тѣмъ, что для Отца есть самое величайшее и драгоцѣннѣйшее. Хотя люди, по своей гордости и неблагодарности, совершенно недостойны милости Божіей; однакожъ сіи несчастные столь достойны сожалѣнія и любезны въ очахъ Господа, что Онъ не хотѣлъ оставить ихъ въ томъ плачевномъ состояніи, которому они подверглись, но благоволилъ, для ихъ примиренія съ Собою, пожертвовать даже своимъ возлюбленнымъ Сыномъ. *Тако возлюби Богъ міръ*, говоритъ Самъ Искупитель, *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан.

3, 16). *О семъ есть любы,* присовокупляетъ возлюбленный ученикъ, *не яко мы возлюбихомъ Бога, но яко той возлюби насъ, и посла Сына Своего очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ* (1 Іоан. 4, 10).— Предначертаніе благости Божіей примирить насъ съ Собою посредствомъ Сына Своего совершенно согласовалось и съ законами Его премудрости и единствомъ Его дѣйствій. Надлежало, чтобы возстановителемъ порядка въ мірѣ былъ Тотъ, Кто сотворилъ и устроилъ все въ совершенной гармоніи; чтобы образъ Божій, изглаженный въ человѣкѣ грѣхомъ, возобновилъ Тотъ, Кто, будучи совершеннѣйшимъ Образомъ существа Божія, начерталъ подобіе Свое въ сердцѣ человѣка при самомъ сотвореніи его. Для сего, и для выполненія необходимыхъ условій къ нашему примиренію съ Богомъ, Премудрость Божія обрѣтаетъ непостижимое средство соединить вещи, самыя противоположныя. Вѣчное Слово, движимое тою же любовію къ человѣкамъ, участвуетъ въ тѣхъ же планахъ любви, какіе имѣетъ Его Отецъ.

Оно предпріемлетъ соединить силою Духа Святаго собственную Божественную природу съ душею и тѣломъ человѣческими въ утробѣ Дѣвы, происшедшей отъ племени Адамова, такъ что въ семъ чудномъ соединеніи Богъ содѣлался истиннымъ человѣкомъ, и человѣкъ содѣлался истиннымъ Богомъ.—Чрезъ сіе-то неизглаголанное средство Сынъ Божій, будучи по своей Божественной природѣ Богомъ, а по природѣ человѣческой—человѣкомъ, могъ служить союзомъ между Богомъ и человѣками, и совершенно выполнить должность ихъ Примирителя.

1. Онъ, яко человѣкъ и потомокъ Адама, имѣлъ одну природу съ грѣшниками, коихъ надлежало Ему примирить съ Богомъ; а посему имѣлъ возможность страдать за нихъ, и смиряться отъ ихъ лица и въ ихъ образѣ.

2. Онъ, яко Богъ, могъ сообщить безконечную цѣну и важность Своимъ страданіямъ по человѣчеству, и посредствомъ ихъ удовлетворить Богу соразмѣрно съ тѣмъ оскорбленіемъ, какое нанесено Его

величію, и съ тяжестію грѣховъ человѣческихъ.

3. По той и по другой природѣ Онъ былъ безконечно святъ и пріятенъ Богу, яко возлюбленный Сынъ Его, непричастный никакому грѣховному поврежденію, а слѣд. имѣлъ безконечную силу возстановить миръ человѣковъ съ Богомъ, и уничтожить ихъ неправды преизбыткомъ той святости, которую Онъ имѣлъ въ Самомъ Себѣ, и которую благоволилъ сообщить людямъ.

4. По человѣческой природѣ Онъ былъ въ состояніи имѣть ближайшее общеніе съ человѣками, привлекать ихъ къ Себѣ видимыми знаменіями Своей благости, Своимъ ученіемъ и примѣромъ; могъ озарять ихъ умы чистымъ свѣтомъ истины и согрѣвать сердца святымъ пламенемъ любви столько, сколько то совмѣстно съ ихъ слабостію.

5. По своей Божественной природѣ Онъ можетъ являть Свое всемогущество надъ ихъ сердцами, измѣняя ихъ наклонности и расположенія, привлекая ихъ къ любви и постоянному исполненію

закона изліяніемъ Своей собственной любви, и тѣмъ внутреннимъ, благодатнымъ просвѣщеніемъ, которое покоряетъ Ему всѣ сердца.

6. Такимъ образомъ Онъ поставленъ Главою человѣковъ, и въ семъ качествѣ можетъ вступать съ ними въ святое общеніе, коего всѣ плоды принадлежатъ имъ; можетъ принимать на себя ихъ грѣхи, и заглаждать оные посредствомъ своего величайшаго за нихъ удовлетворенія; можетъ вмѣсто неправдъ обогащать ихъ святостію, полнотою коей Самъ обладаетъ. Его святость и правда усвоены, — Его заслуги принадлежатъ всѣмъ тѣмъ, коихъ Богу—Отцу угодно соединить съ сею Божественною Главою, въ качествѣ Ея членовъ, и одушевить Своимъ Духомъ. — Сіи избранные омываются и очищаются кровію Сына Божія, соединяются въ одно тѣло, какъ Его члены, получаютъ Духа жизни, дѣлаются плодотворными въ добрыхъ дѣлахъ, и наконецъ преобразуются въ Его подобіе. Однимъ словомъ, по причинѣ тѣснаго соединенія Божественной при-

роды съ человѣческою во Іисусѣ Христѣ, они дѣлаются, такъ сказать, частію того возлюбленнаго Сына, на Которомъ почиваетъ все благоволеніе Отца, и Который дѣлаетъ ихъ участниками того славнаго и вѣчнаго наслѣдія, которое принадлежитъ Ему по праву Его Божественной природы (1 Кор. 12, 27. Рим. 8, 17).

Вотъ то дѣйствительное и неисповѣдимое средство, которое Господь, по своей благости, избралъ для примиренія съ Собою человѣковъ и для возвращенія имъ тѣхъ правъ, которыхъ лишилъ ихъ грѣхъ! Вотъ планъ великаго дѣла искупленія, совершеннаго милосердіемъ, могуществомъ и премудростію Господа, чрезъ таинство воплощенія Іисуса Христа, Единороднаго Сына Божія.—Сверхъ сего, поелику завѣтъ Бога съ человѣками, по ученію Ап. Павла, всегда сопряженъ бываетъ съ Священствомъ (Евр. 7, 11. 12); то Богу угодно было, чтобы Посредникъ, Котораго Онъ опредѣлилъ даровать намъ, былъ и Священникомъ, и въ семъ качествѣ совершилъ дѣло примиренія человѣковъ. Это

внушаетъ намъ Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ, относя къ Іисусу Христу слѣдующія слова Пророка: *клятся Господь и не раскается: ты Іерей во вѣкъ, по чину Мельхиседекову* (Псал. 109, 4). Всякая молитва, всякое ходатайство сего безконечно великаго Священника, долженствовали достаточнѣйшимъ образомъ удовлетворять правосудію Божію за грѣхи рода человѣческаго; поелику, будучи дѣйтвіемъ Божественнаго Слова, облекшагося плотію, онѣ заключали въ себѣ безконечную силу. Но Богъ, Коего совѣты превышаютъ всѣ наши помышленія, благоволилъ, чтобы сей Ходатай — Первосвященникъ совершилъ дѣло нашего примиренія принесеніемъ дѣйствительнѣйшаго удовлетворенія, именно жертвоприношеніемъ. — Далѣе, дабы жертва, посредствомъ которой должно было совершиться сіе великое дѣло, вполнѣ соотвѣтствовала 1) достоинству Священника, который долженствовалъ быть служителемъ оной, 2) величію Бога, Которому она долженствовала быть принесена, и 3) тѣмъ безцѣннымъ дѣйстіямъ,

которыя она долженствовала произвести:—для сего жертвенная плоть, предназначенная къ закланію долженствовала быть плотію самою чистотою и безъ всякаго порока, каковую и принялъ отъ насъ Іисусъ Христосъ, нашъ верховный Священникъ. Сія величественная жертва уготована и совершена посредствомъ Его рожденія, уничиженія, смерти, воскресенія, вознесенія.

Такимъ-то образомъ Богъ, по Своему милосердію, даровалъ намъ въ Іисусѣ Христѣ Ходатая, совершенно соотвѣтствующаго всѣмъ нашимъ потребностямъ; Спасителя всемогущаго; жертвоприношеніе и самую жертву безконечной цѣны; Первосвященника, безконечно превышающаго грѣшниковъ Своею святостію, и въ тоже время снисходящаго къ нимъ нѣжною, исполненною сострадація любовію; наконецъ Главу, коей правда и повиновеніе, по ученію Ап. Павла, могутъ сообщать членамъ оной болѣе оправданія и возрастанія въ духовной жизни, нежели сколько неправда и преслушаніе Адама, нашего праро-

дителя, имѣли силы привлекать насъ ко грѣху и смерти (Рим. 5, 15—17).

Ничто столько не открываетъ намъ удивительной, глубины премудрости Божіей въ избраніи жертвоприношенія Іисусъ—Христова для искупленія человѣковъ, какъ размышленіе о той точности, съ какою все дѣло нашего возстановленія приведено было, по Божественному плану, къ совершенному единству—существенному характеру дѣлъ Божественной премудрости. Обозрѣвая удивительную цѣпь событій, сопровождавшихъ наше искупленіе, мы 1) въ лицѣ Іисуса Христа, по отношенію къ Божественной природѣ, видимъ, что Тотъ, Кому приносится жертва, во всѣхъ отношеніяхъ есть одинъ и тотъ же съ приносимою жертвою и съ Тѣмъ, Кто онную приноситъ. 2) Обращая вниманіе на Его природу человѣческую, находимъ, что Приносящій жертву, есть одно и тоже съ самою жертвою, и съ тѣми, за которыхъ онную приноситъ. 3) Изслѣдывая тѣ дѣйствія, которыя произвела жертва, принесенная за насъ Іисусомъ Хри-

стомъ, мы усматриваемъ, что нашъ Спаситель соединяетъ насъ съ Богомъ, примиряя съ Нимъ; соединяетъ насъ между собою, изливая любовь, въ сердца наши; наконецъ соединяетъ насъ съ Самимъ Собою, дѣлая насъ членами своего таинственнаго тѣла, т. е. Церкви своей, которую Онъ для того установилъ на землѣ, дабы мы всѣ, при взаимномъ дѣйствіи каждаго члена, получали приращеніе въ любви, приходили въ единство вѣры и познанія Сына Божія, и наконецъ достигли совершеннаго единенія съ Нимъ въ лонѣ Отца Небеснаго (Еф. 4, 12 — 16. Іоан. 17, 21). Вотъ то удивительное единство, къ которому все направила премудрость Божія посредствомъ жертвоприношенія Іисусъ—Христова.!

Все, сказанное нами о намѣреніи Божіемъ касательно искупленія человѣковъ, которое совершилъ Онъ посредствомъ жертвоприношенія и ходатайства Іисусъ—Христова, заключается въ слѣдующихъ превосходныхъ словахъ Бл. Ав-

густина: «Истинная жертва достойно мо-«жетъ быть принесена только святымъ «и праведнымъ Священникомъ. Прино-«симое въ жертву должно быть заим-«ствовано изъ среды тѣхъ, за которыхъ «приносится; притомъ должно быть безъ «порока, дабы могло служить очищені-«емъ для порочныхъ. Но есть ли Свя-«щенникъ, столь святый и праведный, «какъ Единородный Сынъ Божій? Мо-«жетъ ли кто, кромѣ Его, не имѣть нуж-«ды въ жертвоприношеніи для очище-«нія грѣховъ своихъ, какъ первороднаго, «такъ и тѣхъ, которые присоединяются «къ нему въ продолженіи жизни? И что «приличнѣе было заимствовать у чело-«вѣковъ для жертвоприношенія за нихъ, «какъ не самое тѣло человѣческое? Что «въ семъ случаѣ столь способно къ за-«кланію, какъ не тѣло смертное? Также, «можно ли найти что либо столь чистое «для очищенія грѣховъ человѣческихъ, «какъ не тѣло рожденное въ утробѣ— «въ утробѣ Дѣвы, безъ всякой примѣси «похотѣнія плотскаго? И могло ли что «нибудь принесено и принято быть съ

«такимъ благосердіемъ, какъ плоть на«шей Жертвы, т. е. самое тѣло нашего «Первосвященника? Это нужно было «для того, чтобы нашъ единственный и «истинный Ходатай, имѣвшій примиерить насъ съ Богомъ посредствомъ жерт«вы, былъ едино съ Тѣмъ, Кому она «приносилась,—соединялъ въ себѣ тѣхъ, «за кого приносилась,—и наконецъ былъ «вмѣстѣ жрецомъ и жертвою; ибо во «всякомъ жертвоприношеніи усматрива«ются четыре предмета: Тотъ, Кому при«носится жертва, приносящій ее; самая «жертва, и тѣ лица, за коихъ она при«носится (*).

(*) De Trin lib. IV.

XXV.

ЖЕЛАЕШЬ ЛИ ИМѢТЬ ДРУГА?

Желаешь ли имѣть друга, столь сильнаго, чтобы онъ могъ быть твоимъ покровителемъ, столь богатаго, чтобъ могъ тебѣ помогать въ нуждѣ, столь добраго, чтобъ расположенъ былъ непрестанно тобою заниматься, столь мудраго, чтобъ могъ давать тебѣ благоразумные совѣты? Желаешь ли имѣть друга, который бы привερженъ былъ къ тебѣ болѣе, нежели братъ твой, такого друга, съ которымъ бы ты могъ бесѣдовать во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, во всякихъ обстоятельствахъ; друга, которому могъ бы ты открывать все свое сердце, который бы достоинъ былъ всей твоей любви, могъ удовлетворять твоему желанію счастія, поддержать тебя въ несчастіи, сопутствовать тебѣ въ юдоли смерти? Желаешь ли имѣть друга, ко-

тораго власть простиралась бы и по ту сторону гроба, который могъ бы спасти тебя отъ огня преисподней и усыновить Богу?—Желаешь ли имѣть такого друга?

Если желаешь, то я знаю одного, который въ состояніи сдѣлать для тебя несравненно больше всего этого—Его имя Іисусъ: вотъ истинный другъ! (Іоан. 15, 14).

Онъ силенъ, и можетъ быть твоимъ Покровителемъ: ибо Онъ Сынъ Бога живаго, *Ему дана всякая власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18).

Онъ богатъ, и можетъ помогать тебѣ: ибо Онъ Богъ, все сотворившій, *въ Немъ сокрыты вся сокровища мудрости и вѣдѣнія* (Кол. 2, 3). Если ты *бѣденъ, нищъ и нагъ:* то попроси у Него, — и ты въ обиліи получишь духовное богатство всякихъ добродѣтелей. Онъ дастъ тебѣ и бѣлую одежду (Апок. 3, 18); низпошлетъ тебѣ Св. Духа, Который просвѣтитъ умъ твой и согрѣетъ любовію твое сердце. Когда почувствуешь скорбь отъ сознанія своихъ грѣховъ, то достопо-

кланяемый Утѣшитель обратитъ взоръ твой на Іисуса Христа, и увѣритъ тебя, что кровь Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (Іоан. 1, 7).

Какія ни были бы твои нужды, сей нѣжный Другъ поможетъ тебѣ, если того будетъ требовать истинная польза твоя.

Онъ сострадателенъ. Положись на Іисуса, какъ на искреннѣйшаго друга: вѣруй въ дѣйствительность Его очистительной жертвы: и ты найдешь въ Немъ нѣжное участіе, котораго тщетно искалъ бы у людей. *Онъ сострадателенъ къ невѣжествующимъ и заблуждающимъ* (Евр. 5, 2); *Онъ не такой первосвященникъ, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но который, подобно намъ, испыталъ все, кромѣ грѣха* (Евр. 4, 15). Онъ всегда будетъ находиться при тебѣ: любовь, низведшая Его съ неба, никогда не измѣняется и не умаляется въ своей силѣ.

Онъ премудръ, и можетъ руководствовать тебя своими наставленіями; Онъ знаетъ твое положеніе, твои труды и

опасности, знаетъ, что всего полезнѣе для тебя.

Онъ вѣренъ, и приверженъ къ тебѣ болѣе, нежели братъ твой. Онъ никогда не оскорбляется, не имѣя на то справедливой причины; Онъ будетъ сносить твои слабости терпѣливо; ты можешь приходить къ Нему во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ; и, поелику Его присутствіе не ограничено никакимъ мѣстомъ, то гдѣ бы ты ни находился, вездѣ можешь бесѣдовать съ Нимъ. Ни счастіе, ни несчастіе твое, не произведетъ перемѣны въ Его расположеніи къ тебѣ; Онъ будетъ любить тебя больнаго и здороваго, и въ юности и въ старости – во всякомъ твоемъ состояніи.

Ты можешь открыть Ему все свое сердце: Онъ всевѣдущій Богъ, изъ любви къ тебѣ воплотившійся, умершій за тебя, дабы ты не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Итакъ со дерзновеніемъ изливай предъ Нимъ всѣ чувства своего сердца, говори Ему о всѣхъ своихъ

нуждахъ, ввѣряйся Его любви, успокоивайся въ Его святой волѣ.

Это другъ, достойный всей твоей любви. Опыты Его любви къ намъ такъ велики, что вся наша любовь къ Нему будетъ только слабымъ соотвѣтствіемъ оной. О! избери Іисуса другомъ себѣ: и ты такъ полюбишь Его, что будешь радоваться о Немъ радостію неизреченною.—Ты желаешь быть счастливымъ, жаждешь благополучія: иди къ сему Другу, Онъ утолитъ твою жажду водою жизни,—даруетъ тебѣ здравіе духовное,—укажетъ источникъ совершеннаго блаженства въ общеніи съ Богомъ!

Наступитъ время, когда помощь земныхъ друзей будетъ безсильна; она не утѣшитъ тебя въ послѣднія минуты жизни твоей, не будетъ тебѣ сопутствовать въ юдоли смертной. Но Другъ Небесный и тогда будетъ твоимъ помощникомъ; Онъ возметъ твою душу, поведетъ и введетъ ее въ то вѣчное блаженство, которое Онъ купилъ для тебя цѣною Своей крови. Онъ умеръ за наши хрѣхи: вѣруй въ Него, — положись

на Его заслуги, молись Ему: и ты будешь избавленъ отъ *мрака тьмы* (Iуд. 13). Огнь гнѣва Божія не коснется тебя, и ты вселишься въ обители свѣта и славы.

Люди, желаете ли имѣть своимъ другомъ Iисуса? — *Христосъ раждается: славите!*

XXVI.

О ИСТИННОМЪ ВЕЛИЧІИ ЧЕЛОВѢКА.

Не все то велико предъ Богомъ, что великимъ кажется въ глазахъ человѣческихъ, или лучше, совсѣмъ не то велико предъ Богомъ, что великимъ называютъ люди. Истина поучительная для великихъ земли и утѣшительная для тѣхъ, коимъ суждено быть отребіемъ міра!

Нѣтъ нужды исчислять всѣ предметы, въ коихъ суетность людей любитъ поставлять свое величіе. Многіе изъ оныхъ ими самими презираются, какъ ничего незначущіе для величія человѣка. Такъ, если бы кто сталъ величаться своею породою, не имѣя личныхъ достоинствъ, ему сказали бы: порода не дѣлаетъ человѣка ни умнымъ, ни честнымъ, ни храбрымъ; тѣмъ ты хуже, что, проис-

ходя отъ знаменитыхъ предковъ, не наслѣдовалъ ихъ добродѣтелей. Если бы кто сталъ поставлять свое достоинство въ обладаніи великимъ богатствомъ, ему сказали бы: золото и серебро не болѣе тебѣ сообщаютъ достоинства, какъ и тому безчувственному хранилищу, въ которое оныя полагаешь. Если бы кто сталъ тщеславиться мѣстомъ, которое занимаетъ въ обществѣ, ему сказали бы, что не мѣсто украшаетъ человѣка, но человѣкъ мѣсто краситъ. Всѣ сіи предметы, дѣйствительно, столь пусты и маловажны сами по себѣ, что надобно быть тому совершенно безумнымъ, кто бы въ нихъ вознамѣрился полагать свое величіе.

Болѣе, кажется, привлекательна съ сей стороны слава земная, особенно когда смотрятъ на нее въ увеличительное стекло. На языкѣ любителей ея она есть жизнь въ потомствѣ, несокрушимый временемъ памятникъ величія, всемірный вѣстникъ славныхъ дѣлъ, божество, пріемлющее поклоненія отъ смертныхъ. Но сіи пышныя названія не за-

кроютъ истины отъ глазъ безпристрастнаго судіи. Что есть слава, собственно и безъ всякихъ прикрасъ понимаемая? Она есть мнѣніе другихъ о качествахъ и поступкахъ извѣстнаго человѣка. Мнѣніе другихъ, очевидно, ничего ни прибавляетъ, ни отъемлетъ у свойствъ того человѣка, о которомъ имѣютъ мнѣніе. По сей причинѣ, будетъ ли оно высоко или низко, человѣкъ неизмѣнно останется тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Такъ древо соблюдаетъ неизмѣнно свой естественный ростъ; хотя тѣнь его, смотря по положенію солнца, является то ниже, то выше. Слава есть тѣнь человѣка во всѣхъ ея знаменованіяхъ: она также обманчива, ибо часто отъ низкихъ предметовъ возрастаетъ, при высокихъ умаляется; также скоропреходяща, ибо зависитъ отъ своенравія людей; также ничтожна, ибо ничего не значитъ въ отношеніи къ предмету своему. Человѣкъ съ достоинствами, прямо великій — не имѣетъ нужды въ славѣ; ибо не престанетъ онъ быть таковымъ, хотя бы никто не говорилъ о его дѣлахъ, хотябъ

имя его было забыто: а для человѣка безъ достоинствъ, для человѣка ничего незначущаго—слава безполезна; ибо не даетъ ему того, что приписываетъ. Ужели малорослый выростетъ отъ того, если всѣ станутъ называть его великаномъ? Ужели въ простой какой нибудь горѣ заведется золото отъ того, если всѣ согласятся считать ее золотою? Такъ думать было бы смѣшно и нелѣпо. Но такъ думаешь ты, славолюбецъ, употребляющій мѣрою своего величія молву народную, ты—который судишь о своихъ достоинствахъ по громкости кликовъ и рукоплесканій! Сіе впрочемъ, также какъ и первое, совершенно очевидно и не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій.

Но есть предметы другаго рода, которые имѣютъ всю обольстительную наружность величія, и коимъ естественный разумъ отдаетъ полную честь. Ихъ—то оцѣнить строгимъ образомъ долженъ Христіанинъ, желающій быть великимъ въ царствіи небесномъ, Подъ сими предметами во первыхъ разумѣется мудрость или знаніе о вещахъ боже-

ственныхъ и человѣческихъ. По истинѣ, постигать бытіе и свойства Верховнаго существа, проникать въ тайны природы, познавать естество души, опредѣлять цѣль разумныхъ существъ и разныя отношенія ихъ въ общественной жизни,—все сіе составляетъ высокое преимущество человѣка. Хорошо, еслибъ разумъ подлинно зналъ сіи вещи, какъ должно: тогда всякой назвалъ бы его великимъ. Но что говоритъ опытъ? Пять тысячь лѣтъ протекло отъ паденія человѣка до пришествія въ міръ Спасителя, и разумъ, доженствовавшій, по видимому, все узнать въ теченіи сего времени, состарѣлъ токмо въ своемъ невѣжествѣ. Творенія любомудровъ наполнились противорѣчіями; что утверждалъ одинъ изъ нихъ, то отрицали другіе, и истина, по признанію самихъ искателей ея, сокрывалась на днѣ глубокаго кладезя. Конечно, не почему иному, какъ по причинѣ всеобщаго мрака, покрывавшаго родъ человѣческій, милосердый Богъ возжегъ свѣтъ Откровенія земнороднымъ; и *понеже въ премудрости Бо-*

жіей не разумѣ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ (1 Кор. 1, 21). Нынѣ разумъ простерся, кажется, далѣе, нежели прежде, въ предѣлахъ познанія; но то, что есть лучшее и достовѣрное въ его произведеніяхъ, не изобрѣтено имъ, а токмо изучено въ училищѣ Откровенія; мнимыя сокровища его пріобрѣтены татьбою. Во всемъ же прочемъ, чего не благоизволилъ Богъ открыть людямъ, онъ доселѣ такой же слѣпецъ, какъ былъ прежде, и долженъ сознаться съ однимъ мудрѣйшимъ изъ людей, что онъ только то совершенно знаетъ, что ничего не знаетъ. Пусть же послѣ сего почитаютъ разумъ великимъ и превозносятъ до небесъ мудрость земную!

Впрочемъ не много людей, въ которыхъ господствуетъ страсть любознанія; большая часть, пренебрегая размышленіемъ, по самой неспособности къ оному, всю честь усвояютъ дѣятельной жизни. «Величіе человѣка, говорятъ они, состоитъ не въ безплодномъ созерцаніи, но въ дѣлахъ, обнаруживающихъ стремленіе

къ доброму. Мужество, терпѣніе, великодушіе, правота, благотворительность, любовь къ отечеству, презрѣніе опасностей и смерти для спасенія другихъ,— вотъ основаніе истиннаго величія, вотъ права на истинную славу?» — Правда, что сіи поступки имѣютъ блистательный видъ, привлекающій хвалу и удивленіе отъ человѣковъ: но Богъ, какъ извѣстно, судитъ о дѣлахъ не по виду ихъ, а по тѣмъ побужденіямъ и намѣреніямъ, съ какими онѣ были совершены. Какія же побужденія и намѣренія полагаются, обыкновенно, въ основаніе дѣлъ человѣческихъ? Увы! страшно взглянуть въ сердце человѣка, дѣйствующаго по духу міра, а не по духу Христову. Здѣсь видишь, что мужество происходитъ отъ свирѣпости, терпѣніе отъ ожесточенія, великодушіе отъ гордости, правота отъ самолюбія, благотворительность отъ тщеславія, любовь къ отечеству отъ своекорыстія, презрѣніе опасностей и смерти отъ самолюбія, и вообще всякой похвальный поступокъ отъ одного общаго корня, —отъ преступной любви къ самому се-

бѣ. И если отселѣ,— изъ глубины нечистаго сердца, посмотрѣть на тѣ, исходящія изъ него, предпріятія и славныя дѣла, которымъ удивляется свѣтъ, чѣмъ онѣ тогда покажутся? Неусыпные труды— средствами къ прибыли, безкорыстныя благодѣянія — тонкимъ лихоимствомъ, великодушныя прощенія —учтивыми обидами, человѣколюбивыя пожертвованія — благовидною продажею собственности, мудрыя распоряженія— коварными умыслами, громкія побѣды —знатнымъ разбойничествомъ. Гдѣ же сіи высокія добродѣтели, которыя прославляются въ свѣтѣ? Гдѣ сіи великіе подвиги, которые краснорѣчіе приписываетъ своимъ героямъ? Я вижу блестящую зміиную чешую, скрывающую ядъ смертоносный; я вижу гробъ повапленный, полный внутри костей и всякой нечистоты. И вотъ правда наша: похвались ею, кто хочетъ.

Остается еще одинъ предметъ, въ которомъ полагаютъ величіе человѣка,— это его сила или власть надъ внѣшнею природою. Не есть ли въ самомъ дѣлѣ

великой силы дѣйствіе возлетать на воздухъ, преплывать море, укрощать свирѣпость звѣрей, управлять ударами грома и тому подобное? Впрочемъ, сколь ни удивительны сіи дѣйствія человѣка, но нельзя назвать ихъ явленіями силы человѣческой: ибо сила сія не въ человѣкѣ заключается, но въ тѣхъ орудіяхъ, которыя онъ употребляетъ. Если хочетъ онъ доказать свою собственную силу, пусть сдѣлаетъ тоже, оставя всѣ постороннія пособія; пусть своими ногами пойдетъ по поверхности моря; пусть на своихъ рукахъ поднимется на воздухъ; пусть велѣніемъ слова совратитъ направленіе грома; пусть обнаженный отъ всякой защиты сразится съ лютымъ звѣремъ. Сего не можетъ сдѣлать своими человѣческими силами мнимый властелинъ земли. Всѣ удивительные опыты владычества его надъ природою доказываютъ только его хитрость: а хитрость есть несомнѣнный знакъ не силы, но безсилія.

Итакъ въ чемъ состоитъ величіе человѣка, когда не обрѣтается оно ни въ

разумѣ, ни въ дѣлахъ, ни въ силахъ его? Для сего не нужно придумывать какого либо особливаго предмета. Оно въ тѣхъ же предметахъ заключается, но не въ таковыхъ, каковыми обладаетъ человѣкъ грѣшный. Былъ онъ великъ, когда имѣлъ умъ просвѣщенный, сердце непорочное, власть надъ тварію непосредственную: но грѣхъ помрачилъ его умъ, осквернилъ его сердце, поработилъ его самаго твари. Сраженный симъ душегубителемъ, лежитъ онъ на землѣ, какъ разслабленный всѣми членами, съ сильнымъ, но тщетнымъ желаніемъ подняться на ноги; всѣ его усилія къ возстановленію себя ограничиваются достойнымъ жалости пресмыканіемъ. Въ семъ плачевномъ положеніи падшаго человѣка Любовь Божія представляетъ ему единственное спасительное средство къ возстанію: сознаніе своей немощи, отреченіе отъ всякой надежды самому себя исправить и призваніе на помощь Искупителя, словомъ — смиреніе. Все, что потерялъ онъ гордостію, — его мудрость, святость, сила — возвращаются

ему смиренiемъ; что прежде имѣлъ онъ по естеству, то теперь даруется ему по благодати. *Смиряяй себе вознесется.*

И какъ подлинно возносится смиренный, какъ прославляется уничижившiй въ себѣ все, дмящееся первобытною гордостiю! Нощь невѣдѣнiя для него проходитъ; тайны, отъ мудрыхъ и разумныхъ сокровенныя, предъ нимъ раскрываются; будущее для него становится столько же извѣстнымъ, какъ настоящее; мiръ духовный дѣлается близокъ къ нему, равно какъ тѣлесный; еще въ одеждѣ плоти зритъ онъ въ небѣ славу Божiю, и, восхищаясь въ рай, слышитъ неизреченные для человѣка глаголы. Все пространство сердца его наполняетъ любовь,—та святая любовь, которая изливается Духомъ Божiимъ. Она производитъ въ немъ все, какъ душа въ тѣлѣ: она возбуждаетъ его умъ къ размышленiю о Богѣ; она движетъ его языкъ на молитву; она отверзаетъ его уста для поученiя; она простираетъ его десницу къ благотворенiю; она преклоняетъ его на милость; она вдыхаетъ ему смѣлость

въ правдѣ; она облегчаетъ его мученія за истину; она сообщаетъ ему геройскую бодрость шествовать на смерть, и съ послѣднимъ вздохомъ молить Господа о прощеніи убійцъ. Наконецъ, природа признаетъ въ немъ своего царя: огонь не вредитъ его тѣлу; воздухъ отвердѣваетъ подъ его стопами; лютые звѣри при немъ какъ бы перерождаются въ кроткихъ агнцевъ; волнующееся море, по его велѣнію, утихаетъ, земля выдаетъ своихъ мертвецовъ; небо, по его слову, разверзается дождемъ, солнце останавливаетъ бѣгъ свой; и всерушительное тлѣніе не смѣетъ коснуться его священныхъ останковъ, которые, даже по разлученіи съ его праведною душею, чудодѣйствуютъ. Вотъ великій въ собственномъ смыслѣ человѣкъ! И это тотъ, который, по мнѣнію свѣта, есть низкій, презрѣнный, послѣдній изъ рабовъ. Это тотъ, который самъ о себѣ не иначе думаетъ, какъ о прахѣ и пеплѣ, какъ объ окаянномъ и бѣдномъ и нищемъ и слѣпомъ и нагомъ, какъ о человѣкѣ, не могущемъ ничѣмъ похвалиться, кромѣ сво-

ихъ немощей. О чудо силы Божіей, въ немощахъ совершающейся! *Буяя міра избираетъ Богъ, да премудрыя посрамитъ: и немощная міра избираетъ Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избираетъ Богъ и несущая, да сущая упразднитъ* (1 Кор. 1, 27. 28).

Несправедливо бы впрочемъ подумалъ тотъ, кто бы изъ сего заключилъ, что желающему чрезъ смиреніе содѣлаться великимъ должно сложить съ себя всякое званіе, носящее видъ величія земнаго, какъ то: ученому оставить трудъ въ пріобрѣтеніи и сообщеніи познаній, градоправителю и военачальнику отказаться отъ правъ данной имъ власти, господину отпустить на волю своихъ подчиненныхъ, и всѣмъ, такъ называемымъ — благороднымъ, низойти во внѣшнее состояніе рабовъ. Сего не только не требуетъ общая всѣмъ обязанность смиренія, но она даже требуетъ тому противнаго. Ибо къ смиренію потому собственно и обязывается человѣкъ, что онъ обладаетъ извѣстными преимуще-

ствами, которыя могутъ поселить въ немъ надменность. Безъ сихъ преимуществъ смиреніе не имѣло бы мѣста также, какъ воздержаніе не имѣетъ мѣста безъ изобилія, скромность—безъ достатка, безкорыстіе – безъ случаевъ къ обогащенію. Притомъ, слишкомъ легко пріобрѣталось бы величіе Христіанина, если бы для сего стоило только низойти въ послѣдній классъ людей и отдалить отъ себя всѣ поводы къ надменности. Добродѣтель состоитъ въ борьбѣ. Посему и смиреніе должно состоять также въ борьбѣ съ мнимыми преимуществами, которыя усвояетъ каждому собственное самолюбіе. Итакъ необходимость внѣшнихъ преимуществъ въ обществѣ не должна никому служить предлогомъ къ отверженію смиренія, какъ единственнаго средства къ возвеличенію себя предъ Богомъ. Пусть великіе земли удерживаютъ при себѣ свои титла и достоинства; только сіи да будутъ степенями низводящими ихъ къ смиренію, опытными уроками суетности земныхъ преимуществъ и сильными побужденія-

ми къ исканію величія въ Богѣ. Имъ болѣе прочихъ нужно имѣть въ виду и можно съ большею похвалою проходить Евангельскій путь чести: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга; и иже аще хощетъ въ васъ быти старый, да будетъ всѣмъ рабъ* (Мар. 10, 42. 44). А вы, получившіе при рожденіи низкую долю, вы опредѣленные быть рабами по самой неспособности ко власти, вы не имѣете причины называть свое состояніе худшимъ. Оно приближаетъ васъ къ общей всѣмъ Христіанамъ цѣли—смиренію; и Промыслъ, распредѣляющій состоянія сообразно силамъ каждаго, содѣлалъ для васъ удободостижимымъ то, что для другихъ стоитъ великаго труда и сильной борьбы.

Смиримся убо всѣ подъ крѣпкую руку Божію, и она изъ глубины самоуничиженія вознесетъ насъ *къ почести вышняго званія* (Фил. 3, 14).

XXVII.

ЦѢПЬ ТВОРЕНІЙ.

Я не могу обнимать своимъ умомъ всего мірозданія, не способенъ созерцать совершенство цѣлаго; моему разумѣнію доступна только самомалѣйшая часть сотворенныхъ Богомъ вещей: но и въ ней я нахожу чудную гармонію, самую премудрую правильность, самый строгій порядокъ. Изъ безчисленнаго множества тварей ни одной нельзя назвать маловажною; всякая имѣетъ свое назначеніе, всякая находится въ связи съ другою. *Вся добра зѣло* (Быт. 1, 31): и червь, пресмыкающійся въ травѣ, имѣетъ свое назначеніе въ цѣломъ, и сѣмянной пылинкѣ указана цѣль. Самое высокое удивительно согласуется съ самымъ низкимъ, отдаленнѣйшее съ близкимъ; цѣлое существуетъ, можно сказать, для каждой части, и каждая часть—для цѣлаго.

Но въ чудномъ разнообразіи звеньевъ,

составляющихъ неизмѣримую цѣпь вещей сотворенныхъ, замѣтна также непрерывная постепенность въ переходѣ отъ несовершеннаго къ лучшему, отъ лучшаго къ болѣе совершенному. Всѣ, и самыя отдаленныя, существа связуются сею цѣпію. Она объемлетъ разноцвѣтную поверхность нашей земли, проходитъ чрезъ бездны морскія, углубляется во внутренность земнаго шара, чрезъ воздухъ и облака досязаетъ до неизмѣримаго пространства небесъ, и тамъ, въ незримой дали, сокрывается отъ нашего взора. Это длинная лѣствица творенія: на каждой ступени ея являются существа съ новыми совершенствами, начиная отъ праха, попираемаго ногами, до Серафимовъ, предстоящихъ престолу Господа силъ.—Какой необозримый рядъ ступеней даже въ извѣстныхъ намъ земныхъ тваряхъ! На грубомъ, безчувственномъ камнѣ прозябаютъ растенія, снабженныя орудіями для питанія и продолженія своего рода. И между ними какое различіе! Сколько тысячь ступеней между грибомъ, который выростаетъ въ

одну ночь, и величественнымъ дубомъ, который растетъ въ продолженіе столѣтій!—Но какъ самое несовершенное животное выше самаго совершеннаго растенія, такъ и животныя одно другаго выше, одно другаго совершеннѣе. Длинный рядъ ихъ, начинаясь простымъ коралломъ, проходитъ тысячею многоразличныхъ ступеней, отъ насѣкомыхъ, рыбъ, птицъ и млекопитательныхъ животныхъ до человѣка! Человѣкъ—окончательное звено въ цѣпи земныхъ твореній: онъ ходитъ съ поднятою вверхъ главою, онъ своимъ окомъ созерцаетъ небо,—онъ обладаетъ всѣмъ, и камнями, и растеніями и животными.—Имъ управляетъ не темный, слѣпой инстинктъ, но разумъ. Онъ свободно мыслитъ и мысли выражаетъ словами. Духъ его возпаряетъ превыше всѣхъ земныхъ пожеланій;—онъ одинъ познаетъ здѣсь Бога, и возсылаетъ къ Нему молитвы. Озаренный небеснымъ свѣтомъ, онъ, въ радостномъ трепетѣ, простираетъ руку даже къ вѣнцу безсмертія и украшаетъ имъ главу свою. Сколько милліоновъ

ступеней отъ самаго низшаго, извѣстнаго намъ, творенія, до той высоты, на которой поставленъ человѣкъ! Но неужели это послѣдняя высота? Неужели человѣкомъ оканчивается лѣствица твореній? Неужели онъ—слабое твореніе, уже непосредственно соприкасается величію Божію? Нѣтъ, цѣпь твореній простирается выше и выше, и наконецъ, въ невообразимой высотѣ, приближается къ Тому, предъ величіемъ Коего даже Херувимъ закрываетъ лице свое, и свѣтлость Ангеловъ, Архангеловъ и всѣхъ духовъ небесныхъ превращается во мракъ! Но сіи безплотныя существа, сколь ни возвышенны, любятъ насъ, принимаютъ участіе въ нашихъ страданіяхъ и радостяхъ. Ибо вселенная со всѣми своими обитателями произошла отъ Того же всемогущаго, отъ Котораго и они получили свое начало. Она дѣло ихъ Бога; и всѣ существа, населяющія огромное мірозданіе, въ очахъ ихъ—одно великое семейство одного и того же Отца.

Мы, люди, занимаемъ также высокое

мѣсто въ ряду тварей, ибо ниже насъ стоятъ цѣлые милліоны удивительныхъ растеній, и многочисленные роды животныхъ. Но и они—созданіе Божіе; они должны быть для насъ любезны, ибо у насъ съ ними одинъ Творецъ.—Съ какою заботливостію бережемъ мы иногда какую нибудь малость, которая принадлежала любимому нами человѣку, которую подарилъ намъ другъ, находящійся теперь въ разлукѣ съ нами! Какъ пріятно намъ, при взглядѣ на эту малость, вспоминать о томъ, кто милъ нашему сердцу! Намъ думается, будто онъ къ намъ ближе, когда мы касаемся той вещи, на которую онъ смотрѣлъ, которую онъ, можетъ быть, безъ всякаго участія, бралъ въ руки;—и наша любовь къ нему возобновляется. Для той же цѣли нашъ небесный Другъ, нашъ преблагій Отецъ, нашъ Богъ, Котораго мы неспособны и недостойны созерцать на землѣ, окружилъ насъ своимъ величественнымъ твореніемъ. При взглядѣ на оное, мы должны воспоминать о Немъ: Онъ далъ намъ все это для того, чтобы

мы не забывали Его. На что мы ни посмотримъ, до чего ни касается рука наша, что мы ни ощущаемъ какимъ либо другимъ чувствомъ, — все отъ Него, все Онъ сотворилъ. Если мы любимъ Его, то должны любить и дары Его. Всякой разъ, какъ взглянемъ на сей чудный міръ, на сіи многоразличныя сокровища природы, мы должны исполняться новымъ, искреннимъ желаніемъ — соединиться съ Тѣмъ, о Комъ все на небѣ и на землѣ свидѣтельствуетъ, что Онъ есть любовь.

Царство животныхъ ближе прочихъ къ намъ. Въ цѣпи земныхъ существъ, оно составляетъ переходъ отъ человѣка къ растеніямъ и существамъ неодушевленнымъ. Ибо хотя животныя — существа маловажныя; однако и онѣ, подобно человѣку, живутъ; подобно ему, ощущаютъ печаль и радость; иныя даже превосходятъ его тѣлесными совершенствами и не рѣдко почти равняются съ нимъ искуствомъ и замысловатостію. Всѣ признаютъ его своимъ повелителемъ. Самые дикіе звѣри боятся встрѣчи съ

человѣкомъ, и бѣгутъ отъ него; только крайній голодъ заставляетъ ихъ иногда нападать на него и пользоваться правомъ сильнаго. Но число животныхъ, которыя могутъ быть опасны для человѣка, весьма незначительно въ сравненіи съ тѣми, кои полезны для него. Изъ сихъ многія оказываютъ ему важныя услуги, иногда бываютъ единственною его опорою, не рѣдко вѣрнѣйшими друзьями. Стада на поляхъ пасутся для тебя, молоко ихъ служитъ тебѣ здоровымъ питіемъ, мясо—пищею, волна и кожа—одеждою. Одни воздѣлываютъ твое поле, другія служатъ для тебя вѣрными сопутниками, охраняютъ твое жилище и твои стада, пекутся о безопасности твоей жизни. Нѣтъ человѣка столь бѣднаго, которому бы животныя не доставляли отрады и утѣшенія. Взгляни на нищаго, лишеннаго зрѣнія, который проситъ себѣ милостыни на улицахъ обширнаго города. Онъ бѣденъ; у него нѣтъ друга, у него нѣтъ человѣка, который бы раздѣлялъ съ нимъ его несчастную долю, который бы, при его

слѣпотѣ, былъ ему вожатымъ; но вѣрная собака не оставляетъ его, собака— вотъ его вожатый, его сопутникъ, его защитникъ! Она охотно раздѣляетъ съ нимъ всѣ его страданія; никакія ласки, никакія приманки, никакая сила не разлучитъ ее съ нимъ; она лежитъ на его смертномъ одрѣ; и если никакой человѣкъ не прослезится надъ могилою безвѣстнаго слѣпца, то собака, вѣрная собака огласитъ визгомъ его холмъ могильный.

Безсловесныя животныя могутъ даже возбуждать насъ къ исполненію нашихъ обязанностей. Это нѣмые наши наставники;—прекрасные образцы дѣятельности. Неусыпный пѣтухъ пробуждаетъ рано трудолюбиваго земледѣльца къ дневнымъ занятіямъ. Онъ выходитъ—и вотъ жаворонокъ уже оглашаетъ воздухъ своею утреннею пѣснію и возбуждаетъ въ немъ благоговѣніе. Когда же онъ устанетъ отъ дневныхъ трудовъ среди палящаго зноя, то слышитъ жужжаніе пчелъ, которыя, желая запастись на зиму медомъ, перелѣтаютъ съ цвѣтка на цвѣ-

токъ; онъ видитъ образецъ трудолюбія въ муравьѣ, и научается отъ него не предаваться праздности. Птицы, вьющія себѣ гнѣзда или съ нѣжною любовію собирающія кормъ для своихъ птенцовъ, напоминаютъ ему о его супругѣ и дѣтяхъ, ввѣренныхъ его попеченію, которыхъ онъ долженъ питать трудами рукъ своихъ. Кратко сказать, въ мірѣ все свидѣтельствуетъ о благопопечительности Промысла; все или поучительно, или въ другихъ отношеніяхъ полезно для человѣка; все увѣряетъ насъ, что даже самомалѣйшее существо содѣйствуетъ къ достиженію высшихъ цѣлей благаго Провидѣнія. Тѣ слои полей или луговъ, которые плугъ съ трудомъ можетъ разсѣкать, уже давно, можетъ быть, окаменѣли бы и сдѣлались неспособными къ плодородію, если бы милліоны червей, улитокъ и другихъ животныхъ не протачивали ихъ, если бы чрезъ свои подземные проходы и гнѣздышки, какъ чрезъ искуственные каналы, не пропускали во внутренность земли дождя и такимъ образомъ не дѣлали

земли рыхлою, не проводили изъ воздуха къ корнямъ растеній питательной влаги. Изъ коралловъ, этихъ сплетеній слабыхъ червей — образовались на моряхъ большіе острова, которые теперь держатъ на себѣ лѣса и цѣлыя селенія!

Мы имѣемъ право убивать вредныхъ для насъ животныхъ, и даже тѣхъ, корыхъ части нужны намъ для пищи, одежды, или для другой какой либо потребности: но мы не имѣемъ никакого права убивать ихъ единственно изъ удовольствія. Мы не должны убивать ихъ мучительнымъ образомъ, не должны терзать ихъ, чтобы только потѣшиться ихъ смертію. Если уже нужно намъ умертвить животное, то должно избрать для сего родъ смерти самый скорый. Животное такъ же имѣетъ чувство, какъ и мы; оно такъ же способно чувствовать боль и удовольствіе, у него такъ же, какъ и у насъ, есть наклонность продлить краткую жизнь свою. Кто находитъ удовольствіе въ медленной, томительной смерти животнаго; кто для одной забавы умерщвляетъ безвредное животное,

котораго ни жизнь не причиняетъ ему вреда, ни смерть не доставляетъ пользы: тотъ имѣетъ жестокое или безчувственное сердце. Безразсудный, для чего ты умерщвляешь произведеніе Премудрости Божіей? Какое ты имѣешь право прекращать жизнь полезную, можетъ быть, для другихъ твореній, если она тебѣ самому не приноситъ ни пользы, ни вреда.—Родители и наставники! заранѣе внушайте дѣтямъ, чтобъ они не презирали маловажнаго и щадили беззащитное. Дитя, способное смотрѣть съ убійственнымъ удовольствіемъ на страданія бѣднаго животнаго, скоро станетъ смѣяться надъ мученіями себѣ подобныхъ. Напротивъ, для кого чувствительна смерть птички и червячка, тотъ не будетъ глухъ къ воплю страждущаго человѣка, и не пройдетъ мимо его безъ сердечнаго участія въ его несчастной долѣ.

Ближе прочихъ къ человѣку его домашнія животныя. Еслибъ они жили свободно, въ дикомъ состояніи, то сами бы заботились о своемъ пропитаніи, ра-

вно какъ и о своемъ убѣжищѣ. Но человѣкъ лишилъ ихъ свободы, принудилъ ихъ жить для него одного: значитъ, онъ принялъ на себя обязанность пещися о нихъ; онъ долженъ быть ихъ защитникомъ. Его долгъ—доставлять имъ пищу; защищать ихъ отъ непогоды, стараться объ ихъ здоровьѣ. И хотя для обузданія ихъ дикости мы иногда принуждены бываемъ принимать строгія мѣры, однако должны поступать съ ними не жестоко, должны ихъ щадить, не мучить трудами, превышающими ихъ силы: особенно не должны бить ихъ безъ причины, для одной забавы, или только для того, чтобы вымѣстить на нихъ свой гнѣвъ и свою злость.

Еще прежде пришествія на землю Іисуса Христа, повелѣвшаго освобождать даже въ субботу вола или осла, впадшаго въ колодезь, законъ уже предписывалъ: *аще узриши осля врага твоего падшее подъ бременемъ его, да не мимоидеши е, но да воздвигнеши е съ нимъ* (Исх. 23, 5). Еще прежде явленія въ міръ Спасителя уже извѣстны были

наши отношенія къ бѣднымъ животнымъ: законъ, данный Богомъ Моисею на горѣ Синайской, ясно говоритъ: *въ день седьмый да не сотвориши всякаго дѣла ты, и волъ твой, и оселъ твое, и всякій скотъ твой* (Исх. 20, 10). Если уже Соломонъ въ своихъ Притчахъ говоритъ: *Праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ; утробы же нечестивыхъ не милостивы* (Притч. 12, 10): то тѣмъ болѣе мы, послѣдователи Любвеобильнаго Іисуса Христа, должны быть сострадательны къ животнымъ, яко творенію Бога нашего, залогу Его отеческой попечительности о насъ.

Впрочемъ, сіе великодушіе, сіе состраданіе къ безсловеснымъ, подъ нашею защитою находящимся, не должно простираться до безразсудной любви и нѣжной привязанности къ нимъ. Иные расточаютъ нѣжнѣйшія ласки предъ несмысленными животными, а съ своимъ собратомъ и часто даже съ ближайшимъ родственникомъ обходятся холодно; ласкаютъ несмысленное животное, а осыпаютъ ругательствами человѣка честнаго;

пресыщаютъ любимое животное всякими сластями, а равнодушно смотрятъ на нищаго, гладомъ истаевающаго. Издержками, употребляемыми изъ одного тщеславія и расточительности на содержаніе животныхъ, вовсе излишнихъ, такіе люди могли бы доставить вспоможеніе цѣлому семейству, купить себѣ благословеніе угнетенной невинности. По истинѣ, тотъ не Христіанинъ, тотъ даже не человѣкъ, кто нищему—брату своему, кто въ лицѣ его себѣ самому предпочитаетъ — животное!..

XXVIII.

ПОСЛАНІЕ ИНОСТРАННАГО ПРОФЕССОРА КЪ ГЕРМАНСКОМУ ЮНОШЕСТВУ (*).

Братія!

Мы живемъ въ такое время, когда многіе изъ современниковъ почитаютъ повременныя изданія главнымъ предметомъ своего чтенія, духъ времени—господствующимъ духомъ, временныя мнѣнія—непреложными, событія—наиважнѣйшими, послѣдствія — рѣшительнѣйшими и временныя цѣли — самыми высокими.

Хотя всѣ мы живемъ въ семъ вѣкѣ; однакожъ должны остерегаться, чтобы

(*) Сіе посланіе сочинено однимъ Профессоромъ Беуггенскаго Университета въ Швейцаріи и разослано по всей Германіи для чтенія обучающимся юношамъ. Издатели Христ. Чтенія нашли полезнымъ помѣстить его въ своемъ журналѣ, поелику оно, по настоящему духу времени, для всѣхъ можетъ быть назидательно.

не сдѣлаться участниками въ его заблужденіяхъ, искушеніяхъ и безпорядкахъ. Посему мы должны остерегаться, чтобы чтеніе газетъ и журналовъ исключительно не предпочесть всякому другому. Сіе преимущество заслуживаетъ одно Священное Писаніе; ибо оно содержитъ въ себѣ слово Божіе, данное для всѣхъ народовъ, для всѣхъ временъ, и необходимое въ особенности для настоящихъ; оно содержитъ вѣчную истину.

Мы должны остерегатчся, чтобы духа времени, особенно того, который въ настоящее время дѣйствуетъ въ сынахъ противленія, не признать господствующимъ духомъ, предъ коимъ всѣ должны преклоняться и раболѣпствовать. Сіе преимущество подобаетъ единому Святому Духу, чрезъ котораго Господь обѣщалъ наставлять всѣхъ вѣрующихъ на всякую истину; для ниспосланія сего Духа не назначено преимущественно одно какое нибудь время, и никакое время не можетъ быть тому препятствіемъ. Онъ единъ подаетъ намъ истинный

свѣтъ и истинную силу сопротивляться всякой лжи и всякому заблужденію.

Мы должны остерегаться, чтобы не почесть временныхъ мнѣній такими, которыя отъ всѣхъ торжественно должны быть приняты, такъ что никто не можетъ противиться и разногласить онымъ. Не будемъ увлекаться тѣмъ, что множество современниковъ возноситъ куренія и жертвы на олтарь сего многообразнаго Ваала. Ни одно мнѣніе времени не заслуживаетъ, чтобы его торжественно проповѣдали и всѣ вообще принимали, и ни одно не будетъ всеобщимъ. Какъ мнѣніе, оно вообще непостоянно и исчезнетъ при свѣтѣ истины, познанія которой покрываютъ землю, какъ вода покрываетъ дно морское. Преимущество—быть всеобщимъ — заслуживаетъ только познаніе истины, о коей молчитъ міръ, но которая написана и объяснена въ писаніяхъ Пророческихъ и Апостольскихъ для возбужденія всѣхъ народовъ въ послушаніе вѣры. Къ сему-то познанію должны, по волѣ Всевышняго, стремиться всѣ люди.

Далѣе мы должны остерегаться, чтобы временныхъ событій не почесть событіями важнѣйшими; ибо событія настоящаго времени, сколько бы ни возбуждали къ себѣ вниманія и участія современниковъ, при всей важности своей, въ которой имъ, какъ знаменіямъ времени, отказать нельзя, не заслуживаютъ того, чтобы отъ нихъ совершенно забывались и разсѣевались, какъ это съ весьма многими случается нынѣ. Самыя важныя событія еще впереди: наиважнѣйшее изъ всѣхъ для каждаго есть смерть, для всѣхъ вообще — страшный судъ.

Также мы должны остерегаться, чтобы временныхъ послѣдствій не признать вполнѣ рѣшительными для насъ. Иначе мы будемъ подобны флюгерамъ, которые на башнѣ вертятся отъ перемѣны вѣтра, или дѣтямъ, на одной минутѣ ласкающимся то къ тому, то къ другому, смотря потому, кто имъ захочетъ нравиться. Кто дѣйствуетъ всегда такъ или иначе потому, что таково, а не другое послѣдствіе времени; тотъ дойдетъ ско-

ро до того, до чего уже многіе современники и дошли, т. е. изъ двухъ преступниковъ, учинившихъ одно и тоже преступленіе, онъ будетъ одного хвалить и уважать, какъ почтеннаго человѣка, потому что время поблагопріятствовало его преступленію, а другаго поносить и презирать, какъ безчестнаго, потому что время открыло его злодѣяніе. Никакое послѣдствіе времени ничего не можетъ рѣшить окончательно; сіе преимущество принадлежитъ одной вѣчности. Она одна опредѣлитъ истинное достоинство каждаго дѣянія и каждаго человѣка.

Наконецъ мы должны остерегаться, чтобы временныя цѣли не были для насъ самыми высокими или даже единственными. Сколько бы ни было современниковъ, не имѣющихъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ земныхъ; какъ бы много ни господствовало, какъ бы далеко не распространилось стремленіе къ временному; ничто не должно колебать насъ, увлекать въ потокъ сего ничтожнаго стремленія, послѣ того какъ Еди-

ный изъ среды нашей, Собратъ нашъ по плоти и крови, возведенъ на престолъ небеснаго величія, приготовляетъ намъ въ дому Отчемъ вѣчное жилище, стяжалъ для насъ непреложное наслѣдіе чадъ и удостоился Самъ, какъ закланный Агнецъ, получить силу, богатство, мудрость, крѣпость, честь и славу. Аминь!

Можно быть современникомъ, не имѣя пристрастія ко временному. Пристраститься къ нему можетъ человѣкъ и во всякое время; но особенно это легко случается съ нимъ во времена невѣрія, когда Богъ допускаетъ столь великія заблужденія, что многіе, не имѣя любви къ истинѣ и желая быть счастливыми, вѣрятъ лжи. Правосудный Богъ попускаетъ сіе для того, да объявятся невѣрующіе въ истину и возлюбившіе неправду. А посему времена, наиболѣе зараженныя невѣріемъ, суть не только самыя развратныя, но и наиболѣе буйныя.

Что же я напишу къ вамъ въ такія времена? Къ чему буду увѣщевать васъ? Я обращалъ и опять обращу ваше вниманіе на слова Апостола Павла, писав-

шаго къ Ефесеямъ: *Никто да не обольщаетъ васъ суетными словами; ибо за все сіе постигаетъ гнѣвъ Божій сынов противленія. Итакъ не будьте сообщниками ихъ* (Еф. 5, 6. 7).

Въ настоящее время, когда волненіе нравственное и политическое такъ сильно и быстро распространяется, когда такъ чрезмѣрно много пишутъ, печатаютъ, читаютъ и говорятъ; когда больше написано газетъ и журналовъ, нежели когда нибудь отъ начала міра; когда каждое мнѣніе, каждое предубѣжденіе имѣетъ свою громкую говорную трубу; когда скорѣе пишутъ и читаютъ, нежели думаютъ и повѣряютъ,—въ настоящее время необходимо повторять другъ другу: *Никто да не обольщаетъ васъ суетными словами.*

Чрезмѣрно много суетныхъ словъ, изъ коихъ очень многія съ намѣреніемъ распространяются между людьми, находятся въ почетномъ употребленіи и у знатныхъ и у народа. Тысячи повторяютъ ихъ, не разумѣя значенія, тысячи—не желая разобрать оное. Мало то-

го, что повторяютъ; ихъ еще ставятъ себѣ за правила, дѣйствуютъ, направляютъ путь свой по онымъ. Такимъ образомъ сіи слова получаютъ великую важность и силу. Суетны же всѣ тѣ слова, которыя, если разсмотрѣть ихъ при свѣтѣ, ничего въ себѣ не заключаютъ, кромѣ не-истины, полу-истины, заблужденія и лжи; слѣдовательно, не имѣютъ никакой другой силы, кромѣ силы разсѣявать, обольщать, ослѣплять и соблазнять человѣка. При какомъ же свѣтѣ должно разсматривать и распознавать сіи слова? При томъ свѣтѣ, который самъ Богъ, по своей любви, далъ намъ для освѣщенія насъ и пути нашего. Свѣтъ сей есть Исторія, Ученіе и Пророчества, заключающіяся въ Священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго завѣта,—все то, что содержится въ Библіи, которую теперь, удаливши изъ общественныхъ училищъ, стараются непрестаннымъ чтеніемъ безчисленныхъ временныхъ изданій и другихъ книгъ вытѣснить изъ домовъ и хижинъ. Такимъ образомъ гаснетъ тотъ свѣтъ, который

такъ ясно освѣщалъ наши семейства, и чего не производитъ множество вредныхъ книгъ, то въ нѣдрѣ Церкви довершаютъ отпадшіе отъ Слова Божія учители на каѳедрахъ и налояхъ, облекаясь въ одежду свѣтлыхъ Ангеловъ, и тѣмъ совершенно погашаютъ тлѣвшій свѣтильникъ. Послѣ сего нечему удивляться, что во всѣхъ странахъ столь многіе соблазняются суетными словами.

Суетныя слова, разсѣеваемыя такими людьми, льстя страстямъ и своекорыстнымъ побужденіямъ, бываютъ причиною великихъ заблужденій. Онѣ разстроиваютъ домашнюю жизнь, превращаютъ общественное воспитаніе, расторгаютъ церковное единеніе и потрясаютъ самое основаніе гражданской жизни; а сіе достойно того, чтобы особеннымъ сочиненіемъ показать вамъ, возлюбленные братія, важнѣйшія экономическія, педагогическія, церковныя и политическія лжеученія, коими теперь соблазняется такое множество Христіанъ.

Соблазняется же всякой, кто, увлекаясь ими, отдаляется отъ вѣры и по-

слушанія, прилѣпляющихъ юношу къ Господу помощію слова Божія, Апостольскаго и Пророческаго, и нерадитъ о наслѣдованіи спасенія. Сіе весьма легко случается, когда человѣкъ, не имѣя уже простоты, питаетъ въ своемъ сердцѣ тайную любовь ко грѣху, то раболѣпствуя тайной гордости, по видимому, столь чистой и духовной, то служа корыстолюбію, прикрытому скромнымъ именемъ бережливости.

Когда же Апостолъ говоритъ съ особеннымъ выраженіемъ: *Никто да не обольщаетъ васъ*; то указуетъ тѣмъ на друзей и враговъ, льстецовъ и угрозщиковъ, знатныхъ и незнатныхъ, сильныхъ и слабыхъ, на соблазнителей мужей и женъ, на устныя и письменныя, тѣлесныя и духовныя орудія обольщенія, и увѣщеваетъ насъ отвсюду быть осторожными.

Самъ Спаситель, будучи во плоти, не назвалъ ли Петра сатаною, когда тотъ стужалъ Ему? Давидъ не сопротивлялся ли многократно и сильно сынамъ сестры своей Саруіи (1 Парал. 2, 16), когда они

соблазняли его? Не писалъ ли Павелъ къ Өессалоникійцамъ, чтобъ они ни отъ духа, ни отъ слова, ни отъ посланія его не спѣшили колебаться умомъ и смущаться (2 Сол. 2, 2)?

Хотя множество ложныхъ правилъ и ученій, ежедневно подобно пѣнѣ или песку волнами морскими наносимымъ на землю, по суетному своему содержанію суть только пустыя слова; но они совершенно не пусты по великой за нихъ отвѣтственности и важнымъ своимъ послѣдствіямъ: *ибо за все сіе постигаетъ гнѣвъ Божій сыновъ противленія.*

Что человѣкъ посѣетъ, то и пожнетъ. Баснословіе говоритъ, что изъ сѣмени драконовыхъ зубовъ произошли броненосные мужи, терзавшіе другъ друга; въ наше время отъ сѣмени ученія, противнаго Священному Писанію и Христіанской вѣрѣ, произошли мятежи, возстали царство на царство, народъ на народъ, и одна часть народа на другую. И за то, что ложное ученіе обольстило и развратило юношество, послѣднее достойно благодаритъ своихъ воспитате-

лей, бросая въ нихъ гнилыми яйцами и грязью (*). Кто вводилъ, защищалъ и распространялъ невѣріе, тотъ не долженъ удивляться, видя такую жатву отъ своихъ сѣмянъ. Кто возставалъ на своего отца, тотъ не долженъ удивляться, что его собственные дѣти и внуки возстаютъ на него. Кто презиралъ свою мать, тотъ не долженъ удивляться, что онъ сдѣлался посмѣшищемъ юношества.

Гдѣ уже не вѣрятъ Слову, засвидѣтельствованному Богомъ, не уважаютъ Образа Божія, будутъ ли тамъ уважать лице человѣка, отца, учителя, или начальника?

Таковые суды Божіи суть достойное наказаніе за ложныя и пагубныя ученія, правила и системы, которыя, послѣ того какъ сыны невѣрія презрѣли Слово Божіе, занимаютъ у нихъ мѣсто истины, прикрывшись блескомъ мудрости. Въ устахъ сладки они, но производятъ болѣзнь въ желудкѣ; сначала имъ удивля-

(*) Вѣроятно, сочинитель указываетъ сими словами на какое нибудь происшествіе, случившееся въ его странѣ.

ются и рукоплещутъ, а наконецъ ихъ же проклинаютъ.

Начальство, насаждающее и возращающее ученіе, противное Христіанству, подписываетъ свой собственный приговоръ отверженія. Откройте, братія, очи ваши и посмотрите, что будетъ съ возмутителями, злодѣями, измѣнниками и непослушными: вы еще молоды и можете пережить сіе время. Посмотрите на конецъ ихъ!

Итакъ не будьте сообщниками ихъ!

Въ чемъ не будьте ихъ сообщниками?—Въ тѣхъ же самыхъ пагубныхъ и ложныхъ ученіяхъ, правилахъ и системахъ; въ тѣхъ же ужасныхъ заблужденіяхъ, ради которыхъ приходитъ судъ Божій, подобно тому, какъ изъ ядовитыхъ паровъ скопляются тучи, которыя разражаясь проливаютъ ядъ на землю и опустошаютъ ее. Глубокая чаша полна налита сихъ пагубныхъ заблужденій; она называется *чашею опьяненія народовъ*. Не пейте изъ нея. Блудница великая подноситъ сію чашу, привѣтствуя васъ со здравіемъ и свободою! Пьющій

изъ нея опьянѣетъ; онъ будетъ сообщникомъ ея заблужденій и мерзостей, а потомъ сообщникомъ гнѣва и суда Божія.

Не будьте сообщниками ихъ,

1) потворствуя заблужденіямъ и одобряя оныя. Узнавайте лучше, что угодно Богу. Многіе не сдѣлались бы столь жалкими сообщниками въ великихъ заблужденіяхъ, если бы слѣдовали помянутымъ словамъ Апостола и не согрѣшили первоначально, хваля и потворствуя тамъ, гдѣ бы имъ должно было обнаружить свое огорченіе и негодованіе. Впрочемъ въ какомъ нибудь не богоугодномъ дѣлѣ мало порицать только средства и образъ, какими оно было совершаемо, а самое дѣло, хотя бы оно, при свѣтѣ Евангелія, оказалось грѣховнымъ, одобрять, хвалить и оправдывать. Иначе вы будете хвалить на пр. счастливый мятежъ и порицать неудачный.

Не будьте сообщниками ихъ,

2) распространяя оныя заблужденія устно и письменно. Или вы хотите сдѣлаться говорною трубою лжеца и убій-

цы, не признающаго истины? Ужели вы охотно омакнете перо свое въ чернила злобы и лукавства? Ужели захотите быть лживыми пророками? Что прежде были лжепророки, то нынѣ обольстители, соблазняющіе народъ своими сочиненіями. Прочтите ихъ участь, на прим. Іезек. XIII и XIV.

Не будьте сообщниками ихъ,

3) помогая и содѣйствуя имъ. Чрезъ все сіе вступаемъ мы въ общество возлюбившихъ безплодныя дѣла тьмы и дѣлаемся участниками во всѣхъ грѣхахъ ихъ и наказаніяхъ. Но напротивъ *обличайте* ихъ, говоритъ Апостолъ. Если бы это вездѣ равно было исполняемо съ прямодушіемъ, строгостію и твердостію, безъ пристрастія и боязни, тогда какъ много искоренилось бы зла!..

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ НА 1833 ГОДЪ.